370
Д 308

370
Д-308

Rō gp 17/X-34 r.

На домъ не выдается

РУССКАЯ ПЕДАГОГИКА

ВЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ ЕЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯХЪ.

Опытъ историко-педагогической хрестоматіи.

СОСТАВИЛЪ

М. И. Демковъ,

авторъ „Исторіи русской педагогіи“, Курса педагогики и Исторіи западно-европейской педагогики.

Изданіе 2-е,

исправленное и сокращенное.

Цѣна 1 р. 50 к.

370
Д308
84998

Московская Центральная
Публичная Библиотека

Книгоиздательство К. И. Тихомирова.
Москва, Кузнецкій Мостъ, д. Захарьина.
1915.

МОСКВА.
Типографія **Н. И. Гросманъ и Г. А. Вендельштейнъ**. Маросейка,
Армянскій пер., домъ № 6.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ 1-му изданію.

Намъ кажется, что настало время познакомить русскую образованную публику съ тѣмъ, что сдѣлано русскими въ области педагогической литературы. Продолжительныя занятія наши Исторіей русской педагогіи дали намъ возможность ознакомиться съ самымъ разнообразнымъ педагогическимъ матеріаломъ.

Собирая матеріалы для своей Исторіи, намъ не разъ приходилось жалѣть, что много цѣннаго не можетъ войти въ трудъ. Собранный матеріалъ такъ великъ, что его хватило бы на нѣсколько томовъ. Поэтому у насъ давно жила мысль издать отрывки изъ сочиненій и статей выдающихся русскихъ педагогическихъ писателей и сообщить о нихъ важнѣйшія біографическія и библіографическія данныя, которыя могли бы быть полезны и для любителя педагогіи и просвѣщенія и для практическаго педагога и для учащихся. Съ цѣлью обратить на это вниманіе просвѣщеннаго общества, авторъ предлагаемаго Опыта педагогической хрестоматіи дѣлалъ докладъ въ 1894 г. Педагогическому отдѣлу Харьковскаго Историко-филологическаго общества. Говоря о необходимости возможно скораго составленія и изданія Педагогической Хрестоматіи, мы прибавляли, что «составителю придется обратить главное вниманіе на то, чтобы удѣлить достаточно мѣста важнѣйшимъ идеямъ новыхъ и старыхъ русскихъ педагоговъ. Такая Хрестоматія, знакомя съ первоисточниками, могла бы возбудить у учащейся университетской молодежи охоту и желаніе приняться за самостоятельныя изслѣдованія и работы въ области педагогической литературы, т. е. такія изслѣдованія, до которыхъ все еще у насъ такъ мало охотниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и

молодымъ педагогамъ она дала бы необходимыя точки опоры въ ихъ дѣятельности, безъ которыхъ они, «что корабль безъ гвоздій» [1]).

Благодаря просвѣщенной поддержкѣ К. И. Тихомирова, взявшаго на себя изданіе труда, мы имѣемъ возможность выпустить въ свѣтъ Русскую педагогику въ главнѣйшихъ ея представителяхъ (опытъ педагогической хрестоматіи). Нельзя сказать, чтобы она не имѣла предшественниковъ. Въ 1886 г. въ видѣ приложенія къ журналу «Русскій Начальный Учитель» печатался «Опытъ педагогической хрестоматіи» вып. I-й, Христофора Пахолкова, а затѣмъ въ 1889 г. отдѣльной книжкой вышелъ второй выпускъ. Недавно появился третій выпускъ. Хрестоматія эта составлена добросовѣстно, но главный ея недостатокъ заключается въ томъ, что она совсѣмъ почти не отводитъ мѣста русскимъ педагогамъ до XIX вѣка.

Изъ старыхъ педагогическихъ сочиненій приведены только отрывки изъ поученія Владиміра Мономаха, кое-что изъ И. И. Бецкого, Екатерины II Великой и Ѳ. И. Янковича-де-Миріево. Такимъ образомъ важныя педагогическія сочиненія Симеона Полоцкаго, Г. С. Сковороды, А. А. Прокоповича-Антонскаго и Н. И. Новикова совсѣмъ опущены. Многіе изъ важныхъ авторовъ XIX вѣка также не представлены: кн. П. Енгалычевъ, П. Д. Юркевичъ, С. С. Гогоцкій, В. Я. Стоюнинъ, Н. Г. Дебольскій, А. Н. Острогорскій, П. Ѳ. Каптеревъ и др.

Въ виду этого мы считаемъ болѣе чѣмъ своевременнымъ издать болѣе полную русскую педагогическую хрестоматію, давъ въ ней отрывки изъ лучшихъ мѣстъ педагогическихъ писателей старыхъ и новыхъ и предпославъ имъ краткія біографическія и библіографическія о нихъ данныя.

Хотѣлось бы думать, что такой Опытъ педагогической хрестоматіи привлечетъ вниманіе читателей къ забытымъ или мало извѣстнымъ педагогическимъ писателямъ, возбудитъ интересъ и вкусъ къ занятію педагогическими вопросами и покажетъ, что наша русская педагогическая литература вовсе не такъ бѣдна, какъ принято думать. Вмѣстѣ съ тѣмъ она дастъ пособіе въ руки преподавателей педагогики нашихъ учительскихъ институтовъ, семинарій и педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, не знаю-

---

[1]) См. О задачахъ серьезной педагогической литературы. Труды Педагогическаго Отдѣла Харьков. Историко-Филол. Общества. Вып. II, 1894, ст. 50.

щихъ порой, гдѣ найти необходимыя свѣдѣнія о русскихъ педагогических писателяхъ. У учащихся же возбудить интересъ и вкусъ къ педагогической литературѣ и желаніе поближе познакомиться съ ней.

Что касается источниковъ и пособій, которыми мы пользовались, то въ главныхъ чертахъ они здѣсь приведены; желающихъ же подробнѣе ознакомиться съ этимъ, вопросомъ отсылаемъ къ нашей Исторіи русской педагогіи [1]).

Для біографическихъ и библіографическихъ данныхъ мы пользовались Энциклопедическимъ словаремъ, издаваемымъ Брокгаузомъ и Ефрономъ (доведеннымъ пока до буквы П), Справочнымъ словаремъ о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX стол., составл. Г. Геннади, 2 т., Берлинъ, 1876 и 1880 г., Критико-біографическимъ словаремъ русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала образованности до нашихъ дней) С. Венгерова, Энциклопедическимъ словаремъ Гарбеля (прод. Гранатомъ), а также педагогическими журналами: Гимназія, Педагогическій Сборникъ, Русская Школа, Образованіе, Вѣстникъ Воспитанія и др. и нѣкоторыми отдѣльными изслѣдованіями и книгами, указанными въ текстѣ.

Размѣры предлагаемаго опыта педагогической хрестоматіи вышли довольно значительны, а между тѣмъ въ него не вошелъ рядъ новыхъ русскихъ педагогическихъ писателей, достойныхъ вниманія. Если Русская Педагогика встрѣтитъ сочувственный пріемъ, то мы въ будущемъ надѣемся составить новую педагогическую хрестоматію, въ которую, кромѣ отрывковъ изъ выдающихся западно-европейскихъ педагоговъ-мыслителей, войдутъ біографическія свѣдѣнія и отрывки изъ нѣкоторыхъ русскихъ писателей педагоговъ, не вошедшихъ въ эту книгу. Матеріалъ для нея теперь нами подготовляется.

1898 г. **Составитель.**

---

[1]) Ч. I. Древне-русская педагогія (X—XVII вв.) издана была въ 1895—1896 г. въ видѣ приложенія къ журналу „Гимназія“ и отдѣльною книгою; въ 1899—2-е изд. въ 1913—3-е, исправленное изданіе. Исторія русской педагогіи ч. II (Новая русская педагогія XVIII в.) изд. 1897 г. второе изданіе въ 1910 г. III часть XIX. изд. въ 1909 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ

ко 2-му изданію.

Со времени 1-го изданія «Русской педагогики» прошло много времени. Казалось бы она сыграла свою роль. Но, на самомъ дѣлѣ, съ пробужденіемъ интереса къ педагогическимъ вопросамъ, съ развитіемъ ряда педагогическихъ заведеній въ Россіи, потребность въ историко-педагогической хрестоматіи возрасла еще въ большей степени. Она особенно необходима въ тѣхъ педагогическихъ заведеніяхъ, гдѣ преподаваніе Исторіи русской педагогіи поставлено настолько серьезно, что желательно ближайшее знакомство съ авторами, но нѣтъ времени углубляться въ первоисточники. Поэтому она необходима студентамъ университета, слушателямъ высшихъ педагогическихъ курсовъ (напр. при Управленіи Учебнаго Округа), слушательницамъ высшихъ женскихъ и педагогическихъ курсовъ, воспитанникамъ учительскихъ институтовъ, а равно и гг. преподавателямъ различныхъ учебныхъ заведеній, которые не обладаютъ достаточнымъ досугомъ для изученія первоисточниковъ, а между тѣмъ нуждаются въ знакомствѣ съ главнѣйшими представителями русской педагогики.

Для второго изданія «Русская педагогика» тщательно просмотрѣна и относительно ряда выдающихся русскихъ педагоговъ (арх. Евсевія, Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинскаго, П. Д. Юркевича, барона Н. А. Корфа) пополнена нѣкоторыми новыми отрывками, рядъ авторовъ оставлены безъ перемѣны, нѣкоторые значительно сокращены, и только 4 автора, которыхъ нельзя отнести къ выдающимся русскимъ педагогамъ (хотя въ другихъ областяхъ знанія они достойны полнаго вниманія), вовсе опущены.

Хотѣлось бы, чтобы второе изданіе «Русской педагогики» возбудило интересъ къ забытымъ педагогическимъ писателямъ и послужило толчкомъ къ ряду оригинальныхъ работъ и изслѣдованій въ области русской педагогики, и вообще способствовало бы интересу и любви къ Исторіи русской педагогіи—особенно среди учащихся высшихъ учебныхъ заведеній, готовящихся современемъ сдѣлаться педагогами, способствовать росту и развитію воспитанія, а тѣмъ самымъ силѣ и могуществу Россіи.

3 января 1914 г. **Составитель.**

I.

Поученіе Владимира Мономаха.

Для исторіка русской педагогіи особенно важно уяснить, какими идеалами руководились въ древней Руси, и въ этомъ отношеніи надо обратить особенное вниманіе на драгоцѣнный памятникъ древне-русской письменности «Поученіе князя Владимира Мономаха дѣтямъ». Оно находится въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи подъ 1096 г. Жизнь и дѣянія Владимира Мономаха (1053—1125 гг.) на пользу русской земли достаточно извѣстны изъ исторіи, для насъ же особенно важно превосходное его «Поученіе».

Сочиняя свое «Поученіе», Владиміръ Мономахъ имѣлъ въ виду не только дѣтей своихъ, а также и «иныхъ» людей, кто прочтетъ и «приметъ въ сердце свое» его «грамотицю». Такъ какъ Владиміръ Мономахъ былъ человѣкъ образованный и начитанный, то неудивительно, что на его «Поученіи» замѣтно вліяніе другихъ извѣстныхъ тогда произведеній: весьма вѣроятно, что онъ зналъ «Поученіе дѣтямъ» Ксенофонта и Ѳеодоры, находящееся въ Изборникѣ Святослава 1076 года, кромѣ того онъ пользовался Библіею и Поученіемъ Василія Великаго юношеству. Отъ этихъ заимствованій въ цѣнности Поученіе ничего не теряетъ. Оно замѣчательно тѣмъ, что въ немъ рисуется идеалъ человѣка, какъ его тогда понимали. Главныя свойства человѣка по этому идеалу — человѣколюбіе и трудолюбіе, основанныя на религіозности и благочестіи. Благочестіе и дѣятельность поставляются въ основаніи всего. На такой идеалъ тѣмъ болѣе нужно обратить вниманіе, что онъ съ теченіемъ вѣковъ, распространяясь мало-по-малу, современемъ составилъ идеалъ почти у всего русскаго народа. Успѣхъ, значитъ, состоялъ въ томъ, что идеалъ этотъ значительно выяснился, и изъ великокняжескихъ хоромъ перешелъ въ простые дома крестьянъ и сдѣлался идеаломъ всего

народа. Несомнѣнно, что въ этомъ идеалѣ надо отмѣтить сильное вліяніе христіанства. Въ «Поученіи» Владимира Мономаха, какъ бы въ зародышѣ находятся тѣ педагогическія начала, которыя впослѣдствіи предстояло развить, расширить и углубить русской педагогіи: страхъ Божій и любовь къ человѣчеству поставляется въ основаніе добродѣтели. Владиміръ Мономахъ твердо поставилъ на видъ, что не постъ, не уединеніе, не монашество спасетъ людей, но добрыя дѣла. Въ этомъ же Поученіи кромѣ важности религіозно-этическаго элемента въ жизни человѣческой впервые указывается на цѣнность знанія: «все хорошее узнавъ, вы должны помнить: чего не знаете, тому учитесь». Трудъ поставляется въ обязанность всякому: «человѣкъ долженъ всегда заниматься, гдѣ бы онъ ни находился, въ пути, на конѣ». По возможности, всякій человѣкъ долженъ все самъ дѣлать для себя и не затруднять другихъ излишними заботами о себѣ.

Изъ „Поученія Владимира Мономаха“.

Сѣдя на санехъ, помыслихъ въ души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ дьневъ грѣшьнаго допровади. Да дѣти моя, или инъ кто, слышавъ сію грамотицю, не посмѣйтеся, но кому же любо дѣтій моихъ, а приметъ с въ сердьце свое и не лѣнитеся начьнеть, такоже и тружатися. Первое, Бога дѣля и душа своея, страхъ имѣйте Божій въ сердьци своемь и милостыню творя неоскудьну; то бо есть начатокъ вьсякому добру. Аще ли кому не люба грамотица си, а не поохритаються, но тако се рекуть: на далечи пути, да на санехъ сѣдя, безлѣпицю си молвилъ. Усрѣтоша бо мя съли отъ братья моея на Волзѣ, рѣша: «потъснися къ намъ, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отънемъ; оже ли не пойдеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ». И рѣхъ: «аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити». И отрядивъ я, въземъ Псалтырю въ печали, разгнухъ ю, и то ми ся выня: «въскую печалуеши, душе? въскую смущаеши мя?» и прочая. И потомъ собрахъ словьца си любая, и складохъ по ряду и написахъ: «аще вы послѣдьняя не люба, а передьняя пріимайте...»

По истинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человѣколюбець Богъ милостивъ и премилостивъ. Мы человѣци грѣшьни суще и

смертьни, то оже ны зъло сътворить, то хощемъ и пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а Господь нашь, владѣя и животомъ и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпить, и пакы и до живота нашего, яко отець чадо свое любя, бья, и пакы привлачить е къ собѣ. Такоже и Господь нашь показалъ ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаяньемь, слезами и милостынею; да то вы, дѣти мои, не тяжька заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царьствія не лишитися. А Бога дѣля не лѣпитеся, молю вы ся, не забывайте 3-хъ дѣлъ тѣхъ: не бо суть тяжька; ни одиночьство, ни черченьство, ни голодъ, яко инии добрии терпятъ, но малымъ дѣломъ улучити милость Божью. Что есть человѣкъ, яко помниши и? Великій еси, Господи, и чюдьна дѣла твоя, никакъ же разумъ человѣческъ не можеть исповѣдати чюдесъ твоихъ. И пакы речемъ: великій еси, Господи, и чюдьна дѣла твоя, и благословено и хвально имя Твое въ вѣкы по вьсей земли. Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы Твоея и Твоихъ великыхъ чюдесъ и доброть, устроеныхъ на семь свѣтѣ: како небо устроено, како ли сольньце, како ли луна, како ли звѣзды и тьма и свѣтъ, и земля на водахъ положена, Господи, Твоимъ промысломъ! звѣрье розьноличьнии, и пътица и рыбы, украшено Твоимъ промысломъ, Господи! И сему чюду дивуемься, како отъ персти созьдавъ человѣка, како образи розьноличьнии въ человѣчьскыхъ лицихъ, аще и весь міръ совокупить, не вьси въ одинъ образъ, но кый же своимь лиць образомь, по Божіи мудрости. И сему ся подивуемы, како пътица небесьныя изъ ирья идуть, и первѣе въ наши руцѣ, и не ставяться на одиной земли, но и сильныя и худыя идуть по вьсѣмъ землямъ, Божіимь повелѣньемь, да наполняться лѣси и поля. Вьсе же то далъ Богъ на угодье человѣкомъ, на снѣдь, на веселье. Велика, Господи, милость Твоя на насъ, яже та угодья сътворилъ еси человѣка дѣля грѣшьна. И ты же пътица небесьныя умудрены Тобою, Господи: сгда повелиши, то въспоють и человѣкы веселять Тобе; и сгда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюща онѣмѣютъ. А благословенъ еси, Господи, и хваленъ зѣло, вьсяка чюдеса и ты доброты сътворивъ и съдѣлавъ! Да иже не хвалитъ Тебе, Господи, и не вѣруеть вьсѣмь сердьцемь и вьсею душею во имя Отьца и Сына и Святаго Духа, да будетъ проклятъ. Си словьца прочитаючи, дѣти моя, божественная, похвалите Бога, давъшаго намъ милость Свою, и се отъ худаго моего безумья

наказанье. Послушайте мене; аще не вьсего пріимете, то половину. Аще вы Богъ умякъчить сердьце, и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своихъ рекуще: «яко-же блудьницю и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и насъ грѣшьныхъ помилуй». И въ церъкви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одиную же ночь: аще можете, поклонитеся до земли, али вы ся пачьисть не мочи, а трижды; а того не забывайте, не лѣнитеся; тѣмъ бо ночьнымь поклономъ и пѣньемъ человѣкъ побѣжасть дьявола, и что въ день согрѣшить, а тѣмъ человѣкъ избываеть. Аще и на кони ѣздяче не будеть ни съ кымъ орудья, аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а «Господи помилуй» зовѣте безпрестани, втайнѣ; та бо есть молитва вьсѣхъ лѣпши, нежели мыслите безлѣпицю. Вьсего же паче убогыхъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите и придавайте сиротѣ, и вьдовицю оправьдите сами, а не въдавайте сильнымъ погубити человѣка. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будеть повинень съмерти, а душа не погубляйте никакоя же хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро не кленитеся Богомь, не хреститеся; нѣту бо ти нужа никоея же. Аще ли вы будеть крестъ цѣловати къ братьи, или къ кому, али управивъше сердьце свое, на немъ же можете устояти, то же цѣлуйте, и цѣловавъше блюдѣте, да не преступьни погубите душа своея. Епископы и попы и игумены, съ любовью възимайте отъ нихъ благословленье, и не устраняйтеся отъ нихъ, и по силѣ любите и набъдите, да пріимете отъ нихъ молитву отъ Бога. Паче вьсего гордости не имѣйте въ сердьци и въ умѣ, но рьцѣмъ: съмертни есмы, днесь живи, а заутра въ гробъ; се вьсе, что ны еси вдалъ, не наше, но Твое, поручилъ ны еси на мало дьній. И въ земли не хороните, то ны есть велик грѣхъ. Старыя чьтите яко отьца, а молодыя яко братью. Въ дому своемь не лѣпитеся, но вьсе видите; не зьрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣються приходящеи къ вамъ, и дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не лѣпитеся, не зьрити на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью; и сторожа сами наряживайте, и ночь отъвьсюду нарядивъше, около вой тоже лязите, а рано встанѣте, а оружья не снимайте съ себѣ, вборзѣ не розглядавъше, лѣнощами въезапу бо человѣкъ погыбаеть. Лъжа блюдитеся и пьяньства.....; въ томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемь по своимь землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да

не кляти васъ начнуть. Куда же пойдете, идѣже станете, напойте, накормите уне ина; и болѣе же чьтите гость, откуду же къ вамъ придеть, или простъ, или добръ, или соль; аще не можете даромь,— брашьномь и питьемъ: ти бо мимоходячи прославять человѣка по вьсѣмъ землямъ любо добрымь, любо злымь. Больнаго посѣтите; надъ мертвеца идѣте, яко вьси мертвени есмы; и человѣка не миньтѣ не привѣчавъше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конець вьсему, страхъ Божій имѣйте выше вьсего. Аще забываете вьсего, а часто прочитайте: и мнѣ будеть безъ сорома, и вамъ будеть добро. Его же умѣючи, того не забывайте добраго, а его же не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отець мой, дома сѣдя, пзумѣяше 5 языкъ. Въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земль. Лѣпость бо вьсему мати, еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить; добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе. Первое къ церкъви: да не застанеть васъ солнце на постели. Тако бо отець мой дѣяшеть блаженый и вьси добріи мужи съвершенїи. Заутренюю отдавше Богови хвалу, и потомь солнцю въсходящю, и узрѣвше солнце, и прославити Бога съ радостью рекуще: просвѣти очи мои Христе Боже, и далъ ми еси свѣтъ Твой красьный; и еще, Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ грѣховъ своихъ покаявъся, оправьдивъ животъ, тако похвалю Бога. И сѣдъше думати съ дружиною, или люди оправливати; или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть отъ Бога присуждено полудьне; вотъ чинъ бо почиваеть и звѣрь, и пътица, и человѣци...

Еже было творити отроку моему, то самъ есмь сътворилъ дѣла, на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая себѣ упокоя. На посадьникы не зьря, ни на бирича, самъ творилъ, что было надобѣ; весь нарядъ и въ дому своемь, то я творилъ есмь, и въ ловьчихъ ловьчїй нарядъ самъ есмь держалъ, и въ конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястребѣхъ. Тоже и худаго смерда и убогыя вдовица не далъ есмь сильнымъ обидѣти, и церковьнаго наряда и службы самъ есмь презиралъ. Да не зазьрите ми, дѣти моя, ни инъ кто прочтеть: не хвалю бо ся, ни дерзости своея, но хвалю Бога и прославляю милость его, иже мя грѣшьнаго и худаго селико лѣтъ съблюдъ отъ тѣхъ часъ съмертьныхъ, и не лѣнива мя былъ сътворилъ худаго на вься дѣла человѣчьская потребьна. Да сію грамотицю прочитаючи, потъспѣется на вься

дѣла добрая, славяще Бога съ святыми Его. Съмерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасть,—оже бо язъ отъ рати и отъ звѣри, и отъ воды, отъ коня съпадаяся; то никто же васъ не можетъ вредити ся и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно; а иже отъ Бога будетъ съмерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могутъ отъяти; но аче добро есть блюсти, Божіе блюденье лѣплѣ есть человѣчьскаго [1]).

II.

Древне-русская Пчела.

Основная цѣль почти всѣхъ древне-русскихъ сборниковъ — доставить назидательное чтеніе; они читались и многократно переписывались; мысли, проводимыя ими нечувствительно входили въ воззрѣнія грамотныхъ людей того времени. Пчелу, если и можно назвать сборникомъ, то не въ томъ смыслѣ, въ какомъ называется этимъ словомъ Златоустъ или Измарагдъ; это антологія, составленная не изъ отдѣльныхъ статей, имѣющихъ самостоятельное значеніе, а изъ афоризмовъ, краткихъ изреченій разныхъ писателей, изреченій, распредѣленныхъ по содержанію на отдѣльныя главы или рубрики.

Пчела, какъ извѣстно, была любимѣйшею книгою въ древней Руси, многократно переписывалась, дополнялась и измѣнялась. Она оказывала довольно значительное вліяніе не только на древне-русскую литературу, но и на нравственныя и педагогическія воззрѣнія древней Руси. Пчела существуетъ во множествѣ списковъ отъ XIV до XVII вв. и заключаетъ въ себѣ изреченія, выбранныя изъ Св. Писанія, твореній св. Отцовъ и классическихъ писателей: Платона, Сократа, Пиѳагора, Аристотеля и мн. др. Одни Пчелы переведены съ греческаго; другія—русскаго состава.

Сравнительно недавно, благодаря трудамъ г. В. Семенова, издана Древняя русская Пчела по пергаментному списку, относящемуся къ XIV—XV вв. (Спб. 1893 г.), отсюда мы и приведемъ важнѣйшія нравственныя и педагогическія идеи.

---

[1]) Взято изъ Лаврентьевскаго списка 1377 г.

Отрывки изъ „Пчѳлы“.

1) Апостолъ. Не одолѣи злобою благодаті, но одолѣи благодатию злобѣ (ст. 1).

2) Не твори зла и не постигнетъ тебя зло (ib).

3) Дімократъ. Подобае писанье твердо имѣти, а дѣла свѣтла, и равенъ будеши Богу, аще не створиши ничтоже недостойно ему (ст. 12).

4) Медляя починаи дѣло, поченже въ борзѣ кончаи (ib).

5) Ѳеологъ. Нѣкто рече отъ златолюбець сице: уне мі имѣти каплю вазні, нежели ботарь ума, ему же отвѣщавъ любомудрець и рече: абы ми капля ума, негли глубина вазни (ст. 17).

6) Златоустъ рече: источникъ и мати и коренье мудрости добродѣтель есть, а все лукавьство от безумьа починаеться (ст. 17).

7) Ѳилон. Мудрость надо всѣми добродѣтелми царствуетъ, единъ же мудрокъ свободенъ есть и царь, аще и тысяща есть владыкъ тѣла его (17—18 ст.).

8) Апостолъ рече: Буди всякъ человѣкъ скоръ на послушание, а лѣнивъ на глаголание, и аще кто словомъ не согрѣшаетъ, то совершенъ есть, мога обуздати все тѣло свое (ст. 147).

9) Уча учи правомъ, а не словомъ, иже словомъ мудръ, а дѣла его несовершена, то хромъ есть, а иже языкъ доброглаголивъ имѣетъ, а душа его непоставъна и ненаказана, то неприятенъ есть, но то правыи, иже мало о добродѣяныи глаголеть, а добродѣянья добрѣ являеть и прілагаеть вѣру къ своему ученію житьемъ своимъ (ст. 148).

10) Уне есть не разумѣти добромъ, нежели учитися съ зломъ: онъ бо не умѣя отвѣщати скоро на покореньс придеть, се же неправъ отвѣтъ от свосю утробы съзидаетъ, а права ученьа въ борзѣ не можеть въспрнять (ст. 149).

11) Исидора. Добро житье безъ ученья паче пользуеть, нежели ученне безъ добра житья. Ово бо и молча пользуеть, ово же аще и вопиеть, то болѣ смущаеть, а смуже и слово и добро житье совокупистася то того душа украситься всѣмъ образомъ философьскымъ и благовидѣніемъ (ст. 150).

12) Дѣи словесная, а не глаголи дѣяния (ib).

13) Менандръ. Уши свои не ко всѣмъ приклоняи словомъ, слово бо зло злу дѣлу наставникъ есть (ст. 155).

14) Епихарии рече: учитель нравомъ да покоритъ ученика, а не словомъ (ib).

15) Святого Василья. Насильно ученне не можетъ твердо быти, съ радостию же и веселиемъ входя твердо прилежитъ къ душамъ вънимающимъ (ст. 157).

16) Златоустъ. Якоже и земля руками ратайскыми долго не дѣлана, то яко цѣлина есть и древомъ поростетъ, такжо и душа не приемлюща духовнаго (и) ученпя терньемъ и волчьцемъ порастетъ (ст. 158).

17) Святаго Василья. Съ тяжкимъ трудомъ съ радостью прпято есть и съхранено, а еже добыто безъ труда, скоро преобидяться (ст. 269).

18) Евагрии. Блудный есть мужъ то иже чести ищетъ собѣ, а страды бѣгаетъ, от неяже и честь ростетъ (ст. 270).

19) Апостолъ. Отъложьше лъжю, глаголъте истину кождо васъ ближньнему своему, яко есмы другъ другу удеса (ст. 281).

20) Плутарх. Мѣра вѣсомъ, а истина мудрыми словесы исправиться (ст. 283).

21) Григорій. Красота граду мудрость съ мужьствомъ, а тѣлу украшение, и душѣ слово мудро, а вещи добродѣяния, а слову истина, супостатъ же имъ бещестье есть (ст. 289).

22) Святаго Василья. Иже не имѣетъ покоренья и смѣренья ко всѣмъ, то охулим не може гнѣва удержати, ни печали терпѣньемъ отпати (ст. 315).

24) Нилъ. Блаженъ мужь, иже имѣеть житье высоко, умъ же смѣренъ (ст. 316).

25) Димокритъ. Имъ же нравъ есть доброчинень, тѣмъ и житие подобно (ст. 347).

III.

Домострой.

Къ XVI в. относится замѣчательный памятникъ русскаго быта Домострой, имѣвшій притомъ большое педагогическое значеніе, такъ какъ по Домострою воспитывался цѣлый рядъ поколѣній, Домострой есть книга, въ которой, какъ показываетъ самое названіе, собраны правила домашняго строя, домашней или семейной жизни. Составленіе этого руководства приписываютъ извѣстному руководителю царя Іоанна Грознаго священнику Сильвестру. Новѣйшіе изслѣдователи того мнѣнія, что Сильвестръ не былъ авторомъ Домостроя и что Домострой слагался по частямъ въ разное время и различными лицами; въ XVI столѣтіи правила эти были соединены въ одно цѣлое сочиненіе, какъ предполагаютъ въ Новгородѣ, причемъ составитель имѣлъ главнымъ образомъ въ виду богатый боярскій домъ. Сильвестръ, вѣроятно, сократилъ новгородскій изводъ, примѣнилъ его къ московскимъ обычаямъ и прибавилъ къ нему главу: «Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну». Такимъ образомъ Домострой дошелъ до насъ въ двухъ видахъ или изводахъ.

Въ Домостроѣ выражается не частный взглядъ одного человѣка и даже не воззрѣнія и правила только одной эпохи XVI в. Въ немъ излагаются обычаи, образовавшіеся издавна, въ теченіе всей древне-русской жизни, преподаются наставленія, составившіяся подъ вліяніемъ всей древне-русской письменности. Тѣсная связь Домостроя и особенно первый его 25 главъ съ памятниками древней письменности несомнѣнна. Домострой, говоритъ г. Забѣлинъ [1]) есть зерцало, въ которомъ мы наглядно можемъ изучать и раскрывать всѣ, такъ сказать, подземныя силы нашей исторической жизни. Это зерцало нашего древняго домашняго быта, зерцало общества и общественности. Предъ этимъ зерцаломъ, то есть подъ его сильнѣйшимъ вліяніемъ, совершилась постройка и нашего государства, которое въ

---

[1]) Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII вв.

своемъ существѣ и до сихъ поръ еще носитъ много тѣхъ же началъ и тѣхъ же положеній и опредѣленій жизни, какими исполненъ этотъ многовѣковой источникъ нашего развитія. Такимъ образомъ это памятникъ можно сказать громаднаго значенія для исторіи и потому важно познакомиться съ педагогическими взглядами Домостроя.

И такъ несомнѣнно, что Домострой игралъ громадную роль въ XVI и XVII вв. и даже гораздо позже; но, давая на все подробныя и точныя правила, онъ заключалъ жизнь въ очень тѣсныя рамки, мѣшалъ ея свободному развитію. Вліяніе школы-семьи было непрерывное, постоянное; но древняя русская школа-семья не способствовала всестороннему развитію личности, порой подавляла ее, и въ этомъ ея важный недостатокъ. Возьмемъ изъ Домостроя 19 и 21 главы.

Како дѣтей своих воспитати во всяком наказаніи и страсе божіи [1]).

А пошлет Богъ у кого дѣти, сынове и дщери, и имѣти попеченіе отцу и матери о чядех своих, снабдѣти и воспитати в добре наказаніи, і учити их страху божію, і вѣжеству, і всякому благочинію, і по времени, по дѣтем смотря и по возрасту, учити их рукодѣлію, отцу сынов, а матере дщери, кто чему достоин, каков, кому просуг дасть Богъ, а любити их и беречи и страхомъ, спасати, уча и наказуя, и разсуждая и раны возлагати. Наказуй дѣти во юности, покоятъ на старостъ твою. И хранити и блюсті о чистотѣ телесной, і отъ всякого грѣха, якоже зеницу ока, якоже своея душа. Аще что дѣти съгрѣшатъ, отцовымъ и материнымъ небреженіемъ, і о тѣх грѣсѣхъ отвѣтъ дати самем въ день страшнаго суда, аще дѣти небрегомы будут, і винѣ наказанія отца и матери, аще съгрѣшат или что зло сотворят, отцу и матери и з дѣтми от Бога грѣх, а от людей укоръ и посмѣх, а имѣнію тщета, а себѣ скорбь, а отъ судей продажа и срамота, аще у богобоязнивых родителей и у разумных и разсудных чяда воспитани в страсѣ божіи і въ добрѣ наказаніи, и во благоразсудном ученіи всякому разуму, і вѣжеству, и промыслу, и рукодѣлію, и тѣ чяда съ родители своими бывают от Бога помилованы, а от священнаго чина благословени, і от добрых людей хвалими, і сгда будут в совершене возрасте, и добрые люди с радостію и с благодареніемъ сынове у них женятъ, и дщери даютъ, прибирая по своей верстѣ и по суду божію.

---

[1]) Глава 19 изъ Домостроя по списку Импер. Общ. Истор. и Древн. Россійскихъ. М. 1882 г.

Аще от таковыхъ которое чядо Богъ возметъ, въ покаяніи и съ причастіемъ, то отъ родителю бескверная жертва Богу приносится, і в вѣчныя кровы вселяются, и имѣют дерзновеніе у Господа милости просить і оставленія грѣхов о родителех своихъ.

Како дѣтей учити и страхом спасати [1]).

Казни сына своего от юности его, и покоит тя на старость твою, дастъ красоту души твоей, і не ослабеи бья младенца, сице бо жезлом бьеши его, не умретъ, но здравіе будет, ты бо бья его по тѣлу, душу его избавиши от смерти, дщерь ли имаши, положи на неи грозу свою, и зблюдеші ея от телесных, да и не посрамиши лица своего, да в послушаніи ходят, да не свою волю пріимши, і в неразуміи прокудит дѣвство свое, і сотворит тя знаемым твоим в посмѣх, и посрамятъ тя при множествѣ народа, аще бо отдаси дщерь безпорока, то яко велико дѣло свершив, і посрѣд збора похвалишис, і при конци не постонеш на ню. Любяй же сына своего учящай ему раны, да последи о нем возвеселишис, казни сына своего измлада, і порадуешис о нем в мужествѣ, посредѣ злых восхвалишис, і зависть пріимут враги твоя, воспитати дѣти с прещеніем, обрящеши от них покой и благословеніе, не смѣися игры творя к нему вмалѣ, вмалѣ бо осклабишис, а в велици поболиши скорбя, і последи яко оскомиши [2]) твориши души твоей, и не дай же ему власти во юности, но сокруши ему ребро, донелиж растетъ, да ожесточявъ не повинеттися, і будет ти от него досаженіе и болѣзнь души, і тщета домови, і погибель имѣнію, і укоризна от сусѣдъ, и посмѣхъ предъ враги, і пред властели платеж, и досада зла. Аще дѣти свои воспитаете в страсе божіи і в поученіи, і во всякомъ наказаніи, і до совершена возраста сохраниши ихъ во всяком цѣломудріи і в чистотѣ тѣлеснои, і законнаго брака сочетаеши со благословеніемъі, і устроиши, і будут наслѣдници имѣніи твоему, і дому, і всему стяжанію твоему, яже имаши, і упокоятъ тя на старост твою, і по смерти вѣчную память сотворятъ родителемъ своим, і сами во благословеніи пребудут в- вѣки, і от Бога великую мзду получят в сем вѣцѣ і въ будущем, пребывающе въ заповѣдех господних.

---

[1]) Глава 21.

[2]) Въ друг. сп.: оскоминоу сотвориши.

IV.

Уставъ Луцкой школы [1]).

Волею Божіей, мы всѣ совокупно братія о Христѣ храма Воздвиженія честнаго и животворящаго Креста Господня, граждане Луцкіе, желая имѣть надлежащее устройство въ семъ училищѣ, къ учащимъ въ немъ Славянскому и Рускому писанію придали еще двухъ мужей отъ нашей братіи, для всякаго наблюденія, и чтобы всякій безпорядокъ, противный постановленію сего устройства, исправляли они дѣломъ и словомъ: что и да будетъ извѣстно каждому, хотящему на опытѣ увидѣть устройство сего училища, или отдать свое дитя для обученія.

Статья I. Даскалъ, или учитель сей школы долженъ быть благочестивъ, разсудителенъ, смиренномудръ, кротокъ, воздержливъ, не пьяница, не блудникъ, не лихоимецъ, не гнѣвливъ, не завистливъ, не смѣхотворецъ, не сквернословъ, не чародѣй, не баснословитель, не пособникъ ересей, но споспѣшникъ благочестія, во всемъ представляя собою образецъ благихъ дѣлъ. Въ такихъ добродѣтеляхъ да пребываютъ и ученики, какъ ихъ учитель. Къ такому учителю кто-либо, приводя и отдавая на науку сына и другихъ, долженъ взять съ собою одного или двухъ сосѣдей, «да при устѣхъ квою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ», и сдѣлать съ учителемъ постановленіе о наукѣ и о всемъ порядкѣ, сообразно реестру сему, ниже написанному. И долженъ прежде всего быть прочитанъ ему тотъ реестръ, дабы зналъ, какимъ образомъ будутъ учить его сына, и чтобы не препятствовалъ ему въ томъ порядкѣ; по всѣми мѣрами содѣйствовалъ дѣтямъ въ наукѣ, приводя ихъ въ послушаніе учителю, какъ истинный отецъ, желающій видѣть утѣшеніе и благой плодъ трудовъ. Потомъ имѣетъ онъ, по обыкновенію, записаться въ списокъ.

---

[1]) 1624. (Второй уставъ).

Статья 2. А учитель, взявъ порученное ему дитя, долженъ заботливо учить его полезнымъ наукамъ; за непослушаніе наказывать, но не тирански, а наставнически; не сверхъ мѣры, а по силамъ; не съ буйствомъ, а кротко и тихо; не только мірски, но и выше мірскаго. И чтобы онъ, по своей небрежности, зависти или лукавству, не остался виновенъ ни за одного ученика предъ Богомъ Вседержителемъ, а также предъ родственниками ученика и предъ нимъ самимъ, если бы отнялъ у него время и занялъ его чѣмъ инымъ. Ибо сказано: «лукавый рабъ и лѣнивый, подобаше ти вдати сребро мое торжникомъ и пришедъ азъ взялъ быхъ свое съ лихвою». И еще щадитъ жезлъ свой, ненавидитъ сына своего. И еще: «аще безъ наказанія есте, убо прелюбодѣйчища есте, а не сынове».

Статья 3. Садиться каждый долженъ на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, назначаемомъ по успѣхамъ. Кто больше будетъ знать, долженъ сидѣть выше, хотя бы и весьма былъ бѣденъ; а кто меньше будетъ знать, долженъ сидѣть на низшемъ мѣстѣ.

Статья 4. Богатые предъ убогими въ школѣ ничѣмъ не могутъ быть выше, какъ только наукою; а по внѣшности равны всѣ. Ибо всѣ мы братія о Христѣ; всѣ мы члены одной главы Христа; и ни одинъ членъ, напримѣръ глазъ рукѣ и рука ногѣ, не можетъ сказать: ты мнѣ не нужна.

Статья 5. Учитель долженъ и учить, и любить дѣтей всѣхъ одинаково, какъ сыновей богатыхъ, такъ и сиротъ убогихъ, и тѣхъ, которые ходятъ по улицамъ, прося пропитанія. Учить ихъ, сколько кто по силамъ научиться можетъ, только не старательнѣе объ однихъ, нежели о другихъ. Ибо сказано: «просящему у тебе дай, и хотящему у тебе взяти не отврати». И еще: «Богъ хощетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины прійти».

Статья 6. Сходиться въ школу мальчики должны въ опредѣленное время, т.-е. въ большіе дни, чтобы всѣ были къ 9-му часу; точно также и въ меньшіе дни, какъ установитъ учитель. И отпускать ихъ послѣ ученія домой, также въ опредѣленный часъ. Ибо сказано: «все да дѣйствуется во славу Божію и въ подобное время».

Статья 7. Каждое утро учитель долженъ тщательно наблюдать, чтобы, если какого мальчика не будетъ, тотчасъ же послать за нимъ и узнать причину, по которой не пришелъ: не занялся ли гдѣ игрою; не залѣнился ли дома; не спалъ ли сверхъ мѣры, и потому не пришелъ въ школу. Обо всемъ томъ должны развѣдать и при-

вести его въ школу. Ибо написано: «овѣхъ страхомъ (и принужденіемъ) спасайте»:

Статья 8. По утру всѣ, сошедшись въ назначенный часъ, не должны начинать ученія, пока не прочтутъ молитвъ и обычнаго предисловія. Ибо сказано: «Въ началѣ дѣла твоего Бога помнай».

Статья 9. Дѣти въ школѣ должны быть раздѣлены на трое: одни, которыя будутъ учиться распознавать буквы и складывать; другія, которыя будутъ учиться читать и выучивать наизусть разные уроки; третьи будутъ пріучаться объяснять читанное, разсуждать и понимать. Ибо сказалъ св. Павелъ: «Егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовалъ, яко младенецъ смысляхъ, егда же бѣхъ бѣхъ отвергохъ младенческая».

Статья 10. По утру послѣ молитвъ, прежде всего каждый долженъ говорить вчерашній урокъ свой и показать свое писанье, какое писалъ дома, и изложеніе своего урока; а потомъ должны учиться по частямъ псалтыри или грамматикѣ съ разборами, и инымъ многимъ полезнымъ наукамъ, какъ усмотритъ на то время учитель, сообразно съ потребностью.

Статья 11. Послѣ обѣда мальчики, каждый для себя, должны списывать на таблицѣ свои уроки, заданные имъ отъ учителя, исключая малолѣтнихъ, которымъ учитель самъ обязанъ писать. А выучивъ въ школѣ трудныя слова, должны другъ друга спрашивать, отходя домой, или собираясь въ школу. А вечеромъ, пришедши изъ школы домой, дѣти передъ родственниками, а посторонніе всякаго сословія ученики, живущіе на квартирахъ, передъ своимъ хозяиномъ, должны прочитать тотъ урокъ, который въ школѣ учили, съ объясненіемъ его, какъ то бываетъ въ школѣ. А что учили въ тотъ день, должны списать вечеромъ на дому и принесть въ школу по утру, и показать своему учителю, дабы всякій плодъ ученія былъ извѣстенъ. «Отъ плода бо древо познано будетъ».

Статья 12. Учитель обязанъ будетъ учить и на письмѣ имъ предлагать: отъ Святаго Евангелія, отъ книгъ Апостольскихъ, отъ всѣхъ пророковъ, отъ ученія святыхъ отцевъ, отъ философовъ, поэтовъ, историковъ и прочая. «Елика бо преднаписана быша, въ наше наказаніе преднаписашася».

Статья 13. Въ субботу должны повторять все, чему учились въ продолженіе недѣли. И должны учиться пасхаліи, и лунному те-

ченію, и счету, и вычисленію, или правиламъ церковнаго пѣнія. «Всяко писаніе богодухновенно и полезно есть ко ученію».

Статья 14. Послѣ обѣда въ субботу, учитель обязанъ не малое время и гораздо больше, чѣмъ въ прочіе дни, бесѣдовать съ дѣтьми, поучая ихъ страху Божію и чистымъ юношескимъ нравамъ: какъ они должны быть въ церкви предъ Богомъ, въ домѣ передъ родными своими, и какъ имъ вездѣ сохранить добродѣтель и цѣломудріе, т.-е. передъ Богомъ и святыми Его почитаніе и страхъ, передъ родными и учителемъ послушаніе, передъ всѣми вообще покорность и уваженіе, а сами въ себѣ чистоту и добродѣтель. И сіи наставленія должны быть заново внушаемы дѣтямъ; для чего не будетъ имъ мѣшать и памятнаго по школьной чашѣ испивать. Ибо писано: «любяй сына прилежнѣе паказуетъ, а не любяй щадитъ жезла». И еще: «безуміе виситъ на сердцѣ юнаго, жезлъ же и паказаніе далече отгонитъ отъ него». «Вливаютъ вино новое въ мѣхъ новый, и обое соблюдется».

Статья 15. Въ воскресеніе и праздники Господскіе, пока пойдутъ къ литургіи, учитель обязанъ со всѣми бесѣдовать и наставлять ихъ о томъ праздникѣ или святомъ днѣ, и учить ихъ волѣ Божіей. А послѣ обѣда долженъ всѣмъ изъяснить праздничное Евангеліе и Апостолъ. Ибо сказано: «Блаженъ—иже въ законѣ Господни поучается день и нощь».

Статья 16. Двухъ или четырехъ мальчиковъ, въ каждую недѣлю иныхъ, по порядку назначать должно для наблюденія: отъ чего ни одинъ не можетъ отказываться, когда до него дойдетъ очередь. Дѣло ихъ будетъ: пораньше придти въ школу, подмести школу, затопить въ печкѣ и сидѣть у дверей; и знать обо всѣхъ, кто выходитъ и входитъ, они должны записывать и доносить о тѣхъ, которые бы не учились, шалили, или въ церкви безчинно стояли, или домой идучи не вели бы себя пристойно. Ибо сказано: «блюдите убо, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри; искупующе время, яко дніе лукави суть».

Статья 17. Если бы какой мальчикъ одинъ день ходилъ въ школу, а другой пропускалъ, и такимъ образомъ только тратилъ бы время, числясь въ училищѣ, такового больше не принимать; потому что и знахарь, если бы больного одинъ день лѣчилъ, а въ другой пропускалъ, то вмѣсто излѣченія, повергъ бы его въ большую болѣзнь. Ибо сказано: «отлучатися вамъ отъ всякаго брата безчинно ходяща».

Статья 18. Учитель и братія строители школьные, должны напоминать родителямъ объ ихъ сыновьяхъ, а хозяевамъ о порученныхъ имъ и сторонихъ дѣтяхъ, чтобы дѣти дома поступали сообразно съ порядкомъ ученія школьнаго, показывая тѣмъ образованность и приличную лѣтамъ своимъ людскость передъ всякимъ сословіемъ. И если бы что противное образованію оказалось въ дѣтяхъ, имѣетъ быть изслѣдовано; а если бы учитель своимъ нерадѣніемъ, или родственники хозяина безпорядкомъ своимъ препятствовали наукѣ и благимъ правамъ, то виновный имѣетъ подлежать отвѣтственности.

Статья 19. Если бы также кто захотѣлъ взять своего сына отъ учителя, для какой иной надобности, то долженъ взять его не заочно и не черезъ другихъ, а самъ лично, и при тѣхъ же одномъ или двухъ лицахъ, при которыхъ отдалъ его въ ученіе, дабы своимъ безпорядочнымъ поступкомъ не сдѣлать оскорбленія ни ученику и себѣ самому, ни учителю, что отобралъ у него ученика безъ объясненія причины, когда такой порядокъ соблюдаютъ и всѣ другіе ремесленники. Ибо не только сына, но и слугу поручаютъ ремесленнику, при людяхъ и порядкомъ; и потомъ, когда чему научится, тѣмъ болѣе не хотятъ пренебрегать таковымъ порядкомъ; но собравши многихъ, одобряютъ постоянство и терпѣливость родныхъ и его самого. Тогда и мастеру бываетъ великое удовольствіе, что видитъ ученика своего не послѣднимъ. И сіе гораздо болѣе должно наблюдать въ училищахъ и у людей христіанскихъ. Ибо писано: «Всякъ дѣлаяй злая не приходитъ къ свѣту; творяй же истину грядетъ къ свѣту, да явятся дѣла его, яко о Бозѣ суть сдѣлана».

Статья 20. Если бы самъ учитель, или кто изъ учениковъ его, былъ виновникомъ такихъ поступковъ, которыхъ законъ не только не предписываетъ, но еще запрещаетъ: былъ бы, напримѣръ, блудникъ, пьяница, воръ, кощунъ, нерадивецъ, сребролюбецъ, клеветникъ, гордецъ; такой отнюдь не долженъ быть здѣсь не только учителемъ, но даже и жителемъ. «Да не соблазните сказалъ Спаситель «ни единаго отъ малыхъ сихъ вѣрующихъ во имя мое». Ибо будучи самъ противникомъ заповѣдей Господнихъ, какъ можетъ другихъ сохранить въ цѣломудріи и наставить на пользу? Самъ Господь сказалъ: «не можете добрѣ глаголати зли суще». И еще: всяко древо еже не творитъ плода добра, посѣкаютъ и въ огнь вметаютъ».

Примѣчаніе.

Школы Словенской ученіе начинается такъ: сперва научаются складывать буквы; потомъ обучаются грамматикѣ; при томъ учатся церковному порядку, чтенію, пѣнію. Также пріучаютъ ежедневно, чтобы дѣти одинъ другого спрашивали по-гречески, а отвѣчали бы по-словенски; и также чтобы спрашивали по-словенски, а отвѣчали бы на простомъ языкѣ (абы дѣти единъ другого пыталъ по грецку абы ему отповѣдалъ по словенску, и тыи пытаются по словенску, абы имъ отповѣдано по простой мовѣ). Но вообще они не должны между собою разговаривать на одномъ простомъ языкѣ, но на словенскомъ и греческомъ. И такимъ образомъ ныпѣ тому учатся, приступая къ высшимъ наукамъ: къ діалектикѣ и риторикѣ, которыя переведены по словенски. На русскомъ языкѣ написаны діалектика и риторика и другія философскія сочиненія, принадлежащія къ школѣ. (Изъ Луцкаго сборника).

На полѣ, противъ словъ «составися школа кгрецкая» (ст. 96) есть старинная приписка по польски, что мурованная (каменная) школа въ монастырѣ братскомъ построена 1620 г. [1]).

V.

Симеонъ Полоцкій.

Симеонъ Петровскій-Ситіановичъ, прозванный во время жизни своей въ Москвѣ Полоцкимъ, родился въ декабрѣ 1629 года, по всей вѣроятности, въ Полоцкѣ. Учился въ кіево-могилянской коллегіи. По окончаніи курса возвратился на родину, принялъ монашество съ именемъ Симеона и сдѣлался дидаскаломъ въ братскомъ училищѣ Полоцкаго Богоявленскаго монастыря и въ досужее время любилъ писать стихи. Въ 1656 г., во время пріѣзда въ Полоцкъ царя Алексѣя

[1]) См. Памятники, изданные временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ Высочайше утвержденною при Кіевскомъ военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ, т. I, изд. вт., 1848 г.

Московская Центральная Публичная Библиотека

Михайловича, Симеонъ говорилъ привѣтственную рѣчь въ стихахъ и этимъ, вѣроятно, обратилъ на себя вниманіе. Въ 1664 г. онъ переселился въ Москву, а въ 1667 году ему было поручено воспитаніе царевича Алексѣя Алексѣевича. Когда же въ 1669 г. царевичъ этотъ умеръ, Симеонъ перешелъ въ качествѣ наставника къ брату его Ѳедору. Подъ его же вліяніемъ воспитывалась и царевна Софія.

Предметы, которымъ Симеонъ Полоцкій обучалъ дѣтей, были: латинскій языкъ, піитика съ реторикой и богословіе; царевичъ Алексѣй въ особенности успѣвалъ по-латыни, а царевичъ Ѳедоръ обнаружилъ успѣхи въ русскомъ стихотворствѣ. Симеонъ написалъ «Вертоградъ многоцвѣтный» (1678 г.), сборникъ стихотворныхъ произведеній, «Псалтырь Рифмотворная», Букварь (1679 г.) и два объемистыхъ сборника проповѣдей «Обѣдъ душевный» (1681 г.) и «Вечеря душевная» (1683 г.). Воспитаніе, ученіе и обличеніе народныхъ суевѣрій были обычными темами его проповѣдей. Ему же нѣкоторые ученые приписываютъ открытіе въ Москвѣ Спасской школы для грамматическаго и латинскаго ученія.

Педагогическіе взгляды такого лица, какъ Симеонъ Полоцкій, сами по себѣ интересны, но интересъ къ нимъ усугубляется въ виду одного обстоятельства. Извѣстный знатокъ древней русской литературы, Н. А. Лавровскій, напечаталъ въ Чтеніяхъ Имп. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, при Московск. Унив. 1861 г. (іюль—сентябрь, отд. III матер. славян.) *Памятники старинаго русскаго воспитанія*, гдѣ цѣликомъ привелъ сохранившееся предисловіе къ рукописному педагогическому сборнику конца XVII в. (рукопись эта хранится нынѣ въ Спб. Имп. Публ. Библ. подъ № 327). По мнѣнію Н. А. Лавровскаго: «Это драгоцѣнный педагогическій сборникъ конца XVII в., служившій, безъ сомнѣнія, руководствомъ не только для старинныхъ русскихъ воспитателей, но и для дѣтей. Это—работа книжнаго человѣка конца XVII в., какимъ былъ почтенный воспитатель П. М. Черкасскаго, работа самостоятельная, по крайней мѣрѣ, по размѣщенію большею частію уже готоваго педагогическаго матеріала и по примѣненію послѣдняго къ данному частному случаю». Н. А. Лавровскій не указываетъ, кто былъ авторомъ указаннаго педагогическаго сборника и только предполагаетъ, что такимъ авторомъ могъ быть кто-нибудь изъ кіевскихъ ученыхъ, жившихъ въ концѣ XVII в. въ Москвѣ. Внимательное изученіе «Обѣда душевнаго» и «Вечери душевной» Симеона Полоцкаго при-

вело насъ къ тому убѣжденію, что предисловіе къ сборнику XVII в. есть не что иное, какъ сводъ педагогическихъ взглядовъ и мыслей Симеона Полоцкаго, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ его «Обѣда душевнаго» и «Вечери душевной». Въ виду важности факта, мы и рѣшились здѣсь напечатать почти цѣликомъ педагогическіе взгляды Симеона Полоцкаго въ томъ порядкѣ, въ какомъ они находятся въ предисловіи къ сборнику XVII в., приведенному Н. А. Лавровскимъ, съ тою только разницею, что утраченный конецъ предисловія мы возстановляемъ, взявъ изъ «Обѣда душевнаго» ст. 546 и 547. «Четвертая и послѣдняя вещь, еже родителемъ, отъ младыхъ ногтей, отъ сосцу матерню страху Божію обучати младенцы своя» и т. д. до конца [1]).

Педагогическіе взгляды Симеона Полоцкаго.

Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, читателю благочестивый, но о всякомъ глаголѣ, изходящемъ изъ устъ божіихъ, рече превѣчная правда ко лжи отцу діаволу, егда его алчна во пустыни, искушаше лукавый каменіемъ, глаголя: рцы да каменіе се хлѣбы будутъ. («Обѣдъ душ.» ст. 5). Предложи же ему отвѣтъ отъ писанія гляголя: писано есть, не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ изходящемъ изъ устъ Божіихъ. Аки бы глаголати ему ко демону: совѣтъ твой искушеніе есть, запеже глаголаши о пищѣ плоти, а не о пищѣ ума. Нижшая часть человѣка хлѣбомъ питается, ина словомъ божіимъ укрѣпляется а запеже глаголаши о нижшей, явѣ есть яко искуситель еси (ст. 5 об.).

Свойственная же и приличнополезная душамъ пища есть глаголъ божій, слово божіе. Брашно укрѣпляетъ плоть, слово божіе душу. Брашно есть нуждно въ путь житейскій, слово божіе—въ міръ духовный. Хлѣбъ вои крѣпитъ во брани гражданстей, слово божіе на брани духовнѣй.

Умыслихъ азъ гладнымъ православнымъ душамъ духовную тра-

[1]) Подробности объ этомъ см. Демковъ М.—Исторія русской педагогіи, ч. I, гл. XXIV, изд. 3-е. Москва, 1913 г.

пезу, обѣдъ душевный от пищъ слова божія уготовати, и представити во дни воскресный, на вселѣтное поприще, въ насыщеніе спасенное: да отвергше брашна неполезная душетлѣнная, ядять сей обѣдъ душецѣлебный, душекрѣпительный, и душеспасенный, яко от брашенъ благихъ уготованный. (Об. душ. ст. 7 об.). Аще ти сладка есть пища словесъ, яждь на обѣдѣ семъ зубомъ ти приличная, яждь младенче млеко, твердую же пищу остави мужемъ совершеннымъ: и тако насытишися богу во славу, тебѣ во спасеніе. (Об. душ. ст. 8). Тѣмъ же толико душеполезну сущу слову божію, тако проповѣданному, якоже писанному, ибо всяко писаніе богодухновенно и полезно есть ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, к наказанію еже въ правду, да совершенъ будетъ божій человѣкъ на всяко дѣло благоуготованъ. (Ст. 7).

Въ словѣ в день преподобнаго отца нашего Саввы Звенигрдскаго («Веч. душ.» ст. 131 об.) на текстъ: «Благо есть мужу, егда воздвигнетъ яремъ въ юности своей (изъ пр. Іереміи Симеонъ говоритъ: Древеса допелѣже млада, из' дивыхъ лѣсовъ и пустынь ненаселенныхъ, в сады пресаждати есть садовникомъ обычай, слушателіе православніе: яко та влаги нивъ новыхъ удобь могутъ внутрь пріяти и тѣми живящеся плоды благія приносити. Не тако старая: ибо та неудобь терпять преселеніе. Подобнѣ дѣется в родѣ звѣрей, тако словесныхъ, якоже и безсловесныхъ: ибо младъ конь, безтруднѣе образдовается, и всадника пріемлет, нежели стародивый. И малолѣтенъ волъ сый, удобѣе яремъ на выи носити приучается, нежели въ праздноваиіи состарѣвыйся. Точнѣ во человѣцѣхъ, юноша яко лѣторасль, аможе хощеши преклонитися можетъ, не тако лѣты доволный. Того ради хотящіи навыкнути хитростемъ, или свободнымъ. или не свободнымъ, во юности дѣтстей приводятся ко учителемъ, и вручаеми имъ бываютъ: да трудолюбія налогъ пріимутъ во младости. егоже бы употребленіемъ препитати свою старость. И во правѣхъ. юныхъ, злонравіе не многими искореняется трудами, и блазіи насаждаются въ тѣхъ мѣсто обычаи. Во старыхъ паки, по елику кто старшъ во злобѣ, по толику не исправнѣй въ ней, и неприклоннѣй въ добродѣтели: ибо имже новъ сосудъ тукомъ пропищается, той и на старость его, не измывается. Убо благо есть мужу, иже благій яремъ воздвигнетъ отъ юности своея. И велія есть тымъ полза, иже благому игу Христову, и бремени его легкому подлагаютъ выя си от младости своея: ибо ей же работѣ приобыкнутъ в верстѣ юности, та

имъ сладка будетъ, а не стужитъ и во предѣлѣхъ послѣднія ветхости. (Веч. душ. ст. 132).

Въ словѣ I въ день во святыхъ отца нашего Николаа архіепископа мирѣликійскихъ чюдотворца. (Вечеря душ. ст. 139 об.). Во юности не хотяй труждатися, во старости злѣ постраждетъ, слушателіе православніи: ибо яко кто не ореть, и не сѣетъ во юности лѣта, яже есть весна: той во старости сго, яже есть зима, и хладъ и гладъ страдати долженствуетъ; тако во юности жизни своея, не показавый трудолюбія въ дѣлѣхъ, не пріиметъ во старости плодовъ упокоснія: трудъ бо юности, покой старости приносит. И противнымъ обычаемъ, лѣность юности, трудъ старости и безпокойство плодотворитъ.

Чесо ради родителіе чадолюбивіи должни суть юность рожденныхъ собою ко трудомъ душеполезнымъ прикланяти, и от младыхъ ногтей добрымъ дѣломъ приучати я: ему же бо пріобыкнетъ младость, то безтрудно носит старость. О орлѣ, пишетъ святый Амвросій въ шестодневницѣ, яко малыя птенцы си вземлетъ пазногты острыми, и обращаетъ очесы ко солнцу, да от юности сіянію лучесъ его пріобыкнуть: Тако добріи родителіе должны суть творити, еще во младости лѣтъ, и въ малости возраста чада си ко истинному солнцу. ко Христу богу, очесы ума ихъ обращати; да от дѣтства си приложатся во свѣтѣ заповѣдей его ходити да первѣе познаютъ свѣтъ небесный, еже есть вѣрити во единаго истиннаго во Троицѣ святѣй славимаго бога и его божественныя заповѣди хранити: нежели прелестныя суеты міра сего видѣти, и разумѣти возмогутъ. Единъ от учителей искусныхъ, подастъ намъ образъ преполезный дѣтскія юности наставленія сицевъ:

Въ первомъ глаголетъ седмилѣтіи, да учатъ родителіе чада си, благая и чистая словеса, а не худая и скверная глаголати: праведная, а не ложная вѣщати: Ибо, имже тукомъ новъ сосудъ исполненъ будетъ, того вони изъ себе, никогда избудетъ.

Во второмъ (глаголетъ) седмилѣтіи, да учатъ я коемуждо художеству, да возмогутъ тѣмъ нуждая житію, стяжати. Изряднѣе же, да соблюдаютъ я от видѣнія скверныхъ: ибо, якоже нѣсть лѣпо юнымъ скверная глаголати, тако и видѣти. Дастъ вину Аристотель: яко вся первая напаче суть любима: И того ради, яже во первыхъ зрятся, тѣмъ съ вящшимъ удивленіемъ присмотряются юніи, и твердо содержатъ я въ памяти. По второмъ же (глаголетъ) седмилѣтіи, егда пріимутъ разумъ благъ и доволенъ, да учими будутъ страху

Божію, и мудрости, еже како Богу жити, разумѣнію же и искусству, како честно гражданствовати въ мірѣ. Въ сія триседмичная лѣта, чесому юноша приложится, того и во старости удержится, по оному словеси: юноша по пути своему ходяй, аще и состарѣется, не отступитъ от него. Суть плодове во оградѣхъ, на нихже что желѣзомъ напишется младыхъ, то во старости и вящше, и свѣтлѣе, на себѣ являютъ: тымъ подобны суть юноши, ибо что пріимутъ во юности яко сѣмя: то и во старости по себѣ явятъ яко класы. И каковыми яко древеса на весну цвѣты процвѣтутъ: таковы во старости плоды сотворятъ. (Веч. душ. ст. 140—141).

Въ словѣ в день преподобнаго отца нашего Ксенофонта и дружины его Маріи на текстъ «суть ли тебѣ чада, накажи я» (изъ I. Сихарова) Симеонъ говоритъ: Веліе зѣло есть блаженство въ мірѣ семъ, плоды трудовъ своихъ ясти, слушателіе православніи, вящше же того, еже при нихъ имѣти не неплодну супругу, и видѣти отъ ися словесный плодъ супружества своего. Оба та блаженства царствующій пророкъ провѣщаетъ, боящымся Господа и ходящымъ в путехъ заповедей его: Блажени вси (глаголетъ) боящіися Господа, ходящіи въ путехъ его, труды плодовъ твоихъ снѣси. Блаженъ еси, и добро тебѣ будетъ. Жена твоя яко лоза плодовитая, во странахъ дому твоего: сынове твои яко лѣторасли масличныя, окрестъ трапезы твоея. Вящшее сіе есть блаженство, нежели злато міра сего обдержати, ибо отецъ оставляяй по себѣ чада, аще и преставится отъ вѣка сего, не умираетъ: живетъ бо в чадѣхъ своихъ, и слово его не погибаетъ со шумомъ зане въ сынѣхъ и дщерѣхъ процвѣтаетъ. Безчадный паки, аще и безчисленныхъ богатствъ будетъ обладатель, егда умретъ, не къ тому живетъ въ мірѣ, яко отрасли его не осташа. Богатства же его чюждымъ, иногда же и врагомъ его во обладательство приходятъ. Онъ трудится, а недрузи во труды его входятъ: и слава яко вѣтръ преходитъ, и яко сѣнь мимо грядетъ.

Блаженно убо супружество плода нелишаемое своего, но плода благаго, плода честнаго: Плодъ бо золъ и нечестный, окаянно паче, нежели блаженно супружество дѣетъ. И яко лучшее есть неплодное древо, нежели злыя и вредныя приносящее плоды: тако блаженнѣйшіи суть родителіе, чадъ неродившіи, нежели родившіи злая. Тѣмже убо тщаніе родители должно есть присное имѣти, да плодъ ихъ благъ будетъ: ибо не яко во древесѣхъ, по естеству плодъ, или сладокъ, или горекъ рождается, но по наказанію рождшихъ, и по обыкновенію и

воли рожденныхъ, или доброправіе, или зло обыкновеніе в сердца ихъ вкореняется. Премудрый Платонъ, воску сердца юношеская уподобляетъ, зане якоже воскъ всякія печати на себѣ воображеніе пріемлет, за удобство мягкости своея: тако юныхъ сердца, всякій правъ удобопріемлютъ мягкосердія ради. На томъ восцѣ, напечатаетъ ли кто цѣлаго и незлобиваго голубя, выну пребудетъ человѣкъ той цѣлъ и незлобивъ яко голубь. Напечатаетъ ли кто орла высокопарна и свѣтолюбива, присно той человѣкъ вышняя имать мудрствовати и свѣтлая. Напечатаетъ ли кто земледѣлчиву кроторію, или блаторачителя вепря, по истинѣ той человѣкъ до смерти пребудетъ земныхъ любитель, и блата грѣховна искатель. Напечатаетъ ли кто лютаго льва, или волка хищнаго, выну будетъ человѣкъ той жестокъ яко левъ, и хищливъ яко волкъ. Напечатаетъ ли кто трудолюбива вола, выну имать той человѣкъ во трудѣхъ пребывати. Напечатаетъ ли кто лѣниваго осла, всегда въ лѣности той человѣкъ имать жити. Напечатаетъ ли кто гнѣвливаго медвѣдя, хитраго лиса, или лающа пса, до кончины живота си той человѣкъ пребудетъ гнѣвливъ, хитръ и лаятель честныхъ. Аще же напечатаетъ кто смиреннаго агнца, или чистаго горностая, той человѣкъ до послѣдняго издыханія будетъ смиренія любитель, и чистоты хранитель. На ту приклонность царствующій пророкъ возглядая возопи сице ко юнымъ: Со преподобнымъ преподобенъ будеши, и съ мужемъ неповиннымъ, неповиненъ будеши, и со строптивымъ развратишися. Нынъ філософъ, умы отрокъ юныхъ, уподобляетъ скрижали неписаннѣй, на нейже учитель что либо хощет написати, можетъ: точнѣ во умѣхъ юношескихъ, что либо хощеши вообразится, или добро, или зло, и выну пребываетъ, и прибываетъ. Подобнымъ обычаемъ, яко на дыни во оградѣ растущей, аща мало на малѣй вообразится писаніе, велико возрастетъ съ возрастѣніемъ ея. Или яко сѣмя, мало убо повергается на нивѣ, но во великій классъ возрастаетъ, и приплодованіе творитъ; тако обученіе юныхъ, мало засѣется: но возрастетъ во велико и вѣтви произведетъ многи. Юныхъ сердца найпаче, суть скрижали, не каменныя, но плотяныя, на нихже аще кто Христово напишетъ посланіе [1]), то пребудетъ выну. Аще же кто демонскую начертаетъ букву, неудобь сотрется можетъ. Нынъ еще любомуд-

---

[1]) Въ подлинникѣ посланіе, а не писаніе, какъ думаетъ Н. А. Лавровскій.

рещъ уподобляетъ юныя отроки, новому сосуду скудельному, в онь же аще что вліется в повости, того вони не лишится до старости: тако во истину и юніи, къ чесому во юной верстѣ вѣка си пріучени будутъ, того до кончины си не забудутъ. Напослѣдокъ младому древеси подобна есть юность: ибо аможе хощетъ кто, тамо тонкое древо преклонити можетъ: Подобнѣ вѣкъ юношескій, къ чему либо обратиши, удобно есть приклонеп. Зрите убо родителіе, како должни есте воспитавати чада ваша: Добрая словеса, и образы дѣлъ благихъ на томъ воску печатайте, божественная словеса, а не скверная и кощунная: на тѣхъ скрижалѣхъ, и законъ Господень пишите. Миро благовонное ученія душеполезнаго, в тыя новыя сосуды скудельныя вливайте. Или по словеси Господню: Вино новое въ мѣхи новыя вливайте, еже есть любовь Божію въ сердца ихъ от юности вселяйте. К небеси юная сія древеса обращайте и клоните: да не земная, но небесная и зрятъ, и любятъ, и мудрствуютъ. (Веч. душ. ст. 238 об.—240). Веліе же древле благоразумныхъ о томъ попеченіе бяше, да добропскусныя своимъ чадомъ учители обрящутъ. Іеронимъ блаженный, единой честнѣй женѣ именованной Лета, сице чрезъ свое писаніе о воспитаніи дщере совѣщаше: учителя избери въ лѣтѣхъ благихъ, житія благочестнаго и ученія. Александръ великій, вселенныя покоритель, зѣло радовася и привѣтствова себѣ, яко въ то время дадеся ему жити, внегда преславнѣйшій всѣхъ любомудрыхъ Аристотель живяше и учаше, и ему самому наставникъ дадеся. Ѳеодосій царь попеченіе имѣя отеческое о сыну си Аркадіи и Опоріи, написа ко Гратіану царю посланіе, моля его, да пошлетъ ему в Царьградъ изряднѣйшаго нѣкоего во благочестіи и мудрости мужа, наставленія ради сыну его. Гратіанъ же написа о томъ епистолію къ Дамасу папѣ: иже посла дивнѣ благочестиваго и ученаго мужа Арсеніа. Не довольно быти пепщева царь Ѳеодосій, еже царство множествомъ всяческихъ богатствъ кипяще, наслѣдіе сыпома дати своима: тщася ктому благонравіемъ, и благочестіемъ прежде обогатити я: тѣмже вручая чада си Арсенію богомудрому, рече ему: отселѣ ты паче отецъ будеши сима отрокома, нежели азъ. Оле любительства добронравія! Оле добродѣтели царскаго достойныя сана! Сію царственную добродѣтель подражающа, преподобный Ксенофонтъ и преподобная Маріа, не изыскавша благочестнаго учителя в домъ свой, чада си во Вирить къ таковымъ учителемъ посласта. (Веч. душ. ст. 242).

Въ словѣ въ день святыя Мароы, матере святаго Симеона столп-

ника, на текстъ «суть ли ти чада, накажи я, и преклони от юности выя ихъ» (Слова І. Спрахова).

Тако глаголетъ Златоустый, его же словеса суть и сія: Долженъ бяше Илій сыны твердымъ нѣчимъ наказовати, онъ же потомъ увѣщаніе сицево дѣетъ. Услышите сія имущіи чада, и храните со прилѣжаніемъ веліемъ. Ему же и азъ подражая вопію къ вамъ: Родителіе, не щадите жезла, аще хощете о чадѣхъ веселитися вашихъ: жезлъ бо есть злобы искоренитель, и насадитель добродѣтелей. Мало сына оскорбиши, но много ползуеши его. Слезы его тако ти ползу содѣютъ, якоже дождь благовременный на ниву изліянный. Снопа аще не млатиши, орѣха аще не разбіеши, не возмеши хлѣба и ядра не пріимеши сытости и сладости: чадъ же аще не біеши, не сподобишися радости. Бій первѣе словомъ, таже жезломъ, и отженеши жестосердіе его, и яко плевелы отбіеши злоправіе. Аще же благопокорива ти чада суть, благодари Господа и правителствуй житіе ихъ любовію на путь благій. Буди имъ образъ житіемъ ти, ко всякой добродѣтели, да не зритъ око ихъ пичтоже развратно в тебѣ, да не слышатъ уши ихъ сквернихъ и неподобныхъ глаголъ от тебе. Образъ твой есть сынъ, какова тя видитъ и слышитъ: тако самъ образуется.

Тѣмже во правду родителіе гажденія и казни достойни суть, ихже чада кромѣ наказанія сверѣпѣютъ. (Веч. душ. ст. 11).

Нѣсколько выше (Веч. душ. ст. 10) «Наказываше убо онъ (Илій) чада своя, но не жестоцѣ, не прилагаше ко словесемъ жезла, не взимаше на ня палицы въ руцѣ си, забывъ онаго увѣщанія Сірахова Іисуса: Конь не ученъ сверѣпъ будетъ, и сынъ самоволный блудникъ будетъ. Накажи чадо, и удивитъ тя, играяй с нимъ, и сотворитъ ти печаль. Не смѣйся с нимъ да не поболиши о немъ, и напослѣдокъ сотнеши си зубы. Не даждь ему власти во юности, сокруши ребра его, дондеже младъ есть, еда како ожестѣвъ не покоритися.

Въ «Обѣдѣ душевномъ» въ словѣ 2, въ недѣлю 34, по сошествіи святаго Духа на текстъ: отче, даждь ми достойную часть имѣнія, Симеонъ говоритъ въ началѣ тоже, что и на ст. 10 Вечери душевной, приводя слова Іисуса сына Сирахова, затѣмъ: «Точнѣ вредоносна есть любы и родителей ко чадомъ, аще излишествуетъ. И якоже вино мѣрно употребляемое веселитъ и здравитъ: безмѣрнѣ паки піемое, разума лишаетъ, и болѣзни бываетъ виновно: тако любы родителей ко чадомъ, аще есть по достойному, полезна есть и рож-

дшыма и рожденным. Аще же выше мѣры, и тѣма вредъ творитъ, и овымъ: овы в развращеніе попущаетъ, тѣма же печаль, и болѣзнь о развращеніи овѣхъ содѣваст.

Но откуду честных родителей чада злонравіе стяжут; повѣмъ вамъ истинну, ради исправленія: отъ материя ласкателства, от отча непаказанія, от обою же пространновоспитанія. Блажитъ мати малаго сына малую злобу, а злоба въ сердцѣ аки терніе кореніе его утверждаетъ, и сыну растущу, срастетъ злоба паче. Егда же возрастетъ сынъ въ количество непреклонное, совозрастетъ злоба во нравъ неискоренимый: и тогда исполнится оная притча: Юноша по пути своему, аще и состарѣетъ, ни отступитъ от него ибо якоже сосудъ глинян, аще в новосте пекла напіется, никогда же измыется. Тако человѣкъ, сосудъ сы скуделенъ, во юности нравъ воспріятый, хранитъ до смерти. Тѣмже и Господь люди Ізраилскія обличаше чрезъ Іереміа пророка сице: Аще можетъ примѣнити еѳіоплянин кожу свою, или рысь пестроты своя, и вы можете благотворити: понеже научистеся злу. Подобнѣ трудно есть злыхъ родителей чадом измѣнити злый нравъ, и добрая глаголати: яко от пелен родителма научаются злонравію и злословити. Не удобно трезвенным имъ быти, занеже от дѣтства упиватися попущают. Не возможно чистым соблюстися: ибо въ младенчествѣ си и видятъ, и слышатъ, и творятъ нечистоту невозбранно. Оле злонравія! Оле богомерзкихъ нагововъ! Кто же за сіе судъ пріимстъ; ей, якоже насадителемъ сада, вина приписуется кривизны древесъ, яко не исправляху во юности ихъ: И яко художником нелѣпіе причитается вещей, нескусно ими содѣянных: Тако родителем приписуется вина злонравія чадъ ихъ: и судъ пріимутъ яко в дѣтствѣ научиша, или попустиша имъ злобѣ навыкати. Вы православніи людіе да не пріимете суда о злонравіи чад вашихъ, тщитеся воспитовати я добрѣ хранящс сія вещи, нуждныя благовоспитанію. Первая вещь жезлъ, егоже потребу самъ Богъ всемогущій образно показалъ есть: егда бо даде первороженному сыну си Ізраилю во пустыни манну, и повелѣ сосудъ полный хранити ея въ ковчезѣ завѣта, во память вѣчную того благодѣянія, тамо жде благоволи храненну быти жезлу Ааронову, и скрижалемъ завѣта: якоже воспоминаетъ учитель языков. По второй же завѣсѣ, скинія глаголемая святая святыхъ, злату имущая кадилницу: и ковчегъ завѣта, имущая манну, и жезлъ Ааронов прозябшій, и скрижали завѣта. Имже трісхъ сихъ вещей купно положеніемъ, научаетъ

вся родители, чадопитанію чрезъ манну убо, еже чадом пищу и вся нуждная промышляти отечески. Чрезъ скрижали, еже учити закону божію. Чрезъ жезлъ, еже послушныя, наказанія достойнаго не лишати. Что само и приточникъ завѣщаетъ глаголя. Не отрѣй младенца паказовати, сице бо жезломъ біеши его, не умретъ от него, ты же убо бія его жезломъ, душу его избавиши от злы смерти. И паки: иже щадитъ жезлъ свой, ненавидитъ сына своего. А любяй, прилѣжно наказуетъ. Вторая вещь есть. еже дѣтемъ злаго возбраняти общества, с лукавыми дружитися не попущати: ибо и Ева прамати, яко съ лукавым зміемъ бесѣдоваше, его проклятыя научися гордости, и восхотѣ равенство с Богомъ в рай, якоже онъ иногда въ небеси. Но яко той с небесе низвержеся: тако Ева со Адамомъ сонзволившимъ ея совѣту, изгпася из рая. Того дѣля Богъ всемогущій множицею увѣщаше люди Ізраильскія, еже потребити иноплеменники, и общенія не имѣти со язычниками, во еже бы имъ языческим не приложитися беззаконным дѣяніемъ, и богомерзским обычаем. Ихже словесъ Господнихъ яко не послушаша людіе, заблудиша от отца небеснаго, къ мучителю геенскому: забыша дѣлъ божественных, и научишася демонских, якоже плачася пророкъ извѣствуетъ. Не потребиша языкъ, яже рече Господь имъ: и смѣсишася во языцѣхъ, и навыкоша дѣломъ ихъ, и поработаша истуканымъ ихъ, и бысть имъ в соблазнъ. Се и солнце, зѣло полезно мірови сущее, егда со злым планетою или знаменіемъ случится на небеси, великотщету въ мірѣ дѣетъ. Источникъ аще и велми чистъ сущъ, егда съ тинным случается благомъ, обыче блатенъ быти, и тины смрадъ издаяти. Тѣмже пророкъ глаголетъ: со строптивымъ развратишися; и Іисусъ Сіраховъ повѣствуетъ: касаяся неклѣ очернится, и общаяся съ гордымъ точенъ ему будетъ. Глаголетъ же пророкъ и сіе: со преподобным преподобенъ будеши, и съ мужемъ неповинным, неповинен будеши, и со избранным избранъ будеши. Но увы намъ, не толь удобнѣ съ добрыми добримся, якоже с лукавыми лукавимся.

Имже убо образомъ недугъ вредностный ближнія повреждаетъ, а здравіе отъ друга ко другу не переходитъ: тако злін нрави таятъ други, добріи паки не удобь ко другомъ переходятъ, се же за приклонность нашу ко злобѣ. Обаче съ добрыми общеніе да будет чядъ вашихъ. Ибо яко въшедшін во муроварницу, и тамо время такое пребывшін, исполняются аромать благовоніемъ, и с собою ту благую воню износятъ. Тако общающіися благомъ, благостыни обучаются,

или поне зла творити не навыкаютъ. И собесѣдующіи мудрыми умудряются по глаголу приточника: ходяй съ премудрымъ, премудръ будет. Третія вещь есть, еже злаго по себѣ образа не являти чадомъ: ибо якоже піонкъ, что видитъ человѣки творящыя абіе то тщится дѣяти: подобнѣ чада, дѣла родителей своихъ видяще, подражателіе имъ бываютъ. Блаженни убо суть родителіе, ихже житіе добродѣтельное есть чадомъ образъ благонравія, зерцало исправленія и правило дѣяній благихъ. Окаяннїи же суть рождшіи, иже злобнымъ си житіемъ чадо си соблазняютъ: чадоубійцы паче суть сіи человѣцы, нежели родителіе: ибо худшее раждаютъ, а лучшее убиваютъ: раждаютъ бо плоть тлѣнную, убиваютъ же душу безсмертную, егда соблазняютъ чада си, и грѣха ихъ виновницы бывающе, лишаютъ я живота душъ, яже есть благодать Божія. Горе человѣку тому, имже соблазнъ приходитъ, глаголетъ Христосъ Господь. И паки: иже аще соблазнит єдиnаго от малыхъ сихъ вѣрующихъ въ мя, уне ему есть, да обѣсится жерновъ оселскій на выи его и потонет в пучинѣ морстѣй. Аще тако горе чуждымъ, много паче родителемъ: ибо елико родителіе суть ближшіи кровію чадом, толико соблазнъ ихъ лютшая и вредная паче: и грѣхъ соблазни ихъ болшъ есть. Блюдитеся убо, о родителіе, да не будете душегубцы чадъ вашихъ, соблазнію житія вашего. Да вѣсте же, яко отецъ долженъ есть быти в дому аки солнце, мати же аки луна, чада яко звѣзды. По оному видѣнію Іосифову: се видѣхъ сонъ, аки солнце и мѣсяцъ, и єдина надесять звѣздъ поклапяхуся мнѣ. Что знаменоваше, родители и чада, по домыслу Іакова патріарха, рекша: что есть сонъ сей иже єси видѣлъ, еда ли пришедъ азъ и мати твоя с братіею твоею поклонимся тебѣ до земли? Убо отецъ имать быти яко солнце, мати якоже луна: овъ яко свѣтило большее сія же яко свѣтило меншее да благими образы житія осіяваютъ яко свѣтомъ звѣзды домовъ си, иже суть чада: да и они яко звѣзды свѣтомъ житія святаго сіяютъ. Но увы намъ, яко солнце сіе и луна множицею лишеніем свѣта страждутъ. Луна убо чрезъ между вложеніе земли, еже есть, жена, чрезъ междувложніе земныхъ мудрованій и страстей, влагающихся между сю и мужемъ. Солнце паки, чрезъ противоположеніе луны, сирѣчь, мужъ, егда єму жена сопротивляется и прекаетъ: и тако спона бываетъ, да свѣтъ ко звѣздамъ не приходитъ. Свѣтъ глаголю доброобразія, и благочестнаго житія не изливается на чада. Паче же тма помрачаетъ я, егда домашняя разгласія, золъ

прописуютъ образъ: егда нрави родителей развратніи соблазнъ родятъ, чада же злобное житіе родителей подражаютъ. Ибо яко в дому присно дымокурномъ живущіи, удобь очерняются: тако злымъ родителей образъ, чада удобь развращаются. Храните убо себе родителіе от всякія злобы, да не будете помрачителіе звѣздъ вашихъ, развратителіе чадъ любезныхъ, опихже слово имате воздати общему всѣхъ Господу и Богу. И мзду по дѣломъ вашимъ воспріяти. Четвертая вещь и послѣдняя есть, еже родителемъ, от младыхъ ногтей, от сосцу матерню страху Божію обучати младенцы своя, да паче растуть въ добродѣтели, нежели въ количество плоти. Чинъ же ученія ихъ буди сицевъ: первѣе, да учатъ прежде всѣхъ словесъ, глаголати Господню молитву, и архангельскій гласъ ко Богородицѣ. Второе знати яко Богъ есть единъ существомъ во Троицѣ ипостасей: и да учатся символу вѣры христіанскія. Третіе, еже заповѣди Божія знати и хранити, найпаче десятословіе Четвертое же въ домъ Божій на молитву учащати: изряднѣе же во дни святыя къ літургіи божественнѣй. Пятое, наставляти, да тайнаго покаянія святаго, чрезъ истинное исповѣданіе грѣховъ своихъ, часто очищаютъ душы своя. Шестое, учити достоитъ, еже утро и в вечеръ от сна воставше, и на сонъ грядуще молитися Господу Богу, Пречистѣй Богородицѣ, ангелу хранителю, и тезоименнымъ защитникомъ, и всѣмъ святымъ. О прешедшихъ благодарствіе Богу возсылати, о грядущихъ же прошеніе дѣяти. Седмое хранити брежно отрочатъ от отроковицъ соигранія, купноспанія, да не діавольскимъ навожденіемъ впадутъ во искушеніе. Осмое, да обучаютъ дѣти своя или рукодѣлію нѣкоему, или иному честному коему упражненію: да не во празднествѣ живуще, пріобыкнутъ злобамъ: праздность бо есть питательница тымъ. Девятое, да промышляютъ имъ о честномъ и душеспасенномъ санѣ житія временнаго, или духовнаго или мірскаго. Десятое, да и возрастшымъ завѣт им творят: якоже сотвори Товія старый сыну своему Товіи юному, глаголя сице: во вся дни живота твоего, во умѣ да имѣеши Бога и стрежи, да не когда грѣху изволиши и преступиши заповѣди Бога нашего. От имѣнія же твоего твори милостыню, и не отврати лица твоего ни от единаго убогаго. Аще се не сотвориши, то ни от тебе отвратится лице Господне. Елико можеши, толико буди милосердъ. Аще же много тебѣ будетъ, изобилно воздавай. Аще мало тебѣ будетъ, и малое благоволно участити помысли. Мзды бо благи себѣ сокровищуеши въ день потребный: яко милостыня от вся-

каго грѣха и от смерти избавитъ. И не оставитъ души ити во тму, и прочая. Сицевымъ образомъ аще воспитасте чада ваши, истиннїи будете родителіе ихъ; не точію тѣлесемъ, но и душамъ. Ибо тѣлеси рождше я въ мірѣ естественнѣ, душами родите Богу правно. Ему же родителіе купно съ чады вашими работайте усердно, чрезъ вся дни живота вашего со страхомъ. Да мзду трудовъ вашихъ воспріимете съ радостію, во царствіи его небеспомъ. Тоя да не лишитъ вы Богъ во Троицѣ единый, от всея твари славимый, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. (Обѣдъ душевный ст. 542—547).

V.

Рукописный памятникъ XVIII в.

Въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ въ Москвѣ находится замѣчательная рукопись XVIII в. съ педагогическимъ характеромъ, записанная подъ № 709. Авторъ ея, также какъ и точное заглавіе, неизвѣстны, такъ какъ вся первая часть, за исключеніемъ послѣдняго листка, вырвана. Судя по языку [1]) и манерѣ писать, а также отчасти и по почерку, эта рукопись относится къ первой половинѣ XVIII в., можетъ быть къ Петровскому времени. Авторъ ея придаетъ высокое значеніе воспитанію, онъ, подобно Паисію Лигариду, говорившему, что для утвержденія церкви и государства нужны, вопервыхъ, училища, вовторыхъ училища и въ-третьихъ училища, говоритъ: «Первая, та же и средняя и послѣдняя главизна порядочное воспитаніе и правилное наставленіе (ч. II, гл. 4), ибо источникъ и корень добродѣтели и честнаго житія есть наставленіе доброе (ч. II, гл. 2), совѣтуетъ не позволять дѣтямъ входить въ компанію съ злонравными людьми (ч. III, гл. 2), пріискивать для нихъ товарищей добраго обхожденія (ч. I, гл. 6) и умѣющихъ правильно говорить по-русски, при обученіи придаетъ громадное значеніе философіи, рекомендуетъ: «философіи

---

[1]) Въ рукописи встрѣчаются такія слова, какъ экзерцитація, энциклія, комментарій и пр.

прилѣжно обучатся», «прочіихъ наукъ будто главу и верхъ почитать надлежитъ философью» (ч. II, гл. 8). Авторъ рѣшительный противникъ наказаній. Приведемъ изъ этой рукописи важнѣйшія мѣста:

Изъ рукописи о воспитаніи.

Ч. I, гл. 6. Въ прочемъ и того пропустить не падлежитъ, что должно отроковъ, которые дѣтямъ прислуживаютъ и вмѣстѣ питаемы бываютъ, пріискивать первѣе такихъ, которые были бы добраго обхожденія; другое чтобъ въ своемъ природномъ да еще и совершенно искусны были діалекты; дабы нѣсколько вреда себѣ изъ того не получили ежели съ варварами и злоправными людьми заобыкнутъ. Есть пословица въ народѣ совершенно не дурна, ежели де съ хромымъ поживешь, то научишься прихрамывать.

Ч. II, гл. 1. Когда же до тѣхъ лѣтъ отрокъ придетъ, что должно его вручить дядькѣ, тогда то имѣть надлежитъ стараніе дабы мы дѣтей нашихъ безразсудно челядинцамъ или грубіанамъ или вертопрашнымъ людямъ не отдавали... Такъ какъ очень смѣшно, что хорошихъ челядинцевъ опредѣляютъ то къ земледѣлію, то къ кораблестроенію; ежели же котораго челядинца усмотрятъ пьяницу или мота и ни къ какой службѣ негоднаго, того къ дѣтямъ приставляютъ. А доброму дядькѣ, такъ благоразумному быть должно каковъ былъ Фениксъ Ахиллесовъ дядька.

Гл. 2. «Проискивать надлежитъ дѣтямъ учителей, которыхъ бы и житіе беспорочно было, и обычай праведному укоренію не подлежащіе, и искуство не простолюдинное. Ибо источникъ и корень добродѣтели и честнаго житія есть наставленіе доброе. И какъ земледѣлцы зеліемъ тычинки приставліваютъ, такъ добрые учители точными заповѣдьми и увѣщаніями отроковъ подтверждаютъ, чтобъ из того обычаи правые произошли.

Гл. 3. Чтожъ такимъ дикимъ родителямъ наконецъ воспослѣдуетъ когда дѣтей злѣ воспитанныхъ да еще худо учили, выслушай. Какъ они пріидутъ въ совершенные мужескіе лѣта, презрѣвъ здоровой и постоянной въ житіи успѣхъ, в непорядошныя и подлыя поступки впадутъ. Тогда сожалѣть они начнутъ, что не старались о наставленіи дѣтей, получа изъ нихъ грѣхопаденій печаль, которой ни какая уже послѣдовать не можетъ полза.

Гл. 4. Да чтобъ мнѣ одиѣмъ сокращеніемъ всю вещъ изяснить, хотя покажуся напрасно, что какъ бы пророчествую, а не повелеваю, такъ говорю: одна имѣется и первая таже и средняя и послѣдняя главизна, порядочное воспитаніе и правилное наставленіе. Сіи говорю вспомоществуютъ и вспомогательство къ пріобрѣтенію добродѣтели и благополучія, дѣлаютъ. А прочее все хотя доброе есть, однако человѣческое, маловажное, и не достойно время на то терять... «Наука из всѣхъ которыми обдарены мы благими, одна безсмертна, божественна. Имѣются же двѣ вещи человѣческою натурою свободно обладающія, разумъ и разсужденіе; из которыхъ разумъ начальствуетъ надъ разсужденіемъ, а разсужденіе разума повеленіи творитъ, сіи щастію не подвержены, никакое ухищреніе отнять, никакая болѣзнь повредить, старость истребить не могутъ.

Гл. 5. Авторъ рекомендуетъ «отъ забавъ, для простонародныхъ ватагъ сложенныхъ, какъ возможно подалѣ дѣтей отводить. Понеже простому народу, что пріятно, мудрымъ людямъ то не правно.

Гл. 6. При семъ, чего полезнаго дѣтей будемъ учить, или каковымъ добротамъ прилѣжать имъ повелимъ? Очень изрядное дѣло напрасно ничего не говорить: и пословица есть такая: все то трудно, что хорошо.

Гл. 7. Подобно какъ тѣло человѣческое не толко здорово, но и крѣпко въ само въ себѣ быть должно: такъ рѣчь не толко безвредна быть, но и силу имѣть должна.

Гл. 8. Не надлежитъ же благородному отроку и тѣхъ наукъ, которыя от народнаго употребленія енциклія называются не слышавъ и не познавъ миновать; но ихъ рекомендуется изучать; «философіи же прилѣжно обучатся».

«Прочіихъ наукъ будто главу и верхъ почитать надлежитъ философью... душевныя болѣзни и страсти одна ползуетъ философія. Сея предводительствомъ и спутьшествіемъ в познаніе приводится, что есть честное, что позорное, что праведное, что неправедное, чего со всякимъ тщаніемъ искать, чего чуждася: каковы мы к Богу, к родителя (sic), властямъ, законамъ, к иностраннымъ, къ правительствамъ, к друзьямъ, к женамъ, к дѣтямъ, к рабамъ себя должны оказывать».

Гл. 9. Также и тѣлесныя экзерцитаціи в презреніе ставить не надлѣжитъ, посылать дѣтей в игры таковыя, чтобъ тамъ какъ воз-

можно трудился какъ ради тѣлесной красоты устроенія, такъ для оказанія себя в мужествѣ»...

Упражнятся молодцамъ надлежитъ в воинскихъ дѣлахъ, в бросаніи копей и стрѣлъ, и в ловитвѣ».

Гл. 11. Ежели же нѣкто противопредлоть (sic), что я о воспитаніи дѣтей благородныхъ правила дать обѣщавшійся, бѣдныхъ и простонародныхъ оставивъ, однѣмъ толко богатымъ способовъ представляю. Тому отвѣтствовать не трудно. Я ничего такъ бы не желалъ, какъ чтобъ мое ученіе всѣм без выключки было полезно: чтожъ ежели нѣкоторые ради своего недостатку не возмогутъ послѣдовать моимъ заповѣдем, тѣ должны щастью то в вину причитать, а не мнѣ что такое узакоияю. Но однако по возможности и убогихъ прилѣжать надлежитъ, какъ наилучше дѣтей своихъ воспитовать»...

Гл. 12. Итакъ говорю, к свободнымъ наукамъ приводить надлежитъ дѣтей словами и увѣщаніями, а для Бога не битьемъ, или бесчестными поступками.

Гл. 13. Авторъ однако совѣтуетъ давать дѣтямъ отдыхъ отъ трудовъ, ибо «отдохновеніе от трудовъ есть здравію подкрепленіе». «Бранить должно тѣхъ родителей, которые поручивъ дѣтей своихъ дядькамъ и учителямъ, сами чего они учатся никогда не надсматриваютъ, ни прослушиваютъ: в чемъ весьма грѣшатъ.

Гл. 15. Во первыхъ у дѣтей память надлежитъ острить и обыкностію усиливать: они бо какъ бы житница высокихъ наукъ... И то да вѣдаютъ родители, что памяти сила чрезъ ученіе изощренная не толко служитъ къ наукѣ, но и гражданскимъ дѣламъ не малое приноситъ вспоможеніе.

Гл. 16. Кромѣ того отводить дѣтей надлежитъ от срамныхъ рѣчей. Потомъ стараться должно, чтобъ ласковы были и въ разговорахъ не упорны..... О обузданіи языка остается намъ говорить. Которое дѣло ежели кто за маловажное или ничего судяще ставитъ, весма далеко от правды заблуждаетъ. Кротко бо молчаніе дѣло есть умное, и всякихъ разговоровъ важнѣйшее.

Кромѣ всѣхъ сихъ, обучать надлежитъ отроковъ. чтобъ правду говорили: въ чемъ превысокая состоитъ святыня. Ибо лгать дѣло есть холопское: и достойное у всѣхъ людей быть в ненависти, что и слуги не послѣдніе знать должны.

Ч. III. Гл. 2. Вовсе съ злонравными людьми въ компанію входить отрокомъ надлежитъ запрещать, понеже прилнетъ (sic) из того имъ нѣсколько зла.

Гл. 6. Къ симъ малое нѣчто присовокупивъ окончу мои заповѣди. Прежде всего должны родители без всякаго преступленія и всіо какъ предѣлы разума повелѣваютъ творя яснымъ образцомъ себя самихъ показывать: чтобъ на житіе ихъ дѣти какъ бы в зеркало смотря от срамныхъ рѣчей и дѣлъ отвращалися.

XII.

Св. Димитрій Ростовскій.

Св. Димитрій родился въ декабрѣ 1651 г. отъ рядового казака Кіевскаго полка Саввы Туптала и жены его Маріи и нареченъ былъ при крещеніи Даніиломъ. Первоначальное образованіе получилъ дома, а затѣмъ учился въ Кіево-братской школѣ (1662—1665 гг.). 9-го іюля 1668 г. онъ принялъ монашество съ именемъ Димитрія. Жилъ въ Густынскомъ монастырѣ, близъ г. Прилукъ, потомъ въ г. Слуцкѣ. Въ Литвѣ онъ основательно изучилъ польскій языкъ и польскіе нравы. Затѣмъ переѣхалъ въ м. Батуринъ и поселился въ Крупецкомъ монастырѣ, откуда вскорѣ его выбрали игуменомъ Максаковскаго монастыря, а затѣмъ и Крупецкаго. Въ 1684 г. онъ перешелъ въ Кіевъ, въ Кіево-Печерскую лавру; тутъ онъ принялъ на себя послушаніе, прославившее его имя—составленіе Житій Святыхъ (извѣстныя Четьи-Минеи).

Въ 1697 г. св. Димитрій былъ избранъ игуменомъ Кирилловскаго монастыря, затѣмъ архимандритомъ елецкимъ. Въ 1701 г. на пятидесятомъ году жизни, былъ избранъ въ митрополиты сибирскіе. Однако, вслѣдствіе слабости здоровья, въ Сибирь не поѣхалъ, а получилъ другое назначеніе—былъ сдѣланъ митрополитомъ ростовскимъ. Въ мартѣ 1702 г. св. Димитрій прибылъ въ Ростовъ. Въ проповѣди, произнесенной въ каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ, св. Димитрій сказалъ: «Я пришелъ не себѣ угождати, но вразумляти безчинныя, утѣшати малодушныя, заступати немощныя... добрыя любити, злыя съ милованіемъ наказывати, о всѣхъ пользѣ пещися, всѣмъ спасенія

тщательно искати, о всѣхъ молитися». Въ Ростовѣ св. Димитрій жилъ до самой своей кончины, послѣдовавшей въ 1709 г.

Онъ прежде всего устроилъ въ Ростовѣ школу (въ 1702 г.), которую очень любилъ, часто посѣщалъ ее, самъ выслушивалъ отвѣты учениковъ. Отобравъ способнѣйшихъ, обучалъ ихъ зимою, толковалъ нѣкоторыя книги Ветхаго Завѣта, а лѣтомъ, въ селѣ Демьянахъ, объяснялъ Новый Завѣтъ. Ростовская школа явилась соотвѣтствующей элементарной приходской древне-русской школѣ, но она представляла уже движеніе впередъ, внеся въ кругъ преподаванія греческій и латинскій языки. Взявъ нѣкоторыя формальности изъ западныхъ школъ, св. Димитрій не взялъ ихъ духа.

Семейственность, простота отношеній, при извѣстной, вполнѣ обычной въ то время, строгости, полное отсутствіе формализма и іезуитизма—важныя черты школы.

Забота о просвѣщеніи, умственномъ и нравственномъ, народной массы и ея руководителей—духовенства составляли одну изъ главныхъ задачъ жизни святителя. Закончивъ свои Четьи-Минеи, онъ хлопочетъ о второмъ ихъ изданіи, произноситъ проповѣди, составляетъ лѣтопись и розыскъ о Брынской вѣрѣ. Въ большинствѣ его проповѣдей преобладаетъ одно стремленіе, одно желаніе—сдѣлать людей лучше, добрѣе. «Любовь выше всего»—любимая тема св. Димитрія. Св. Димитрій явился вѣрнымъ преемникомъ правилъ святителей древнихъ пастырей русской церкви: онъ защитникъ всѣхъ слабыхъ, всѣхъ угнетенныхъ. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ касался и педагогическихъ вопросовъ, гдѣ развивалъ по преимуществу мысли древне-русскихъ сборниковъ [1]).

1.

Мудрые совѣты родителямъ.

Праотецъ Ной, полагая проклятіе на Хама, который посмѣялся наготѣ отчей, проклинаетъ прежде не самого его, а сго сына и своего внука Ханаана. «Проклятъ буди Ханаанъ — говоритъ правед-

[1]) См. подроб. у И. А. Шляпкина. Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709 г.). Спб. 1891 г.

ный Ной—рабъ да будетъ братіи своей». А почему онъ поступилъ такъ, послушай. Повѣствуютъ, что Ханаанъ, сынъ Хамовъ, будучи десятилѣтнимъ мальчикомъ увидалъ первый наготу Ноя, своего дѣда и разсказалъ о томъ своему отцу Хаму, а Хамъ пошелъ, посмотрѣлъ отца и посмѣялся. Когда Ной отрезвился и проснулся отъ сна и узналъ о случившемся, тотчасъ предалъ проклятію Ханаана.

Приводя случай проклятія Ноемъ Хама и Ханаана, св. Димитрій говоритъ: обратимъ вниманіе на то, что виновникомъ сего проклятія для Ханаана былъ самъ отецъ его Хамъ; онъ когда сынъ разсказывалъ ему, не наказалъ его, но и самъ пошелъ посмотрѣть, какъ будто одобряя этотъ неразумный поступокъ сына; за это слѣдовало бы мальчика строго наказать, а онъ промолчалъ и сдѣлалъ ему поблажку, позволилъ ему говорить невозбранно о наготѣ дѣда, и самъ съ удовольствіемъ о томъ послушалъ его, а черезъ то и себя, и сына подвелъ подъ проклятіе родительское. Поучайтесь, родители изъ сего случая воспитывать своихъ дѣтей, съ ихъ младенческаго возраста въ наказаніи и ученіи Господни, по совѣту Апостола, держите ихъ такъ, чтобы они боялись дѣлать худое, а не поблажайте ихъ ласками, не попускайте имъ своеволія, безчинства, сквернословія, не позволяйте имъ дѣлать ничего непристойнаго и пріобрѣтать дурныя привычки. Ибо кто къ чему навыкнетъ съ дѣтства, отъ того и подъ старость не скоро отстанетъ, и какія правила усвоитъ въ молодости, добрыя ли, или дурныя, съ тѣми состарится и умретъ. Малое дитя подобно доскѣ, приготовленной для картины, и какое изображеніе напишетъ на ней живописецъ, доброе или худое, святое или грѣшное, Ангела или бѣса, то и останется навсегда. Такъ и ребенокъ: какое родители дадутъ ему воспитаніе, какому научатъ его образу жизни, богоугодному или богонепавистному, ангельскому или бѣсовскому, въ томъ онъ и останется на всю жизнь.

Въ какую краску прежде опустите новое бѣлое полотно, того цвѣта оно никогда не потеряетъ; и какой жидкости сначала налете въ новую деревянную или глиняную посуду, благовоннаго ли масла, или вонючаго дегтя, ихъ запахъ останется въ нихъ навсегда. То же самое бываетъ и при воспитаніи дѣтей. Вотъ почему съ дѣтства нужно обучать ихъ добрымъ правамъ и ласками, и строгостію. И не столько ласками, сколько строгостію; полезно юность вразумлять страхомъ, какъ и премудрый Сирахъ совѣтуетъ: не давай сыну твоему воли въ юности и сокруши ребра, доколѣ онъ молодъ, дабы сдѣлавшись упор-

пымъ, онъ не вышелъ изъ повиновенія тебѣ (Сир. 30, 11—12). Святый Златоустъ уподобляетъ юношескій возрастъ коню безъ узды и звѣрю неукротимому.

Чѣмъ коня сдержишь, если не браздами и уздою, и утомленіемъ? Чѣмъ дикаго звѣря (напр. медвѣдя) укротишь, если не цѣпью и палкою? Подобно сему и для юношескаго возраста нужна строгость, какъ бы узда и угроза, какъ бы желѣзная цѣпь.

Хорошо говоритъ премудрый сынъ Сираховъ: кто любитъ своего сына, тотъ участитъ ему наказаніе (Сир. 30,1). И родители должны не только сами вразумлять и наставлять въ добродѣтели своихъ дѣтей, но приставлять къ нимъ опытныхъ людей (напримѣръ старшихъ братьевъ и сестеръ), которые бы не только учили ихъ добру, но и надзирали бы за всѣми ихъ словами, дѣлами и поступками, останавливали и исправляли, въ чемъ нужно, и поучали добрымъ правиламъ: «юность строптива—говоритъ св. Златоустъ,—она требуетъ многихъ наставниковъ». И опять онъ же говоритъ: «дляословъ мы ищемъ пастуха, для лошаковъ хорошаго погонщика, а о томъ что для насъ всего дороже, — чтобъ поручить своего сына такому человѣку, который могъ бы соблюсти его въ цѣломудріи, мы не заботимся». Слышите: если для безсловесныхъ животныхъ нуженъ хорошій пастухъ, то тѣмъ болѣе для дѣтей хорошій приставникъ. Животнымъ нуженъ пастухъ для того, чтобы ихъ звѣри не растерзали, или чтобы воры не увели, а дѣтямъ приставникъ—для того, чтобы злонравные люди ихъ не развратили, чтобы душевные тати—бѣсы ихъ не обокрали и не увлекли въ вѣчную погибель [1]).

2.

О долгѣ матерей.

Съ разрѣшеніемъ исплодства Господь Богъ чудесно даровалъ Саррѣ обильное млеко въ персяхъ ея. Да научатся отселѣ матери, что онѣ сами должны питать младенцевъ своими сосцами, а не отдавать ихъ инымъ женамъ-кормилицамъ; эту должность положилъ на нихъ и Богъ, и природа, давши имъ сосцы, какъ нѣкіе сосуды полные, да питаютъ свое рожденіе.

---

[1]) См. Избранныя творенія св. Димитрія Ростовскаго, стр. 116—118.

И не безъ грѣха бываетъ тѣмъ матерямъ, которыя, безъ какихъ нибудь уважительныхъ причинъ, отдаютъ младенцевъ своихъ кормилицамъ, а сами не хотятъ питать. Не безъ грѣха: потому что отсюда происходитъ великій вредъ. Младенецъ, питающійся молокомъ не своей матери, а иной жены, бываетъ нездоровъ и скоро умираетъ; а хотя и будетъ живъ, однако, будетъ немощенъ: потому что чужое молоко не свойственно младенцу; оно отъ иного (хотя и тожественнаго) тѣла, а не отъ того, отъ котораго младенецъ родился и не такъ полезно, какъ молоко истой матери. Напротивъ, питаемый молокомъ собственной матери, младенецъ бываетъ здоровъ и когда выростаетъ, бываетъ крѣпокъ тѣломъ и остроуменъ: такъ утверждаютъ естествоиспытатели (Плиній, книга 28, глава 9). Младенцы, сосущіе сосцы кормилицъ, вмѣстѣ съ молокомъ сосутъ и недуги ихъ. и дурные навыки, и обычаи ихъ; будетъ больная кормилица, будетъ больной и младенецъ, ею питаемый. Если кормилица гнѣвлива, яра, злобна, другоненавистна: таковъ будетъ и тотъ, кого она сосцами кормитъ. Если кормилица піянива, любострастна, безстыдна, похотлива: таковъ по истинѣ будетъ и питомецъ ея, когда пріидетъ въ возрастъ. Дитя, воспитанное не материнымъ млекомъ, пришедши въ возрастъ, не будетъ имѣть къ матери той любви, какую имѣютъ воспитанные млекомъ матери. А дѣти, мало имѣющія любви къ матери, мало отдаютъ ей и почтенія.

Да пристыдятъ матерей, не своимъ молокомъ питающихъ дѣтей своихъ, безсловесныя животныя: каждый скотъ, каждый звѣрь, всякъ изъ нихъ не ввѣряетъ своихъ исчадій иному питать, но которое родило, то и кормитъ своими сосцами; а родъ человѣческій оставляется отъ собственныхъ матерей, невѣдомо для чего [1]).

XIII.

И. И. Бецкой.

Иванъ Ивановичъ Бецкой, побочный сынъ «послѣдняго боярина» генералъ-фельдмаршала кн. Ивана Юрьевича Трубецкого и баронессы Вреде, родился въ Стокгольмѣ 3-го февраля 1704 г. По воз-

---

[1]) Ив. Ст. 119—121.

вращеніи кн. Трубецкого изъ Стокгольма, гдѣ онъ жилъ въ плѣну, въ Россію, Бецкой былъ отправленъ въ Копенгагенъ, гдѣ и получилъ образованіе и поступилъ въ датскій кавелерійскій полкъ. Здѣсь онъ, однажды, во время ученія, былъ сброшенъ лошадью и сильно помятъ эскадрономъ, что и помѣшало ему продолжать военную службу. Выйдя въ отставку, Бецкой путешествовалъ по Европѣ и между прочимъ въ Парижѣ былъ представленъ герцогинѣ Ангальтъ-Цербской (матери будущей императрицы Екатерины II-й), которая обратила на него вниманіе и впослѣдствіи оказывала ему свои милости. Когда герцогиня Ангальтъ-Цербская привезла дочь свою въ С.-Петербургъ, Бецкой былъ назначенъ состоять при ней, а по отъѣздѣ ея изъ Россіи въ 1747 г., вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ прожилъ 15 лѣтъ. Здѣсь онъ свелъ знакомство съ энциклопедистами, воспитательныя теоріи которыхъ произвели нанего глубокое впечатлѣніе и впослѣдствіи были положены имъ въ основу предпринятой педагогической реформы. Въ 1762 г. императоръ Петръ III вызвалъ Бецкого въ Петербургъ, и, несмотря на то, что онъ отказывался и медлилъ пріѣздомъ «за преклонностью своихъ лѣтъ», долженъ былъ возвратиться въ Россію и тотчасъ по прибытіи былъ произведенъ въ генералъ-поручики, награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго и назначенъ главнымъ директоромъ въ канцелярію строеній Императорскихъ домовъ и садовъ. Императрица Екатерина II, тотчасъ по вступленіи на престолъ, приблизила къ себѣ Бецкого, относилась къ нему съ большимъ уваженіемъ и окружила его почетомъ. Онъ отмежевалъ для себя особую область — воспитательную и не выходилъ изъ нея. Указомъ 3-го марта 1763 г. на него возложено управленіе академіей художествъ, а 1-го сентября того же года обнародованъ манифестъ объ учрежденіи московскаго Воспитательнаго дома, котораго главнымъ попечителемъ назначался Бецкой. Затѣмъ въ Петербургѣ открыто воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ (Смольный монастырь), также устроенное по мысли Бецкого и ввѣренное его главному попеченію и руководству. Въ 1765 г. И. И. былъ сдѣланъ шефомъ сухопутнаго шляхетскаго кадетскаго корпуса. Ввѣривъ ему всѣ эти заведенія, Екатерина II произвела его въ тайные совѣтники и наградила огромными богатствами, значительную часть которыхъ Бецкой употреблялъ на дѣла воспитанія и благотворительности. Въ 1778 году за свою широкую благотворительность Бецкой былъ торжественно

награжденъ отъ сената большою золотою медалью «за любовь къ отечеству». Бецкой вмѣстѣ съ императрицей Екатериною II задавался несбыточною мыслью—при помощи воспитанія создать «новую породу людей».

«Одно ученіе безсильно производить истинно-полезныхъ гражданъ; кромѣ просвѣщенія ума наукою необходимо облагорожеиіе сердца». Эта идея была положена въ основу «Генеральнаго плана воспитанія». Всѣ разнообразные педагогическіе планы Бецкого, вмѣстѣ съ различными постановленіями объ училищахъ, собраны въ отдѣльномъ изданіи «Собраніе учрежденій и предписаній касательно воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества съ прочими въ пользу общества установленіями». Спб., т. 1, 1789, т. II 1791 in 8°. (Впервые оно было издано въ Амстердамѣ на французскомъ языкѣ въ 1775 г. въ 2 т. и потомъ въ 1777 г., въ Невшателѣ). Интересъ Бецкого сосредоточился главнымъ образомъ на вопросахъ воспитанія, которые сдѣлались модными въ З. Европѣ, благодаря страстной проповѣди Ж. Ж. Руссо. Вслѣдствіе стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ, Бецкой получилъ возможность дать своимъ педагогическимъ взглядамъ практическое осуществленіе.

Взгляды его не отличались большою оригинальностью, они во многомъ заимствованы у Руссо и Локка или навѣяны сочиненіями энциклопедистовъ.

Бецкой главною цѣлью ставилъ нравственное воспитаніе. Въ этомъ онъ не столько слѣдовалъ энциклопедистамъ, сколько общему направленію русской мысли и тѣмъ древне-русскимъ педагогамъ, которые задавались тою же цѣлью. Но что было новаго у Бецкого — это вниманіе къ воспитанію физическому, о которомъ древне-русскіе педагоги иначе думали. Онъ былъ рѣшительнымъ врагомъ тѣлесныхъ наказаній, которыя вполнѣ отмѣнялъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, ему подвѣдомственныхъ. Но онъ придавалъ слишкомъ небольшое значеніе воспитанію ума и въ этомъ его коренная ошибка. Для образованія «новой породы» людей, по его мысли, надо было создать совершенно закрытыя учебныя заведенія, гдѣ бы можно было вполнѣ изолировать воспитываемыхъ отъ вліянія семьи и общества. «Новой породы» людей создать Бецкому не удалось, но у него есть не мало здравыхъ мыслей, и потому сочиненія его заслуживаютъ вниманія.

Генеральное учрежденіе

о воспитаніи обоего пола юношества.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Рѣдко великіе Государи о такихъ дѣлахъ крайнее имѣютъ попеченіе, которыхъ плоды медлительны, и которые, чѣмъ большую обѣщаютъ пользу для народа и потомства, тѣмъ большаго труда и непстощимаго великодушія требуютъ. Слава скоротекущихъ дѣлъ чаще упражняетъ самыя величайшія души: въ ней находятъ они и скорое подвиговъ своихъ воздаяніе, и новое къ оными поощреніе.

Преодолѣть суевѣріе вѣковъ, дать народу своему новое воспитаніе, и, такъ сказать, новое порожденіе, есть дѣло совокупленное съ невѣроятными трудами, а прямая оныхъ польза остается вся потомству. О семъ однакоже наибольшее изволите, Ваше Императорское Величество прилагать стараніе, и при славѣ Вашего Государствованія не имѣть къ тому иного поощренія, кромѣ обитающихъ въ особѣ Вашего Величества Божественныхъ дарованій и материяго къ подданнымъ Вашимъ благоутробія, и при всей тягости государственнаго правленія не находить иного подкрѣпленія кромѣ вашей твердости и великодушія.

Таково точно учрежденіе въ Москвѣ воспитательнаго дома подъ Монаршимъ Вашего Императорскаго Величества покровительствомъ. Тамъ прозорливое ваше намѣреніе къ тому клонится, чтобъ бѣдныхъ но неповинныхъ младенцевъ отъ пагубы, а немилосердныхъ убійцъ отъ смертнаго избавить грѣха, и такихъ людей обществу полезными сдѣлать, кои были въ тягость опому своими пороками и своею жизнію.

Таковы и нынѣ вновь Монаршія попеченія, въ которыхъ, не знаю, изъяснилъ ли я слабымъ моимъ писаніемъ Вашего Императорскаго Величества намѣренія, какимъ образомъ учредить въ Россіи воспитательныя Училища; но то знаю, что всѣ мѣры употребилъ

тщательно стараясь изобразить точно слово отъ слова всѣ данныя мнѣ изустно повелѣнія и высокія мысли Августѣйшей моей Монархини, какъ слѣдуетъ:

«Съ давняго уже времени имѣетъ Россія академію и разныя училища, и много употреблено иждивенія на посылку Россійскаго юношества для обученія наукамъ и художествамъ; но мало, буде и совсѣмъ ничего, существительныхъ отъ того плодовъ собрано.

«Разбирая прямыя тому причины, не можемъ мы жаловаться на Провидѣніе и малую въ россійскомъ народѣ къ наукамъ и художествамъ способность: но можно неоспоримо доказать, что къ достиженію того непрямые токмо пути избраны были, а чего со всѣмъ не доставало, о томъ со всѣмъ и помышляемо не было».

«Изъ посланныхъ еще при Государѣ Императорѣ Петрѣ Великомъ, дворяне съ хорошими возвратились успѣхами въ томъ, чему они обучаться назначены были; но по возвращеніи, имѣя путь и право къ большимъ чинамъ и заслугамъ, не могли они въ томъ упражняться».

«Другіе изъ подлости къ наукамъ взятые, также весьма скоро успѣвали въ оныхъ, но скоро еще въ прежнее невѣжество и самое небытіе возвратились; отъ чего и людей такого состоянія, которое въ другихъ мѣстахъ *третьимъ чиномъ* или *среднимъ* называется, Россія до сего времени и произвести не могла».

«Искусство доказало, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямаго Гражданина: но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, естьли кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ, и твердо оныя въ сердце его не вкоренены: а небреженіемъ того, и ежедневными дурными примѣрами привыкаетъ онъ къ мотовству, своевольству, безчинству, лакомству и непослушанію. При такомъ недостаткѣ смѣло утвердить можно, что прямаго въ наукахъ и художествахъ успѣха, и *третьяго чина людей* въ Государствѣ ожидать, всуе себя и ласкать».

«По сему ясно, что корень всему злу и добру Воспитаніе: достигнуть же послѣдняго съ успѣхомъ и съ твердымъ исполненіемъ не инако можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя».

«Держась сего неоспоримаго правила, *единое* токмо *средство* остается, то есть: произвести сперьва способомъ воспитанія, такъ

сказать, повую породу, или повыхъ отцовъ и матерей, которые бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя правила воспитанія въ сердце вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти передали бы паки своимъ дѣтямъ, и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣки».

«Великое сіе намѣреніе исполнить, нѣтъ со всѣмъ инаго способа, какъ завести *воспитательныя училища* для обоего пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старѣе, какъ по пятому и по шестому году. Излишно было бы доказывать, что въ тѣ самые годы начинаетъ дитя приходить въ познаніе изъ невѣденія, а еще неразсудительнѣе вѣрить, яко бы по прошествіи сихъ лѣтъ еще можно поправить въ человѣкѣ *худой нравъ*, чѣмъ онъ уже́ заразился, и поправляя его, тѣ правила добродѣтелей твердо въ сердце его вкоренять, кои ему имѣть было потребно».

«И такъ *о воспитаніи* юношества пещися должно неусыпными трудами, начиная какъ выше показано, отъ пятаго и шестаго до осмнадцати и двадцати лѣтъ безвыходнаго въ училищахъ пребыванія. Во все же то время не имѣть имъ ни малѣйшаго съ другими сообщенія, такъ что и самые ближніе сродники хотя и могутъ ихъ видѣть въ назначенные дни, но не инако какъ въ самомъ училищѣ, и то въ присутствіи ихъ Начальниковъ. Ибо неоспоримо, что частое съ людьми безъ разбору обхожденіе внѣ и внутрь онаго, весьма вредительно, а наипаче во время воспитанія такого юношества, которое долженствуетъ непрестанно взирать на подаваемые ему примѣры и образцы добродѣтелей».

«При сихъ воспитательныхъ учрежденіяхъ первое прилагать должно стараніе, чтобъ вселять въ юношествѣ страхъ Божій, утверждать сердце въ похвальныхъ склонностяхъ, и приучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ: возбуждать въ нихъ охоту къ трудолюбію, и чтобъ страшились *праздности* какъ источника всякаго зла и заблужденія: научить пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ, и отвращенію продерзостей: обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ, и сколько въ ономъ есть полезнаго: особливо же вкоренять въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ, однимъ словомъ: всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои при-

надлежать къ доброму воспитанію, и которыми въ свое время могуть они быть прямыми гражданами, полезными общества членами, и служить оному украшеніемъ».

«Такія и тому подобныя правила, когда посѣются съ сердцахъ воспитываемаго юношества, надѣяться можно, тѣмъ лучшій плодъ произведуть, что согласоваться будуть съ младостію и непорочностію ихъ возраста. Просвѣщая при томъ ихъ разумъ науками и художествами по природѣ, полу и склонности каждаго, обучаемы быть должны съ примѣчаніемъ такимъ, что, прежде, нежели отрока обучать какому художеству, ремеслу или наукѣ, надлежитъ разсмотрѣть его склонности и охоту, и выборъ оныхъ оставить ему самому. Душевныя его склонности всемѣрно долженствуютъ въ томъ надъ всѣми прочими уваженіями преимуществовать; ибо давно доказано, что не предъуспѣетъ онъ ни въ чемъ томъ, чему будетъ прилѣжать по неволѣ, а не по своему желанію».

«При томъ весьма еще важное примѣчаніе имѣть должно въ сихъ воспитательныхъ Училищахъ, то есть: дабы для юношества все то наблюдаемо было, что къ жизни, цѣлости здравія и крѣпости сложенія ихъ служить можетъ, какъ то, въ построенныхъ жилищахъ приводомъ чистаго воздуха, неупотребленіемъ всякаго званія мѣдной посуды, такъ же и всякими невинными забавами и играми опое юношество увеселять, и чрезъ то мысли его приводить всегда въ ободреніе, а напротивъ того искоренять все то, что токмо скукою, задумчивостію и прискорбіемъ назваться можетъ; и сего правила изъ памяти не выпускать».

«Отъ сихъ первыхъ учрежденій зависитъ все воспитаніе, какое дано будетъ первому отъ оныхъ *новой породы* происхожденію. Почему собою понятно, какая потребна осторожность и благоразуміе въ выборѣ Учителей и Учительницъ, и особливо главныхъ надъ воспитательными училищами *Директоровъ и Правителей*. Въ послѣднихъ сихъ вся важность и затрудненіе состоитъ: имъ надобно быть всѣмъ извѣстной и доказанной честности и праводушія, а поведеніе ихъ и нравы долженствуютъ быть напередъ вѣдомы и непорочны; особливо же надлежитъ имъ быть терпѣливымъ, разсмотрительнымъ, твердымъ и правосуднымъ, и, однимъ словомъ, таковымъ, чтобъ воспитывающееся юношество любило ихъ и почитало, и во всемъ доброй отъ нихъ примѣръ получало. Сего ради остается въ дополненіи изъяснить, что все сіе единственно зависитъ отъ

особливаго учрежденія и даваемыхъ наставленій, кои надлежитъ сочинить съ великимъ размышленіемъ и осторожностію, дабы все соображено было ясно, внятно и точно, и чтобъ ничего того пропущено не было, что надлежитъ до Учителей, Учениковъ, до поведенія тѣхъ и другихъ, и до общаго въ сихъ училищахъ наблюдаемаго порядка. Ибо при начинаніи сего, надобно сперьва за точное принять правило; *или дѣлать, и дѣлать цѣлое и совершенное; или такъ оставить и не начинать.* Таковымъ премудрымъ узаконеніемъ Генеральнаго сего Учрежденія Ваше Императорское Величество достигнете самыхъ истинныхъ и единственныхъ причинъ благополучія Россійскаго рода. Ваше Величество доказываете сіе точно даннымъ мнѣ повелѣніемъ, представить Себѣ въ слѣдствіе того надобные регламенты и инструкціи, къ исполненію Высочайшаго намѣренія Вашего о учрежденіи таковыхъ воспитательныхъ Училищъ: во перьвыхъ въ Санктпетербургѣ при Академіи Художествъ, второе, во всѣхъ губерніяхъ Россійской Имперіи, третіе для двухъ сотъ дворянскихъ дѣвицъ, опредѣляя для послѣднихъ часть знатнаго зданія, построеннаго Ея Величествомъ Государынею Императрицею Елисаветою Петровною, Вашею любезнѣйшею Теткою незабвенныя памяти, яко монументъ Ея набожности и благочестія; соединяя Ея намѣренія и пользу государства такимъ образомъ, что сугубо тѣмъ прославляема будетъ некущаяся о насъ Премудрость Божія.

Свѣтъ будетъ удивляться великости и премудрости намѣреній Вашихъ, Всемилостивѣйшая Государыня! а потомки будутъ въ Васъ прославлять неумирающую Мать ихъ блаженства и просвѣщенія. Но какъ теперь не остается ко изъявленію чувствъ нашей благодарности и признанія инаго способа, какъ содѣйствовать по мѣрѣ нашихъ силъ и состоянія толикимъ о насъ Монаршимъ промысламъ, и усердныя возсылать желанія; то да увѣнчаетъ всемогущая рука Божія всѣ намѣренія Ваши такими успѣхами и славою, какъ непостижимо и чудесно Провидѣніе его увѣнчало васъ короною.

Генеральное Учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества было конфирмовано Императрицею Екатериною II 1764 г. марта 12-го дня (печат. Спб. 1766).

КРАТКОЕ НАСТАВЛЕНІЕ

выбранное изъ лучшихъ Авторовъ съ нѣкоторыми физическими примѣчаніями о воспитаніи дѣтей отъ рожденія ихъ до юношества [1]).

I.

О воспитаніи дѣтей отъ рожденія ихъ до отнятія отъ груди.

О кормилицахъ.

1) Кто оскорбляетъ беременную женщину, тотъ рода человѣческаго злодѣй.

2) Для новорожденнаго младенца полезнѣе молоко женщины недавно родившей.

3) Кормилицъ выбирать, сколько возможно, здоровыхъ, добронравныхъ, безъ притворства веселыхъ, имѣющихъ десны алыя, зубы бѣлые, чистоплотныхъ, опрятныхъ и проворныхъ; а рыжеволосыя изключаются.

4) Давать младенцамъ сосать грудь по немногу черезъ два часа больше и меньше по обстоятельствамъ; но ихъ, когда спятъ, для сего не будить.

5) Полезнѣе давать младенцамъ хорошее молоко козье, коровье и прочее, нежели женское худое.

6) Кормилица должна младенцу грудь давать сосать, вставъ съ постели, а не лежа.

7) Что къ пользѣ служитъ, ничего презирать не должно; того для упомянуть можно, что кормилицамъ не всегда носить дѣтей на лѣвой рукѣ, но на той и на другой.

О одеждѣ дѣтской.

8) Обыкновенное свиваніе дѣтямъ не полезно, которое вовсе отвергнуть должно. Оное потребно только для поврежденныхъ членовъ, ежели у младенца случатся.

9) Новорожденнаго младенца обвертывать, не стягивая крѣпко, въ мягкое и сухое полотно, и въ шерстяное одѣяльцо, которое

---

[1]) Издано въ 1766 г.

обогнуть тѣмъ же полотномъ, чтобъ шерсть до лица не касалась. Класть его на бокъ на гладкомъ тюфячкѣ въ колыбель, у которой бы края четыре или пять вершковъ вышиною были набиты мягкою шерстью.

Какъ содержать дѣтей?

10) Первые годы младенцовъ въ разсужденіи нѣжнаго ихъ естественнаго сложенія опасны. Въ сіе время они скорой подвержены смерти, по чему и жизнь ихъ можно почитать еще колеблющеюся. Того для надлежитъ имѣть надъ ними присмотръ съ немалою осторожностію.

11) Съ великимъ попеченіемъ охранять младенцовъ отъ стужи при началѣ ихъ жизни.

12) Когда будетъ у младенца жилка подъ языкомъ не препятствовать, должно Лѣкарю, а не кормилицѣ, оную отдѣлять. Отъ сего происходятъ важныя слѣдствія.

13) Содержать ихъ, какъ возможно, чисто: сіе весьма нужно. Стараться всѣми способами, чтобъ дѣти были на вольномъ и свѣжемъ воздухѣ, который бы всегда свободно въ покояхъ перемѣнялся могъ, дабы не подвергнуть себя трудностямъ, которыя сносилъ Господинъ Шамузетъ, Рекетмейстеръ въ Парижѣ. Онъ желалъ воспитать найденныхъ имъ дѣтей; но отъ невѣденія не наблюдалъ сего правила.

14) Великой свѣтъ въ покояхъ, гдѣ младенцы въ колыбеляхъ, не надобенъ; а ежели и случится, то долженъ быть съ зади, а не противъ глазъ; такъ же и вдругъ на яркой свѣтъ дѣтей не выносить.

15) Младенецъ во время сна долженъ быть такимъ образомъ закрытъ, чтобъ свободно воздухъ перемѣняться могъ.

16) Весьма вредно качать ихъ для того, чтобъ засыпить: сей обычай вовсе отрѣшить должно...

17) Сморкать ихъ бережно, чтобъ не повредить носа.

18) Не допускать, чтобъ всякой человѣкъ цѣловалъ младенца.

О тѣлодвиженіяхъ, и что при томъ надобно примѣчать?

19) По отнятіи отъ груди, разумѣется, около девяти мѣсяцовъ или послѣ, приваживать ихъ ходить. Для свободнаго выправлива-

пія ногъ надобно имъ чаще быть развязанным, и, сколько возможно, держать ихъ съ утра до вечера на вольномъ воздухѣ.

20) Лучше младенцу учиться ходить самому собою, а не на помочахъ, отъ которыхъ, кажется, нѣтъ пользы.

21) Младенцу имѣть на головѣ обручикъ, которой набить такъ, чтобъ толстота его простиралась далѣе носа.

22) Не ввѣрять дѣтей малымъ робятамъ, и не давать имъ въ руки ничего, что вредить можетъ.

23) Умѣренныя слезы младенцу служать лѣкарствомъ, и способствуютъ къ умноженію въ немъ бодрости и силы по разсужденію Господина Саншеса.

24) Отъ груди отнимать, когда зубы начнуть показываться, или десяти, двенадцати и пятьнадцати мѣсяцовъ.

25) Въ сіе время великую осторожность имѣть надлежитъ, и не питать ихъ тяжелою и грубою пищею, которая вредитъ здоровью и жизнь у нихъ отнимаетъ.

II.

О дѣтяхъ по отнятіи отъ груди до пяти или шести лѣтъ.

О одеждѣ.

26) Сколько пеленаніе вредно и опасно младенцу новорожденному, столько же и спуроваиіе тѣсное для дѣтей мучительно. Сіе обыкновеніе можно почесть за безразсудное и къ поспѣшествованію натурѣ неспособное. Хотя здравой разумъ сему и противорѣчитъ; но затвердѣлой обычай женскаго пола одерживаетъ въ томъ побѣду.

27) Тугія завязки и узкая одежда весьма вредятъ здоровью, и останавливаютъ теченіе крови.

О пищѣ.

28) Поелику сіе разумѣется о дѣтяхъ отъ одного до пяти и шести лѣтъ, то по количеству ихъ надлежитъ перемѣнять и умножать имъ пищу.

29) Кашка изъ муки для нихъ очень груба, клейка и тяжела: надлежитъ воспретить употребленіе оной.

30) Порошекъ толченой изъ бѣлаго и хорошо выпеченнаго хлѣба, которой надобно напередъ высушить ломтиками, или грѣнками, всего полезнѣе до двухъ лѣтъ ихъ возраста.

31) Кормить ихъ черезъ три часа помаленьку лучше, нежели много вдругъ, и при томъ небольшою ложкою.

Какъ отвращать болѣзни въ зубахъ?

32) Когда зубы начнутъ вырѣзываться; то вмѣсто всѣхъ лѣкарствъ, котрыя обыкновенно больше имъ тогда вредятъ, нежели пользуютъ, употреблять робячью игрушку съ слоновымъ на концѣ зубомъ, или обдѣланнымъ хрусталемъ, для прохлажденія рта, которой у нихъ въ то время очень разгорячается; воздухомъ же чистымъ и свѣжимъ въ такомъ случаѣ пользоваться для нихъ еще лучше.

33) Какъ коренные зубы выходить станутъ, то можно имъ давать весьма мѣлко искрошеннаго мяса съ хлѣбомъ; однакожъ похлебкѣ или супу должно быть главною ихъ пищею: но очень горячаго никогда не давать. Сіе примѣчаніе нужно для всякаго возраста.

34) Лучшая ихъ пища должна быть хлѣбъ, разная похлебка, молошное и мало мяса; напротивъ того, твердаго, кислаго, такъ же салату, плодовъ и прочаго сему подобнаго дѣтямъ въ малыхъ лѣтахъ не употреблять.

35) Не давать имъ сахару, конфектовъ сахарныхъ и ничего, что сластями называется.

36) Безъ надзирателей не должны дѣти ни пить, ни ѣсть, и особливо:

37) Горячаго питья, вина, водки и прочаго дѣтямъ отнюдь не давать.

О чувствахъ.

38) *Зрѣнію* вредно все чрезмѣрно блестящее. *Слуху* равномѣрно вредителенъ великой шумъ или стукъ. *Обонянію* столько же не полезныя острые запахи. *Вкусу* вредятъ крѣпкая и соленая пища, сласти, пряныя коренья, водки, цѣльныя вина, и тому подобное; а для *Осязанія* остерегаться надлежитъ ожоги и крѣпкихъ спиртовъ.

О снѣ.

39) Дѣтямъ въ первые годы своей жизни должно спать тогда, какъ хотятъ, и ѣсть чаще.

40) Никогда не спать имъ съ старыми людьми; сіе для нихъ вредно.

Какъ содержать дѣтей?

41) Охранять дѣтей отъ стужи въ перьвые годы, употребляя пристойныя средства, а по умноженію возраста пріучать ихъ нечувствительно къ снесенію перемѣны воздуха.

42) Содержать ихъ всегда въ такой вольности, чтобъ могли имѣть желаемую веселость, которая имъ нужна для здоровья и возраста.

43) Для очищенія у дѣтей носа лучше употреблять платки полотняные, нежели бумажные; не худо очищать оной чаще.

44) Употребленіе лѣкарствъ безъ необходимой нужды вредно; а ежели случится запоръ, или голова болитъ, въ такомъ случаѣ воздерживать отъ пищи, давать пить чистой воды по немногу, и гулять имъ на вольномъ воздухѣ, что для нихъ всего здоровѣе.

45) Все чрезвычайное дѣтямъ вредно: какъ лишняя суровость отъ власти, такъ неумѣренное попеченіе и заботы отъ любви, равно для нихъ опасны.

46) Пріучать ихъ ко всему что сами безъ помощи другихъ дѣлать могутъ.

47) Ни въ чемъ не отказывать, когда требованіе ихъ справедливо: не давать же отнюдь того, что уже имъ отказано. А есть ли не отступною просьбою хотя однажды истребуютъ непозволенныхъ прежде вещей, то впредь отъ неполученія оныхъ происходить будутъ слезы, упрямство, своенравіе и худой обычай, что не токмо вредитъ здоровью, но отъимаетъ и веселость полезную.

48) Не должно внушать дѣтямъ пустыхъ страховъ, отъ которыхъ опасныя слѣдствія неминуемо бываютъ.

49) Отвращать отъ нихъ ревность и зависть другъ противъ друга, что весьма опасно; естьлиже сіи пороки случатся, то для отвращенія оныхъ не будетъ инаго средства, какъ удалить съ вели-

кою осторожностію тотъ самой предметъ, отъ котораго сіи пороки происходить могутъ; но при томъ поступать такъ, чтобъ дѣти сего не примѣтили.

50) Удалять ихъ отъ обхожденія съ невѣжами и злоправными людьми, и не допускать видѣть неблагоразумныя ихъ поступки.

51) Обучать ихъ всему играючи, и, сколько возможно, безъ принужденія.

52) Понеже забава, веселость и игра суть главныя средства къ укрѣпленію здоровья; того для не надлежитъ поступать съ дѣтьми сурово, но всему обучать ихъ, какъ сказано, безъ принужденія. Ежелижъ когда и случится дѣлать имъ выговоры, то и въ семъ случаѣ поступать безъ свирѣпства и злобы, дабы большимъ страхомъ не повредить ихъ остроты природной.

Примѣчаніе.

53) Двухъ лѣтъ, или около того, чувствительная въ дѣтяхъ происходитъ перемѣна. Онѣ начинаютъ понимать, разсуждать помнить и прочее. Сіи душевныя свойства достойны примѣчанія такого Философа, который устремляетъ свои мысли въ дѣйствія разума человѣческаго, и въ успѣхи природныхъ дарованій.

О тѣлодвиженіи.

54) Пріучать дѣтей чаще быть на воздухѣ какъ холодномъ, такъ и тепломъ во время большаго ихъ движенія; а лишнял въ томъ бережливость имъ весьма вредна.

55) Труды и вольной воздухъ укрѣпляютъ въ дѣтяхъ тѣлесное сложеніе, умножаютъ веселье, и отъ всѣхъ будущихъ недостатковъ предохраняютъ; на противъ того отъ лѣности и худаго воздуха вырастаютъ онѣ такъ слабы, что весь свой вѣкъ въ болѣзняхъ препровождаютъ.

56) Равномѣрно пріучать ихъ болѣе стоять, нежели сидѣть, да и то на деревянномъ стулѣ; можно заставлять ходить большими шагами, держа голову прямо, плеча назадъ, не выпячивая брюха.

III.

О дѣтяхъ отъ пяти до десяти лѣтъ.

О одеждѣ.

57) Не давать дѣтямъ одѣянія узкаго, и не стягивать ихъ тугою вязкою. Въ дорогое или богатое платье не одѣвать, дабы онѣ свободно и безпрепятственно играть, прыгать и работать могли, не подвергая себя строгости. Первое не токмо вредитъ здоровью, но и ростъ мѣшаетъ; второе причиняетъ угрозы, и въ уныніе приводитъ. Не худо бы въ первыхъ лѣтахъ употреблять помочи для нижней одежды, чтобъ можно было оную носить, не стягивая туго.

58) Пріучать помалу дѣтей въ сихъ лѣтахъ къ снесенію стужи, влаги и непостоянной погоды: нѣтъ нужды покрывать и головъ, развѣ во время солнечнаго зноя; такъ же и по ночамъ зимою теплымъ не одѣвать.

59) Башмаки носить безъ каблуковъ лѣтъ до девяти и до десяти, и никакой узкой обуви не употреблять.

60) Пріучать дѣтскія ноги къ холоду, дабы чрезъ то не такъ чувствительны были къ мокротѣ и къ стужѣ.

61) По тому, что дѣти тѣломъ нѣжнѣе и ко всему чувствительнѣе, нежели взрослые, слѣдовательно гораздо болѣе подвержены и худымъ слѣдствіямъ: предостерегаться должно, чтобъ не давать имъ ни постели, ниже старой одежды, а паче шерстяной, не знавъ на передъ, здоровы ль тѣ были, которые то употребляли.

62) Мѣхъ только въ пути или въ долгомъ пребываніи на большомъ морозѣ употреблять можно. Отъ безразсудства превратилося употребленіе онаго во зло и въ великой вредъ не только дѣтямъ, но и взрослымъ людямъ. Толстая шерстяная или шелковая вата, простеганая бумага, и сему подобное, довольно теплая одежда. Утверждается сіе и славнаго персидскаго Врача правиломъ, которымъ ясно онъ доказываетъ, что для сохраненія здоровья всего лучше, быть всегда легко одѣту.

О пищѣ.

63) Различныя съѣстныя вещи и при томъ простыя гораздо лучше, нежели всегдашнее употребленіе одной пищи; а особливо

такія запрещаются, въ которыхъ пряныя зелья. Кофею и шоколаду дѣтямъ не давать, а наипаче мальчикамъ.

О снѣ.

65) Умѣренной сонъ, по мнѣнію господина *Локка*, есть лучшее крѣпительное лѣкарство. Дѣтямъ сего возраста не должно спать, сколько имъ хочется: наипаче наблюдать, чтобъ не привыкли онѣ къ сему злоупотребленію отъ лѣности: изъ сего правила выключаются однако слабые и нездоровые.

65) Чѣмъ далѣе станутъ дѣти входить въ возрастъ, тѣмъ больше, но нечувствительно, убавлять имъ и сна.

66) Во время сна никогда не будить ихъ вдругъ, чтобъ не испужать.

67) Дѣтямъ лучше спать на вольномъ воздухѣ, нежели въ такихъ мѣстахъ, гдѣ сквозной проходитъ вѣтръ.

68) Не спать на мягкой постелѣ, перины и завѣсы не имѣть: спать больше въ холоду и на сухомъ вольномъ воздухѣ; чего для стараться, чтобъ спальна была къ югу.

О сохраненіи здоровъя.

69) Не худо въ сіи годы стричь волосы какъ для того, чтобъ можно было способно щоткой чистить голову, такъ и для охраненія отъ простуды глазъ, и прочая.

70) Имѣть великое попеченіе о зубахъ: содержать ихъ чисто, не давать грызть ягодныхъ косточекъ, ничего жоскаго и никакихъ сластей; сверьхъ того частое употребленіе зубочистокъ вредно, а булавка всего вредительнѣе; словомъ, что колетъ десну или противъ зубъ, употреблять не должно.

71) Употребленіе мѣди и всего, что имя оной имѣетъ, изключается безъ изъятія, дабы чрезъ то избѣжать яду.

72) Наблюдать, чтобъ не жили дѣти въ новопостроенномъ или недавно крашеномъ домѣ; еще менѣе обращаться имъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ употребляется ртуть, и быть вмѣстѣ съ живущими въ оныхъ.

73) Великая польза для здоровья, ежели дѣти пріучены къ снесенію холода, а нѣга въ молодыхъ лѣтахъ дѣлаетъ ихъ знобкими, бываетъ причиною ихъ лѣности и ослабѣнія, и препятствуетъ сло-

женію тѣла быть крѣпкимъ. Не допускать ихъ быть долго тамъ. гдѣ воздухъ недовольно перемѣняется. Отъ пренебреженія сего правила происходитъ много вреда.

74) Тѣхъ можно конечно прямыми почесть родителями, которые стараются воспитывать своихъ дѣтей въ веселости, побуждая ихъ при томъ любить и исполнять добродѣтель. Сіе правило есть неоспоримо по тому, что дѣтское увесселеніе дѣйствительно отвращаетъ многія прискорбности и болѣзни, которымъ родъ человѣческой подверженъ.

75) Склонность, которую вселяетъ природа въ сіи блаженныя лѣта къ игрѣ и къ увесселенію, есть главное средство къ умноженію здоровья и къ укрѣпленію тѣлеснаго сложенія.

О лѣкарствахъ.

76) Безъ необходимой нужды отнюдь дѣтямъ крови не пускать, ни лѣкарствъ для предосторожности не давать. Господинъ *Локъ* накрѣпко подтверждаетъ, чтобъ убѣгать сей злой привычки. Ежели случится запоръ или головная болѣзнь, то воздержать можно, какъ выше сказано, отъ пищи на сутки, при томъ давать часто по немногу пить чистой воды, а наипаче въ то время не подавать ребенку причины о чемъ либо прилѣжно думать или печалиться, но всего лучше заставлять его играть на вольномъ воздухѣ. По сему надѣяться можно, какъ и опытами доказано, что дѣти, окрѣпчавъ отъ сего физическаго воспитанія, не столько будутъ подвержены болѣзнямъ, которыя обыкновенно употребленіе лѣкарствъ имъ причиняетъ.

О прививаніи оспы.

77) Отъ пяти, шести, или еще моложе, до осьми и десяти лѣтъ, надлежитъ дѣтямъ прививать оспу. Необходимость сего довольно уже доказана искусными, просвѣщенными и человѣколюбивыми Врачами, которымъ слѣдовать безъ сомнѣнія должно по многимъ оказаннымъ отъ нихъ опытамъ и успѣхамъ; того ради родителямъ отложить страхъ столь маловажный и несновательный, который ихъ отъ сего прививанія отвращаетъ.

О спокойствіи духа.

78) Весьма благоразумно, чтобъ не подавать причины дѣтямъ послѣ великой радости вдругъ великую горесть или озлобленіе чувствовать; сколько же злополучій отъ ненаблюденія сего правила случается, мало кто и примѣчаетъ.

79) Застѣнчиваго, робкаго и страшливаго робенка надлежитъ всячески стараться ободрять ласковыми поступками, придавать ему смѣлость, пріучать благоразумно къ тѣмъ вещамъ, отъ которыхъ онъ имѣетъ отвращеніе. Безъ сей предосторожности онъ будетъ всегда унылъ и слабъ.

80) Для большой части молодыхъ людей всего лучше безпрестанно быть въ движеніи, и потому, что они страстно любятъ всякія рѣзвости, рѣдко случится, чтобъ надобно было ихъ склонять къ оному. Всякой покой не на ихъ вкусъ: но естьли имъ по какой болѣзни тѣлесной, или душевной, тѣлодвиженія противны будутъ, то надлежитъ поощрять ихъ къ оными разными играми. Въ прыганьѣ и въ увеселеніи должно проходить дѣтскимъ лѣтамъ. Забавамъ препятствовать отнюдь не должно, и не только не принуждать дѣтей быть въ покоѣ противъ ихъ склонности; но надобно вымышлять и изъискивать перемѣнное упражненіе ихъ тѣлу и духу; ибо, есть ли вдадутся въ унынie, то весь свой вѣкъ будутъ слабѣть и сохнуть. Покой наипаче тотъ, который отъ праздности происходитъ, весьма вредителенъ въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ еще слабая натура не можетъ обойтись безъ тѣлодвиженія; ибо оное укрѣпляетъ ее, и приращаетъ силы.

81) Надлежитъ дѣтей пріучать стоять почти весь день, ѣдятъ ли они или учатся; для сего и столы должны имѣть такіе, которые бы имъ были по груди. Привычка къ стоянью укрѣпляетъ всѣ ихъ члены, и дѣлаетъ оные прямыми; слѣдовательно и все тѣло пребываетъ въ движеніи; отъ стоянья же они покойнѣе спятъ почью.

82) Пріучать дѣтей въ обыкновенныхъ ихъ играхъ дѣйствовать обѣими руками, на примѣръ: играть въ кегли, бросать далеко камнями въ цѣль, бороться и прочая. Позволять имъ бѣгать въ ясные и мрачные дни по песку, по кочкамъ, по пашнѣ, по горамъ и крутымъ мѣстамъ, ходить иногда босикомъ по каменному полу, въ стужѣ съ открытою головою и грудью; ибо все сіе укрѣпляетъ ихъ здоровье, и для того, не опасаясь ничего, дозволять имъ все вышеописанное.

Ежелижъ случится нечаянно, что дитя простудится, то продолжать все тоже, не пользуя ничемъ инымъ, кромѣ воздержности въ пищѣ. Не должно въ семъ случаѣ слѣдовать совѣтамъ малодушныхъ, но стараться, чтобъ жили дѣти въ хорошемъ воздухѣ отдаленномъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ оной зараженъ худыми парами.

83) Искуство Воспитателей въ томъ состоитъ, чтобъ, не препятствуя дѣтямъ въ увеселеніи, отводить ихъ безъ насилія и съ ласкою отъ всего, что вредить можетъ.

О ученіи.

84) Приводить дѣтей къ ученію надобно, какъ въ пріятное и украшенное цвѣтами поле. Терніи въ ономъ находящіяся раздражаютъ природу, особливо съ начала, а сіе происходитъ единственно отъ неразумія воспитателей.

85) Чтобъ дѣти съ веселіемъ исполняли свою должность, надлежитъ стараться всемѣрно вперить въ нихъ любовь къ ученію такъ, чтобъ оное награжденіемъ себѣ почитали. Сіе единое способствуетъ къ большему просвѣщенію ихъ разума.

86) Неумѣренное ученіе вредно здоровью. Не должно тревожиться, видя умы не скоро зрѣющіе, а желать надобно, чтобъ дѣти имѣли только здравой разумъ и доброе сердце, о чемъ паче всего прилагать должно стараніе съ самаго ихъ младенчества, также и о томъ, чтобъ они были и крѣпкаго сложенія.

87) Вкусъ къ ученію могутъ дѣти получать скорѣе отъ добраго примѣра и отъ обхожденія съ благоразумными людьми, нежели отъ руководства учителей развратно живущихъ. Часто случается, что дѣти сверьхъ чаянія сами собою пріобрѣтаютъ знанія только отъ того, что видятъ и слышатъ, и что сами то дѣлаютъ, о чемъ размышляютъ и у другихъ спрашиваютъ.

О наказаніи.

88) Не должно бить дѣтей почти никогда, а паче не слѣдовать въ жестокихъ наказаніяхъ безразсуднымъ и свирѣпымъ школьнымъ учителямъ: не упоминая, что отъ сего приходятъ дѣти въ посрамленіе и въ уныніе, вселяются въ нихъ подлость и мысли рабскія, пріучиваются онѣ лгать, а иногда и къ большимъ обращаются поро-

камъ. Всякіе побои кромѣ того, что чувствительны, по всѣмъ физическимъ правиламъ безъ сомнѣнія вредны здоровью.

89) Лучшій и надежнѣйшій способъ наказанія, лишать ихъ того, что имъ всего пріятнѣе, то есть: не пускать ихъ гулять съ прочими, или, смотря по винѣ, стыдить нѣсколько времени, но не на долго; а всего чувствительнѣе имъ то, что отвращаетъ ихъ отъ тѣлодвиженія.

90) Когда дѣти въ игрѣ или въ рѣзвостяхъ чѣмъ себя зашибутъ или повредятъ, за то ихъ не только наказывать, но и бранить отнюдь не надлежитъ. Чрезъ то родители конечно избавятъ дѣтей своихъ отъ многихъ бѣдъ и болѣзней. Изъ повседневныхъ примѣровъ видно, сколько въ свѣтѣ отъ сей неосторожности слабыхъ, сколько уродовъ, и сколько померло по большой части отъ того, что дѣти, опасаясь наказанія, никому не говорятъ о своей болѣзни, и перемогаяся скрываютъ оную иногда до неизлѣчимости.

91) Сколь жалки тѣ бѣдныя дѣти, которыя за игру и невинныя забавы, лѣтамъ ихъ необходимо потребныя, предаются столь часто на жертву ненавистному гнѣву и своеправію родителей или дядекъ: приличнѣе называть таковыхъ тиранами, нежели воспитателями.

IX.

Императрица Екатерина II.

(1729—1796 г.).

Жизнь и дѣянія Императрицы Екатерины II всѣмъ хорошо извѣстны; мы остановимся здѣсь на ея педагогической дѣятельности.

Среди разнообразныхъ царственныхъ заботъ Екатерина II находила время заниматься науками и писать сочиненія—педагогическія и литературныя, имѣвшія преимущественно характеръ нравоучительный. По выходѣ замужъ за Императора Петра III Екатерина II отдалась чтенію книгъ и скоро отъ романовъ перешла къ книгамъ историческимъ и философскимъ. Одаренная литературнымъ талантомъ, воспріимчивая и чуткая къ явленіямъ окружающей жизни, Екатерина II принимала дѣятельное участіе и въ литературѣ своего времени. Возбужденное ею литературное движеніе было посвящено разработкѣ просвѣтительныхъ идей XVIII в. Мысли о воспитаніи, вкратцѣ изложенныя въ одной изъ

главъ (XIV) Наказа, впослѣдствіи были подробно развиты ею въ аллегорическихъ сказкахъ «О царевичѣ Хлорѣ» (1781) и «О царевичѣ Февеѣ» (1782). а главнымъ образомъ въ «Инструкціи кн. П. Салтыкову», данной при назначеніи его воспитателемъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей (1784 г.). На развитіе ея идей о воспитаніи и обученіи имѣлъ громадное вліяніе Ив. Ив. Бецкой, который часто бесѣдовалъ съ нею, и наводилъ ее на тѣ или другія мысли своимъ выборомъ книгъ для чтенія, такъ какъ былъ ея чтецомъ съ самаго начала царствованія до 1770 г. Впослѣдствіи, впрочемъ, она значительно пошла дальше своего учителя.

Педагогическія идеи, выраженныя въ своихъ сочиненіяхъ, Екатерина II преимущественно заимствовала у Монтеня и Локка,— у перваго она взяла общій взглядъ на цѣли воспитанія, вторымъ она пользовалась при разработкѣ частностей. Руководясь Монтенемъ, Екатерина II выдвинула на первое мѣсто въ воспитаніи— нравственный элементъ—вкорененіе въ душѣ гуманности, справедливости, уваженія къ законамъ, снисходительности къ людямъ. Въ то же время она требовала, чтобы умственная и физическая стороны воспитанія получали надлежащее развитіе. Лично ведя воспитаніе своихъ внуковъ до семилѣтняго возраста, она составила для нихъ цѣлую учебную библіотеку и написала рядъ учебныхъ книжекъ: 1) Русскую азбуку съ гражданскимъ начальнымъ ученіемъ; 2) Китайскія мысли о совѣсти; 3) Сказку о царевичѣ Хлорѣ; 4) Разговоры и разсказы; 5) Записки; 6) Выбранныя россійскія пословицы; 7) Продолженіе начальнаго ученія; 8) Сказку о царевичѣ Февеѣ.

П. А. Лавровскій, занимавшійся изслѣдованіемъ этихъ педагогическихъ книжекъ, находитъ ихъ составленными цѣлесообразно.

Во главѣ педагогическихъ сочиненій Екатерины II, несомнѣнно, слѣдуетъ поставить ея «Инструкцію». Основными положеніями инструкціи служатъ: нравственное воспитаніе, при неуклонномъ стремленіи къ добру, попеченіе о тѣлесномъ развитіи, свобода развитія безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ и самостоятельность образованія, посредствомъ упражненій, ведущихъ къ выработкѣ самодѣятельности.

Воспитатель долженъ быть только помощникомъ и руководителемъ воспитанниковъ, облегчающихъ для него эту самодѣятельность.

Дѣятельность Императрицы Екатерины II въ педагогическомъ отношеніи громадна: она не только писала указы и повелѣнія, педагогическія сочиненія, но и просматривала еще многіе учебники и руководства, предназначенные для народныхъ училищъ. Ея письма къ Гримму цѣлый курсъ педагогики.

Изъ инструкціи князю Николаю Ивановичу Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей.

А. Наставленіе касательно здравія и сохраненія онаго.

Объ одежде. Да будетъ одежда Ихъ Высочествъ лѣтомъ и зимою не слишкомъ теплая, не тяжелая, не перевязанная, не гнетущая напаче грудь.

Чтобы платье ихъ было какъ возможно простѣе и легче.

О пищѣ. Кушать и пить нужно; но что кушать и пить, и сколько, сіе опредѣлять смотря на то, что Ихъ Высочествамъ въ какихъ обстоятельствахъ здорово.

Пища и питіе да будетъ простыя, и просто заготовленныя, безъ пряныхъ зелій, или такихъ кореній, кои кровь горячатъ, и безъ многой соли.

Буде кушать захотятъ между обѣда и ужина, давать имъ кусокъ хлѣба.

Запрещается имъ давать вина нпако, какъ развѣ по докторскому предписанію.

Лѣтомъ вмѣсто завтрака и между обѣда и ужина давать можно вишепь, земляники, смородины, яблоковъ и грушъ спѣлыхъ.

Чтобы не кушали, когда сыты, и не пили, не имѣя жажды; и чтобы когда сыты, ихъ не подчивали пищею или питіемъ; чтобъ не пили холоднаго, вспотѣвши, или когда разгорячены, и вспотѣвши не пили нпако, какъ скушавъ напередъ кусокъ хлѣба.

О воздухѣ. Чтобъ въ покояхъ Ихъ Высочествъ зимою по крайней мѣрѣ дважды въ день перемѣнент былъ воздухъ открытіемъ оконъ воздушныхъ.

Чтобъ какъ возможно Ихъ Высочества лѣтомъ и зимою чаще были на вольномъ воздухѣ, когда сіе не можетъ вредить ихъ здоровью.

Зимою же колико возможно рѣже быть имъ возлѣ огня и чтобъ зимою покои Ихъ Высочествъ не были теплѣе натоплены какъ отъ 13 до 14 градусовъ по термометру Реомюра.

Чтобъ лѣтомъ играли на свѣжемъ воздухѣ, на солнцѣ, на вѣтру.

На огаръ лица и рукъ отъ солнца не смотрѣть.

Вспотѣвши, не ложиться на мокрой травѣ.

О мыльнѣ и купаньѣ. Ихъ Высочества привыкли зимою и лѣтомъ ходить въ мыльну, париться и купаться въ холодной водѣ. По

опытамъ оказалось, что то и другое здравіе ихъ подкрѣпляетъ, и для того зимою и лѣтомъ, недѣли черезъ четыре или пять, водить ихъ въ баню и дозволять имъ париться и купаться.

Баню же пріуготовить должно по предписаніямъ доктора Санхеса, то есть, мокрымъ паромъ, поддавая холодною водою на горячіе каменья, прежде нежели войдутъ въ мыльну, дабы Ихъ Высочества сухой паръ не глотали.

За весьма нужное и полезное почитается чтобъ Ихъ Высочества учились плавать.

Сверхъ того поваживать ихъ чтобъ часто ноги мыли въ холодной водѣ для избѣжанія простуды и мозолей на ногахъ, и чтобъ не опасались мочить ногъ. Сіе, начавъ съ весны или лѣта и продолжая во всякое время года, предупредитъ многія простуды.

Лѣтомъ же купаться сколько сами пожелаютъ, лишь бы передъ симъ не вспотѣли.

О постель и снѣ. Чтобъ Ихъ Высочества спали не мягко, но на тюфякахъ, какъ привыкли; а отнюдь не на перинахъ, и чтобъ одѣяла ихъ были легкія, лѣтомъ простыя ситцевыя, подшитыя простынею, зимою стеганныя.

Спать имъ, чтобъ ночью голова не была покрыта или закутана, колико хотятъ: понеже сонъ дѣтямъ здоровъ, но какъ вставать рано здорово же, и для того поваживать Ихъ Высочествъ ложиться рано.

За семь лѣтъ отъ осьми до девяти часовъ сна, кажется, довольно быть можетъ.

Когда же ихъ будить нужно, тогда оное чинить не вдругъ, но съ осторожностью, дабы не испугались, кликая ихъ по имени негромко.

О дѣтскихъ забавахъ и веселости права. Веселость нрава Ихъ Высочествъ ни унимать, ни уменьшать не должно; напротиву того поощрять ихъ нужно ко всякому движенію и игрѣ, лѣтамъ и полу ихъ сходственнымъ: ибо движеніе даетъ тѣлу и уму силы и здоровье. Не запрещать имъ играть сколько хотятъ, лишь бы въ игру не входило имъ самимъ, или жизнь имѣющему, вредное, и сохраняли бы при игрѣ благопристойность къ людямъ, при оной находящимся.

Малыхъ неисправностей при игрѣ не унимать.

Въ игрѣ ихъ приставникамъ не мѣшаться, развѣ сами попросятъ, чтобъ въ опой участвовали.

Игры должны быть въ волѣ дѣтей, лишь бы тѣ игры невинны были и здоровье ихъ отъ оныхъ не претерпѣло вреда.

Давъ дѣтямъ въ игрѣ совершенную свободу, скорѣе можно узнать нравы и склонности ихъ.

Дѣтскія игры не суть игры, но прилежнѣйшее упражненіе дѣтей.

Вообще дѣти не любятъ быть праздными.

Разнообразіе упражненія и свободность въ упражненіи дѣтямъ всегда пріятны и питаютъ въ нихъ веселость права.

Питая въ дѣтяхъ веселость права, надлежитъ отдалять отъ глазъ и ушей ихъ все тому противное, какъ то: печальныя воображенія, или унынію наносящіе разсказы, и всякія малодушія, привлекающія нѣгу, такожде и ласкательства.

Не оставлять Ихъ Высочествъ никогда въ праздности. Буде не играютъ и не учатся, тогда начать съ ними какой нп есть разговоръ, сходственный ихъ лѣтамъ и понятію, черезъ который получали бы умноженіе знанія.

Дѣти любятъ быть упражнены, они же любопытны. Всякое пріобрѣтеніе знанія имъ пріятно тогда, когда опое получаютъ безъ принужденія: слѣдовательно, не принуждая, наставить можно, а принужденно ихъ учить не должно и нездорово.

Б. Наставленіе касательно продолженія и подкрѣпленія умонаклоненія къ добру.

Кто отъ природы къ добру и лучшему стремится, тотъ родился счастливъ. Доброе сердце, нравъ тихій, въ обхожденіи учтивость, привѣтливость и снисхожденіе всѣмъ людямъ нравится; гордость, нахальство, надменность и притворство равно всѣмъ людямъ несносны.

Хвалы, даваемыя хорошему поведенію, хулы и пренебреженія не достойному суть тѣ способы, коими поощряется хорошее и отвращается дурное поведеніе. Въ награжденіе добрыхъ дѣлъ представить дѣтямъ надлежитъ честь, доброе имя и славу; а за дурныя дѣла стыдъ и поношеніе.

Никакое наказаніе обыкновенно полезно дѣтямъ быть не можетъ, буде не соединено со стыдомъ, что учинили дурно; кольми паче такимъ дѣтямъ, въ душахъ коихъ стыдъ къ дурному вселенъ отъ младенчества, и для того предписывается: твердить воспитанникамъ и давать имъ чувствовать при всякомъ удобномъ случаѣ, что тѣ.

кои прилежаніемъ и радѣніемъ исполняютъ отъ нихъ требуемое, у всѣхъ людей выигрываютъ любовь и хвалу; а за неприлежаніе и нерадѣніе воспослѣдуетъ презрѣніе, нелюбовь и никто ихъ не похвалитъ.

При всѣхъ случаяхъ вселять и напоминать Ихъ Высочествамъ правила человѣколюбія и благоволенія ко всякой твари и поощрять ихъ къ тому похвалою.

Когда въ чемъ который провинится и охуждень будетъ, тогда никто да не дерзнетъ хвалить, доидеже провинившійся не будетъ просить прощенія и не увидятъ, что старается поправить свое поведеніе; къ прощенію же не надлежитъ приступать вдругъ.

Заставлять воспитанниковъ дѣлать съ точностью и ласкою то во всякомъ случаѣ, что дѣлать имъ надлежитъ.

Приставникамъ не дѣлать при воспитанникахъ того, чего не желаютъ, чтобъ дѣти переняли, и вовсе отдалить отъ зрѣнія и слуха Ихъ Высочествъ дурные и порочные примѣры; да не повадятся они въ игрѣ и при оной быть несправедливы и да не употребятъ въ оной несправедливости, или обмана и неправды. Буде таковое примѣтится, да уймутъ ихъ, сказавъ имъ, что обманъ и неправда есть безчестное и стыдное дѣло.

Буде окажутъ несправедливость или обманъ, тогда лишить ихъ имъ принадлежащаго, дабы почувствовали, какова несправедливость.

О слезахъ. Отъ младенчества дѣти обыкновенно плачутъ отъ двухъ причинъ: 1-е отъ упрямства, 2-е отъ чувствительности и склонности къ жалобѣ. Различить тѣ и другія слезы можно по голосу, взгляду и по наружности дѣтей, но тѣ и другія слезы не должно дозволять, но должно запрещать всякія слезы.

Когда плачутъ отъ чувствительности, какъ то отъ болѣзни, тогда стараться надлежитъ имъ дать облегченіе, не уважая много при нихъ боли, слезъ и болѣзни; сказать имъ, что слезы умножаютъ болѣзнь и нѣгу, и для того оныя унимать и отъ нихъ воздерживаться надлежитъ; а болѣе болѣзни сносить и преодолѣвать прилично бодростію духа и терпѣніемъ.

Мысли же ихъ стараться обратить на иное что, или же обращая слезы въ шутки.

Буде единожды приставники дѣтямъ отказали въ чемъ, то чтобъ крикомъ и плачемъ не могли выпросить. Когда упадутъ или ударятся

обо что, немного то уважать, и слезы запрещать, стыдя ихъ ими; ибо твердость духа и разума подкрѣпляетъ добродѣтель.

Поважпвать дѣтей боли сносить съ терпѣніемъ и безъ роптанія.

Буде они вдадутся въ опасность какую, тогда ихъ ввести въ разсужденіе, сказавъ имъ, чтобъ употребили разсудокъ.

В. Наставленіе касательно добродѣтели и того, что отъ дѣтей требуется.

Приготовляя здравіе тѣла, аки временное жилище души, надлежитъ приступить и къ основанію добродѣтелей, полезныхъ душѣ отъ самаго младенчества; слѣдствія того простираться будутъ на времена настоящія и будущія.

Первая добродѣтель по христіанской должности есть истинное познаніе Бога, Творца Видимаго и Невидимаго, отъ Котораго зависитъ наше благополучіе и отъ человѣколюбія Котораго получаемъ все благое, и Которому достодолжную любовь и почтеніе приносить подобаетъ, какъ Совершеннѣйшему Существу, дѣлами и молитвою.

Касательно закона Христіанскаго наставленіе въ немъ любезнѣйшіе внуки наши получить имѣютъ отъ Софійскаго Протоіерея Самбургскаго, котораго для того здѣсь и именуемъ. Онъ, несомнѣнно, въ сей важной части соразмѣрно дѣтскому понятію поступать будетъ. Для народныхъ школъ сочиненный катехизисъ тутъ весьма полезенъ быть можетъ: ибо составленъ, какъ удобенъ быть можетъ для дѣтей.

Приставники, при которыхъ сіи наставленія даваемы будутъ, имѣютъ въ разговорахъ и при удобныхъ случаяхъ соображаться съ сими постановленіями.

Когда о законѣ рѣчь идетъ, тогда не инако отзываться при дѣтяхъ, какъ съ достодолжнымъ почтеніемъ.

О хотѣніи. Тѣлесная сила оказывается въ преодолѣніи какого ни есть труда и затрудненія; душевная же крѣпость оказывается въ преодолѣніи собственныхъ хотѣній и подчиненіи хотѣній здравому разсудку и для того отъ младенчества надлежитъ хотѣніе дѣтей подчинить здравому разсудку и справедливости, дабы отъ младости поважены были повиноваться совѣту здраваго разсудка и справедливости, прежде еще нежели умъ созрѣетъ.

Буде чего будутъ просить со слезами, или съ упрямствомъ, или другимъ вредно быть можетъ, или чего дать не должно, или не можно; въ томъ имъ отказывать и отнюдь не давать и не дозволять.

Буде чего будутъ просить со слезами; или съ упрямствомъ, или упорно: то запрещается имъ давать, а при томъ сказывать надлежитъ, что не дается для того, что упорно, или со слезами, или съ упрямствомъ просятъ.

О послушаніи. Поваживать воспитанниковъ къ непрекословному послушанію Намъ и Императорской Нашей власти. Да будетъ то, что Бабушка приказала, непрекословно исполнено; что запретила, того отнюдь не дѣлать, и чтобъ имъ казалось столько же трудно то нарушить, какъ перемѣнить погоду по ихъ хотѣнію; въ чемъ приставники да дадутъ имъ примѣръ держаться съ точностью въ семъ наказѣ предписаннаго.

Кто съ младенчества не поваженъ повиноваться приказанію и совѣту родителей и приставниковъ, тотъ, созрѣвъ, не въ состояніи будетъ слушать совѣта здраваго разсудка и справедливости.

Чего дѣти повелительнымъ голосомъ требовать будутъ, того не давать; но поваживать воспитанниковъ просить того, чего желаютъ, и благодарить за то, что получили.

Объ упрямствѣ. Кто не слушается, тотъ боленъ, слѣдовательно лишенъ выгодъ здороваго. Его содержать аки больного, и болѣзнь его не кончится инако, какъ съ возвращеніемъ здраваго разсудка, т.-е. съ послушаніемъ и покорностію, и когда надежда видится, что умнѣе быть хочетъ.

Буде кто, паче чаянія, при дѣтяхъ окажетъ упрямство или непослушаніе, того, аки больного, послать домой, дабы остался дома до выздоравленія.

Что запрещать и до чего не допускать. Запрещать и не допускать до того, чтобъ Ихъ Высочества учинили вредъ себѣ или жизнь имѣющему; слѣдовательно бить и бранить при нихъ не надлежитъ и ихъ не допускать, чтобъ били, щипали, или бранили человѣка, или тварь, или какой вредъ, или боль причиняли.

Не допускать Ихъ Высочествъ до того, чтобъ мучили, или убивали невинныхъ животныхъ, какъ-то: птицъ, бабочекъ, мухъ, собакъ, кошекъ, или иное подобное, или портили что умышленно; но поваживать ихъ, чтобъ попеченіе имѣли о принадлежащей имъ собакѣ, птицѣ, бѣлкѣ или иномъ животномъ, и опымъ доставляли

выгоды свои, и даже до цвѣтовъ въ горшкахъ, поливая оныя. Буде же что имъ принадлежащее оставять безъ попеченія, или призрѣнія, то оное отобрать отъ нихъ, ибо все въ свѣтѣ требуетъ попеченія; сіи же способы суть легчайшіе, которыми дѣтей повадить можно къ попеченію, благоволенію, жалости и кротости ко всему.

Ложь и обманъ запрещать. Ложь и обманъ запрещать надлежитъ какъ дѣтямъ самимъ, такъ и окружающимъ ихъ, даже и въ шуткахъ не употреблять, но отвращать ихъ отъ лжи. Буде кто изъ воспитанниковъ, или при нихъ кто солжетъ, то представить ему, что лгать есть дѣло стыдное и безчестное, влекущее за собою презрѣніе и недовѣріе всѣхъ людей. Буде кто изъ нихъ солжетъ, то первый разъ оказать о томъ удивленіе, какъ о поступкѣ странномъ, неслыханномъ и неприличномъ. Буде же паки найденъ будетъ во лжи, то чинить ему выговоръ и смотрѣть на него, и обходиться съ нимъ холодно и съ презрѣніемъ, всѣмъ тѣмъ, коп о томъ знаютъ. Буде, паче чаянія, не уймется, то почесть ложь за упрямство; упрямство же влечетъ за собою наказаніе, которое совокуплено быть имѣетъ со стыдомъ и съ опасеніемъ попошенія.

О худыхъ и порочныхъ примѣрахъ. Отдалять отъ глазъ и ушей Ихъ Высочествъ всѣ худые и порочные примѣры. Чтобъ никто при дѣтяхъ не говорилъ грубыхъ, непристойныхъ и бранныхъ словъ и не сердился.

Отдалять отъ воспитанниковъ всякіе разговоры, разсказы и слухи, умаляющіе любовь къ добру и добродѣтели, или умножающіе пороки.

Въ чемъ главныя достоинства наставленія состоятъ. Главное достоинство наставленія дѣтей состоять должно въ любви къ ближнему (не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобъ тебѣ сдѣлано было), въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и снисходительномъ обхожденіи ко всякому, въ добронравіи непрерывномъ, въ чистосердечіи и благодарномъ сердцѣ, въ истребленіи горячности сердца, пустаго опасенія, боязливости, подозрѣнія невмѣстнаго вездѣ тутъ, гдѣ усмотрится.

Требуется, чтобы съ возрастомъ питомцы утвердились въ добродѣтели, чтобъ вкоренялась въ душахъ справедливость, которая состоитъ въ томъ, чтобъ не дѣлать законами запрещеннаго; въ любви къ истинѣ, въ щедрости, воздержаніи, умѣ, основанномъ на

размышленіи, здравомъ о вещахъ понятіи и разсужденіи, совокупленномъ съ трудолюбіемъ.

Когда дѣти наполнены повиновеніемъ къ верховной власти, почтеніемъ къ родителямъ, довѣренностію къ приставникамъ, совокупленными съ любовью и съ опасеніемъ прогнѣвить ихъ и къ тому соединяютъ благоволеніе ко всѣмъ людямъ, тогда уже много сдѣлано. Чѣмъ болѣе дѣти укрѣпляются въ добродѣтели, тѣмъ болѣе готовятся къ познанію того, что отродію ихъ приличпо.

Д. Наставленіе касательно поведенія и того, что потому отъ дѣтей требуется.

Понеже желается видѣть въ дѣтяхъ сердце доброе, почтеніе къ истинѣ, склонность ко всякому добру, нравъ, наполненный учтивостью и благоволеніемъ къ людямъ и всякой твари, для того поведеніе дѣтей не должно быть основано на ничего не значащей тонкости.

Поведеніе Ихъ Высочествъ да не будетъ притворное, учтивость же да будетъ аки природная и свойственная; и для того ни въ какомъ случаѣ отъ младенчества не отдѣляться отъ предписанныхъ правилъ, показывая вещи въ прямомъ видѣ, отдаляя умъ Ихъ Высочествъ отъ лжи и тонкости, поваживая къ откровенному поведенію; почитать правду, повиноваться здравому разсудку, обходиться съ людьми и въ обществѣ вѣжливо.

Е. Наставленіе касательно знанія и того, что потому отъ дѣтей требуется.

Знать обращеніе въ свѣтѣ и обхожденіе, сходственное рожденію Ихъ Высочествъ, и чѣмъ отличиться для нихъ пристойно: вотъ въ чемъ ихъ знаніе быть долженствуетъ.

И для того наивящшее дѣло приставниковъ есть питомцамъ дать обращеніе учтивое, здравое понятіе о вещахъ, поваживать ихъ къ обычаямъ добрымъ при всякомъ случаѣ, вложить въ нихъ правила добродѣтели, послушаніе къ Намъ, почтеніе къ родителямъ, любовь къ истинѣ, благоволеніе къ роду человѣческому, снисхожденіе къ ближнему; исподоволь показывать имъ вещи, каковы суть и каковы быть должны. Поощрять въ нихъ охоту перенимать лучшее,

любить достойное, почитать заслуживающее почтеніе, вселять въ нихъ стремленіе и прилежаніе, нужное къ полученію успѣховъ и къ опредѣленію препятствій, безъ чего счастливо достигнуть ни до чего неможно.

Ученіе же, или знаніе да будетъ имъ единственно отвращеніемъ отъ праздности и способомъ къ спознанію естественныхъ ихъ способностей и дабы привыкли къ труду и прилежанію.

Буде въ дѣтяхъ способность духа не будетъ угнетаема приставниками, то отъ игры къ ученію приступать они будутъ столь же охотно, какъ къ игрѣ, и для того отнюдь Ихъ Высочествъ не принуждать къ ученію, но представлять имъ, что учатся ради себя и для своей пользы. Буде неприлежно пишутъ, читаютъ, или иному учатся, тогда отобрать на тотъ часъ перья, чернила, бумагу, книги, и прочее; то сами просить будутъ, чтобъ возратили.

Когда учиться будутъ непринужденно, но добровольно, тогда такожде охотно учиться будутъ, какъ играть.

Не принуждая Ихъ Высочествъ къ ученію, сами просить будутъ и приходить къ ученію, какъ къ игрушкамъ.

Буде къ которой новой наукѣ охоты не имѣютъ, тогда при нихъ посадить учить приставленныхъ къ нимъ молодыхъ людей, Клавдія съ товарищами, какъ и по сію пору въ нихъ заведено.

Когда къ какому ученію, въ которое время, или часы, охоты не имѣютъ, тогда Ихъ Высочествъ къ тому не принуждать; но прилежно избирать иной часъ, или время, когда охоту къ тому имѣть будутъ.

При всякомъ ученіи не держать дѣтей болѣе получаса сряду и кончить всегда прежде, нежели они станутъ скучать. Къ ученію не принуждать дѣтей и за ученіе не бранить. Буде учатся хорошо своею охотою, тогда похвалить.

Дѣтямъ трудно имѣть прилежаніе.

Страхомъ научить нельзя: ибо въ душу, страхомъ занятую, не болѣе вложить можно ученія, какъ на дрожащей бумагѣ написать.

Не столько учить дѣтей, колико имъ нужно дать охоту, желаніе и любовь къ знанію, дабы сами искали умножить свое знаніе.

Объ ученіи. Привлекать любопытство дѣтей къ ученію ласкою, а не принужденіемъ; ученіе ихъ первое: читать, писать, рисовать, ариѳметикѣ; продолжать не худо учиться и писать подъ титлами или abreviation. За симъ: географія, начавъ съ Россіи, астрономія, хронологія, математика.

Искусство учителей будетъ состоять въ томъ, чтобъ всякую науку и ученіе облегчить ученикамъ колико возможно.

Впришамъ и музыкѣ учить не для чего, тѣмъ и другимъ много времени теряется, дабы достигнуть искуства.

Запрещается принуждать дѣтей твердить много наизусть. Сіе памяти не подкрѣпляетъ; ибо добрая память отъ добраго сложенія, а не отъ инаго чего происходитъ.

Наизусть вытвердить развѣ выбранныя краткія правила изъ писателей, кои служить могутъ дѣтямъ для украшенія ума и основаніемъ въ поведеніи.

Потомъ слѣдовать можетъ исторія, правоученіе, правила закона гражданскаго. Къ сему служить можетъ Наказъ Коммисіи Уложенія и Учрежденія для управленія губерній Россійской Имперіи, законы Россійскіе, ибо, не знавъ оныхъ, и порядка, коимъ правится Россія, знать не могутъ.

На каждомъ языкѣ для чтенія избрать книги, писанныя лучшія, и изъ нихъ выбрать то, что дѣтямъ читать, или передъ ними читать, то есть, все то, что можетъ умножить въ нихъ знаніе и просвѣщеніе то, которое имъ нужно; напримѣръ: естественная исторія, математика, художества, какъ снять чертежи, или дѣлать разные опыты.

Всеобщая исторія, древность, миѳологія, географія, генеалогія о Россіи и ея производствахъ, торговля и прочее, также физика и исторія художествъ, которая воспитанниковъ водила-бы отъ легкаго до искуснѣйшаго, доказавъ опытами.

Русское письмо и языкъ надлежитъ стараться, чтобъ знали какъ возможно лучше.

Въ тоже время могутъ прилежать къ ученію правилъ верховой ѣзды, фехтованія, волтижированія, плавать, бороться, ружьемъ метать, изъ лука стрѣлять и всему тому, что тѣлу придастъ силу и поворотливость.

Желательно, чтобъ военной, сухопутной и конной, также и морской службы всѣ части отъ нижней службы до верхняго искуства прошли, дабы основательное понятіе о тѣхъ частяхъ получить могли... Предписывается отъ одиннадцати лѣтъ до пятнадцати употреблять по нѣсколько часовъ въ день для спознанія Россіи во всѣхъ ея частяхъ. Сіе знаніе столь важно для Ихъ Высочествъ и для самой Имперіи, что спознаніе оной главнѣйшую часть знанія

дѣтей занимать должно; прочія знанія, лишь примѣняясь къ оной, представлять надлежитъ, и для того приказать по временамъ составить таблицы частей, водя Ихъ Высочества отъ части до части.

Карта всея Россіи и особо каждой губерніи съ описаніемъ, каковы присланы отъ Генералъ-Губернаторовъ, къ тому служить могутъ, чтобъ знать слой земли, произрастенія, животныхъ, торги, промыслы и рукодѣлія; такъ же рисунки и виды знаменитыхъ мѣстъ, теченіе рѣкъ судоходныхъ съ назначеніемъ береговъ, гдѣ высоки, гдѣ поемны, большія и проселечныя дороги, города и крѣпости и строенія знаменитыя, описаніе народовъ, въ каждой губерніи живущихъ, одежду и нравы ихъ, обычаи, веселія, вѣры, законы и языки.

При исторіи естественной дѣлать опыты и примѣчанія, какія употребленія, ремеслы и рукодѣлія дѣлать можно изъ произрастеній и естественныхъ производствъ.

Не долго дѣтей останавливать при всѣхъ тѣхъ знаніяхъ, для которыхъ только единая память надобна, и которыми лишь память отягощается.

Миѳологію и древность имъ не болѣе знать нужно, какъ только чтобъ не могли сказать, что о томъ несвѣдущи.

Исторію Россійскую имъ знать нужно и для нихъ сочиняется.

Познаніе человѣка еще нужнѣе.

А за симъ:

Законы своей земли и правосудіе, употребленіе доходовъ, военное искусство въ защищеніи и наступленіи, о переходѣ рѣкъ и горъ, собраніе войскъ, ученіе, движенія, прокормленіе, содержаніе, попеченіе о больныхъ, дряхлыхъ и неимущихъ.

X

Митрополитъ Платонъ.

Среди лицъ Екатерининскаго времени, размышлявшихъ о правильномъ воспитаніи, выдается, безъ сомнѣнія, митрополитъ, Московскій Платонъ (въ мірѣ Левшинъ). Еще въ скромной роли учителя пінтики и греческаго языка въ Московской Академіи онъ, по собственному сознанію, испыталъ, что «ученіе, дабы было дѣй-

ствительно, не столько зависитъ отъ остроумія и краснорѣчія, сколько отъ чистоты и непорочности сердца учителева». Въ 1763 г. Платонъ получилъ высокое назначеніе учителя богословіи къ наслѣднику престола Павлу Петровичу и сдѣлался придворнымъ проповѣдникомъ. Онъ во многомъ сочувствовалъ педагогическимъ идеямъ Екатерины I и Бецкого, во многомъ возвышалъ ихъ, давая имъ опору въ строгомъ и чистомъ христіанскомъ ученіи. Платонъ явился ревностнымъ помощникомъ Панина въ дѣлѣ воспитанія малолѣтняго великаго князя, лучше сказать, они другъ друга дополняли. Въ 1765 г. онъ произнесъ «Слово о воспитаніи», въ которомъ развивалъ мысль, что «воспитаніе есть предуготовленіе къ добродѣтели». Этимъ положеніемъ своимъ Платонъ примыкаетъ къ педагогическимъ воззрѣніямъ Екатерины II, изложеннымъ въ «Наказѣ» и «Инструкціи» кн. Салтыкову. Въ 1775 г. Платонъ былъ назначенъ архіепископомъ Московскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланъ директоромъ и протекторомъ Московской Академіи. По собственному его признанію, онъ «почелъ долгомъ стараться о приведеніи Академіи въ лучшее совершенство». Это былъ свой Петръ Могила для Московской Академіи. Онъ входилъ въ мельчайшія подробности жизни академіи. Слѣдилъ за выборомъ префекта и преподавателей, расширилъ кругъ преподаванія, заботился о благосостояніи учащихся.

Въ 1787 г. Платонъ былъ пожалованъ митрополитомъ московскимъ, въ 1812 г. умеръ и погребенъ въ Виоанскомъ монастырѣ.

Слово о воспитаніи.

Нѣтъ нужды много думать, о чемъ намъ теперь говорить надобно. Сія академія художествъ и сіе святого храма основаніе довольную подаютъ къ словамъ матерію. Академія назначается, чтобъ быть мѣстомъ добродѣтели, а церковь освящается, чтобъ быть жилищемъ Бога, источника добродѣтели. Тамъ имѣетъ быть предуготовленіе сердецъ къ принятію всякаго добра; здѣсь Духъ Святый на предуготовленной благой землѣ будетъ сѣять сѣмя божественнаго слова. Тамъ будутъ подвиги и честные труды; здѣсь духовное успокоеніе и награжденіе. Разныя подлинно дѣйствія, но одинъ конецъ.

Не должно быть свѣтское училище безъ молитвеннаго храма: ибо суетны бъ были всѣ наши предпріятія, ежели бъ они не оживляемы были благочестіемъ. Но и сама церковь не малой бы лишилася помощи, ежелибъ не было мѣстъ къ доброму воспитанію для тѣхъ, конхъ она должна содержать въ нѣдрахъ своихъ. Напрасно,

напримѣръ, церковь будетъ вопить, чтобъ тотъ вознесъ на небо сердце свое, который такъ воспитанъ, что, кромѣ земного ни о чемъ не думаетъ. Напрасно будетъ увѣщевать она къ любви Божіей того, который не наставленъ, сколько Богъ есть превосходное добро. Не много также успѣетъ она, ежели будетъ предлагать тому ученіе добродѣтели, который отъ самаго младенчества привыкъ добродѣтель поставлять въ однихъ прибыткахъ или пріятностяхъ.

И для того кажется мнѣ, что церковь родителямъ, учителямъ, приставникамъ и всѣмъ попечителямъ сими говоритъ словами: «горькая печаль сердце мое снѣдаетъ, что вижу приводимыхъ ко мнѣ дѣтей, къ высокому ученію моему не предуготовленныхъ. Избавьте меня скорби сей. Труды, которыя я полагаю о пользѣ всѣхъ, раздѣлите со мною. Имѣю я подлинно спасительное сѣмя; но не давайте мнѣ тернія, не давайте каменія, но добрымъ воспитаніемъ ихъ сердца, яко благую землю, мнѣ представляйте». Сей умиленный церкви гласъ кого не возбудитъ, чтобъ не пренебрегать святую воспитанія должность? А паче, что, видится мнѣ, и самыя младенцы слабыя свои намъ простираютъ руки и нѣмотствующимъ своимъ языкомъ къ намъ говорятъ: «Богъ насъ произвелъ на свѣтъ животныхъ другихъ слабѣе, неотмѣнно съ тѣмъ, что онъ положился на ваше о насъ попеченіе». Такъ почитайте вы за священное сіе обязательство и увѣрьте себя, что, исполняя сіе дѣло, исполняете вы дѣло самого Бога.

Я уже оставляю то, что мы не можемъ инымъ чѣмъ заплатить долгъ своимъ родителямъ, какъ равнымъ о воспитаніи другихъ попеченіемъ.

Надобно знать, въ чемъ состоитъ воспитаніе. Изъ преждеречennаго уже видѣть можно, что воспитаніе есть предуготовленіе къ добродѣтели. И потому не состоитъ оно въ нѣжностяхъ тѣлесныхъ, въ увеселеніяхъ чувственныхъ, въ обученіяхъ, которыя только своею наружностію поражать обыкли, а больше ничего. Не состоитъ воспитаніе въ семъ. А состоитъ оно, чтобъ взойти познаніемъ въ самого себя, познать Создателя своего; познать конецъ созданія своего; на семъ незыблемомъ утвердясь основаніи, душу свою такъ приуготовить, чтобъ спискать къ благочестію горячесть, къ государю вѣрность, къ высшимъ почтеніе, къ нижнимъ снисхожденіе, къ равнымъ усердіе, къ родителямъ благодарность, къ пріятелямъ искренность, ко всѣмъ любовь; къ должности быть прилежну, въ домо-

строительствѣ тщательну, въ трудахъ нелѣностну, къ бѣдности другихъ сожалѣтельну, въ счастьи не возносительну, въ несчастіи не унылу, къ общей пользѣ ревностну, во всякихъ обхожденіяхъ быть искрену, ласкову, учтиву, снисходительну. Въ семъ состоитъ существенная воспитанія сила.

Но нѣтъ, думаю, столь малопросвѣщеннаго, который бы не зналъ того. А какимъ образомъ сіе производить въ дѣло, въ томъ уже есть больше трудности. Разные къ тому суть способы, разные пути. И сія, думаю, разность и происходящая изъ того трудность причиною есть, что великіе бываютъ въ воспитаніи непорядки, много развращенія.

Первый и наилучшій, по мнѣнію моему, къ воспитанію способъ есть добрый примѣръ. Онъ есть всегда дѣйствителенъ для всѣхъ, а наипаче для младенческаго возраста. Младенцы еще не имѣютъ совершеннаго въ разсужденіи употребленія. Они управляются почти одними чувствами: и потому ежели что видятъ, ежели что слышатъ, тѣмъ поражаются, то крѣпко печатлѣютъ въ памяти. Сіи укрѣпленныя въ младенчествѣ добрыя или худыя воображенія во все почти будущее время служить имъ будутъ во всякихъ дѣлахъ основаніемъ; ибо чѣмъ новый сосудъ будетъ наполненъ, трудно, чтобъ тотъ запахъ онъ потерялъ когда. Ежели младенецъ имѣетъ родителей или приставниковъ, которые при всякомъ случаѣ показываютъ живыя благочестія знаки: неотмѣнно и младенецъ тѣмъ же напоенъ будетъ благочестія духомъ. Ежели же имѣетъ суевѣрныхъ или къ закону презрительныхъ: нельзя, чтобъ и онъ тѣмъ же не зараженъ былъ порокомъ. Ежели малое дитя во всегданнемъ домашнемъ обхожденіи видитъ или слышитъ примѣры роскоши или скупости, излишнее къ веселостямъ и другимъ наружностямъ пристрастіе: весьма трудно, чтобъ сія язва слабыхъ младенческихъ чувствъ не коснулася. Не хочешь, чтобъ младенецъ развращенъ былъ? не дѣлай предъ нимъ того, чего въ немъ не хочешь видѣть, но будь предъ нимъ зерцаломъ, въ которомъ бы онъ усмотрѣть могъ, чему ему подражать надобно.

Сія, ежели можно сказать, нѣмая наука дѣйствительнѣе опой многоглаголивой, которая на словахъ представляетъ много, а на дѣлѣ ничего. Что пользы разсуждать о теченіи небесныхъ круговъ, а сердце имѣть привязано къ страстямъ земнымъ? Что пользы знать развязывать хитросплетенныя слова, а не знать развязывать

узлы сумнящіяся совѣсти? Что пользы человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь, а душу свою отщетитъ? говоритъ Евангеліе (Марк. VIII, 36). Не презираю я науки, но утверждаю, что онѣ лишаются своей пользы, ежели честностію дѣлъ не будутъ препровождаемы. Прибавить здѣсь надобно и то, что науки не могутъ имѣть своего дѣйствія, развѣ когда младенецъ придетъ въ нѣкоторый возрастъ; но что, ежели онъ въ самомъ началѣ своихъ дней, ежели въ самой почти колыбели приглядится къ такимъ примѣрамъ, которые его ни мало къ принятію добра не расположили? Тщетны тогда будутъ науки и безполезны. Да что, говорю, безполезны? не можетъ быть вреднѣе того человѣка, который бы имѣлъ науки, но не имѣлъ исправленной совѣсти. И потому несомнительно, что самая лучшая наука бываетъ дѣломъ, а не однимъ словомъ.

Сія наука есть евангельская, ибо свойственно есть христіанской мудрости, чтобъ не словами, но дѣлами философствовать. Евангеліе учитъ, что царствіе Божіе не въ словеси, но въ силѣ. Оно хочетъ, чтобъ его послѣдователь былъ яко свѣтило въ мірѣ! «Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ» (Мато. V, 16). Почему нельзя не признаться, чтобъ сей способъ, то есть добрый примѣръ, для воспитанія дѣтей не былъ самый наилучшій.

Сіе припявъ основаніе, сколько возможно, должно отъ младенца удалять худыя содружества, вредные разговоры, безчинныя книги, соблазнительныя представленія, а вмѣсто того приставлять къ нимъ незазорныхъ нѣступовъ, добрыхъ учителей, честныхъ приставниковъ, которые бъ не только были ревностны къ пользѣ воспитываемаго, но при томъ бы мы имѣли и духъ патріотическій.

При чемъ не безполезно помянуть и о томъ, что напаче примѣрами вдыхать надобно въ нѣжныя младенческія сердца. Первѣе всего надлежитъ имъ вкушать страхъ Божій: ибо начало премудрости страхъ Господень (Прит. 1, 7). Симъ необузданный человѣкъ, трудно, чтобъ могъ удержать непристойныя склонности, которыя совсѣмъ тѣмъ непрестанно воюютъ на разумъ. Положимъ, что онъ откровенно и по наружности нѣкоторой будетъ притворять себѣ видъ честности, боясь наказанія отъ законовъ правительства; но притомъ, коли страха Божія нѣтъ, наполненъ будетъ непристойными мыслями и вредными намѣреніями, которыя при всякомъ случаѣ будетъ стараться производить въ дѣло. Но, связавъ уздою страха

Божія худыя человѣческія хотѣнія, невозбранный чрезъ то отворится ко всякому честному дѣлу путь. Послѣ чего безпрепятственно можно будетъ приводить всякаго къ наукамъ и художествамъ, смотря по состоянію, по способностямъ, по склонностямъ, по лѣтамъ и по другимъ обстоятельствамъ.

Полезны подлинно науки, но полезны и художества. Науки просвѣщаютъ мысль, художества не допускаютъ до душевнаго разслабленія. Науки показываютъ ко всякому добру путь: художества дѣйствительно тѣмъ пользуются. Науки наставляютъ, какъ избирать доброе житія состояніе: художества самымъ дѣломъ въ томъ состоятъ. Я могу прибавить въ похвалу художествъ и то, что науки легко употребить можно во зло, и злоупотребленныя — великій причиняютъ вредъ. А художества, не знаю, можно ли употребить во зло: и потому они полезны всегда. Честный художникъ съ кротостію сидитъ въ своемъ уединеніи при благословенномъ дѣлѣ и тѣмъ пользуетъ себя, пользуетъ общество и духомъ своимъ премудраго поетъ Творца.

Такъ кто же теперь не видитъ, что ежели младенецъ по изъясненнымъ нами основаніямъ будетъ воспитанъ, несомнительно, можемъ надѣяться, что онъ имѣетъ быть добрый христіанинъ, честный гражданинъ, бережливый домостроитель, вѣрный другъ, надежный сосѣдъ, пріятный товарищъ. Всего сего тѣмъ удобнѣе отъ дѣтей надѣяться можемъ, что ихъ и память тверда, и силы свѣжи, и члены проворны, и удобно могутъ въ послушаніе приведены быть.

Но почто много говорить мнѣ о воспитаніи и слушателей моихъ утруждать рѣчію о томъ, чего они видятъ предъ своими очами самую вещь?

Никто столь совершенно не понимаетъ пользу воспитанія, сколько Ваше Императорское Величество, дражайшая Всероссійская Матерь; ибо что мы говорили о воспитаніи словомъ, то Ваше Величество исполнили самымъ дѣломъ. Изъ многихъ Вашего Величества обществу преполезныхъ дѣлъ не знаемъ, которое изъ нихъ одно другому предпочесть: столь они превосходны всѣ!

Сія основанная Вашимъ Величествомъ Академія Художествъ, трудно сказать, больше ли есть доказательствомъ милосердія Вашего къ подданнымъ, или мудрости въ изобрѣтеніи столь честнаго къ благополучію ихъ способа.

Ваше Величество, воображая обширность своего владѣнія и пользу художествъ, которая втекаетъ во всѣ государственныя состоянія, сіе мѣсто исполненію сего спасительнаго намѣренія посвятили. Что все дабы было надежнѣе, и первую воспитанія должность въ уваженіе принять не оставили. За сіе высокоматернее попеченіе одолженными Вашему Величеству себя признаютъ церковь, отечество, юношество. И я сознаю себя слабымъ, чтобъ могъ довольно изъяснить ихъ благодарность. Церковь имѣетъ отсюду ожидать добрыхъ христіанъ, отечество — честныхъ гражданъ; а сами юноши, почитая себя одолженными своимъ родителямъ просто жизнію, Вашему Величеству будутъ одолжены доброю жизнію. Жалуются они на свою натуру, что не поспѣшила она дать имъ столько способности, чтобъ могли то изъяснить словомъ, что чувствуютъ они въ сердцѣ. Но недостатокъ ихъ, по возможности, дополняетъ отечество, желая Вашему Императорскому Величеству благополучнаго царствованія, долгайшей и не навѣтной жизни и спасенія души. При чемъ и мы всѣ молимъ премилосерднаго Господа, дабы Онъ сіе благословенное Ваше тщаніе увѣнчалъ дѣйствительнымъ плодомъ. Аминь [1]).

XI.

Ѳ. И. Янковичъ-де-Міріево.

Извѣстно, что Императрица Екатерина II, послѣ свиданія съ императоромъ австрійскимъ Іосифомъ II въ Могилевѣ, рѣшилась принять для Россіи австрійскую систему народнаго образованія. Эта система основывалась на приготовленіи учителей для народныхъ училищъ въ особой нормальной школѣ.

Въ основу преподаванія ея было положено правило: не обременять память учащихся заучиваньемъ наизусть, но развивать ихъ умъ, объясняя непонятое ими и пріучать выражать точно и полно то, что выучили.

Учителя должны были заниматься одновременно со всѣми учениками класса, а не по одиночкѣ, какъ дѣлалось раньше. Введена была буквенная и табличная методы, принята была также т. н. катехизація.

---

[1]) Поучительныя слова (съ 1763 по 1806 г.), 4 т.

При преподаваніи воспрещались всѣ опозоривающія и опасныя для здоровья наказанія.

Принявъ австрійскую систему, Императрица естественно искала въ Австріи опытнаго педагога, который былъ бы въ состояніи ввести ее въ Россіи, устроить всѣ необходимыя учебныя учрежденія, словомъ — руководить дѣломъ начальнаго народнаго образованія. На такого человѣка указалъ ей еще въ Могилевѣ Іосифъ II, онъ рекомендовалъ ей серба Ѳ. И. Янковича-де-Мирієво, доказавшаго практическую свою опытность по учебному дѣлу въ Темесварскомъ банатѣ. Въ сентябрѣ 1782 г. Янковичъ-де-Мирієво пріѣхалъ въ С.-Петербургъ.

Ѳ. И. Янковичъ родился въ 1741 г. въ м. Каменицѣ-Сремской, близъ Петервардейна, и происходилъ изъ старинной сербской дворянской фамиліи (владѣвшей с. Мирієво, близъ Бѣлграда). Образованіе онъ получилъ въ Вѣнскомъ университетѣ. По окончаніи курса поступилъ на службу къ темесварскому епископу, при чемъ оказалъ большія услуги австрійскому правительству, поддерживая согласіе между разновѣрнымъ населеніемъ. Въ 1773 г. былъ сдѣланъ директоромъ народныхъ училищъ въ Темесварскомъ банатѣ, гдѣ также проявилъ себя съ самой лучшей стороны, за что и былъ рекомендованъ Іосифомъ II Екатеринѣ Великой.

По пріѣздѣ въ 1782 г. въ Россію, Ѳ. И. Янковичъ посвятилъ себя новому отечеству и въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ съ самоотверженіемъ работалъ на пользу русскаго народнаго образованія. Съ 1 января 1783 г. по 27 августа 1784 г. былъ директоромъ народныхъ училищъ, затѣмъ по 27 мая 1785 г. директоромъ главнаго народнаго училища, ученымъ чиновникомъ при комиссіи народныхъ училищъ по 11 января 1798 г., членомъ комиссіи по 8 сентября 1802 г. и, наконецъ, членомъ главнаго правленія училищъ. Въ послѣдніе годы съ 1803 года до самой смерти, послѣдовавшей 22 мая 1814 г. онъ страдалъ совершеннымъ истощеніемъ умственныхъ и физическихъ силъ, естественнымъ слѣдствіемъ чрезмѣрныхъ его трудовъ.

Дѣятельность Янковича дѣйствительно была громадна. Надо было сочинять учебные планы, наказы, уставы, какъ для казенныхъ заведеній, такъ и для частныхъ школъ и пансіоновъ, приготовлять учителей, составлять учебныя книги и пособія — и все это приходилось дѣлать самому Янковичу.

Ѳ. И. Янковичу принадлежатъ: 1) двѣ азбучныя таблицы, одна церковной, другая гражданской печати, 2) три таблицы для складовъ: а) церковной, б) гражданской печати и в) рукописныя, 3) россійскій букварь, 4) сокращенный катехизисъ безъ вопросовъ и съ вопросами, 5) правила для учащихся, 6) руководство къ чистописанію съ прописей, 7) книга о должностяхъ человѣка и гражданина, съ вопросами и безъ вопросовъ, 8) пространный кате-

хизисъ, 9) священная исторія, 10) всемірная исторія, 11) зрѣлище вселенныя, содержащая свѣдѣнія о различныхъ предметахъ (съ рисунками), взятая изъ сочиненій Яна Амоса Коменскаго.

Большая часть этихъ учебниковъ была разсматриваема и одобряема самой Императрицей Екатериной II. Другіе учебники и руководства написаны подъ ближайшимъ присмотромъ Янковича.

Такъ это касается «Начертанія естественной исторіи» и «Руководства для учителей». Громадное большинство этихъ руководствъ представляетъ передѣлку или переводъ учебныхъ руководствъ, изданныхъ Фельбигеромъ, въ Австріи, на нѣмецкомъ языкѣ. Тоже относится и къ книгѣ «Руководство для учителей 1-го и 2-го класса народныхъ училищъ», переведеннаго чиновникомъ комиссіи народныхъ училищъ Ковалевымъ. Къ большинству изъ руководствъ Янковичъ присоединялъ предисловія, заключавшія въ себѣ наставленія, какъ излагать науку ученикамъ.

Говоря о заслугахъ Янковича по народному образованію, мы должны указать, что онъ первый у насъ началъ приготовлять народныхъ учителей соотвѣтственно новымъ педагогическимъ и дидактическимъ требованіямъ, устроилъ учебно-воспитательную часть въ главномъ народномъ училищѣ съ учительской семинаріей при немъ, бывшей въ теченіе 18 лѣтъ единственнымъ разсадникомъ учителей для народныхъ училищъ, ввелъ новую методу преподаванія въ народныя училища.

Изъ руководства учителямъ перваго и второго класса народныхъ училищъ Россійской Имперіи.

О способѣ учебномъ.

1. Подъ способомъ учебнымъ разумѣется тотъ образъ ученія, по которому учитель учениковъ своихъ обучать долженъ.

2. Способъ сей состоитъ въ нѣкоторыхъ выгодахъ при самомъ наставленіи, которыя здѣсь означены и предписаны; дабы юношество способнѣе, порядочнѣе и основательнѣе было наставляемо: именно же заключается оный въ совокупномъ наставленіи, совокупномъ чтеніи, изображеніи чрезъ начальныя буквы, въ таблицахъ и вопрошеніи.

Глава первая.

О совокупномъ наставленіи.

I. Что подъ совокупнымъ наставленіемъ разумѣется?

1. Подъ совокупнымъ наставленіемъ разумѣется то, чтобы учители нижнихъ школъ не учили учениковъ одного за другимъ порознь, но показывали бы всѣмъ тѣмъ вмѣстѣ, кои одно учатъ; чрезъ что будутъ они всѣ внимательны къ тому, что учитель говоритъ, спрашиваетъ или пишетъ. Напримѣръ: естьли въ школѣ показываютъ склады или читаютъ, то всѣ, складамъ или чтенію обучающіеся ученики, должны то же самое складывать и читать вмѣстѣ либо въ слухъ, либо про себя: и естьли учитель одного кого, или многихъ вдругъ спроситъ, то чтобъ были въ состояніи продолжать тамъ, гдѣ остановились другіе.

II. Какимъ образомъ при совокупномъ наставленіи поступать?

1. Для соблюденія порядка при совокупномъ наставленіи раздѣляются ученики на отдѣленія, по которымъ ихъ попеременно и учить должно. Напримѣръ: всѣ тѣ принадлежатъ къ одному отдѣленію, которые одному чему ни есть обучаются: какъ-то: буквамъ, складамъ, чтенію и прочему. Нужно, однако, еще раздѣлять и тѣхъ, кои одному чему обучаются, но съ различнымъ успѣхомъ, и сажать особливо хорошихъ, особливо посредственныхъ и особливо слабыхъ.

2. Учитель можетъ спрашивать учениковъ или по отдѣленіямъ, или и порознь, вызывая по имени, или подая какой ни есть знакъ къ отвѣтствованію; однако, не всегда въ одномъ порядкѣ или очередью.

3. Естьли ученикъ хочетъ что нибудь сказать, или встать со своего мѣста; то долженъ онъ напередъ дать знать оное поднятіемъ руки и ожидать позволенія отъ учителя. Безъ позволенія же никто говорить не долженъ.

4. Когда одинъ ученикъ спрашивается, и онъ или отвѣтствуетъ, или читаетъ, тогда всѣ прочіе должны читать за нимъ про себя и быть готовы къ отвѣту, какъ скоро ихъ спросятъ; почему учитель долженъ многихъ учениковъ вызывать, и то одному, то другому приказывать продолжать тамъ, гдѣ остановился его товарищъ.

Иногда надобно также спросить о чемъ нибудь одного, спросить о томъ же другаго и третьяго.

5. Учитель долженъ всѣ слова выговаривать громко, плавно и ясно, глаза обращать всюду, и ходить около всѣхъ учениковъ, дабы видѣть, всѣ ли прилежно его слушаютъ, и дѣло свое исполняютъ.

6. Особливо же пособлять долженъ учитель слабымъ ученикамъ, и заставлять ихъ чаще отвѣчать и повторять отвѣты другихъ. Но дабы сіи его долго не задерживали; то можетъ онъ продолжать далѣе, естьли по малой мѣрѣ двѣ трети учениковъ предъидущее совсѣмъ поняли. Тѣ же немногіе, которые во всю школьную пору за прочими слѣдовать не успѣвали, должны или ходить еще одинъ разъ въ тотъ классъ, въ которомъ они отставали, или учитель долженъ имъ сверхъ обыкновенныхъ часовъ показывать особливо.

III. Польза совокупнаго наставленія.

1. Все время ученіе употребляется въ пользу каждаго ученика, а иначе былъ бы учитель о вниманіи ученика увѣренъ только въ тѣ немногія минуты, когда бы доходила до ученика очередь читать.

2. Исправленіе погрѣшностей обращается въ пользу всѣхъ.

3. Вниманіе учениковъ сохраняется, а резвости отвращаются.

4. Дѣти научатся симъ образомъ скорѣе и легче; а учитель не имѣетъ больше нужды на недѣлающихъ ничего толь часто кричать.

Глава вторая.

О совокупномъ чтеніи.

I. Что подъ совокупнымъ чтеніемъ разумѣется?

1. Подъ совокупнымъ чтеніемъ разумѣется то, когда дѣти всѣ читаютъ одно вмѣстѣ, либо въ слухъ всѣ, либо токмо нѣкоторые, или и одинъ; а другіе про себя.

II. Какъ поступать при совокупномъ чтеніи?

1. Дѣти должны имѣть одинакія книги, для того, что имъ должно въ одно время одинакіе слоги и одинакія слова выговаривать.

2. Совокупное чтеніе происходить должно безъ крика и въ умѣренномъ голосѣ, который можно иногда и перемѣнить, однакоже не выше приличнаго.

3. Подъ умѣреннымъ голосомъ разумѣется тотъ, которымъ дѣти одни про себя что ни есть читаютъ, или которымъ они между собою скромно разговариваютъ.

4. Протяжки, отрывки, принужденности, кончанія рѣчей въ одинакомъ голосѣ и всѣхъ другихъ дурныхъ и слуху противныхъ привычекъ избѣгать при совокупномъ чтеніи всевозможнымъ образомъ.

5. Совокупное чтеніе производить должно при каждой статьѣ слѣдующимъ образомъ: а) статья прочитывается сперва учителемъ или однимъ изъ учениковъ громко. б) Потомъ читаютъ ее поперемѣнно, то всѣ ученики вмѣстѣ, то поклассно, то нѣкоторые порознь отъ 8 до 10 и 12 разъ, смотря по тому, какъ велика или трудна статья и сколько нерадивыхъ или слабыхъ учениковъ въ классѣ. Но дабы дѣти научились хорошо читать, надобно погрѣшности ихъ исправлять, напоминать имъ о правилахъ произношенія и положеніи препинательныхъ знаковъ, и часто ихъ о томъ спрашивать. в) Учитель вопрошаетъ о читанной статьѣ, дѣти отвѣтствуютъ сперва по книгѣ; а учитель неправые ихъ отвѣты исправляетъ. г) Та же самая статья прочитывается еще отъ 4 до 5 и 6 разъ; но дѣтямъ объявляется напередъ, что бы они примѣчали больше то, что читаютъ, для того что послѣ надобно имъ будетъ отвѣтствовать безъ книги. д) Еще чипятся вопросы о той же статьѣ, но другими словами. е) Когда на второе спрашиваніе отвѣтствовано будетъ изрядно отъ многихъ учениковъ, тогда можно приступить къ другой статьѣ; въ противномъ же случаѣ надобно еще повторять ту же самую. ж) Дабы при совокупномъ чтеніи всѣ дѣйствительно читали; то долженъ учитель употреблять къ тому и зрѣніе свое и слухъ, и примѣчать за всѣми, не шевелитъ ли кто губами не смотря въ книгу, или не повторяетъ ли кто за другими словъ не читая самъ вмѣстѣ.

III. Польза совокупнаго чтенія.

1. Дѣти упражняются въ чтеніи всѣ, непрестанное вниманіе въ нихъ соблюдается, потому что всякъ изъ нихъ ожидать себѣ долженъ читать далѣе, или показать погрѣшности того, который читаетъ.

2. Совокупное чтеніе дѣтей болѣе ободряетъ и увѣряетъ, что они и легко и скоро могутъ многому выучиться.

3. Дѣти пріучаются обращать на то, что они читаютъ, и глаза и мысли свои, и при томъ примѣчать одинакіе ли они выговариваютъ съ прочими слоги въ одно время и одинакимъ ли голосомъ.

4. Дѣти научаются разумѣть и почти выучиваютъ наизусь непримѣтнымъ образомъ всѣ тѣ нужныя и полезныя познанія, которыя въ книгахъ для чтенія употребляемыхъ находятся.

Глава третія.

О изображеніи чрезъ начальныя буквы.

I. Что разумѣется подъ изображеніемъ чрезъ начальныя буквы?

1. Изображеніе чрезъ начальныя буквы состоитъ въ написываніи на черной доскѣ словъ и рѣчей ученія наизусть требующихъ, первыми только буквами каждаго слова.

II. Какъ поступать при изображеніи чрезъ начальныя буквы?

Когда съ дѣтьми какая ни есть часть ученія начинается, на примѣръ: катихизисъ, писмо или ариѳметика; то напередъ надобно имъ объяснить, къ чему ученіе предмета сего можетъ быть нужно, а по томъ поступить такъ:

1. Сказать имъ изъ того, что написать на доскѣ надобно, словъ 5 или 6, на примѣръ: Вѣрую во единаго Бога Отца.

2. Сказанное должно еще повторить, и потомъ написать на доску первыя буквы каждаго слова, на примѣръ: В в е Б О. Но при томъ надобно всегда въ тоже самое время то слово выговорить, котораго начальную букву учитель написалъ, и пріучить себя къ проворному и ясному писму; дабы какъ скоро выговорено будетъ слово, тотъ же часъ стояла ясно и начальная его буква, при чемъ учитель наблюдаетъ также и правило правописанія.

3. Когда буквы написаны, тогда произноситъ учитель слова еще однажды громко.

4. Учитель заставляетъ выговаривать слова сіи то всѣхъ учениковъ вмѣстѣ, то поклассно, то порознь, пока большая часть дѣтей не переймутъ оныхъ.

5. Когда ученики написанное выговариваютъ, тогда должепъ учитель на буквы тѣхъ словъ указывать, хотя на примѣръ палочкой.

6. Естьли первыя имъ сказанныя слова выучены; то произносить

онъ опять другія пять или шесть, и пишетъ на доску начальныя ихъ буквы такимъ же образомъ; при чемъ примѣчать только должно, что когда дѣти вновь написанныя слова знаютъ, то надобно повторить прежнія.

7. При написываніи надобно ставить прописныя буквы и знаки препинанія, гдѣ слѣдуетъ.

8. Естьли все, что надлежало дѣтямъ выучить, такимъ образомъ пройдено и столько повторено, что надѣяться можно, что дѣти знаютъ оное довольно хорошо; тогда можно нѣкоторыя буквы стереть и заставлять дѣтей опять сказывать написанное.

9. На конецъ стереть всѣ буквы, и отвѣдывать, не могутъ ли дѣти безъ помощи начальныхъ буквъ сказать рѣчей наизусть.

10. Буде многіе еще ошибаются, то надобно то же самое еще написать или учителю, или одному изъ искуспыхъ учениковъ.

III. Польза изображенія чрезъ начальныя буквы.

1. Симъ выгоднымъ средствомъ ученія можно дѣтямъ вперить въ одну четверть часа болѣе, нежели инако въ цѣлый день, и при томъ самымъ легкимъ образомъ.

2. Дѣти становятся отъ того внимательны.

3. Чувства изощряются въ нихъ купно съ силами душевными отъ самыхъ младыхъ лѣтъ.

4. Можно симъ образомъ преподать юношеству, на небольшомъ пространствѣ и немногими буквами, многое.

5. Чрезъ сіе средство избавляются дѣти отъ жалостнаго мученія, когда имъ подъ угрозами различныхъ наказаній задаются для ученія наизусть опредѣленные на извѣстное время уроки безъ всякаго облегченія.

6. Дѣти научаются всему, такъ сказать, играючи.

Глава пятая.

О вопрошеніи.

I. Описаніе вопрошенія.

1. Вопрошеніе есть, когда учитель учениковъ о какой ни есть вещи спрашиваетъ, для того дабы узнать, поняли ли они ее. Изъ сего

слѣдуетъ, что учениковъ спрашивать должно о такой вещи, которую они слышали, читали, или иначе какъ спознали; и такъ вопрошеніе употребляется при всемъ томъ, чему ученикъ обучается, однако нынѣшнія учебныя книги сочинены безъ вопросовъ для того, чтобы не заставляли учениковъ учить вопросовъ наизусть, которыя вездѣ находятся токмо для учителей.

II. Какъ поступать при вопрошеніи?

1. Учитель долженъ знать дѣло самъ ясно и обстоятельно, и быть въ состояніи слѣдовать вѣрно предписаннымъ для сего правиламъ вопрошенія.

Часть III глава I.

О званіи учительскомъ.

I. О обязательствахъ учительскаго званія.

1. Учители обязаны по состоянію своему заступать у учениковъ мѣсто родителей; и потому чемъ менѣе сами родители вспомоществуютъ въ наставленіи дѣтей своихъ, тѣмъ болѣе трудиться долгъ есть учителей.

2. Учители должны, наставляя дѣтей въ законѣ Божіемъ, дѣлать ихъ благочестивыми христіанами и вѣрными сынами церкви, которые бы правила закона Божія не токмо знали на словахъ; но и показывали бы опыя всегда на дѣлѣ.

3. Званіе учителей обязываетъ ихъ также стараться сдѣлать изъ учениковъ своихъ полезныхъ членовъ обществу; и для сего должны они поощрять чаще юношество къ наблюденію должностей общественныхъ, просвѣщать разумъ учениковъ и научать ихъ какъ думать, такъ и поступать разумно, честно и благопристойно; и предписанныя науки преподавать юношеству такимъ образомъ, какъ надобны имъ опыя бываютъ въ общежитіи.

Глава вторая.

О школьной строгости.

Школьная строгость состоитъ въ принятіи потребныхъ мѣръ для соблюденія того, что въ правилахъ для учащихся предписано. Учитель

есть тотъ, который мѣры сіи принимать долженъ, и при томъ употреблять оныя въ разсужденіи преступающихъ помянутыя правила постепенно.

Степени сіи показаны будутъ ниже, а мѣры, кои при школьной строгости употреблять должно, суть:

I. Увѣщанія.

1. Увѣщанія суть дружественныя представленія, которыми напоминается тѣмъ наблюденіе ихъ должности, которые оную или уже преступили, или по видимому преступить хотятъ.

2. Ласковыя увѣщанія склоняютъ людей почасту къ такимъ вещамъ или дѣламъ, отъ которыхъ они имѣли въ прочемъ великое отвращеніе.

3. Увѣщанія могутъ быть также, смотря по свойству проступка, усиливаемы мѣстами изъ Священнаго писанія и соединяемы съ обѣщаніями награжденія. Однако обѣщавать не долженъ учитель никогда того, чего онъ исполнить или не въ состояніи, или не намѣренъ.

4. Незапное онѣмѣніе или замолчаніе учителя, служитъ иногда вмѣсто увѣщанія съ успѣхомъ для сохраненія въ школѣ порядка и тишины.

5. Увѣщанія должны быть весьма кратки, чтобъ не тратить на оныя много нужнаго къ ученію времени.

II. Предостереганія.

1. При предостереганіи представляетъ учитель учениковъ опасность и худыя слѣдствія того проступка, къ которому они близки.

III. Угрозы.

1. Угрозы суть болѣе важныя учительскія предостереганія, при которыхъ учитель возвѣщаетъ ученикамъ съ опасностію проступка и наказаніе имѣющее за онымъ послѣдовать.

IV. Наказанія.

1. Что разумѣется подъ наказаніемъ, и какія средства къ оному дозволены, или запрещены.

а) Наказанія, о конхъ здѣсь рѣчь идетъ, суть зло, опредѣленное ослушникамъ правилъ для учащихся. Учитель долженъ при наказы-

ваніи ученпковъ имѣть въ виду единое токмо исправленіе учениковъ, при чемъ долженъ онъ быть правосуденъ.

б) Запрещаются же вообще всѣ тѣлесныя наказанія, какого бы рода они ни были, на примѣръ:

1. Ремни, палки, плети, линейки и розги.

2. Пощечины, толчки и кулаки.

3. Драніе за волосы, ставленіе на колѣни и драніе за уши.

4. Всѣ посрамленія и честь трогающія устыженія, какъ то: уши ослиныя и названіе скотины, осла, и тому подобныя.

3. За что наказывать.

а) Вообще за всѣ умышленные проступки, въ которыхъ ученики не смотря на многократныя увѣщанія, предостереганія и угрозы, не изправляются.

б) За особливыя преступленія, а именно:

1. За преступленіе настоящихъ правилъ для учащихся.

2. За обиды соученикамъ и всякіе соблазны.

3. За непочтеніе, упрямство и непослушаніе къ начальникамъ.

4. За дурныя слова и рѣчи.

5. За косненіе во злѣ.

Учитель не долженъ спускать тѣмъ изъ учениковъ, которые въ прочемъ одарены великою способностью, по тому что они должны съ дарованіями своими соединять хорошія свойства и хорошее поведеніе. и что ради способностей своихъ не имѣютъ еще права дѣлать того, что не позволяется другимъ. Не спускать еще въ такомъ случаѣ, когда учитель отъ потачки своей находится въ опасности потерять то уваженіе, которое ученики должны къ нему имѣть.

4. За что наказывать не должно.

а) За слабоуміе, худую память и природную неспособность.

б) За недостатки душевные, какъ то: робость, вѣтренность и непривѣтливость, если оная происходитъ токмо не отъ нерадѣнія или шалости.

в) За погрѣшности произходящія отъ тѣлесныхъ недостатковъ, или болѣзней.

Изъ книги „О должностяхъ человѣка и гражданина“.

О любви къ отечеству.

Статья 1.

О любви къ отечеству вообще.

1. Между склонностями къ добродѣтели и дѣлами добраго гражданина щитается особливо любовь къ отечеству и дѣйствія оной. Большая часть великихъ дѣйствій древнихъ Грековъ и Римлянъ, коимъ по нынѣ мы еще удивляемся, и которые мы другъ другу въ примѣръ къ подражанію представляемъ, было слѣдствіемъ и дѣйствіемъ любви ихъ къ отечеству. Въ книгахъ историческихъ находятся знаменитыя и почти невѣроятныя дѣйствія добродѣтельныхъ сыновъ отечества. Симъ именемъ называютъ людей обоего пола и всякаго состоянія, кои отечество свое почитаютъ, о благѣ его пекутся, при благосостояніи его чувствуютъ истинное удовольствіе, въ нещастіяхъ и опасностяхъ не пребываютъ равнодушны; на сколько можно благополучію и спасенію отечества споспѣшествуютъ.

2. Люди сіи, коимъ давали почтенное названіе сыновъ отечества, показывали любовь къ отечеству разными образами: нѣкоторые предпринимали для блага отечества полезныя, хотя и весьма трудныя дѣла, и старалися, не взирая ни на какія препятствія, приводить оныя къ окончанію: другіе сносили постоянно и великодушно всѣ злоключенія и обиды для пользы общей и благосостоянія своего отечества. Не было ничего столь любезнаго и пріятнаго для другихъ, чѣмъ бы они не пожертвовали отечеству. Многіе не устрашилися никакихъ опасностей, даже на смерть шествовали смѣло, и сносили равнодушно смерть свойственниковъ своихъ, жертвовавшихъ жизнію любезному своему отечеству.

3. Много есть такихъ людей, коихъ въ семъ почти увѣрить не возможно, по тому что въ наши времена таковые примѣры или не столь часто, или не столь много встрѣчаются, какъ бывало въ древнія времена. Нѣкоторые думаютъ, что любовь къ отечеству есть такая гражданская добродѣтель, которая свойственнѣе вольному обществу или Республикѣ, нежели Монархіи, или что въ Республикѣ по крайней мѣрѣ болѣе поводовъ и побужденій къ тому находится; но все сіе весьма несправедливо; ибо, если гдѣ въ нынѣшнее время и окажется меньше любви къ отечеству, нежели въ древности: то сему не образъ

государственнаго правленія, но недостатки въ воспитаніи причиною бываютъ, которые какъ скоро будутъ уничтожены, то и въ наши времена окажется также великое число истинныхъ сыновъ отечества.

4. И для сего нужно дѣлать тоже что дѣлали Римляне, а особливо древніе Греки. Греки почитали воспитаніе дѣтей государственнымъ предметомъ: верьховные начальники имѣли о ихъ попеченіе и устроевали воспитаніе; они не оставляли онаго никогда на произволъ однихъ родителей, не смотря на то, что многіе изъ оныхъ довольно вѣдали долгъ свой, чтобы воспитывать дѣтей своихъ не только для самихъ себя и племени своего, но и для общества. Тѣ же, коимъ воспитаніе препоручено было отъ государства, тщилися возбудить въ юношествѣ вниманіе къ выгодамъ отечества: они представляли имъ пользу государственныхъ учрежденій, пріобучали юношество примѣчать совершенство оныхъ, почитать и проникать всѣ выгоды, коими каждый въ отечествѣ своемъ наслаждаться можетъ; не забывали также повѣствовать имъ о славныхъ дѣлахъ сыновъ отечества, и оныхъ примѣрами возжигать въ нихъ ревность къ подражанію. Все сіе дѣлало сильное впечатлѣніе въ юношествѣ; оно было поощряемо какъ добрыми и полезными, такъ и благородными дѣйствіями, чувствовало удовольствіе и не могло удержаться, чтобъ не любить, и не дѣлать того, что почитало за благородное и полезное.

5. Ежели станутъ въ наши времена поступать съ юношествомъ такимъ же образомъ: то возбудятъ въ немъ по примѣру древнихъ любовь къ отечеству, и тогда поддапные монархическаго государства будутъ тоже дѣлать, чему удивляемся мы въ сынахъ отечества древнихъ свободныхъ областей.

6. Истинный сынъ отечества долженъ привязанъ быть къ государству, образу правленія, къ начальству и къ законамъ. Любовь къ отечеству состоитъ въ томъ, дабы мы почтеніе и благодарность являли къ правительству, чтобы покорялись законамъ, учрежденіямъ и добрымъ правамъ общества, въ коемъ мы живемъ, чтобы уважали выгоды отечества, употребляли оныя къ общей пользѣ и по возможности тщилися бы ихъ сдѣлать совершеннѣе, дабы принимали мы участіе во славѣ того общества, коего мы сочленами, и ревностно бы старались о благѣ онаго [1]).

[1]) Изъ книги „О должностяхъ человѣка и гражданина книги, къ чтенію опредѣленной въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи, изданной по Высочайшему повелѣнію въ С.-Петербургѣ 1783 г. Одиннадцатое тисненіе Спб. 1817 г. ст. 110—142.

XII.

Г. С. Сковорода.

Григорій Савичъ Сковорода родился въ с. Чернухахъ, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи, отъ родителей простого званія, въ 1722 г. Учился въ Кіевской академіи. Окончивъ курсъ, Сковорода отправился, по приглашенію одного богатаго вельможи (Вишневскаго) за границу, въ качествѣ учителя его дѣтей. Побывалъ въ Вѣнѣ. Офенѣ, Пресбургѣ, а оттуда пѣшкомъ обошелъ всю Германію, Италію и Польшу. Посѣтилъ лучшіе университеты и съ жадностью слушалъ знаменитыхъ тогдашнихъ профессоровъ, и въ особенности Канта. Возвратившись на родину, полный учености, онъ получилъ весьма скромное мѣсто учителя пінтики въ Переяславской семинаріи.

Но здѣсь оставался недолго. 1759 г. получилъ мѣсто учителя поэзіи въ Харьковскомъ коллегіумѣ. Къ этому же времени относится и дружба Сковороды съ молодымъ М. И. Ковалинскимъ, позднѣйшимъ его біографомъ. На нѣкоторое время Сковорода оставлялъ свое мѣсто, но въ 1766 г. когда, по повелѣнію Императрицы Екатерины II, въ Харьковскомъ коллегіумѣ прибавлены были нѣкоторыя науки и благородному юношеству назначено было преподавать правила благоправія. Сковорода снова получаетъ приглашеніе и ему поручается именно этотъ предметъ. Живя въ Харьковѣ, въ качествѣ преподавателя коллегіума, онъ по словамъ Ковалинскаго, «спалъ въ сутки не болѣе четырехъ часовъ; вставалъ до зари, и когда позволяла погода, пѣшкомъ отправлялся за городъ гулять; всегда веселъ, бодръ, подвижепъ, воздержанъ, цѣломудръ, всѣмъ доволенъ». Въ руководство коллегіумистамъ онъ скоро написалъ «Начальную дверь къ христіанскому доброправію, для молодаго шляхетства Харьковской губерніи», представляющую какъ бы конспектъ читанныхъ имъ лекцій. Въ ней найдено было много сомнительнаго, и хотя Сковорода защищался умно и съ достоинствомъ, ему навсегда пришлось оставить коллегіумъ.

Съ этого времени началась скитальческая жизнь Сковороды на Украинѣ, продолжавшаяся до самой смерти. Переходя изъ города въ городъ, изъ села въ село, онъ, гдѣ останавливался, живалъ уединенно, гдѣ-нибудь на хуторѣ или на пасѣкѣ. Въ юношахъ украинскаго дворянства онъ возбуждалъ любовь къ просвѣщенію, равно какъ являясь среди простого народа, пробуждалъ въ немъ любовь къ добру. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ всего болѣе заботился о лучшей, болѣе совершенной жизни человѣка, стараясь въ каждомъ пробудить самосознаніе. Нравственное ученіе Сковороды возвышенное съ философской точки зрѣнія, согласно съ христіанствомъ, но теоретическій образъ мыслей его во многомъ сходенъ съ мистической философіей Бема [1]).

Являясь наставникомъ всѣхъ классовъ мѣстнаго общества, Сковорода особенно любилъ наставлять простой народъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянно вращаясь среди народа, онъ старался изучить его природу, его волю, его языкъ и обычаи: «ибо, по его мысли, учитель не учитель, а только служитель природы».

Въ Сковородѣ, говоритъ Г. П. Данилевскій, олицетворилось умственное пробужденіе украинскаго общества конца XVIII в. Сковорода былъ сыномъ того времени на Украинѣ, которое быстро создало рядъ школъ, гимназій, университетъ. За отсутствіемъ въ то время въ Слободской Украинѣ науки и литературы, въ Сковородѣ стремились всѣ тогдашніе умы и сердца. О немъ писали въ письмахъ другъ другу, толковали, спорили, разбирали его, любили или ненавидѣли, хвалили или порицали, а главное, всѣ имъ интересовались, и двери всѣхъ были для него раскрыты настежь. Можно сказать, что по степени уваженія, которымъ онъ пользовался, его можно было назвать «странствующимъ университетомъ и академіей тогдашнихъ украинскихъ помѣщиковъ».

Сковороду нерѣдко сравнивали съ Ломоносовымъ, но это сравненіе невѣрно. Ближе къ истинѣ были тѣ изъ современниковъ, которые называли Сковороду русскимъ Сократомъ, такъ какъ онъ и самъ избралъ въ образецъ своей дѣятельности Сократа. И дѣйствительно, Сковорода, какъ первый русскій философъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, во многомъ напоминаетъ отца греческой философіи Сократа. По ученію Сковороды, какъ и Сократа, основнымъ началомъ и условіемъ познанія является самопознаніе. Сковорода скончался 29 окт. 1794 г. на 73 году отъ рожденія. При жизни Сковорода ничего не печаталъ, только послѣ его смерти начинаютъ издаваться его сочиненія. Недавно (1894 г.) Харьков. Истор. Филол. Обществомъ, подъ редакціей проф. Багалѣя, изданы сочиненія Г. С. Сковороды (хотя и не всѣ), откуда мы и сдѣлаемъ выдержки.

---

[1]) Обзоръ русск. дух. лит. кн. II ст. 118—119.

1.

О значеніи воспитанія.

Рожденнаго на добро не трудно научить на добро, хоть научить, хоть навычить, хоть извычить. Хоть ученый, хоть звычайный, хоть привычный есть тоже. Отъ природы, яко матери, легесенько спѣетъ наука собою. Сія есть всеродная и истинная учительница и единая. Сокола вскорѣ научишь летать, но не черепаху. Орла во мгновеніе научишь взирать на солнце и забавляться, но не сову. Елепя легко исправить на Кавказскія горы, привлечешь пить безъ труда изъ чистѣйшихъ пагорныхъ водотечей, но не верблюда и не вепра.

Аще всяческая строитъ премудрая и блаженная натура, тогда како не едина она и исцѣляетъ и научаетъ. Всякое дѣло спѣетъ, аще она путеводствуетъ. Не мѣшай только ей, а если можешь, отвращай препятствія и будто дорогу ей очищай; воистину сама она чисто и удачно совершитъ. Клубокъ самъ собою поточится изъ горы: отними только ему препятствующій претыканія камень. Не учи его котиться, а только помогай. Яблони не учи родить яблока: уже сама натура ее научила. Огради только ее отъ свиней, отрѣжь волчцы, очисти гусень, отврати устремляющуюся на корень ея урыну и протчая.

Учитель и врачъ—нѣсть врачъ и учитель, а только служитель природы, единственныя и истинныя и врачебницы, и учительницы. Буде кто чего хощетъ научиться, къ сему подобаетъ ему родитися. Ничтоже отъ человѣка, отъ Бога же вся возможна суть. Аще же кто дерзаетъ безъ Бога научить или научится, да памятуетъ пословицу: волка въ плугъ, а онъ въ лугъ. Воспитаніе истекаетъ отъ природы, вливающія въ сердце сѣмя благія воли, да по малу-малу, безъ препятствій возрастш, самовольно и доброхотно дѣлаемъ все тое, еже свято и угодно есть предъ Богомъ и человѣки» [1]).

О народномъ воспитаніи.

Учителю надлежитъ быть вездѣсущимъ въ народѣ: ибо «изводъ» образованія долженъ быть изъ народа, для народа, народный; долгъ

---

[1]) Изъ Притчи нареченной Еродій ст. 222—223.

же учителя познать необходимость, мѣру, примѣръ и свойство «исты» образованія и сочетать себя съ народомъ, т.-е. изводъ съ истою или форму съ идеей. Какое идолопоклонство вписывать выписаннымъ мудрецамъ и наемнымъ учителямъ изъ нѣмцевъ и французовъ силу воспріносить и воспричитать чуждому воспитанью! Самое воспитаніе скрывается въ природѣ каждаго народа, какъ огонь и свѣтъ невидимо скрываются въ кремешкѣ. Приставь же губку, либо трутъ, не пожалѣй руки и ударь кресаломъ и выкресишь огонь у себя дома, и не будешь ходить по сосѣднимъ хатамъ съ «трепетицею» клаяться и просить займи мнѣ огня! Учителю подобаетъ быть изъ среды народа русскаго, а не нѣмцу и не французу. Не чуждому воспитанію должно быть привиту къ русскому человѣку, а своему родному. Нужно его умѣть силой найти, выработать его изъ нашей же жизни, чтобы снова осмысленнымъ образомъ его обратить въ нашу же жизнь» [1]).

3.

Глава дѣла.

Источникъ рѣкамъ и морямъ есть главою. Бездна же сердечная есть глава и источникъ всѣмъ дѣламъ и всему міру. Ничто же бо есть міръ, точію связь или составъ дѣлъ или тварей. И ничто же есть вѣка сего Богъ, развѣ мірское сердце, источникъ и глава міра.

Ты же, сыне мой, читая книгу видимаго и злого сего міра, возводи сердечное твое око во всякомъ дѣлѣ на самую главу дѣла, на самое сердце его, на самый источникъ его, тогда, узнавъ начало и сѣмя его, будеши правъ судія всякому дѣлу, видя главу дѣла и самую исту, истина же избавитъ тя отъ всякія напасти. Аще бо два рода тварей и дѣлъ суть, тогда и два сердца. Аще же два сердца, тогда и два духи-благій и злый, истинный и лестчій... По сихъ двоихъ источникахъ суть всякое дѣло. «Аще сѣмя и корень благъ, тогда и вѣтви и плоды» [2]).

---

[1]) См. Труды Кіев. Дух. Ак. №№ 7 и 8, 1894 г. Н. Стеллецкій. Странствующій украинскій философъ Г. С. Сковорода.

[2]) Изъ притчи „Убогій жайворонокъ“ ст. 243. Сборн. Хар. Ист. фил. общ. т. 7-й.

XIII.

А. А. Прокоповичъ-Антонскій.

Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій родился въ Прилукскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. Годъ его рожденія съ точностію неизвѣстенъ. Въ 1773 г. онъ поступилъ въ Кіевскую Академію, а въ 1782 г. перешелъ въ Московскій Университетъ, гдѣ воспитывался на счетъ Дружескаго Ученаго Общества. Въ 1784 г. получилъ званіе баккалавра Учительскаго Института, въ 1787 г. опредѣленъ секретаремъ при куратор Мелиссино. Въ этомъ же году поступилъ въ Университетскій Пансіонъ для преподаванія естественной исторіи, которую и преподавалъ тамъ въ теченіе 15 лѣтъ. Въ 1788 г. сдѣланъ адъюнктомъ Университета по каѳедрѣ Энциклопедіи и Натуральной Исторіи. Издавалъ (1788—1792 г.) Магазинъ Натуральной Исторіи, Физики и Химіи. Въ 1790 г. получилъ званіе экстраординарнаго профессора. Въ 1791 г. былъ назначенъ Инспекторомъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, а въ 1794 г. произведенъ въ ординарные профессоры. Съ 1818 г. по 1826 г. былъ Ректоромъ Московскаго Университета и Директоромъ Благороднаго Пансіона. Въ годъ опредѣленія своего на каѳедру Натуральной Исторіи Антонскій говорилъ слово: «О началѣ и успѣхахъ наукъ, въ особенности Естественной Исторіи», гдѣ указывалъ, что «польза отъ естественной исторіи величественна, многочисленна и многоразлична». «Въ сей книгѣ (натуры) какъ въ зеркалѣ усмотрѣть можно, коль стройно и согласно произведенія природы расположены въ порядкѣ, родахъ, видахъ и послѣднихъ ихъ раздѣленіяхъ».

Въ 1784 г. онъ является предсѣдателемъ Собранія Университетскихъ питомцевъ, а въ 1789 г. секретаремъ вновь учрежденнаго Общества русскихъ ученыхъ и ставитъ своей главной задачей объединеніе и сближеніе ихъ.

Но самая главная дѣятельность Прокоповича-Антонскаго принадлежитъ Благородному Пансіону. Онъ не щадилъ трудовъ и средствъ, чтобы поставить пансіонъ на высокую степень развитія. Матеріальными средствами пансіонъ похвалиться не могъ, но ихъ замѣняла твердая воля, дружелюбіе со всѣми и уваженіе обще-

ственное, какимъ пользовался Антонскій. Поддержать человѣка даровитаго, сохранить его на мѣстѣ для науки—онъ вмѣнялъ себѣ не только въ честь, но и въ строгую обязанность; выставить впередъ дарованіе, дать ему возможность развиться, украсить имъ Университетъ—это была одна изъ задачъ жизни Прокоповича-Антонскаго. «Въ Антонскомъ, говоритъ его біографъ [1]), какъ педагогѣ, былъ одинъ талантъ рѣдкій, который не всякому дается: это даръ проницанія, даръ отгадывать способности. Можно соединить въ себѣ и ученость глубокую и разнообразную, и возвышенныя силы ума, и обширныя познанія въ педагогикѣ, но безъ этого дара Божія не успѣешь на томъ трудномъ поприщѣ, которое проходилъ Антонскій».

Время оправдало и даръ проницанія и заботы Антонскаго. Время управленія имъ пансіономъ есть одна изъ лучшихъ страницъ исторіи русской педагогіи XVIII в. Литературно-педагогическая дѣятельность Антонскаго была направлена на составленіе учебныхъ пособій, которыя въ числѣ 20 были изданы въ пользу воспитанниковъ благороднаго пансіона, на составленіе «Чтенія для сердца и разума».

Въ 1798 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ на университетскомъ актѣ онъ произнесъ замѣчательную рѣчь «О воспитаніи», откуда и сдѣлаемъ значительныя выдержки.

О воспитаніи.

Никто не родится въ свѣтъ ни счастливымъ, ни добродѣтельнымъ, ни просвѣщеннымъ. Природа, производя человѣка, дастъ ему только жизнь и силу дѣйствія, а образовать его предоставляетъ времени и опытамъ. Большіе или малые успѣхи ума въ человѣкѣ зависятъ отъ различныхъ случаевъ жизни, болѣе или менѣе ему благопріятныхъ. Необыкновенныя и общія, худыя и добрыя свойства его зависятъ отъ первыхъ производимыхъ въ немъ впечатлѣній, отъ первыхъ внушаемыхъ ему чувствованій и понятій—отъ воспитанія. Счастливъ тотъ народъ, котораго государь съ самыхъ юныхъ лѣтъ научитъ мудрости и добродѣтели, которому съ самыхъ юныхъ лѣтъ внушаемы были правила истины и человѣколюбія, и котораго всѣ мысли, воля и дѣянія устремлены къ тому, чтобъ любить народъ свой и благотворить ему.

Сколь спасительны плоды прямо добраго воспитанія, столь пагубны слѣдствія небреженія о немъ!.. Не отсюда ли пороки и злодѣяніе?..

---

[1]) См. Біограф. словарь професс. и преподав. Императ. Москов. Универс. Ч. I. Москва 1855. г

Возврати всю силу и важность воспитанію, сдѣлай его какъ бы священнымъ нѣкіимъ сосудомъ и тогда не нужно будетъ ни столько врачей, ни столько блюстителей законовъ; нравственныя гарпіи исчезнутъ, и добродѣтель воцарится.

Судьба цѣлыхъ народовъ наиболѣе зависитъ отъ воспитанія молодыхъ людей. Дѣти должны нѣкогда составлять общество и быть его членами. Они утверждаютъ благосостояніе его, если съ юности наполнены добродѣтелью и любовью къ отечеству; разрушаютъ порядокъ его и тишину, если отравлены развратомъ. Какъ бы славно и могущественно ни казалось государство, но если утвержденьемъ ему не служитъ доброе воспитаніе, то падетъ оно, и блескъ славы его исчезнетъ. Для блага общества столько же нужно воспитаніе, сколько попеченіе о юныхъ растеніяхъ нужно для поддержанія, распространенія и украшенія сада. И если всегда доброе воспитаніе необходимо, то особливо въ нынѣшнія времена, когда роскошь повсюду влечетъ за собою распутство и болѣзни, суемудріе разстраиваетъ всѣхъ умы и сердца, а жадность къ корысти потушаетъ гласъ совѣсти и вѣры.

Воспитаніе есть физическое и моральное. Предметъ его — образованіе тѣлесныхъ и душевныхъ способностей человѣка. Тѣло дѣлаетъ оно крѣпитъ и стройнымъ, умъ просвѣщеннымъ и основательнымъ, а сердце вооружаетъ противу язвы пороковъ. Оно даетъ человѣку новую жизнь, давая ему возможное совершенство.

Между дикими и просвѣщенными народами равно дорого цѣнится, равно почитается лучшимъ сокровищемъ крѣпкое и стройное сложеніе тѣла. Съ самымъ крѣпкимъ строеніемъ тѣла становятся часто уродами отъ небреженія, съ самымъ слабымъ дѣлаются нерѣдко крѣпкими и стройными, если нѣжная рука матери приложитъ объ нихъ возможное старанье. Здоровье, крѣпость и красота составляютъ то, что мы называемъ хорошимъ сложеньемъ... Не нѣгою и праздностью, не пышностью и роскошью пріобрѣтаются такія сокровища; не въ пиршествахъ и непозволенныхъ забавахъ, не въ угожденіи чувствамъ и пресыщеніи искать должно крѣпости силъ, но въ дѣятельности, воздержаніи, въ простотѣ жизни и умѣренности.

Безыскусственная и простая пища самая лучшая, самая полезная для здоровья... Величайшій порокъ въ воспитаніи, особливо между знатными, излишнее пресыщеніе и раннее лѣченіе дѣтей... Преждевременно лѣкарствами, истощая силу натуры, умножаютъ только въ нихъ слабость и увеличиваютъ недуги.

Между всѣми средствами, служащими къ укрѣпленію нашему, къ сохраненію здоровья, къ предупрежденію болѣзней, нѣтъ надежнѣе дѣятельности, движенія и вообще физическихъ упражненій. Не только освѣжаютъ онѣ тѣло, не только даютъ намъ новыя силы и бодрость, но еще предохраняютъ насъ отъ праздности, дѣлающей многихъ безполезными, а часто и вредными для общества... Надлежитъ, сколь можно, ранѣе пріучать дѣтей къ перемѣнамъ внѣшняго воздуха и вообще къ простотѣ жизни; надлежитъ пріучать ко всему тому, что можетъ способствовать ихъ здоровью, крѣпости и дѣлать ихъ не столько чувствительными къ болѣзнямъ тѣла.

Красоты лица есть даръ природы. Здравіе живитъ ее, болѣзни помрачаютъ. Есть средства, кои придаютъ ей больше блеску; есть упражненія, кои увеличиваютъ стройность тѣла. Но нельзя не признать, что какъ красота, такъ и безобразіе физическое весьма много зависитъ отъ красоты и безобразія нравственнаго. Лицо есть зеркало души... Только красота души можетъ доставить истинную красоту, стройность и даже самую крѣпость тѣлу. Но чѣмъ пріобрѣтаются неоцѣненныя сіи нравственныя сокровища? Просвѣщеніемъ ума и образованіемъ сердца, нравственнымъ воспитаніемъ.

Умъ есть главнѣйшее преимущество человѣка, есть драгоцѣннѣйшее его сокровище... Какъ тѣло наше, такъ равно и умъ требуютъ своей пищи. Сила, бодрость—и—если позволено такъ сказать—масса ихъ обоихъ зависитъ отъ качества и количества сей пищи. Нѣтъ сомнѣнія, что развитіе душевныхъ способностей человѣка должно начинать на самой зарѣ юности его; но надобно, чтобы оно въ началѣ своемъ сколько можно было легче, почти непримѣтно и возвышалось постепенно.

Первымъ правиломъ воспитатель долженъ поставить себѣ то, чтобы заблаговременно изслѣдовать способности воспитанника, смотрѣнію его ввѣреннаго и, сообразно силамъ и дарованіямъ молодого человѣка, размѣрять труды объ немъ и старанія. Никто не родится въ свѣтъ, не получивъ къ чему-нибудь способности. Если верховное существо удаляется отъ надлежащей мѣры своихъ благодѣяній, то больше въ излишествѣ, нежели въ недостаткѣ. Исторія знаменитыхъ людей свидѣтельствуетъ, что многіе изъ нихъ, долго почитавшись ни къ чему неспособными, вдругъ отъ одного счастливаго случая, возблистали дарованіями своими, и имя ихъ сдѣлалось безсмертнымъ. Сталь не прежде

дастъ искры, какъ по прикосновеніи къ ней кремня. Внутренняя наклонность всегда готова раскрыться въ насъ: надобно токмо удачно тронуть ее.

Узнавши способности ума, надлежитъ употреблять средства, споспѣшествующія развертыванію ихъ и направленію къ доброй и спасительной цѣли. Достигнуть сего можно постепенно... Учебный методъ Базедова въ началѣ заманчивъ, но послѣ родитъ скуку ко всѣмъ важнымъ упражненіямъ, требующимъ не столько бѣглаго ума, сколько разсудка, системы.—Нѣтъ сомнѣнія, что строгой порядокъ, столь пріятный для зрѣлыхъ умовъ, тяготитъ дѣтей; душевныя способности, равно какъ и органы тѣла, требуютъ отдохновенія; но облегчить трудъ и отвратить скуку можно, перемѣшивая упражненія—важныя съ пріятными, полезныя съ занимательными...

Душа, по мнѣнію извѣстнаго въ ученомъ свѣтѣ Бакона, имѣетъ три главныя способности: память, разсудокъ и воображеніе.

Изощреніе памяти доставляетъ лучшее богатство уму; нужно токмо умѣть изощрить ее. Скороспѣшное обогащеніе заглушаетъ ее, слишкомъ сильное—подавляетъ; развлеченный умъ, неосновательный разсудокъ обыкновенно бываетъ у тѣхъ, кои, обольстясь успѣхами памяти, безъ мѣры отягощаютъ ее несовмѣстнымъ количествомъ матеріаловъ.

Посредствомъ памяти дѣлаемся мы обладателями всѣхъ странъ, всѣхъ вѣковъ. Труды многочисленныхъ народовъ становятся собственнымъ нашимъ удѣломъ. Воспитатели и наставники! Помыслите, какое сильное вліяніе имѣютъ на умъ, сердце, нравы, характеръ, на самое счастіе и несчастіе дѣтей первыя получаемыя ими впечатлѣнія, первыя понятія, первые уроки—и вы найдете, что нѣтъ ничего пагубнѣе, какъ позволить имъ читать безъ разбору всякую, попадающуюся въ руки книгу, или говорить при нихъ все, что ни вздумается! Сколько отъ одного сего погибло дарованій, и сколько сердецъ развратилось!

Важнѣйшая польза, какую доставляетъ намъ память, состоитъ въ изученіи языковъ. Чѣмъ мы имъ не обязаны? Они обогащаютъ насъ многими высокими, тонкими, прекрасными мыслями, кои въ переводахъ или обезображиваются, или совсѣмъ пропадаютъ; они дѣлаютъ насъ гражданами всего міра, способствуютъ распространенію торговли, знакомятъ насъ съ отдаленнѣйшими народами, и приводятъ въ состояніе судить о совершенствѣ и недостаткахъ ихъ установленій, обы-

чаевъ, правленія, политики, наукъ, художествъ. Знаніе древнихъ языковъ пріобрѣтается чтеніемъ и переводомъ; для сего должны быть избираемы лучшіе классическіе писатели; они понятнѣе и, сверхъ того, служатъ къ образованію нашего вкуса. Живымъ языкамъ вѣрнѣйшіе учителя—навыкъ и употребленіе...

Несмотря на мнимую важность предписаній Руссовыхъ, ученья языковъ не должно откладывать до зрѣлыхъ лѣтъ. Органы дѣтей гибки; они скорѣе и удобнѣе взрослыхъ могутъ пріобыкнуть къ правильному произношенію. Эпоха ума ихъ не та еще, чтобы мыслить, а больше, чтобы учиться, изощрять и обогащать память...

Преимущественно должно заниматься отечественнымъ языкомъ и употреблять всѣ старанія и средства для достиженія въ немъ правильнаго, твердаго, основательнаго знанія. Оставлять въ небреженіи такой языкъ, которымъ писаны всѣ отечественные законы, всѣ гражданскія постановленія, къ общественному благосостоянію относящіяся, который должно употреблять при всѣхъ дѣлахъ, при всѣхъ встрѣчающихся нуждахъ — оставлять въ небреженіи такой языкъ есть крайне грубое непростительное заблужденіе. Ошибаются также и тѣ, кои думаютъ, что изученіе природнаго языка не великаго труда стоитъ. Знать его основательно, знать со всѣми тонкостями, чувствовать всю силу его, красоту, важность; умѣть говорить и писать на немъ красно, сильно и выразительно по приличію матеріи, времени и мѣста: все это составляетъ трудъ, едва преодолимый...

Разсудокъ есть важнѣйшая способность ума. Что здоровье для тѣла, то разсудокъ для души... Всѣ погрѣшности въ дѣлахъ, всѣ заблуженія и предразсудки происходятъ большею частію отъ ложнаго сужденія, коего причиною или страсти, или недостатокъ правильныхъ понятій, или неумѣнье соединять ихъ.

Какія знанія болѣе споспѣшествуютъ просвѣщенію и укрѣпленію разсудка? Вопросъ сей сколько необходимъ по великому числу наукъ, изъ которыхъ многія безполезны, столько по многоразличію состояній неудоборѣшимъ. Всѣ знанія въ основаніи своемъ соединены неразрывнымъ союзомъ. Немозможно достигнуть совершенства ни въ одной наукѣ, не имѣя по крайней мѣрѣ общаго понятія о большей ихъ части.

...Умъ молодыхъ людей преимущественно должно обогащать тѣми знаніями, кои больше имѣютъ отношенія къ будущему ихъ отношенію, къ будущему ихъ состоянію.

Не знать того, что до насъ дѣлалось въ свѣтѣ, говоритъ Цицеронъ—значитъ всегда быть младенцемъ... Воспитатель оставитъ ли его въ грубомъ незнаніи предшествовавшихъ ему великихъ приключеній, неоднократно преобщавшихъ видъ вселенной и примѣнявшихъ жребій человѣчества? Нѣтъ, онъ смѣлою рукою откроетъ надъ нимъ завѣсу исторіи и представитъ глазамъ его величественное поразительное зрѣлище. Съ удивленіемъ увидитъ тутъ юный житель земли, какъ міръ сей огромный, великолѣпный, возсталъ изъ ничтожества; какъ явился первосозданный человѣкъ, вѣнецъ и краса поднебеснаго творенія; какъ возрасталъ и распространялся родъ человѣческій; какъ составлялись селенія, грады, области; какъ возникали, процвѣтали и упадали царства; какъ науки рождались, достигали совершенства и разливали животворный свѣтъ свой... Чего не сдѣлаетъ тутъ искусный лекторъ? Какими чувствами напитаетъ онъ жаждущее сердце своего питомца? Какими мыслями обогатитъ раскрывающійся умъ его? А примѣры оныхъ великихъ, безсмертныхъ мужей, которые прославили древность, и нынѣ еще приводятъ свѣтъ въ изумленіе—примѣры Леонидовъ, Эпаминондовъ, Аристидовъ, примѣры Сципіоновъ, Катоновъ и Регуловъ—если только умѣть ихъ представить—какимъ пламенемъ воспалятъ они благородную душу юнаго питомца и къ какимъ подвигамъ его приготовятъ? Неизъяснима польза отъ исторіи! Благоразумный наставникъ все употребитъ въ свою выгоду; онъ дастъ почувствовать воспитаннику своему, какъ страсти человѣческія ухищрялись и коварствовали во всѣ времена, во всѣхъ странахъ, у всѣхъ племенъ; какъ ниспровергали онѣ тропы и начальства, примѣняли судьбу народовъ... Далѣе—онъ познакомитъ его съ обычаями, обрядами, установленіями, съ образомъ правленія и политикою древнихъ, по крайней мѣрѣ, знатнѣйшихъ народовъ; покажетъ преимущества ихъ и недостатки... Такъ будетъ поступать мудрый наставникъ при обозрѣніи пространной области исторіи; и при каждомъ шагѣ, при каждомъ новомъ встрѣчающемся предметѣ постарается наклонять юнаго питомца своего къ спасительной цѣли, къ той цѣли, чтобы сдѣлать его просвѣщеннымъ, основательнымъ, добрымъ, сострадательнымъ и готовымъ на службу отечества, чтобы сдѣлать прямымъ человѣкомъ.

Наука, доставляющая столь великія, многоразличныя выгоды, наука, не менѣе укрѣпляющая разсудокъ, какъ и обогащающая память, едва-ли не первое заслуживаетъ мѣсто при воспитаніи; но за нею поставилъ-бы я преимущественно тѣ знанія, кои болѣе основываются

на наблюденіи и опытахъ: физическія и математическія. Польза ихъ ощутительна. Безъ нихъ не знали бы мы даже, что такое міръ сей, въ которомъ мы живемъ, сіи растенія и животныя, кои служатъ намъ въ пищу, и что такое мы сами, въ отношеніи къ тѣлесному своему составу. Безъ нихъ не умѣли бы ни нивы удобрить, ни поля разграничить, ни построить дома. Безъ нихъ не знали бы мы ни компаса, ни насосовъ, ни громового отвода, ни многихъ другихъ весьма полезныхъ орудій—словомъ: безъ нихъ лишены бы мы были тысячъ выгодъ и пріятностей въ жизни, не могли бы даже удовлетворить необходимымъ своимъ нуждамъ, и нерѣдко подвергались бы неизбѣжнымъ опасностямъ.

Между физическими науками исторія натуры для дѣтей гораздо полезнѣе, нежели какъ обыкновенно думаютъ. Ясность понятій зависитъ отъ яснаго представленія различій, отличающихъ одно понятіе отъ другаго. Молодые люди то скорѣе понимаютъ, что ближе къ чувствамъ и болѣе дѣйствуетъ на воображеніе. Въ естественной исторіи, по методу новѣйшихъ натуралистовъ, изъясняются отличительные и непремѣняемые знаки, отличающіе роды и виды, и опредѣляющіе каждое нераздѣльное. Дѣти, учась приводить въ порядокъ существа и разбирая примѣты ихъ, почувствительно получаютъ навыкъ приводить и самыя понятія свои въ нѣкоторый порядокъ, и чрезъ то доставляютъ имъ большую степень ясности и опредѣленности. Сверхъ того сія наука въ самой себѣ заключаетъ упражненіе весьма пріятное, полезное и приличное юношеству; она изощряетъ чувства, доставляетъ многія познанія, которыя служатъ основою для искусствъ и большей части наукъ; надлежитъ токмо́, чтобъ охота заниматься познаніемъ натуры не превратилась въ страсть къ пустымъ рѣдкостямъ и безполезнымъ мелочамъ. Древніе, понимая важность математическихъ наукъ, истощали всѣ поощренія, награды и почести къ распространенію успѣховъ ихъ во всѣхъ состояніяхъ гражданъ...

Въ математическихъ наукахъ находится ключъ ко многимъ другимъ познаніямъ. Онѣ открываютъ вѣрный и надежный путь къ опытной физикѣ; онѣ руководствуютъ безопасно въ лабиринтѣ умозрительной философіи: онѣ поддерживаютъ полетъ нашъ къ величественнымъ областямъ Ураніи. Существенная же и неоцѣненная польза сихъ наукъ для молодыхъ людей заключается въ томъ, что онѣ, пріучая ихъ не довольствоваться простыми вѣроятностями и правдоподобіями и за-

ставляя во всемъ искать достаточныхъ и убѣдительныхъ причинъ, укрѣпляютъ разсудокъ и дѣлаютъ его основательнымъ.

Кругъ наукъ безпредѣленъ; какія для кого полезнѣе, нужнѣе— трудно сказать утвердительно. Выборъ въ семъ предоставляется благоразумію воспитателя, который долженъ смотрѣть на сложеніе, характеръ и способности своего питомца, а болѣе на то званіе, къ которому порода или другія отношенія его назначаютъ.

Сколько науки вообще въ воспитаніи необходимы къ изощренію ума и укрѣпленію разсудка, столько изящныя искусства нужны къ успокоенію его и облегченію. Они не требуютъ, какъ первыя, зрѣлыхъ лѣтъ; имъ гораздо ранѣе можно учиться. Не надлежитъ только имѣть пустаго желанія заниматься вдругъ многими и съ отличнымъ успѣхомъ...

Между изящными искусствами музыка заслуживаетъ предпочтительное мѣсто... Всѣ народы съ образованнымъ вкусомъ и чувствами не могли не плѣняться ею.

Есть много искусствъ, коп, кажется, забыты, и копхъ однакожъ не надлежало бы оставлять при воспитаніи: таково искусство хорошо читать и хорошо произносить. Оно послужило бы равнымъ украшеніемъ и тому и другому полу; но его не такъ легко пріобрѣсти, какъ многіе думаютъ.

Воспитаніе... опо далеко отъ высокой, предназначенной ему цѣли. Наставники и попечители забываютъ, что питомцы ихъ не только разумъ имѣютъ, но и сердце; что одпою рукою дѣлая ученыя изчисленія, другою должны они отирать слезы несчастныхъ. Ахъ! время, время почувствовать, что просвѣщеніе безъ чистой нравственности и утонченіе ума безъ образованія сердца есть злѣйшая язва, истребляющая благоденствіе не единыхъ семействъ, но и цѣлыхъ народовъ!

Многіе отцы приставляютъ къ дѣтямъ своимъ толпу учителей для обученія ихъ разнымъ языкамъ и для изощренія разсудка, а не ищутъ ни одного такого, который бы изъяснилъ имъ первую и важнѣйшую науку — быть добрымъ, честнымъ, сострадательнымъ, быть—человѣкомъ.

... Въ воспитаніи сердца, въ удаленіи его отъ пороковъ и прилѣпленіи къ добродѣтели, примѣръ—лучшій и дѣйствительнѣйшій наставникъ.

Древніе мудрецы величайшую славу поставляли въ томъ, чтобъ

не нанесть удара ближнему безъ вины. Христіанство призываетъ насъ къ вящшей славѣ, къ вящшему торжеству. Его законы повелѣваютъ не только не дѣлать другимъ обиды, но любить всѣхъ, любить самыхъ враговъ своихъ и благословлять клянущихъ. Вотъ основаніе, на которомъ должно утверждаться все нравственное ученіе, преподаваемое дѣтямъ! Вотъ средоточіе, къ которому должны стремиться всѣ труды, всѣ усилія при воспитаніи! Чего не сдѣлаетъ благомыслящій наставникъ, чтобъ напоить юное сердце воспитанника своего любовью къ человѣчеству, любовію къ самымъ врагамъ своимъ; чтобы впушить ему: не токмо не дѣлай другому, чего себѣ не желаешь, но и снисходи слабостямъ ближняго!...

Не довольно того, чтобы дѣти были признательны за оказываемыя имъ одолженія; надобно, чтобы онѣ сами любили одолжать, любили дѣлать добро. Но чѣмъ можно внушить имъ сію священную добродѣтель, сію любовь къ благотворенію? Чѣмъ можно настроить юныя сердца ихъ къ сладкимъ впечатлѣніямъ чувствительности и состраданія? — Самыя краснорѣчивыя, самыя убѣдительныя наставленія дѣтямъ останутся тщетны и недѣйствительны, если мы сами при нихъ не докажемъ того на дѣлѣ. Тверди, сколько хочешь, воспитаннику своему: помогай бѣднымъ, облегчай участь несчастныхъ; но если онъ увидитъ, что нищій, просившій у дверей твоихъ куска хлѣба или горестная вдова, прибѣгавшая подъ отеческій покровъ твой, отойдутъ отъ тебя съ неосушенными слезами, то къ чему послужатъ слова твои? Примѣръ во всякомъ случаѣ производитъ на дѣтей сильное дѣйствіе, но здѣсь вліяніе его гораздо ощутительнѣе. Мудрый воспитатель есть въ одно время и прямой другъ несчастныхъ; онъ не словами только, но дѣломъ будетъ поучать питомца своего благотворительности. Онъ не удовольствуется тѣмъ, чтобы описывать ему, какъ бѣдствуетъ человѣчество; онъ поведетъ его въ хижину нищаго, поведетъ въ самыя тѣ мѣста, гдѣ плачь и скорбь водворяются, гдѣ присѣдятъ томныя печали, гдѣ болѣзни изнуряютъ несчастныхъ. Тутъ растрогается сердце юноши, и слезы состраданія оросятъ лице его.

«При внушеніи дѣтямъ благодарности, соболѣзнованія и благотворительности, не должно забывать и другихъ добродѣтелей... Надобно, чтобы онъ (т.-е. молодой человѣкъ) былъ правдивъ, честенъ, твердъ въ предпріятіяхъ, рѣшителенъ, неустрашимъ, безкорыстенъ, чтобы умѣлъ исполнять данное слово и хранить тайну!

Мудрости! добродѣтели!..

Но что онѣ, если религія не озаритъ ихъ, религія освящающая всѣ наши дѣла, желанія, мысли; религія, преобразующая, обновляющая человѣка, возносящая его надъ всѣмъ бреннымъ, ничтожнымъ, и отверзающая предъ нимъ врата неба!

... «Дни благоденствія народовъ были вмѣстѣ и днями торжества религіи»... Родители и наставники! самый первый, самый главный предметъ вашъ—впечатлѣвать въ умы и сердца дѣтей святыя истины религіи, религіи, болѣе всего споспѣшествующей добрымъ правамъ, истинному просвѣщенію.

XIV.

Н. И. Новиковъ.

Николай Ивановичъ Новиковъ происходилъ изъ дворянъ Московской губерніи и родился въ 1744 г. Отецъ его служилъ въ морскомъ вѣдомствѣ и былъ человѣкомъ достаточнымъ. О первоначальномъ воспитаніи Новикова мало извѣстно. Извѣстно, что онъ подобно многимъ другимъ современникамъ обучался грамотѣ у дьячка. Когда въ 1755 г. учрежденъ былъ въ Москвѣ университетъ съ двумя гимназіями, Новиковъ находился четыре года въ университетской гимназіи и въ 1760 г. «за лѣность и нехожденіе въ классы», былъ исключенъ оттуда. Недостатки своего образованія онъ постарался восполнить самообразованіемъ и, по свидѣтельству одного изъ его біографовъ, уже въ 1767 г. «началъ быть извѣстенъ своею склонностію къ словесности наипаче къ россійской и успѣхами въ оной». По обычаю того времени онъ поступилъ въ военную службу. Когда Екатерина II созвала комиссію для сочиненія проекта новаго Уложенія, она назначила въ эту комиссію для веденія протоколовъ ея засѣданій нѣсколькихъ офицеровъ, между ними и былъ Новиковъ. Здѣсь то, вѣроятно, впервые Новиковъ познакомился съ состояніемъ русской земли, потребностями народа и общества. Когда комиссія была распущена въ 1769 г., Новиковъ вышелъ въ отставку и всецѣло посвятилъ себя литературной дѣятельности.

Въ дѣятельности Новикова можно отмѣтить три періода. Въ первомъ онъ издаетъ сатирическіе журналы и памятники русской исторіи, этотъ періодъ отличается народнымъ характеромъ. Во второмъ онъ, вступивши въ масонскій орденъ, издаетъ подъ своею редакціей въ теченіе трехъ лѣтъ нравоучительно-мистическій журналъ

«Утренній Свѣтъ»; въ это время онъ отказывается отъ сатиры и въ его журналѣ нѣтъ статей по общественнымъ вопросамъ. Въ третьемъ періодѣ Новиковъ въ своихъ изданіяхъ, продолжая печатать статьи отвлеченнаго характера, богословскія и философскія, возвращается снова къ сатирѣ и снова помѣщаетъ статьи публицистическія. Этотъ періодъ есть какъ бы соединеніе двухъ первыхъ. Между всѣми издателями журналовъ второй половины XVIII в. Новиковъ отличался особеннымъ усердіемъ, талантливостью и добросовѣстностью. Въ «Трутнѣ» онъ нападаетъ на подражательность всему иностранному, особенно французскому. Въ «Живописцѣ» осуждаетъ русское суевѣріе, невѣжество, грубость, жестокосердіе и другіе пороки.

Какъ глубокій патріотъ, возбуждая русскихъ людей къ образованію на началахъ національныхъ, Новиковъ познакомилъ ихъ съ русской исторіей и съ этою цѣлью издалъ нѣсколько весьма важныхъ сочиненій, изъ нихъ важнѣйшія: «Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ (1772 г.) и «Древняя Россійская Вивліоѳика» (1773—1775 гг.). Послѣднее изданіе выходило періодически въ теченіе трехъ лѣтъ (вышло всего 10 томовъ). Въ предисловіи Новиковъ говоритъ, что цѣль «Вивліоѳики» начертаніе нравовъ и обычаевъ нашихъ предковъ, чтобы мы познали «великость духа ихъ, украшеннаго простотою».

Въ 1775 г. Новиковъ вступилъ въ масонство. Орденъ вольныхъ каменщиковъ привлекаетъ его своими нравственными идеями: борьбою съ матеріализмомъ, проповѣдью благотворительности. Но орденскія тайныя науки, страшные обряды масонства Новикова не занимали и даже отталкивали. Въ теченіе трехъ лѣтъ (1777 г. по 1781 г.) онъ издавалъ «Утренній Свѣтъ», затѣмъ «Вечернюю Зарю» и «Покоящійся Трудолюбецъ». Въ психологическихъ статьяхъ этихъ изданій разсматривались различныя способности и силы души (умъ, чувство, воля) и обыкновенно проводилась высокая мысль о необходимости единства въ душевной жизни, единства и согласія ума и чувства, вѣры и знанія. Въ педагогическихъ статьяхъ онъ старался показать своимъ читателямъ важность воспитанія и образованія, убѣдить ихъ, что воспитаніе есть источникъ благополучія и счастія.

Лучшія свои педагогическія статьи Новиковъ напечаталъ въ «Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ» 1783 и 1784 гг. (безъ подписи), среди нихъ первое мѣсто принадлежитъ превосходному сочиненію «О воспитаніи и наставленіи дѣтей для распространенія общеполезныхъ знаній и всеобщаго благополучія» (напеч. въ 1783 г.). Педагогическія статьи Прибавленій къ Моск. Вѣдом. и Пок. Трудолюбца касаются всѣхъ существенныхъ вопросовъ педагогики. Прежде всего они устанавливаютъ истинный взглядъ на взаимныя отношенія образованія и воспитанія; воспитаніе сердца и воли, говорятъ они, должно основываться на развитіи мышленія и обогащеніи ума знаніями; затѣмъ касаются отношеній дѣтей къ родите-

лямъ и воспитателямъ и обратно, этихъ послѣднихъ къ дѣтямъ, разсматриваютъ положеніе учителя въ обществѣ, домашнее и общественное образованіе, содержаніе образованія и методы преподаванія; словомъ представляютъ нѣчто въ родѣ полнаго курса педагогики.

Переселившись въ 1779 г. въ Москву и сойдясь съ ревностнымъ масономъ проф. Шварцомъ, Новиковъ проявилъ самую разнообразную дѣятельность. Онъ арендовалъ десять лѣтъ университетскую типографію, издалъ множество учебниковъ и книгъ правоучительныхъ, устраивалъ во многихъ мѣстахъ книжные склады, заводилъ школы, основалъ въ Москвѣ первую безплатную читальню, съ большимъ успѣхомъ издавалъ Московскія Вѣдомости и при нихъ первый въ Россіи дѣтскій журналъ «Дѣтское Чтеніе» (1783 — 1789 гг.). При содѣйствіи Новикова въ 1782 г. возникло «Дружеское ученое общество», уступившее впослѣдствіи (съ 1784 г.) свое мѣсто т. н. Типографической Компаніи. Это общество устраивало больницы и аптеки для бѣдныхъ, организовало педагогическую и переводческую семинарію, посылало молодыхъ людей для обученія за границу. Такая кипучая дѣятельность Новикова возбудила подозрѣніе у многихъ вліятельныхъ лицъ и даже сама Императрица Екатерина II, вначалѣ покровительствовавшая Новикову, подъ конецъ царствованія неблагосклонно смотрѣла на его дѣятельность, подозрѣвая въ ней нѣчто недоброе.

Въ 1791 г. Типографическая Компанія распалась, Новиковъ былъ подвергнутъ строгому допросу, книги и его имѣніе конфискованы и въ 1792 г. заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Въ 1796 г. при Императорѣ Павлѣ I онъ былъ освобожденъ, а имѣніе ему возвращено; послѣ этого онъ поселился въ своей деревнѣ, но къ издательской дѣятельности болѣе не возвращался. Умеръ Новиковъ въ 1818 г.

О воспитаніи и наставленіи дѣтей для распространенія общеполезныхъ знаній и всеобщаго благополучія [1]).

I.

Съ самыми лучшими законами, съ самою религіею при самомъ цвѣтущемъ состояніи наукъ и художествъ, Государство имѣло бы весьма худыхъ членовъ, естьлибъ правительство пренебрегло сей единой предметъ (воспитаніе), на которомъ утверждается все въ

[1]) Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ 1783 г. (отрывки).

каждомъ государствѣ.... Изящнѣйшіе законы благочинія мало могутъ дѣйствовать, есть ли честность, искренность, любовь къ порядку, умѣренность и подлинная любовь къ отечеству суть чуждыя гражданамъ добродѣтели. Все зависитъ отъ того, чтобъ всякой образованъ былъ къ добродѣтелямъ состоянія своего и званія.... «Итакъ процвѣтаніе государства, благополучіе народа, зависитъ неотмѣнно отъ доброты правовъ, а доброта правовъ неотмѣнно отъ воспитанія.... Единое воспитаніе есть подлинный творецъ добрыхъ правовъ; чрезъ него вкусъ добродѣтели, привычка къ порядку, чувствованіе изряднаго, чрезъ него отечественный духъ, благородная (на истинѣ и знаніи основанная) народная гордость, призрѣніе слабости и всего прикрашеннаго и маловажнаго, любовь къ простотѣ и къ натурѣ, со всѣми другими человѣкодружественными, общественными и гражданскими добродѣтелями должны овладѣть сердцами гражданъ; чрезъ него мущины и женщины должны образованы быть сходственно съ ихъ поломъ, а всякой особенной классъ государства тѣмъ, чѣмъ быть ему надлежитъ (ст. 5).

Авторъ обѣщаетъ великія выгоды отъ воспитанія: Все прочее сдѣлается удобнымъ, когда воспитаніе достигнетъ возможной степени своего совершенства; законы успѣваютъ тогда сами собою; религія въ величествѣ своемъ исполнена простоты, пребываетъ тѣмъ, чѣмъ вѣчно бы быть ей надлежало, то есть душею всякой добродѣтели и твердымъ успокоительнымъ предметомъ духа; науки дѣлаются неисчерпаемыми источниками дѣйствительныхъ выгодъ для государства; художества украшаютъ жизнь, даютъ благородство чувствію, становятся ободрительными средствами добродѣтели; всякой отдѣлъ гражданъ пребываетъ вѣренъ своему опредѣленію; и всеобщее трудолюбіе, подкрѣпляемою умѣренностію и добрымъ домостроительствомъ, доставляетъ и самому многочисленному народу безопасность отъ недостатка и довольствіе своимъ состояніемъ (ст. 6).

Дѣтей нерѣдко заботятся снабдить знаніями, а первое, великое, столь много въ себѣ заключающее дѣло воспитанія, то есть образованіе сердца, пренебрегается; когда вмѣсто того, чтобъ пріучать разумъ ихъ къ правильному размышленію и вести къ познанію истины и добра, наполняютъ головы ихъ вѣтромъ, и вмѣсто того, чтобъ очистить волю ихъ и направить склонность къ добру, благо-

родству и величеству, дѣлаютъ сердце ихъ чувствительнымъ только къ малостямъ или совсѣмъ къ глупости и пороку (ст. 7).

Воспитаніе есть весьма запутанное, трудное дѣло. Оно есть особенная тонкая наука, предполагающая себѣ многія знанія и въ исполненіи требующая много наблюдательнаго духа, вниманія и просвѣщеннаго практическаго разсудка (ст. 7).

Не слѣдуетъ задаваться посторонними и спеціальными цѣлями при воспитаніи (напр., сдѣлать ученаго), ибо «главной предметъ воспитанія, какъ мы уже сказали, есть тотъ, чтобъ образовать дѣтей счастливыми людьми и полезными гражданами» (ст. 21).

При семъ опытъ и человѣческая натура напоминаютъ намъ, что здоровье и крѣпкое сложеніе тѣла весьма споспѣшествуютъ нашему удовольствію, и что въ молодости лежитъ основаніе какъ здравія и крѣпости, такъ и слабости и болѣзней тѣла. Итакъ оказывается теперь первая главная часть воспитанія, то есть попеченіе о тѣлѣ, или должность родителей стараться о томъ, чтобъ дѣти ихъ имѣли здоровое и крѣпкое сложеніе тѣла. Сію часть воспитанія называютъ ученые физическимъ воспитаніемъ; а первая есть она потому, что образованіе тѣла и тогда уже нужно, когда иное образованіе не имѣетъ еще мѣста (ст. 7).

Никакой человѣкъ не можетъ быть ни довольнымъ и счастливымъ, ни добрымъ гражданиномъ, есть ли сердце его волнуется безпорядочными пожеланіями, доводящими его либо до пороковъ, либо до дурачествъ, есть ли благополучіе ближняго возбуждаетъ въ немъ зависть, или корыстолюбіе заставляетъ его домогаться чужаго имѣнія, или сладострастіе обезсиливаетъ его тѣло, или честолюбіе и ненависть лишаютъ его душевнаго покоя, безъ котораго не можно никакого имѣть удовольствія, или, наконецъ, если сердце его столь скудно чувствованіями религіи, что помышленіе о смерти ввергаетъ его въ уныніе безъ всякой надежды; а все сіе зависитъ отъ образованія сердца въ юношествѣ. Изъ сего слѣдуетъ вторая главная часть воспитанія, имѣющая предметомъ образованіе сердца, и называемая ученымъ нравственнымъ воспитаніемъ (ст. 22).

Наконецъ третья главная часть воспитанія, имѣющая предметомъ просвѣщеніе или образованіе разума. Каждая изъ сихъ трехъ частей имѣетъ особенныя свои правила, положенія и дѣйствія, безъ которыхъ не можетъ она хорошо быть исполнена (ст. 23).

2.

Не нужно, чтобъ родители всегда упражнялись въ трудахъ, или большую часть дня посвящали своимъ дѣтямъ... Но непремѣнно нужно, чтобъ всѣ родители подавали дѣтямъ своимъ примѣръ полезнаго упражненія, и никогда не были бы образцомъ проспанія своея жизни или проведенія ее въ бездѣлкахъ и чтобъ они хотя одинъ часъ въ день содѣйствовали воспитанію своихъ дѣтей приличнымъ сему предмету съ ними разговоромъ. Итакъ есть ли сынъ знаетъ, что отецъ его по нѣсколько часовъ въ день занимается въ кабинетѣ своемъ важнымъ чтеніемъ или письмомъ, либо чѣмъ нибудь инымъ; а дочь равнымъ образомъ видитъ мать свою упражняющуюся въ домостроительствѣ, пристойномъ рукодѣліи, или тому подобномъ: то сего уже довольно для отвращенія худова примѣра у такихъ родителей, которые содержатъ для дѣтей гофмейстеровъ и гофмейстерипъ (ст. 34).

Во-вторыхъ: внутреннее учрежденіе домостроительства тогда бываетъ препятствіемъ воспитанію, когда оно не подаетъ примѣра извѣстныхъ гражданскихъ или общественныхъ добродѣтелей, къ которымъ собственно дѣтей воспитывать надлежитъ... Мы разумѣемъ здѣсь паипаче порядокъ и чистоту. Порядокъ есть душа всѣхъ дѣлъ, облегчитель всѣхъ трудностей, споспѣшествователь разнымъ удобностямъ и пріятному жизнію наслажденію и охранитель нашъ отъ многоразличныхъ досадъ. А чистота (во всей своей окружности) утончаетъ вообще чувствованіе, возвышаетъ красоту тѣла, споспѣшествуетъ здоровью и дѣлаетъ человѣка пріятнымъ въ обществахъ (ст. 35).

Итакъ порядокъ и чистота суть два свойства, къ которымъ собственно дѣтей воспитывать надлежитъ. Сіи свойства принадлежатъ также къ обыкновеннѣйшимъ ежедневнымъ дѣламъ, и потому всякое домостроительство ежедневно показываетъ либо образецъ ихъ, либо противность (ст. 35).

3.

Образовать разумъ, или духъ, дѣтей называется вперять въ нихъ справедливыя представленія о вещахъ и пріучать ихъ къ такому

образу мыслей и разсужденія, которой соразмѣренъ истинѣ, и посредствомъ котораго могли бы онѣ быть мудрыми (ст. 322)... Сколь важно то, чтобъ онъ (человѣкъ) въ то время, когда начинаетъ оказывать и употреблять сіи силы, въ употребленіи ихъ такъ былъ управляемъ, чтобъ научился дѣлать опое справедливѣйшимъ и самолучшимъ способомъ! А въ семъ и состоитъ образованіе разума дѣтей. На пути, по которому достигаютъ онѣ до познанія истины, нуженъ имъ благоразумной и опытной вождь, который бы не только остерегалъ ихъ отъ всѣхъ разпутій и въ случаѣ совращенія возвращалъ, но и научалъ бы ихъ избѣгать всѣхъ окольныхъ дорогъ и лабиринтовъ и стремиться прямо къ своей цѣли. Разумъ ихъ долженъ быть не только упражняемъ и обогащаемъ разными познаніями, но и такъ упражняемъ, чтобы онѣ мало по малу пріобрѣтали способность изслѣдовать и разбирать то, что онѣ знать желаютъ, удобно отличать истинное отъ ложнаго, и при сихъ изслѣдованіяхъ и разсужденіяхъ слѣдовать всегда надежнѣйшимъ правиламъ и по кратчайшему нити пути. Но сіе дѣлается не столько посредствомъ наученія ихъ симъ правиламъ размышленія и впечатлѣнія оныхъ въ память ихъ, какъ наипаче посредствомъ того, когда при всѣхъ случаяхъ учатъ ихъ примѣчать, справедливо или несправедливо онѣ мыслили и разсуждали, и для чего то дѣлали; также когда обще съ ними и соразмѣрно ихъ возрасту думаютъ, разсуждаютъ, изслѣдуютъ, сомнѣваются, или рѣшатъ. (ст. 323). Это всеобщее предписаніе сдѣлается болѣе понятнымъ, когда станутъ наблюдать слѣдующія правила.

Первое правило есть сіе: не погашайте любопытство дѣтей вашихъ или питомцевъ. Второе правило есть сіе: упражняйте дѣтей вашихъ или воспитанниковъ въ употребленіи чувствъ, научайте ихъ чувствовать справедливо. Впечатлѣнія, дѣлаемыя въ насъ внѣшними вещами посредствомъ нашихъ чувствъ и представленія, произходящія отъ того въ душѣ нашей, суть якобы матерьялы, которые духъ нашъ обработываетъ, и на которыхъ основываются наконецъ всѣ познанія и науки человѣческія. Чѣмъ многоразличнѣе, справедливѣе и полнѣе сіи представленія, тѣмъ болѣе можетъ упражняться въ размышленіи, и тѣмъ удобнѣе и безопаснѣе можетъ онъ подниматься къ высочайшимъ и всеобщимъ познаніямъ. Но какъ мы чувственныя вещи гораздо лучше научаемся знать по впечатлѣніямъ, дѣлаемымъ въ насъ ихъ присутствіемъ, нежели по описаніямъ, какія дѣлаютъ намъ о

ихъ словами; то не заставляйте дѣтей вашихъ изъ книгъ или по изустному наставленію учиться тому, что онѣ сами могутъ видѣть, слышать и чувствовать; но показывайте имъ то дѣйствительно, какъ скоро и какъ часто будете находить къ сему случай. Такъ давайте имъ видѣть и примѣчать красоты природы, чудеса царства растеній и животныхъ, многоразличныя воздушныя явленія, великолѣпіе усѣяннаго звѣздами неба и помогайте имъ мало по малу различать и приводить въ порядокъ множество темныхъ представленій, тѣснящихся со всѣхъ сторонъ въ ихъ души (sic). Но давайте имъ видѣть все сіе собственными глазами и чувствовать свойственнымъ имъ образомъ, и не ослабляйте получаемыхъ ими отъ того впечатлѣній неблаговременными и издалека занятыми изъясненіями (ст. 324).

При этомъ упражняйте ихъ всегда во внимательности. Внимательность есть мать всякаго основательнаго познанія. Пріучайте ихъ не переходить слишкомъ скоро отъ одной вещи къ другой, всякую вещь разсматривать со многихъ, и есть ли возможно, со всѣхъ сторонъ, смотрѣть не только на цѣлое, но и на особенныя части его (ст. 324).

Третіе: остерегайтесь подавать дѣтямъ ложныя или не довольно точно опредѣленныя понятія о какой либо вещи, сколько бы ни была она маловажна. Гораздо лучше не знать имъ совсѣмъ многихъ вещей, нежели несправедливо оныя себѣ представлять (ст. 325).

Четвертое правило: не учите дѣтей ничему такому, чего онѣ по возрасту своему, или по недостатку другихъ предполагаемыхъ познаній при томъ разумѣть не могутъ (ст. 326).

Съ симъ предписаніемъ соединяется пятое, не менѣе важное: старайтесь не только умножить и распространить ихъ познаніе. но и сдѣлать его основательнымъ и вѣрнымъ (ст. 327).

Научайте ихъ смотрѣть на все съ практической стороны и при всѣхъ способныхъ случаяхъ производить то въ дѣйство. Преимущественно же и безпрестанно старайтесь научать ихъ судить право о цѣнѣ вещей. Сія есть истинная мудрость, которая гораздо дороже всѣхъ наукъ вообще, и которую никогда не можно вперить въ человѣкѣ слишкомъ рано, если надлежитъ ей быть путеводительницею въ его жизни. Итакъ научайте дѣтей вашихъ примѣчать великое различіе между внѣшними, преходящими, бренными благами и преимуществами и между тѣми, которыя собственно намъ принадлежатъ

и которыя мы навсегда сохраняемъ. Научайте ихъ здравіе и крѣпость тѣла цѣнить выше богатства и красоты, похвалу совѣсти выше почтенія и похвалы людской, а добродѣтель и праводѣтельность выше богатства, чести, здравія и жизни (ст. 328).

Остерегайте дѣтей отъ скоропостижности въ заключеніи, и пользуйтесь всѣми случаями посредствомъ наблюденій доводить ихъ до осторожности и точности въ ихъ заключеніяхъ и разсужденіяхъ (ст. 329).

4.

Сіе образованіе [1]) по большей части въ томъ только состоитъ, чтобъ научать его дитя: всѣ справедливыя понятія и разсужденія, ему доставленныя, или къ достиженію которыхъ помоществуемому ему было, употреблять при всемъ томъ, что касается до нравственнаго его поведенія, такъ и другихъ людей благополучія (ст. 331).

Первое правило: старайтесь узнать ихъ сложеніе и располагать поступки свои по свойству онаго. Особенно старайтесь изтребить первыя злыя движенія и похотѣнія (ст. 332).

Во вторыхъ приучайте дѣтей дѣйствовать по усмотрѣніямъ и причинамъ, а не по слѣпымъ побужденіямъ или по одному своемыслію. Третіе: не довольствуйтесь симъ, но научайте ихъ дѣйствовать по добрымъ, самолучшимъ и благороднѣйшимъ причинамъ съ чистыми и благодѣтельными намѣреніями... Въ объясненіи говорится: тотъ только добродѣтеленъ, кто имѣетъ независимую отъ сужденій и мнѣній людскихъ и всегда дѣйственную склонность ко всему тому, что справедливо и добро, и тотъ только можетъ быть щастливъ, кто умѣетъ довольствоваться невинностію своего сердца и одобреніемъ совѣсти (ст. 334). Къ сей добродѣтели и къ сему старайтесь вести дѣтей или учениковъ вашихъ, о вы занимающіеся образованіемъ ихъ сердца!

Четвертое: дабы сдѣлать имъ сіе понятнѣе, то научайте ихъ примѣчать слѣдствіе ихъ дѣлъ или поступковъ. Пятое: старайтесь сдѣлать должность для нихъ удовольствіемъ. Пріучайте ихъ соединять въ представленіяхъ своихъ должность и удовольствіе столь тѣсно, какъ натура оныя соединила (ст. 335). Шестое: для облегченія имъ всего сего доводите ихъ заблаговременно до изпытанія самихъ

[1]) Т. е. образованіе сердца.

себя, которое есть изрядное средство къ тому, чтобъ всегда дѣлаться благоразумнѣе и добродѣтельнѣе. Для того рекомендуется въ дружеской бесѣдѣ выспрашивать: какъ препроводилъ я сей день, сію недѣлю? Успѣлъ ли я въ сіе время въ какомъ нибудь художествѣ, наукѣ или искусствѣ столько, сколько успѣть могъ? Не сдѣлалъ ли кому зла? и пр. (ст. 337).

«Разсматривая симъ образомъ свое и ихъ поведеніе, научайте ихъ мудрости и добродѣтели».

Седьмое: научайте ихъ также пользоваться симъ образомъ и поведеніемъ другихъ людей. Представляйте имъ образцами для подражанія отличившихся отъ другихъ своею праводѣтельностію, скромностію, человѣколюбіемъ, и научайте ихъ, сколько почтенія и любви заслуживаютъ они тѣмъ у всякаго (ст. 338).

Осьмое: также употребляйте къ сему исторію. Исторія должна насъ дѣлать благоразумнѣйшими и лучшими; изъ нее должны мы научаться знать себя и другихъ людей, когда надлежитъ ей дѣйствительно быть для насъ полезною.

XV.

Кн. Парѳеній Енгалычевъ.

Князь Парѳеній Николаевичъ Енгалычевъ родился въ 1769 г., скончался въ 1829 г.; былъ шацкимъ предводителемъ дворянства; въ молодости принадлежалъ къ кружку Новикова. Составилъ и издалъ «О продолженіи человѣческой жизни или домашній лѣчебникъ» «Простонародный лѣчебникъ» (3 изд. 1808) «Словарь добродѣтелей и пороковъ» (Спб. 1828 г.) «Правила руководствующія къ лучшей нравственности». Для насъ особенно важенъ его «Словарь физическаго и нравственнаго воспитанія» ч. I и II, 1827 г., представляющій первую попытку дать педагогическую энциклопедію. Подобно большинству педагогическихъ книгъ XVIII в. Словарь посвященъ по преимуществу правоучительнымъ вопросамъ. Самъ авторъ въ предисловіи говоритъ: «Посвящаю (книгу сію) дѣтямъ моимъ. Изложенныя здѣсь уроки нравственности да будутъ для васъ путеводителями въ сей жизни, дабы вы могли содѣлаться достойными сынами любезнаго нашего отечества». Здѣсь въ алфавитномъ порядкѣ разсматриваются: безбожіе, безсмертіе души, благо верховное, благородство истинное, величіе, внимательность, воспитаніе (ст.

99—155 ч. I), вѣжливость, гимнастика (ст. 223—224), добродѣтель (ст. 237), Евангеліе и Библія (ст. 286), здоровье и долговѣчность, знанія (ст. 330), истина (ст. 350), исторія (ст. 355), любовь къ родинѣ (ст. 381), молитва (ст. 390), набожность (ч. II, ст. I), невѣжество (ст. 31—35), правоученіе христіанское (ст. 61), обязанность воспитателей и наставниковъ (ст. 98—102), обязанности жены (ст. 123—129), обязанности мужа (ст. 135—138), патріотизмъ (ст. 169—174), свобода нравственная (ст. 291—294), состраданіе (ст. 333—335), способъ много знать (ст. 347), уваженіе къ талантамъ (ст. 521), ученіе (ст. 547) и т. д.

1. Воспитаніе физическое и нравственное.

Всякаго благоразумнаго человѣка обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ доставить дѣтямъ своимъ тѣлесное здравіе, основательный разумъ, твердую душу, хорошій нравъ, доброе сердце. Что касается до тѣла:—если оно здороваго сложенія, то Природа предписываетъ почти одно правило, которое состоитъ въ томъ, чтобъ дать ей свободно дѣйствовать, дабы она непринужденно производила свои впечатлѣнія и законы, и заблаговременно бы приспособлена была ко всему. Природа же гораздо надежнѣе и знающѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, нежели всякое искусство, которымъ мы, желая исправить ее, только стѣсняемъ ее и дѣлаемъ принужденною. Чѣмъ болѣе сближаемся съ природою, тѣмъ болѣе сердце наше отверзается гласу ея.

Къ чему служатъ дѣтямъ сіи свивальники, шнурованые изъ китовыхъ костей и стальныхъ полосокъ, которые, подъ мнимымъ предлогомъ исправленія стана, стѣсняютъ ихъ дыханіе, препятствуютъ обращенію крови въ жилахъ? Къ чему служитъ все это? Развѣ только къ однѣмъ слезамъ, къ жалобамъ и роптанію ихъ? Невинныя эти жертвы не только мучатся и дѣлаются нездоровыми отъ сихъ жестокихъ изобрѣтеній нашихъ; но, подобно нѣжнымъ деревцамъ, у коихъ отъ перевязыванія остановлено теченіе сока, слабѣютъ и весьма худо растутъ; члены ихъ не пріобрѣтаютъ такого проворства, силы и крѣпости, кои видны въ природѣ, искусствомъ неутпетаемой. Надобно одѣвать дѣтей въ легкое и просторное платье; отъ сего они будутъ здоровы и полезны себѣ и другимъ...

Матери не такъ должны поступать съ дѣтьми своими, какъ располагаетъ къ нимъ слѣпое пристрастіе; но такъ, какъ заставляетъ благоразумная любовь. Должно мыть ихъ холодною и теплою водою не вдругъ, но съ нѣкоторою перемѣною; пусть они привыкаютъ, для безопаспости, заблаговременно мыть ноги холодною водою, какъ обыкновенно мы моемъ руки безъ всякаго вреда.

Надобно, чтобъ они ходили много, но безъ усталости; чтобъ бѣгали, прыгали и рѣзвились, но умѣренно: тѣлодвиженіе сдѣлаетъ ихъ не только сановитыми и пріятными, но даже сильными и проворными.

Не надобно давать имъ пить ни вина, ни пива, ни водки, ни чаю, ни кофе, ни шоколаду. Мать, изнѣживая дѣтей своихъ, дѣлаетъ ихъ слабыми, крайне чувствительными къ малѣйшимъ впечатлѣніямъ и неспособными сносить никакого труда, болѣзни и несчастія. Весьма нужно дѣтямъ много спать; только не должно имъ спать вмѣстѣ съ старымъ человѣкомъ, ибо это для нихъ очень вредно. Никогда не должно пугать ихъ незапнымъ шумомъ или крикомъ. Особенно вредны для нихъ сказки о домовыхъ, о чертяхъ, о мертвецахъ, о медвѣдяхъ; родители должны имѣть о семъ великое попеченіе. Надобно пріучать пятилѣтнихъ дѣтей къ холоду; но только должно имъ убѣгать сырости. Не надобно, чтобъ они были зпобки или чувствительны къ стужѣ, и не пріучать ихъ грѣться у огня передъ каминомъ, или у печки, или на лежанкѣ; чрезъ это они избѣгнутъ отъ насморковъ, флюсовъ и простудъ. Замѣчено вообще, что тѣ части тѣла, кои болѣе выставлены бываютъ на холодъ, дѣлаются къ нему нечувствительными. Никто не жалуется, что лицо и глаза много зябнуть. Женщины, привыкшія открывать грудь, никакого вреда отъ сего не чувствуютъ.

Не давать имъ ѣсть горячихъ щей или супу; не давать грызть орѣховъ,—ибо отъ сего зубы могутъ испортиться и въ совершенныхъ лѣтахъ.

Пріучить дѣтей каждое утро полоскать роть холодною водой, и по рюмкѣ оной давать имъ пить патощакъ. Сырыхъ плодовъ и ягодъ никогда не должно давать ѣсть дѣтямъ. Никогда не должно бить дѣтей: наказаніе ихъ должно состоять въ томъ, чтобъ лишать ихъ того, что имъ болѣе всего нравится, и возбуждать въ нихъ самолюбіе, стыдя ихъ при другихъ людяхъ. Начинать учить ихъ должно не прежде 7-ми лѣтъ. Послѣ ученія, непремѣнно нужно для дѣтей

тѣлодвиженіе. Поутру, когда они встаютъ, заставлять ходить ихъ босикомъ. Кровать ихъ должна быть безъ запавѣсъ, тюфякъ ровный и гладкій стеганый, набитый сѣномъ или соломой, и чтобъ комната была сухая и освѣщаемая солнцемъ; чтобъ подушки на кровати не было высоки и голова дитяти не очень высоко лежала во время спа; также не надобно очень тепло имъ одѣваться въ постелѣ. Пріучить ихъ рано ложиться спать и рано поутру вставать. Непремѣнно нужно, чтобъ дѣти упражнялись въ разныхъ тѣлодвиженіяхъ, но только безъ большой усталости, и чтобъ бѣгали болѣе съ открытою головой и грудью. Не надобно имъ ни перчатокъ, ни муфты, ни трости...

Должно, сколько возможно, отъ дѣтей удалять худыя содруженства, вредные разговоры, безчинныя книги, соблазнительныя сцены; а вмѣсто того приставить къ нимъ добрыхъ учителей, честныхъ наставниковъ, которые бы не только были ревностны къ пользѣ воспитываемаго, но притомъ имѣли бы и духъ патріотическій.

Но нравы уже испортились: да и какъ имъ не быть таковыми, когда пренебрежено воспитаніе? Между простыми людьми мало о томъ и помышленія: дни юныхъ лѣтъ проводятъ дѣти въ праздности и рѣзвости; когда же подрастутъ, то принимаются они за промыслъ какой-либо, чтобъ снискать себѣ пропитаніе. А гдѣ наука нравовъ? Гдѣ обученіе честности? Гдѣ то училище, въ коемъ были бы наставляемы, какъ избавиться отъ волненія безчисленныхъ искушеній? О семъ, хотя и необходимо — нужномъ, весьма мало пекутся. Иные же хотя, по видимому, того и не пренебрегаютъ, но поставляютъ опое въ одинѣхъ наружностяхъ, болѣе до устройства тѣла и временнаго мнимаго счастія, нежели до благосостоянія души и спасенія вѣчнаго надлежащихъ. Юные дѣти, безцѣнное родителей своихъ сокровище, повѣряются иностраннымъ пришельцамъ, людямъ неизвѣстной вѣры и честности, преходящимъ моря и земли — для пріобрѣтенія пропитанія, котораго, вѣроятно, въ своемъ отечествѣ снискать не умѣли или не могли. Какъ же при этомъ быть добрымъ нравамъ. А что въ младости будетъ посѣяно, то останется и навсегда.

Воспитаніемъ довершается трудъ Натуры. Оно юнымъ душамъ даетъ направленіе ко всему справедливому и благородному. Воспитаніе—вотъ благородство, отличающее людей.

2. Дары, таланты, дарованія.

Таланты суть дары Божіи, и бываютъ троякаго рода, какъ то: духовные или благодатные, къ которымъ относятся: вѣра, надежда, любовь, молитва, сила чудотворенія, сила ученія и проч.:— естественные, какъ, наприм.: красота и крѣпость тѣла, остроуміе, даръ слова и проч., и внѣшніе, къ которымъ принадлежатъ: богатства, почести, достоинства и проч. Данными отъ Бога дарованіями не должно пренебрегать, но должно оныя возращать, умножать, совершенствовать и употреблять во славу Его имени, въ пользу братій и въ собственное спасеніе. Кто такимъ образомъ поступаетъ, тому приложатся таланты къ талантамъ и дарованія къ дарованіямъ; и напротивъ, тотъ, кто не радитъ о благомъ употребленіи даровъ Господнихъ, рано или поздно потеряетъ оные.

Сколь ни блистательна слава побѣдъ воинныхъ, но въ славѣ, пріобрѣтаемой познаніями и умственными дарованіями, заключается нѣчто превосходнѣйшее. Она зависитъ наиболѣе отъ насъ самихъ и есть какъ бы собственность наша; не ограничивается, подобно славѣ воинной, нѣкоторыми временами и случаями, и нимало не зависитъ отъ безчисленныхъ посторонніихъ пособій; доставляетъ человѣку такія преимущества, кои несравненно лестнѣе преимуществъ, истекающихъ отъ богатства и почестей, потому что все сіе находится внѣ насъ, между тѣмъ какъ умъ есть наша собственность, или лучше, онъ составляетъ насъ самихъ. Впрочемъ, одинъ умъ не составляетъ еще истинной славы человѣка: положимъ, что онъ самъ по себѣ превосходенъ и украшенъ знаніемъ Философіи, Математики, Исторіи, Словесности; но сіи знанія дѣлаютъ человѣка только ученымъ, а не добрымъ. Ученый же—если онъ не болѣе какъ ученый—весьма часто бываетъ тщеславный, упорный, занятый самимъ собою и презирающій другихъ: но можетъ ли что-либо быть достойнѣе сожалѣнія и презрѣнія такого человѣка, который напыщенъ своими знаніями, непрестанно жаждетъ похвалъ и не насыщается ими, питается вѣтромъ и дымомъ, и мыслитъ токмо о томъ, чтобъ жить во мнѣніи другихъ? Чтобы успѣть въ свѣтѣ, надобно быть умнымъ, но не казаться таковымъ.

И такъ Науки и дарованія приносятъ честь не сами по себѣ, но по хорошему употребленію своему, и можно сказать, что скром-

ность наша болѣе всего возвышаетъ ихъ цѣну и блескъ. Какъ пріятно видѣть великихъ людей сознающимися въ своихъ ошибкахъ! Такое сознаніе предполагаетъ въ нихъ существенное и сугубое достоинство и возвышенность души, чувствующей, что сіи ошибки не могутъ причинить ей никакого ущерба, между тѣмъ какъ малый умъ, знающій свою скудость, не можетъ подвергать опасности и добровольно утратить что-либо изъ небольшаго своего имущества. Все то не достойно нашего старанія, что ни мало не способствуетъ спокойствію духа.

3. Слово, даръ слова.

Какъ сильно дѣйствуетъ слово человѣческое на нравственную нашу природу! Благотворнымъ его содѣйствіемъ разумъ образуется, понятія раскрываются, и умъ, такъ сказать, возрастаетъ. Чрезъ слово дѣти и юноши научаются и питаются млекомъ благодати: чрезъ слово вселяются въ нихъ (хотя, къ несчастью, весьма рѣдко) небесныя истины и спасительныя правила, долженствующія ихъ руководствовать къ цѣли ихъ бытія. Слово образуетъ нѣжныя сердца ихъ, внушаетъ въ нихъ любовь къ добродѣтелямъ, и пламенную ревность къ исполненію всѣхъ обязанностей. Слово питаетъ умъ истиною. Оно открываетъ ему Бога, отношенія Его къ міру, религію, средства къ спасенію и вѣчное его предопредѣленіе. Безъ слова человѣкъ былъ бы, можетъ быть то же, что несмысленное животное; но чрезъ слово онъ возносится превыше самого себя, и бесѣдуетъ съ Самимъ Богомъ. Ежели ничего не станутъ говорить ребенку, ежели чрезъ слово не возбудятъ въ немъ внутреннихъ силъ,—то зародышъ всего того, что есть въ немъ высочайшаго, не принесетъ никакой пользы, изсушится и совершенно увянетъ: напротивъ того, даръ слова зародышу сему служитъ пищею, образованіемъ, солнцемъ, дождемъ, благотворною росою, средствомъ къ возрастанію, къ плодотворности и обильной жатвѣ.

Наконецъ, слово преобразуетъ падшаго человѣка въ образъ Іисуса Христа, глаголомъ Духа Святаго. Безъ слова не было бы намъ столь ясно преподано ни Откровеніе, ни пророчества, ни дѣла Благодати, коея оно есть проводникъ и орудія. Безъ него не было бы проповѣди Евангелія, въ которымъ для всего рода человѣческаго изглаголаны глаголы живота вѣчнаго. Слово вселяетъ въ насъ боже-

ственную вѣру, неразлучную съ любовію, которая можетъ насъ возводить до Самого Бога. Ежели мы изъ нравственнаго, духовнаго міра низойдемъ въ царство видимой природы, то можно сказать, что и здѣсь все не иначе происходитъ, какъ чрезъ слово. Оно строитъ зданія, насаждаетъ растенія, распоряжаетъ всѣми дѣлами, и такимъ образомъ удвояетъ, утрояетъ и, такъ сказать, до безконечности распространяетъ силы натуры. Слово дѣлаетъ всякія связи возможными и пріятными; оно одушевляетъ, оживотворяетъ общество; имъ вся система міра политическаго поддерживается; безъ него рушились бы всѣ отношенія между людьми, всѣ права и обязанности, и весь нравственный и гражданскій порядокъ поколебался бы въ своемъ основаніи.

Человѣкъ въ семъ отношеніи есть истинный образъ Творца своего. Ежели онъ и не можетъ производить существъ изъ ничтожества, ежели и не можетъ сотворить ни одной былинки, то кто въ состояніи изъяснить все то могущество, которымъ вооружилъ его Богъ, ниспославъ ему даръ слова? Я не стану описывать противоположной стороны сей картины: горестно и подумать, до какой степени поведеніемъ большей части людей сія превосходнѣйшая черта образа Божія въ насъ уничтожена, обезчещена, осквернена! Кто можетъ исчислить всѣ грѣхи языка, всѣ способы, коими столь божественный даръ подвергается ужаснѣйшимъ злоупотребленіямъ? Я ни мало не удивляюсь, что люди судимы будутъ за всякое даже безполезное слово; ибо ежели ничто не дается намъ безъ цѣли, то ни достигать сей цѣли значитъ—грѣшить, хотя-бы грѣха и въ намѣреніи не было.

Посмотрите, какъ употребляется сей превосходный даръ въ опыхъ устныхъ и вѣчныхъ пустословіяхъ, въ опыхъ частыхъ и страшныхъ клятвахъ, божбахъ, ругательствахъ, злоязычіяхъ, лжахъ, коварствахъ, которыя всѣ происходятъ отъ языка, и суть исчадія злобы и жестокости человѣческой, исшедшія изъ бездны, и въ бездну низринуться долженствующія! Можно ли не сожалѣть, что человѣкъ, тотъ самый даръ, который только сближаетъ его съ Богомъ, превратилъ и обезобразилъ до такой степени, что чрезъ тоже самое слово дѣлается подобнымъ діаволу? [1]).

---

[1]) Изъ Словаря физическаго и нравственнаго воспитанія, составл. кн. Парѳеніемъ Енгалычевымъ. Ч. I. и ч. II. Спб. 1827.

XVI.

И. И. Давыдовъ.

Иванъ Ивановичъ Давыдовъ (1794—1863 г.), по окончаніи курса въ Московскомъ Университетѣ, защитилъ диссертацію на степень д-ра словесныхъ наукъ «О преобразованіи въ наукахъ, произведенныхъ Бакономъ». Былъ въ Московскомъ Университетѣ профессоромъ латинской словесности и философіи; кромѣ того преподавалъ нѣкоторое время высшую алгебру, а съ 1831 г., послѣ смерти Мерзлякова, занялъ каѳедру русской словесности. Вмѣстѣ съ натуралистомъ Павловымъ своимъ популяризованіемъ Шеллинга внесъ новую струю въ преподаваніе. По философіи Давыдовъ написалъ «Опытъ руководства къ исторіи философіи (1820 г.) «Начальныя основанія логики» (1821 г.) «О возможности философіи какъ науки» (1826 г.), послѣдняя статья произвела громадное впечатлѣніе. Издалъ «Греческую грамматику» (1820 г. и 1831 г.) «Рѣчи Цицерона» (1821 г.) «Учебную книгу русскаго языка» (1821 г. 9-е изд. 1843 г.) «Латинскую хрестоматію» (1822 г.). Учебную книгу латинскаго языка (1826 г.) «О содѣйствіи Московскаго Университета успѣхамъ отечественной словесности» (1836 г.) «Чтеніе о словесности» (1837—38 гг. и 1837—43 г.). Наиболѣе капитальный трудъ Давыдова «Опытъ общесравнительный грамматики русскаго языка» (Спб. 1852 г.) «Объ изученіи древнихъ языковъ и преимущественно латинскаго» (Спб. 1852 г.). Кромѣ того перевелъ два труда Франклера по высшей математикѣ. Одновременно съ профессорствомъ служилъ инспекторомъ въ Александровскомъ Сиротскомъ и Лазаревскомъ Институтахъ. Въ 1847 г. былъ назначенъ директоромъ Спб. Главнаго Педагогическаго Института и членомъ главнаго управленія училищъ, а по закрытіи въ 1858 г. Педагогическаго Института—сенаторомъ. Давыдовъ былъ академикомъ (Энцикл. Словарь, изд. Брокгаузомъ и Ефропомъ, т. X ст. 23—24).

О согласованіи воспитанія съ развитіемъ душевныхъ способностей.

Жизнь человѣческая проявляется въ переходахъ одного возраста въ другой. Душевныя способности, равно какъ и силы тѣлесныя, развиваются послѣдовательно, въ извѣстномъ и опредѣленномъ порядкѣ, возникаютъ, цвѣтутъ, зрѣютъ. Въ дитяти, какъ въ сѣмени, хранятся начала всѣхъ способностей, юноша представляетъ собою время цвѣтенія, мужество соотвѣтствуетъ зрѣлости.

Всѣ сіи различныя состоянія духа нашего обнаруживаются въ трехъ главныхъ его стихіяхъ: чувствѣ, умѣ и волѣ; они-то проходятъ всѣ ступени развитія по предначертаному Создателемъ закону. Умственное пріобрѣтеніе знаній, нравственное облагородствованіе воли и образованіе вкуса совершаются въ различныхъ возрастахъ жизни. На первой ступени развитія, на лонѣ матери, пробуждаются способности, здѣсь особенно образуется чувство. Второй возрасть — юность посвящается раскрытію и обогащенію ума, подъ руководствомъ отца или наставника. Переходъ въ возрасть мужества предназначается образованію воли — ея самобытности. Въ это время, при благословеніи Провидѣнія, законъ внѣшній, или общественный, и внутренній, или нравственный, бываютъ ангеломъ-хранителемъ человѣка.

Большею частью рѣдкіе успѣхи въ воспитаніи происходятъ отъ трехъ главныхъ погрѣшностей: или начинаютъ ученіе преждевременно и продолжаютъ непослѣдовательно; или стараются о сообщеніи знаній, не заботясь о дѣятельности мыслящей способности; или не всѣ стихіи души нашей развиваются въ воспитаніи.

Обыкновенно спрашиваютъ чему учить надобно сына или дочь? а лучше бы страшивать о томъ, какъ должно развивать душевныя способности. Дайте имъ правильное развитіе: они будутъ въ состояніи пріобрѣсти всѣ нужныя свѣдѣнія. Воспитайте чувство, умъ и волю согласно съ ихъ развитіемъ: вотъ простой законъ, въ которомъ заключается всѣ правила воспитанія. Дитя, еще не связывающее своихъ представленій въ одно цѣлое понятіе. въ состояніи ли воспринимать многія посторонніе понятія? Возможно ли дитяти, не постигающему предметовъ, его окружающихъ, объяснять предметы уче-

ные? Воспитатель тогда только можетъ питать ученьемъ дѣтское вниманіе, когда душевныя силы начнутъ развиваться собственною дѣятельностью.

Желаніе многихъ родителей слишкомъ рано учить дѣтей губитъ юныя способности, преждевременно ослабляетъ ихъ и препятствуетъ полному ихъ развитію. Въ дитяти преимуществуетъ жизнь растительная; въ немъ духовныя силы едва лишь раскрываются. Въ семъ возрастѣ мать, первая наставница, обязана давать надлежащее направленіе возникающимъ способностямъ. Въ очахъ матери, какъ въ зеркалѣ, дитя учится само себя понимать: видитъ оно въ семъ зеркалѣ нѣжность и любовь, и въ немъ отразятся тѣ же чувствованія.

Первоначальное направленіе сихъ чувствованій должно состоять въ повиновеніи и благодарности. Пока дитя еще походитъ на простое чувственное существо, мать должна показывать примѣры благотворительности. Дитя, руководимое разборчивою строгостью, будетъ послушно, любуясь исполненіемъ желаній своихъ, познаетъ оно всю важность благодарности. Напрасно матери при каждомъ требованіи дѣтей торопятся удовлетворить ихъ желанія: ощущаемый недостатокъ возвышаетъ цѣну благодѣянія, скорѣе рождаетъ въ юной душѣ признательность. Напротивъ, изнѣженныя дѣти ни благодарны, ни послушны; они то оказываются совершенно безнравственными.

Благоразуміе велитъ также обуздывать тѣлесныя побужденія въ лакомству и другимъ прихотямъ; надобно болѣе занимать благороднѣйшія чувства—зрѣніе и слухъ. Чувственность, сколь возможно ранѣе, да уступитъ мѣсто нравственности; съ раннихъ лѣтъ да пріучатся дѣти къ умѣренности и воздержанію. Сіи добродѣтели дѣйствуютъ на здоровье, научаютъ насъ отказывать себѣ въ любимыхъ потребностяхъ, льстящихъ чувствамъ, и обращать вниманіе на сторону духовную. Дѣтскій возрастъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ возраждаются различныя склонности. Дитя, какъ нравственное лицо, лишь только начинаетъ чувствовать свою дѣятельность, обращается къ познанію себя самого; тогда изъ растительной жизни образуется жизнь разумная. Не откладывайте до другого дня заботы о дѣтяхъ: преслѣдованіе направленія пробудившейся дѣятельности душевной столь важно, что одинъ день иногда можетъ быть или зарею ихъ счастья или началомъ бѣдствій.

Съ раскрытіемъ дѣятельности силъ разгорается и воображеніе—дѣти начинаютъ заводить игры. Давайте имъ волю выбирать за-

бавы: они вѣрно ихъ выберутъ по своимъ склонностямъ, недопускайте только въ игрушкахъ излишества и роскоши. Старайтесь заранѣе пріучать зрѣніе къ изящнымъ видамъ, а слухъ къ изящнымъ звукамъ. Всего опаснѣе въ этомъ возрастѣ зависть, она своевольно преступаетъ границы между твоимъ и моимъ и превращается въ корыстолюбіе. Это самый вредный плевелъ, похищающій у благотворныхъ растеній жизненные соки, его немедленно должно искоренять. Зависть обнаруживается и въ забавахъ: завистливыя дѣти не терпятъ ровесниковъ, отличающихся въ играхъ. За это или должно слѣдовать наказаніе, или надобно возбудить въ дитяти доброе чувство—довести его до того, чтобы ему было пріятно раздѣлить удовольствіе съ товарищами.

Такъ возбуждаются въ чувственной жизни начала разумныя и нравственныя. За симъ наступаетъ развитіе чувства религіознаго. Въ благоговѣніи родителей является дѣтямъ нѣчто возвышенное. При утренней и вечерней молитвѣ, равно въ церкви, съ умиленіемъ да обращаетъ юная душа мысленные взоры свои къ небесному Отцу, надѣляющему всѣхъ своими дарами и благами. Пусть зрѣніе дитяти мало-по-малу отвлекается отъ видимыхъ предметовъ, а душа его устремляется къ невидимому Виновнику всѣхъ явленій и его собственныхъ дѣйствій. Нѣжный цвѣтокъ, какъ сравнительно можно назвать дитя, заранѣе да согрѣвается лучами этого солнца и получаетъ силу цвѣсти и созрѣвать при всѣхъ превратностяхъ жизни. Такое приготовленіе къ воспріятію религіознаго чувства располагаетъ душу къ христіанскимъ наставленіямъ.

Переходъ дѣтства въ отрочество ознаменовывается тѣмъ, что сила представительная возрастаетъ, разумѣніе получаетъ способность къ ученію. Въ этомъ возрастѣ представленія возвышаются до понятій, воображеніе становится дѣятельнымъ, а склонности обращаются въ характеръ; умственная сфера беретъ первенство надъ чувственностью; при всемъ томъ дѣйствія воли какъ нравственное, такъ и религіозное, еще покоятся неразвитыя, хотя они явственнѣе, нежели въ возрастѣ дѣтскомъ. Тутъ воспитаніе переходитъ изъ рукъ матери въ руки отца или наставника. Мать, имѣвшая подъ своимъ надзоромъ чувственный возрастъ дитяти, передаетъ отрока отцу или тѣмъ, которые должны печись о развитіи умственномъ. Домашнее воспитаніе должно согласоваться съ

общественнымъ для того, чтобы разныя стороны, изъ коихъ одне совершенствуются въ семейственной жизни, а другія въ училищѣ, всегда согласовались одна съ другою. Разумѣніе въ отрокѣ составлять предметъ главный воспитанія, посему родители должны стараться всячески питать любовь къ ученію. Въ усиленіи ея собственно состоитъ преимущество общественнаго воспитанія передъ домашнимъ. Важность ученія въ этомъ возрастѣ не въ количествѣ сообщаемыхъ знаній, а въ возбужденіи сильнѣйшей дѣятельности къ ихъ пріобрѣтенію и къ размышленію о томъ, что пріобрѣтено.

Что-жъ принять за руководство въ отроческомъ возрастѣ? Здѣсь главное правило заключается въ томъ, чтобы познать отличительную способность души и ее возбуждать. Отроческій умъ любитъ упражняться въ образованіи изящнаго чувства слуха и зрѣнія: для сего необходимо занятіе живописью и музыкою. Тутъ нужно испытывать вниманіе отрока соображеніями чиселъ и протяженій, какъ чувственныхъ воззрѣній мѣста и времени. Въ магнитѣ отъ постепеннаго прибавленія тяжести увеличивается сила: такъ усиливается и юное соображеніе исчисленіями. Къ сему же времени относится изученіе языковъ. Непостижимое устроеніе человѣческаго слова, которое въ дѣтствѣ пріобрѣтается навыкомъ, безъ всякой отчетности, преобразуется помощью наукъ въ органическое цѣлое. Странно только, что иные начинаютъ упражнять дѣтей въ мертвыхъ языкахъ, для которыхъ потребно двойное соображеніе, вмѣсто первоначальнаго и простѣйшаго упражненія въ живыхъ языкахъ, особенно отечественномъ. Читая образцовыхъ писателей, мы непримѣтно измѣняемъ разговорный языкъ нашъ на изящный языкъ краснорѣчія.

Одно изъ основныхъ правилъ воспитанія состоитъ въ современномъ упражненіи памяти и разсудка. Безполезно учить наизусть безъ соображенія: это, съ одной стороны, уничтожаетъ занимательность предмета, съ другой, затрудняетъ понятія; не обременяйте памяти особенно изученіемъ чего-либо непонятнаго. Въ томъ, что понятно, упражняется она вмѣстѣ съ разсудкомъ; съ укрѣпленіемъ сужденія самая память становится твердою. Иные стараются выучивать много, но черезъ это ослабляется сужденіе, потому что умъ не имѣетъ достаточной силы обсуживать выученное. Отроческому возрасту приличны гимна-

стическія упражненія. Когда жизнь переходитъ въ разумную, тогда и тѣло становится способнымъ къ упражненію въ искусствѣ, требующемъ развитія чувства къ изящному. Лучше остановить слишкомъ быстрое раскрытіе душевныхъ способностей, нежели ослабить тѣло: для развитія отроческой души еще остается много впереди времени, а потерянное время отрочества для тѣла невозвратимо. Движеніе въ физической природѣ тоже, что мысль въ духовной: для самого здоровья необходимо умѣренное согласованіе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Наблюдайте такое уравниваніе духа и тѣла до тѣхъ поръ, пока продолжается развитіе организма.

Умѣренность и воздержаніе, пробужденныя въ дѣтскомъ возрастѣ, должны въ отрочествѣ получить высшее значеніе. Къ симъ свойствамъ, сопровождающимъ умственное развитіе отрока, принадлежитъ развитіе нравственнаго и религіознаго чувства: разумная сфера соотвѣтствуетъ нравственной, дѣтская благодарность и покорность родителямъ, принадлежности перваго періода, здѣсь переходятъ въ признательность и уваженіе. Если желаете, чтобъ юный нравъ благородствовался, то поддерживайте въ немъ сіи чувства. Недовольно одной привязанности къ домашнимъ: кто готовится къ жизни общественной, тотъ долженъ научиться уваженію старшихъ. Дурныя привычки дитяти получаютъ въ отрокѣ значительную силу и нерѣдко переходятъ въ своевольство, упрямство, дерзость. Отъ того, чья воля несвободна еще отъ чувственности, нельзя требовать возвышенныхъ добродѣтелей, каковы: великодушіе, щедрость и подобныхъ; по крайней мѣрѣ должно возбуждать въ отроческомъ возрастѣ чувство обязанностей общественныхъ. Не подобно питать душу одними только пріятными впечатлѣніями, но и склонять ее къ пожертвованіямъ. То, что сначала бываетъ внѣшнею обязанностью, раскрываетъ мало-помалу нравственное чувство и обращается во внутреннюю потребность. Чувство дѣтское зависти въ отрочествѣ можетъ возрасти до корыстолюбія, а потому здѣсь надобно развить чувство справедливости. Рано, слишкомъ рано можно пробудить готовность къ услугамъ, прямодушіе, честность; въ семъ возрастѣ дѣтская благотворительность переходитъ въ попеченіе о благополучіи ближняго. Возбудить сіи чувствованія — долгъ домашняго и общественнаго воспитанія.

Религіозное чувство отрока столь нѣжно, что трудно бываетъ сберечь его отъ холодности умственнаго образованія.

Если въ дитяти уже составилось понятіе о Всевышнемъ, то въ отреченіѣ необходимо раскрыть страхъ Божій—начало премудрости. Но не упражняйте ума въ религіозныхъ предметахъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы упростить оные для разума: что легко обнимаетъ разумъ, то перестаетъ быть предметомъ безусловнаго почитанія. Здѣсь надлежитъ представить тотъ образецъ, коего видимая жизнь заключается въ существѣ невидимомъ: сей образецъ нашъ Спаситель. Нравственно-чистая и святая жизнь Его, поученія, страданія, смерть и воскресеніе должны напечатлѣться въ сердцѣ отрока. Сей образъ, однажды въ немъ напечатлѣнный, не изгладится во всю жизнь. Вмѣстѣ съ нимъ излагается ученіе православной вѣры, вѣнецъ умственнаго воспитанія. Въ нѣжномъ возрастѣ ученіе религіи не можетъ быть предметомъ ученія на-память. Благочестивое чувство дѣтей подавляется, какъ скоро божественное ученіе становится изнурительнымъ трудомъ для нихъ, и то внушается угрозами, что должно быть для человѣка священнымъ. Наступаетъ важнѣйшій періодъ воспитанія—юность, время совершеннаго развитія разсудка, вкуса и характера, переходъ духовной жизни въ высшую сферу способностей: умъ, фантазію и волю. Въ семъ періодѣ изъ знаній образуются науки о Богѣ, человѣкѣ и природѣ, чувствованія творятъ идеалы, а склонности обращаются въ нравственныя направленія. Сердечныя чувствованія, прекраснѣйшіе спутники жизни нашей, принимаемые въ первородной чистотѣ своей возникаютъ въ юности; въ нихъ обнаруживается воля, главнѣйшій предметъ воспитанія. Онъ получаетъ тогда только высокое достоинство, когда не подчиняется холодному и безжизненному знанію, а, напротивъ, воспринимаетъ въ себѣ тѣ лучи свѣта наукъ, кои истекаютъ изъ сердца. Очищайте склонности чувства, одушевляйте ихъ любовью къ наукамъ и искусствамъ: вы непримѣтно усовершенствуете нравственность. Юноша начинаетъ борьбу со страстями, и хотя воспитаніе не можетъ совершенно отвратить этой борьбы, по крайней мѣрѣ, оно дастъ силы къ ихъ преодолѣнію. Науки и искусства такіе два генія, которые укрощаютъ и умѣряютъ страсти. Здѣсь одинъ умъ не удовлетворяетъ юноши: сердце требуетъ своихъ предметовъ и всѣми силами старается ихъ обрѣсти. Воз-

вышенныя чувства волнуютъ грудь юноши: онъ мечтаетъ о чести и славѣ; фантазія его паритъ за предѣлы здѣшняго міра; вездѣ представляется ему идеалъ счастія. Въ райской жизни идеаловъ согрѣвается и оживляется искусство. Мыслящая способность, вполнѣ раскрытая, уже въ состояніи обнимать весь кругъ человѣческихъ знаній.

Долгъ истинно полезнаго воспитанія состоитъ не въ одномъ сообщеніи разнообразныхъ свѣдѣній, но въ совокупности образованія вкуса, и просвѣщенія ума, и благородствованія сердца.

Вотъ нѣсколько совѣтовъ психологіи касательно согласованія воспитанія съ развитіемъ душевныхъ способностей. Наука самопознанія должна служить основаніемъ и воспитанію, или развитію самопознанія. Родители, воспитатели и наставники! напитайте юныя сердца христіанскими добродѣтелями: надеждою, любовію и вѣрою. Въ надеждѣ сосредоточиваются всѣ чувствованія терпѣнія и великодушія; въ любви — стремленіе къ самопожертвованію для блага ближняго; въ вѣрѣ — всѣ нравственныя и общественныя обязанности.

XVII.

Архіепископъ Евсевій.

Высокопреосвященный Евсевій (въ мірѣ Евѳимій Поликарповичъ Орлинскій) родился 24 декабря 1805 г. въ с. Черномъ Верхѣ, Тульской губ. Окончивъ курсъ Тульской семинаріи, въ числѣ лучшихъ учениковъ, Орлинскій поступилъ въ Московскую духовную академію, гдѣ кончилъ курсъ въ 1832 г. со степенью магистра богословія. Въ томъ же году постригся въ монашество, принявъ имя Евсевія. Былъ инспекторомъ виоанской семинаріи, а въ 1834 г. былъ переведенъ инспекторомъ и профессоромъ философіи въ Московскую духовную семинарію. Его труды были скоро замѣчены; онъ получилъ одобреніе и признательность отъ комиссіи духовныхъ училищъ, а въ 1838 г. опредѣленъ инспекторомъ и баккалавромъ богословскихъ наукъ въ Московскую академію и въ томъ же году возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1841 г. Евсевій былъ сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ богословскихъ наукъ и 25 ноября того же года утвержденъ ректоромъ Московской духовной академіи.

гдѣ и пробылъ до 1817 года. Въ теченіе этого времени его нѣсколько разъ посылали обозрѣвать духовныя семинаріи. Въ 1847 г. Евсевій былъ переведенъ ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ епископомъ Вишнинскимъ, викаріемъ Подольской епархіи. Кромѣ того, былъ назначенъ наблюдателемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ учебныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, предсѣдателемъ комитета учрежденнаго для разсмотрѣнія конспектовъ преподаванія учебныхъ предметовъ въ духовныхъ семинаріяхъ, а также въ это время не разъ осматривалъ духовныя семинаріи. Въ 1850 г. пр. Евсевій былъ назначенъ епископомъ самарскимъ, а въ 1856 г. переведенъ епископомъ Иркутскимъ и Нерчинскимъ, гдѣ вскорѣ получилъ санъ архіепископа. Въ 1860 г. Евсевій былъ назначенъ епископомъ Могилевскимъ и Мстиславскимъ, гдѣ и оставался до смерти. Онъ скончался 21 февр. 1883 г. послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни. Какъ человѣкъ, покойный владыка отличался необыкновенною кротостію и добротою, неутомимою дѣятельностью и глубокою религіозностью. Изъ печатныхъ трудовъ его важны: «Утѣшеніе въ скорби и болѣзняхъ» (7-е изд. 1879 г.) «Бесѣды на воскресныя и праздничныя евангелія» (3 изд. 1876 г.) «О православной вѣрѣ» (3 изд. 1877 г. «Проповѣди на всѣ воскресные и праздничные дни» (1870 г.). Но для насъ особенно важно его педагогическое сочиненіе «О воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія». Первоначально оно помѣщено было въ видѣ прибавленія къ «Твореп. Св. Отцовъ въ рус. перев. (въ 1844 г.), а потомъ вышло отдѣльною книгою, изданною, затѣмъ вновь въ 1857, 1877 гг. и 1894 г.? (мы пользовались изд. 1877 г.). Эта книга едва ли не первый опытъ на русскомъ языкѣ полнаго, хотя и краткаго обозрѣнія воспитанія и обученія съ религіозной богословско-христіанской точки зрѣнія. Вся книга проникнута любовію къ воспитываемымъ.

«Главная наша обязанность, говоритъ преосв. Евсевій, въ продолженіе всей настоящей жизни, въ какихъ бы кто обстоятельствахъ ни находился, состоитъ въ томъ, чтобы, послѣдуя Евангельскому ученію, вѣрою и любовью стремиться къ Богу, питать сыновній страхъ къ Нему, болѣе и болѣе утверждаться въ союзѣ съ Нимъ, дабы наконецъ навсегда соединиться съ Нимъ блаженнымъ единеніемъ въ жизни нескончаемой». Въ этомъ духѣ христіанскаго благочестія и написано «О воспитаніи дѣтей», [1]).

---

[1]) Подробн. у Каргопольцева. Арх. Евсевій. Могил. Епарх. Вѣдом. Часть неоф. №№ 9 и 10 за 1883 г.

1. Какъ должно воспитывать.

Воспитывать—должно въ духѣ Христіанскаго благочестія.

1. Воспитывать не значитъ только пробуждать въ дитяти дремлющія способности и произвольно давать имъ то или другое направленіе; но значитъ выводить воспитанника изъ состоянія поврежденія и доводить его до того, чтобы онъ самъ собою могъ достигать своего истиннаго назначенія, временнаго и вѣчнаго. Какъ членъ гражданскаго общества, онъ долженъ возрастать для круга общественной дѣятельности, къ которой Богъ призываетъ его; а какъ предназначенный къ небесной жизни, онъ долженъ созрѣть ко дню жатвы и принести неувядаемые плоды.

Кто думаетъ, что невозможно воспитывать дѣтей вмѣстѣ для отечества земнаго и небеснаго, тотъ показываетъ въ себѣ совершенное незнаніе дѣла. Самъ Богъ далъ намъ эту землю, какъ приготовительное училище, какъ мѣсто испытанія, и Ему угодно, чтобы каждый въ своемъ званіи, сколько можетъ, содѣйствовалъ ко благу цѣлаго. Для этого каждому Онъ далъ извѣстные таланты, и отъ каждаго нѣкогда потребуетъ отчета въ употребленіи сихъ талантовъ (Мато. 25, 5. слѣд.). Потому главнаго и послѣдняго нашего назначенія мы можемъ достигнуть только вѣрнымъ исполненіемъ повседневныхъ нашихъ обязанностей въ настоящей жизни, по мѣрѣ дарованныхъ намъ силъ: еже бо аще сѣетъ человѣкъ, тожде и пожнетъ (Гал. 6, 7). Такъ воспитаніе для земли и воспитаніе для неба нераздѣльны между собою. Только тогда встрѣтилось бы противорѣчіе, какъ подъ воспитаніемъ для общества стали бы мы разумѣть воспитаніе для однѣхъ земныхъ цѣлей, какъ будто земное благосостояніе составляетъ послѣднюю цѣль человѣка, и послѣ этой жизни не должно ему ничего ни надѣяться, ни бояться. Къ сожалѣнію, такой взглядъ не рѣдокъ, и горе дитяти, которое такимъ образомъ удаляютъ отъ его истиннаго назначенія.

2. Но поелику каждый человѣкъ имѣетъ нужду въ Божественномъ наставленіи, внутреннемъ укрѣпленіи и освященіи, чтобы возвыситься къ духовному общенію съ Богомъ, и поелику онъ, поработившись грѣху, сталъ предметомъ Божественнаго неблаго-

волѣнія и подвергся поврежденію по душѣ и по тѣлу, то Спаситель нашъ, Богочеловѣкъ Іисусъ, по безпредѣльной любви Своей къ человѣку, принесши умилостивительную жертву за грѣхи людей, просвѣщаетъ душу человѣка свѣтомъ истины, сообщаетъ ей новыя силы, и волю его, погруженную въ грѣховное самолюбіе, опять направляетъ къ горнему. Онъ, по волѣ Отца небеснаго, совершилъ искупленіе рода человѣческаго, предавъ Самаго Себя въ жертву за наши грѣхи и тѣмъ утвердилъ въ Своей Церкви новый порядокъ спасенія на всѣ времена, до скончанія міра. Поэтому для человѣка нѣтъ инаго пути ко спасенію, какъ только чрезъ Іисуса Христа (Дѣян. 4, 12).

3. Итакъ, чтобы воспитаніе соотвѣтствовало своей цѣли и возрастающихъ дѣтей приводило въ состояніе достигать главнаго своего назначенія, оно необходимо должно совершаться въ духѣ христіанскаго благочестія: этого мало, если воспитаніе сообщаетъ воспитаннику только познаніе ученія христіанскаго; оно должно быть всецѣло проникнуто животворнымъ дыханіемъ Божественнаго ученія. Мы вводимъ дѣтей въ гибельныя заблужденія, если не приводимъ ихъ ко Христу, ихъ и нашему Спасителю.

4. Воспитаніе безъ духа благочестія никогда не будетъ въ полной мѣрѣ споспѣшествовать и земному благосостоянію. Безъ истиннаго благочестія нѣтъ ни истинной любви къ себѣ и ближнимъ, ни постоянной вѣрности къ властямъ и отечеству, ни истиннаго стремленія къ общей пользѣ. Только христіанское благочестіе соединяетъ насъ какъ съ Богомъ, такъ и съ нашими братьями. и плоды его: любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе (Гал. 5, 33). Напротивъ, чѣмъ менѣе оно имѣетъ вліянія на человѣка, тѣмъ разрушительнѣе становятся дѣла плоти, въ томъ же мѣстѣ исчисляемыя Апостоломъ (ст. 12, слич. Іак. 4, 1 слѣд.). И кто не знаетъ, что чрезъ это разрушается благополучіе человѣка нетолько вѣчное, но и временное?

2. Кто можетъ воспитывать?

1. Воспитывать можетъ собственно только святая любовь, возбуждаемая и питаемая тѣмъ Духомъ, который въ началѣ по-

сился надъ водами (Быт. 1, 2), и который тамъ, гдѣ приготовляетъ Себѣ благопотребныя орудія, вся во всѣхъ дѣйствуетъ, раздѣляя властію коемуждо, якоже хощетъ (1 Кор. 12, 11). Хотя и человѣческаго искусства достаточно для того, чтобы пробудить въ дитяти какъ тѣлесныя, такъ и духовныя силы, сообразно съ природою, и сообщить имъ опредѣленное — только естественное направленіе, и мы знаемъ, какъ много сдѣлано въ этомъ отношеніи не только въ новѣйшее время, но и въ древности; однакожъ, если говорить объ истинномъ воспитаніи, то сами по себѣ мы можемъ только садить и поливать, а возращаетъ одинъ Богъ (1 Кор. 3, 6).

2. Впрочемъ, чрезъ это не исключается ни собственная дѣятельность воспитываемаго лица, ни содѣйствіе другихъ. Духъ Божій, носящійся надъ твореніемъ, дѣйствуетъ на каждое существо соразмѣрно его природѣ и назначенію; равно и на существа свободныя дѣйствуетъ Онъ соразмѣрно нравственной пріемлемости, не дѣлая насилія ихъ свободѣ. Для этого Онъ избираетъ особенныя орудія. Счастливо дитя, если его воспитатели, взирая на себя, только какъ на орудія Божественнаго Духа, благоговѣйно послѣдуютъ тихому Его влеченію и стараются дѣйствовать единственно въ Немъ и чрезъ Него.

3. Поэтому воспитатель всегда долженъ помнить свою великую, столь важную для дитяти, обязанность: онъ долженъ быть орудіемъ, чрезъ которое Отецъ небесный привлекаетъ дѣтей съ самыхъ раннихъ лѣтъ къ высокому ихъ назначенію. Кромѣ того, что самъ онъ долженъ быть хорошо воспитанъ и уже въ зрѣломъ возрастѣ, для сего важнаго дѣла нужны особенно слѣдующія свойства:

а) Не скоропреходящая, но обратившаяся въ навыкъ склонность къ образованію дѣтей, соединенная съ такимъ талантомъ, который и безъ ученаго руководства умѣетъ попадать на прямой путь, руководствуясь здравымъ разсудкомъ и истинно благочестивымъ христіанскимъ сердцемъ. Этотъ талантъ иногда встрѣчается въ самыхъ обыкновенныхъ людяхъ, особенно въ матеряхъ, которыя, слѣдуя стремленію своего благочестиваго, чувствительнаго сердца, бываютъ нерѣдко удивительно счастливы въ своихъ пріемахъ.

б) Впрочемъ такіе люди, дѣйствуя болѣе безотчетно и какъ-бы

по инстинкту, нежели по дознанным началамъ, часто подвергаются такимъ ошибкамъ, которыхъ, при надлежащемъ образованіи, легко могли бы избѣжать. Но если воспитатель хочетъ соотвѣтствовать своему званію, онъ необходимо долженъ обладать извѣстными познаніями и руководственными правилами. Онъ хорошо долженъ знать: что такое человѣкъ, и для чего онъ здѣсь на землѣ? какъ и чѣмъ можетъ онъ достигнуть своего назначенія? что при этомъ дѣлаетъ природа? что — Благодать? и что можетъ и должна сдѣлать человѣческая попечительность? какія препятствія должно отстранять и какія средства надобно употреблять? какой наилучшій путь къ легчайшему и вѣрнѣйшему достиженію цѣли воспитанія? и т. п.

в) Со стороны характера требуется, какъ необходимое основаніе, истинное, нелицемѣрное благочестіе воспитателя. Отселѣ сама собою проистекаетъ сердечная любовь къ дѣтямъ, пріятное провожденіе времени въ кругу ихъ и снисходительное дѣтское чувство въ обращеніи съ ними, неутомимое терпѣніе въ отношеніи къ ихъ слабостямъ и погрѣшностямъ, ласковая важность, которая умѣетъ обуздывать ихъ рѣзвость, укрощать дѣтское упрямство и снискивать себѣ у нихъ любовь и искреннее уваженіе. Отселѣ также постоянная бдительность надъ самимъ собою, чтобы не увлекаться ни своенравіемъ, ни страстями, или сердечными возмущеніями, но всегда быть себѣ равнымъ, и такимъ образомъ итти своимъ путемъ всегда съ спокойнымъ, любвеобильнымъ благоразуміемъ.

г) И внѣшности не должно оставлять безъ вниманія: тѣло, не имѣющее по крайней мѣрѣ значительныхъ недостатковъ, извѣстное приличіе въ держаніи и движеніяхъ тѣла, открытое, дружелюбное лице, хорошій выговоръ и т. д., тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, чѣмъ болѣе юный возрастъ зависитъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній.

Учитель, въ обхожденіи съ своими воспитанниками, долженъ показывать истинное радушіе, которое, конечно, приходитъ не отвнѣ, но глубоко утверждается въ духѣ и есть плодъ святой любви и искренней благожелательности къ дѣтямъ. Кто этого расположенія не ощущаетъ въ себѣ, тому и не надобно желать наставнической должности: онъ можетъ быть полезнымъ отечеству въ другомъ отношеніи. Наемникъ мало принесетъ пользы для учи-

лища: здѣсь долженъ управлять вѣрный, добрый другъ и отецъ, съ любовію и ласковостію, съ надеждою и радостнымъ упованіемъ на Бога. Жатва иногда поздно приходитъ, но вѣрно придетъ, если добрый учитель усердно трудится съ надеждою на Бога. Счастливъ, кто сѣялъ вѣрно и правильно!

4. Особенно важенъ примѣръ воспитателя не только въ нравственномъ, но и во всякомъ другомъ отношеніи. Посему часто будемъ мы обращаться къ этой истинѣ: иже аще соблазнитъ единаго малыхъ сихъ вѣрующихъ въ Мя, уне есть ему, до обѣсится жерновъ осельскій (мельничный) на выи его, и потопетъ въ пучинѣ морстѣй (Матѳ. 18, 6). Блюдите, да не презрите единаго (отъ) малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго (ст. 10).

5. А чтобы воспитателю полнѣе и совершеннѣе усвоить себѣ эти свойства, онъ чаще долженъ размышлять о высокомъ достоинствѣ и назначеніи человѣка, особенно дитяти, сохраняющаго еще свѣжій цвѣтъ невинности, дарованный ему въ Крещеніи,—и всегда помнить примѣръ Господа Спасителя, который такъ любвеобильно допускалъ къ Себѣ малыхъ дѣтей и говорилъ: иже аще пріиметъ отроча таково во имя Мое, Мене пріемлетъ (Матѳ. 18, 5).

Воспитатель долженъ съ надеждою на Бога представлять благословенные плоды, добрымъ воспитаніемъ произращаемые, и окомъ вѣры взирать на обильную жатву, которую благочестивый воспитатель встрѣтитъ въ странѣ вѣчности, хотя бы здѣсь — на землѣ его труды и очень мало были вознаграждаемы. Дѣти составляютъ будущій міръ; посему, кто содѣйствуетъ ихъ усовершенствованію, тотъ не только имъ доставляетъ пользу, но и будущему поколѣнію: сѣмя, которое онъ сѣетъ на доброй землѣ, будетъ расти, можетъ быть, въ продолженіе вѣковъ, и Отецъ Небесный, видящій тайное, вознаградитъ добраго сѣятеля въ день великой жатвы.

3. Польза и необходимость воспитанія.

1. Воспитаніе необходимо, чтобы человѣкъ могъ удобнѣе достигать доступнаго ему совершенства. Въ этомъ убѣждаетъ насъ не только всеобщее наблюденіе, какъ надъ каждымъ человѣкомъ,

такъ и надъ цѣлыми народами, но и самое существо дѣла. Если оставить способности дитяти безъ надлежащаго возбужденія и руководства, онѣ или останутся въ состояніи бездѣйствія, или подвергнутся повреждепію; а если будутъ воспитывать, руководствуясь ложными началами, то дѣти получатъ превратное образованіе, и вредъ отъ сего часто бываетъ непоправимый. Что, напримѣръ, выйдетъ изъ бѣднаго воспитанника, если посредствомъ ложныхъ правилъ съ раннихъ лѣтъ станутъ удалять его отъ Бога и Искупителя, ввергнутъ въ пучину суетной жизни по духу міра, какъ будто для него ничего нѣтъ выше настоящей жизни? Если отъ этого настоящее поколѣніе получитъ превратное направленіе, то что станется съ будущимъ? Юпошество — это разсадникъ, откуда черезъ нѣсколько лѣтъ выйдутъ отцы, матери, начальники и подчиненные, и они данное имъ образованіе, ложное или истинное, наслѣдственно передадутъ дальнѣйшему потомству, съ тѣмъ только различіемъ, что худыя впечатлѣнія чѣмъ болѣе будутъ продолжаться, тѣмъ далѣе распространяться, а добрыя, если не будутъ постоянно поддерживаемы, скоро опять изгладятся.

2. Поэтому въ дѣлѣ воспитанія очень важно, если родители и всѣ, имѣющіе участіе въ воспитаніи дѣтей, хорошо и основательно знаютъ, къ какой главной цѣли и какимъ образомъ они всегда должны стремиться, воспитывая дѣтей, отъ Бога имъ ввѣренныхъ. Особенно же пастырю должны быть хорошо извѣстны начала истинно христіанскаго воспитанія. Какъ онъ станетъ возводить къ высшей христіанской нравственности ввѣренную ему паству, если не будетъ полагать къ сему основанія въ расцвѣтающемъ юношествѣ? Его высокое званіе непремѣнно требуетъ, чтобы онъ: а) какъ въ общественныхъ своихъ поученіяхъ, такъ и въ частномъ собесѣдованіи, поучалъ родителей ихъ обязанностямъ, обращалъ ихъ вниманіе на ихъ ошибки и умѣлъ имъ всегда подавать добрые совѣты; и б) чтобы онъ, какъ учитель благочестія и какъ другъ дѣтей, дѣйствовалъ на нихъ сильно и благотворно.

3. Спрашиваютъ иногда: если дѣло воспитанія сопровождается такою великою пользою, то почему нерѣдко бываетъ такъ, что при всемъ, повидимому, стараніи о воспитаніи дѣтей, святая вѣра и нравственность, вмѣсто того, чтобы цвѣсти, едва не совсѣмъ

погасаютъ въ нихъ? На это можно отвѣчать, что—1) не всегда начинаютъ воспитаніе съ началъ истинно-христіанскихъ; или если и положены добрыя начала, то очень нерѣдко бываетъ недостатокъ въ примѣненіи ихъ къ главной цѣли. 2) И наилучшее воспитаніе не будетъ имѣть успѣха, если ему не содѣйствуютъ родители, домашніе и всѣ, имѣющіе вліяніе на дитя. А какъ рѣдко это бываетъ и кому не извѣстно, что разрушеніе гораздо легче, чѣмъ созиданіе? 3) При этомъ, если мы безъ всякаго предубѣжденія сравнимъ одно общество, одинъ народъ съ другимъ, одинъ вѣкъ съ другимъ, то ясно откроется, что посредствомъ воспитанія, несмотря на частыя препятствія, сдѣлано и всегда дѣлается очень много и добраго.

4. Образованіе внутренняго воззрѣнія.

1. Человѣкъ не только видитъ внѣшніе преметы, но можетъ сознавать и то, что происходитъ въ его собственной душѣ. Эту способность мы называемъ внутреннимъ чувствомъ. Образованіе сей способности тѣмъ необходимѣе, чѣмъ менѣе можно ожидать надлежащаго раскрытія оной отъ свободнаго дѣйствія природы. Къ сожалѣнію, незнакомство съ самимъ собою есть дѣло очень обыкновенное. Самые образованные люди, коихъ любознательность проникаетъ во всѣ царства природы, въ исторію всѣхъ частей свѣта, даже въ круговращеніе солнечной системы, и которые съ жадностью собираютъ свѣдѣнія объ отдаленнѣйшихъ событіяхъ міра, сами для себя нерѣдко остаются какъ-бы незнакомою или мало знакомою страною. Ихъ собственный внутренній міръ представляется имъ загадочнымъ сцѣпленіемъ смѣняющихся расположеній духа, желаній и страстей; и вмѣсто того, чтобы размышлять о себѣ, управлять собою и всегда имѣть въ виду свое истинное значеніе, они слѣпо предаются влеченію предразсудковъ и преобладающихъ чувствованій. Отселѣ между прочимъ происходитъ то странное явленіе, что очень многіе гораздо скорѣе замѣчаютъ чужія погрѣшности, нежели собственныя, и въ своихъ поступкахъ часто одобряютъ то самое, что въ другихъ громко обличаютъ. Хотя источникъ этого явленія лежитъ не только въ неправильномъ разсужденіи, но и въ поврежденіи воли, однако

это зло, по крайней мѣрѣ нѣсколько, можно отвращать и усовершеніемъ внутренняго чувства, органа наблюденія надъ самимъ собою.

2. Хотя въ раннія лѣта мало можно успѣть въ образованіи внутренняго чувства, однако при удобныхъ случаяхъ надобно обращать вниманіе воспитанника на его внутреннее состояніе и на тѣ проступки, коимъ онъ подвергается; и чѣмъ болѣе духъ его зрѣетъ, тѣмъ болѣе должно пріучать его къ размышленію о себѣ и вниканію въ самого себя, не только въ свои поступки, но и въ ихъ источники и побудительныя причины. Для этой цѣли очень важно, по-справедливости всѣми одобряемое, повседневное испытаніе совѣсти, особенно когда всякій разъ прежде со смиреніемъ молять Бога о ниспосланіи свыше силы и свѣта благодати. Есть еще и другія средства:

а) Полезно пріучать воспитанника, чтобы онъ наблюдалъ чувствованія и расположенія другихъ. Кто, замѣчая въ другихъ что-нибудь неодобрительное, будетъ въ то же время внимательно смотрѣть на самого себя, тотъ много можетъ собрать опытовъ, какъ собственныхъ, такъ и чужихъ. Но здѣсь нужно остерегаться, чтобы это средство не обратилось въ порочную привычку пересуживать и пересмѣивать другихъ.

б) Гораздо болѣе въ этомъ случаѣ приносятъ пользы хорошо составленныя жизнеописанія и исторіи, когда дѣти читаютъ ихъ съ размышленіемъ, и когда воспитатель благоразумно прилагаетъ ихъ къ сердцу юныхъ читателей. Особенно библейская исторія сообщаетъ намъ превосходныя познанія о сердцѣ человѣческомъ [1]).

5. Раскрытіе прекрасныхъ свойствъ невиннаго дѣтства.

Хотя первоначальное согласіе нашихъ наклонностей и ихъ прямое направленіе къ Богу разстроено грѣхомъ, однако чрезъ то не уничтожились нравственныя способности, вложенныя Творцомъ въ душу человѣка. Это доказываетъ дѣтскій возрастъ. Онъ еще не осквернепъ господствующими въ мірѣ грѣховными страстями, и въ

---

[1]) О воспитаніи дѣтей въ духѣ Христіанскаго благочестія. Изд. четвертое. СПБ. 1877.

дѣтской душѣ еще находимъ мы нѣкоторыя довольно ясныя черты помраченнаго чрезъ грѣхъ образа Божія. Совокупность этихъ то слѣдовъ первобытной невинности и дѣлаетъ для насъ дѣтей столь любезными и пріятными. Насъ влечетъ и привязываетъ къ нимъ не одна пріятность лица; основаніемъ этой привязанности служатъ тѣ свойства невинной дѣтской души, которыя извнутри обнаруживаются во внѣшности и выражаются на ихъ лицѣ. Отъ этого-то читатель такъ охотно останавливается на томъ мѣстѣ, гдѣ описывается, какъ Богочеловѣкъ самъ приказывалъ дѣтямъ подходить къ Нему, обнималъ ихъ, возлагалъ на нихъ руки и преподавалъ имъ Свое Божеское благословеніе (Марк. 10, 13—16). Главныя черты невинной дѣтской души суть слѣдующія: искренняя довѣрчивость, непритворное смиреніе, охотное признаніе своей зависимости отъ другихъ, сердечная привязанность къ своимъ родителямъ и полная преданность имъ; простота, ничѣмъ не возмущаемая откровенность и прямодушіе, чуждое всякой зависти благожелательство ко всѣмъ и веселая жизнь.

Родители должны не только охранять эти нѣжные цвѣты дѣтства, чтобы не подкралась къ нимъ какая нибудь змѣя и не отравила ихъ ядомъ грѣха, но и всѣми мѣрами стараться, чтобы сіи цвѣты болѣе и болѣе раскрывались, усовершались и приносили плоды. И счастливо новорожденное, нѣжное дитя, если ему достается истинно добрая и чувствительная мать! Любовь, съ какою она печется и ласкаетъ свое дитя, есть для него то-же, что для нѣжныхъ растеній благопріятная весна; кроткій взоръ матери для него есть какъ бы весеннее солнце. Тогда Богомъ положенныя въ душу дитяти сѣмена скоро возрастутъ и прекрасно поднимутся вверхъ. Потомъ, когда дитя подрастетъ и мало-по-малу достигнетъ до нѣкотораго самосознанія, тогда возбужденная въ сердцѣ его любовь съ каждымъ днемъ болѣе будетъ развиваться и, при благопріятствующихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, наконецъ расцвѣтетъ во всѣхъ тѣхъ формахъ, которыя мы назвали прекрасными свойствами невиннаго дѣтства.

Все достоинство человѣка зависитъ отъ усовершенія воли, и только одна святая любовь соединяетъ насъ съ Богомъ, послѣднею нашею цѣлью. Все просвѣщеніе ума, все образованіе чувства, вся тонкость внѣшняго поведенія не имѣетъ истиннаго достоинства, если при этомъ не усовершается воля или не возвышается нравственное образованіе души.

Особенно надобно заботиться о томъ, чтобы воспитывать въ дѣтскомъ сердцѣ святую любовь. Если сія любовь обнимаетъ и проникаетъ дѣтское сердце, то само собою изливается изъ внутренняго во внѣшнее, такъ что каждое движеніе ея тогда носитъ на себѣ печать благоприличія. Въ обхожденіи такого человѣка будетъ выражаться скромное, искреннее и нелицемѣрное уваженіе къ достоинствамъ и заслугамъ другихъ, откровенность, привѣтливость и предупредительность, участіе въ положеніи другихъ и общительность, кротость, терпѣніе, миролюбіе.

XVIII.

Н. И. Пироговъ.

Николай Ивановичъ Пироговъ, сынъ казначея Московскаго провіантскаго депо, родился въ Москвѣ 13 ноября 1810 г. Семья у его отца была довольно многочисленная. Обстановка, при которой протекло дѣтство Пирогова, была довольно благопріятна. Отецъ его, любитель живописи и сада, былъ отличный семьянинъ, и какъ онъ, такъ и мать горячо любили дѣтей.

На 12 году Пирогова отдали въ частный пансіонъ Кряжева. Пансіонъ этотъ былъ на хорошемъ счету и имѣлъ довольно обширную программу. О своемъ пребываніи въ пансіонѣ Пироговъ сохранилъ самыя лучшія воспоминанія, въ особенности о самомъ директорѣ Кряжевѣ, преподававшемъ новые языки, и о преподавателѣ русскаго языка Войцеховичѣ.

Въ сентябрѣ 1824 г. Пироговъ поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго Университета. Въ это время на Пирогова обрушился рядъ семейныхъ несчастій (смерть сестры, брата и, наконецъ, отца). Въ Университетѣ Пироговъ слушалъ проф. анатоміи Лодера, проф. физіологіи Мухина и др., но вообще Университетъ не блисталъ своими профессорами. Окончилъ онъ курсъ со степенью лѣкаря (1828 г.) и для усовершенствованія въ наукахъ былъ отправленъ на казенный счетъ въ Дерптъ. Въ это время Дерптскій Университетъ одинъ стоялъ на подобающей научной высотѣ. Здѣсь Пироговъ избралъ спеціальностью хирургію. Онъ занимался въ Дерптѣ много и усердно; представленная имъ на латинскомъ языкѣ работа была удостоена факультетомъ золотой медали. Въ 1831 г. онъ сдалъ докторскій экзаменъ, а въ 1832 г. удостоенъ степени доктора медицины и отправленъ за границу. Въ Берлинѣ Пироговъ

работалъ у профессора Шлемма, у Руста и Греффе по хирургіи, въ Геттингенѣ у знаменитаго Лангенбека. По возвращеніи изъ-за границы, Пироговъ просился въ Московскій Университетъ, но это ему не удалось, и онъ принялъ каѳедру въ Дерптѣ. Здѣсь онъ пробылъ съ 1836 по 1841 г. За это время Пироговъ издалъ два тома клиническихъ анналовъ и свою «Хирургическую анатомію артеріальныхъ стволовъ и фасцій», сразу завоевавшихъ ему имя въ наукѣ.

Въ началѣ 1841 г. Пироговъ былъ переведенъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію профессоромъ госпитальной хирургіи и прикладной анатоміи и назначенъ завѣдывать всѣмъ хирургическимъ отдѣленіемъ 2-го военно-сухопутнаго госпиталя. Здѣсь ему пришлось много поработать, пока новая хирургическая клиника приняла прекрасный видъ и сдѣлалась высшею школою русскаго хирургическаго образованія. Вскорѣ послѣ своего переселенія въ С.-Петербургъ, Пироговъ былъ назначенъ членомъ медицинскаго совѣта. Однимъ изъ важныхъ дѣлъ совѣта, въ бытность Пирогова и подъ его вліяніемъ, былъ пересмотръ экзаменаціоннаго устава медицинскаго факультета университетовъ.

Во время своего пребыванія въ медико-хирургической академіи, Пироговъ произвелъ до 12 тысячъ вскрытій.

Въ 1847 г. Пироговъ получилъ командировку на Кавказъ: ему поручено было сообщить врачамъ Кавказскаго округа всѣ крупныя усовершенствованія въ практикѣ хирургическихъ операцій (напр. примѣнить впервые этеризацію) и осмотрѣть всѣ госпитали Кавказа. Здѣсь впервые пришлось Пирогову работать въ качествѣ полевого хирурга.

Время профессорской дѣятельности Пирогова въ медико-хирургической академіи обнимаетъ четырнадцатилѣтній періодъ (съ 1841 г. по 1854 г.). Капитальнымъ трудомъ его за это время явилась Топографическая Анатомія.

Изъ академіи ему пришлось отправиться на помощь раненымъ въ Севастополь (1855 — 1856 гг.); его ревностная и неутомимая дѣятельность въ качествѣ хирурга обратила на себя всеобщее вниманіе.

Послѣ Севастопольской кампаніи для Россіи наступило новое время. Пироговъ же посвящаетъ себя преимущественно педагогической дѣятельности. Въ Морскомъ Сборникѣ 1856 г. (т. XXIII № 9) появляются знаменитые «Вопросы жизни Пирогова. Статья эта обратила на себя вниманіе Министра Народнаго Просвѣщенія Норова, который и предложилъ Пирогову посвятить себя педагогической дѣятельности и занять мѣсто попечителя Одесскаго учебнаго округа. Пироговъ принялъ это предложеніе и былъ попечителемъ въ Одессѣ съ 1856 г. по 1858 г. Дѣятельность свою Пироговъ понималъ какъ

просвѣтительную миссію. «Въ моихъ глазахъ, говорилъ онъ, попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ». Въ Одессѣ Пироговъ организовалъ литературныя бесѣды въ гимназіяхъ, хлопоталъ о преобразованіи Ришельевскаго лицея въ университетъ. Съ 1858 г. по 1861 г. онъ былъ попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа.

Еще въ Одессѣ Пироговъ высказался противъ тѣлесныхъ наказаній, противъ цѣлесообразности розги въ дѣлѣ воспитанія. По пріѣздѣ въ Кіевъ, онъ выступилъ рѣшительнымъ поборникомъ гуманности и законности въ дѣлѣ воспитанія. Съ этою цѣлью образовалъ комиссію для выработки «правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа».

Пироговъ сумѣлъ поднять значеніе педагогическихъ совѣтовъ, ввелъ литературныя бесѣды, позаботился расширить и увеличить гимназическіе библіотеки и кабинеты, сочувствовалъ литературно-педагогическимъ занятіямъ учителей и далъ возможность нѣкоторымъ изъ выдающихся преподавателей отправиться для усовершенствованія за границу. Свои отношенія Пироговъ основывалъ главнымъ образомъ на нравственномъ довѣріи къ себѣ подчиненныхъ и учащихся. Въ университетѣ Пироговъ ввелъ въ систему конкурсное замѣщеніе каѳедръ, организовалъ университетскій судъ, расширилъ университетскую библіотеку и способствовалъ развитію института профессорскихъ стипендіантовъ. Ставя университетъ на должную высоту, Пироговъ считалъ одною изъ важныхъ задачъ его—популяризацію науки.

13-го марта 1861 г. Пироговъ уволился отъ должности попечителя. Онъ поселился въ с. Вишнѣ (близъ г. Винницы), Подольской губ. и былъ выбранъ въ мировые посредники; но съ марта 1862 г. былъ командированъ за границу для руководства молодыми русскими учеными, приготовляющимися къ профессорскому званію. Въ 1866 г. Пироговъ уѣхалъ въ свое помѣстье и уже рѣдко выѣзжалъ оттуда; для помощи раненымъ въ франко-прусскую войну 1870 г., для объѣзда лазаретовъ въ русско-турецкую кампанію (1877 г.) и для празднованія своего полувѣковаго юбилея въ Москвѣ (24 мая 1881 г.). Умеръ онъ 23 ноября 1881 г. въ своемъ имѣніи, с. Вишнѣ.

Его педагогическія статьи были изданы подъ заглавіемъ: Собраніе литературныхъ статей Пирогова. Одесса 1858 г. Собраніе литературно-педагогическихъ статей Пирогова. Кіевъ, 1861 г. Новыя изданія въ 1900 и 1910 гг.

Пироговъ дѣятельно ратовалъ за развитіе и процвѣтаніе профессорскаго института, приготовляющаго молодыхъ людей къ научной дѣятельности, «такъ какъ въ животворныхъ и образовательныхъ силахъ личностей, говоритъ онъ, я нахожу единственное ручательство за истинный прогрессъ». Для замѣщенія всѣхъ профессорскихъ вакансій Пироговъ совѣтовалъ принять не выборное начало, а конкурсъ, на лекціяхъ же ввести «сократовскій способъ ученія въ видѣ бесѣдъ, главною цѣлью которыхъ было бы обсужденіе основныхъ и самостоятельныхъ вопросовъ науки».

По мнѣнію Пирогова, гимназія есть только преддверіе университета: она должна только приготовлять учащихся къ воспріятію и разработкѣ науки и способствовать «общечеловѣческимъ образованіемъ всесторонпему развитію всѣхъ благихъ способностей человѣческаго духа». Могучимъ пособіемъ въ дѣлѣ развитія учащихся Пироговъ считаетъ литературныя бесѣды: онѣ должны приготовлять къ университету, должны способствовать проявленію самостоятельнаго труда учащихся, способности мыслить и разсуждать.

Отъ педагогическихъ совѣтовъ онъ требуетъ «свободно, откровенно и безпристрастно обсуждать различныя педагогическія мѣры и предлагаемые способы преподаванія». Думаемъ, что всѣ эти педагогическіе вопросы такъ важны и рѣшеніе ихъ такъ оригинально и смѣло, что становится понятнымъ, почему Н. И. Пироговъ считается знаменитымъ русскимъ педагогомъ.

1. Задача воспитанія — приготовить людей.

Существуютъ только три возможности или три пути вывести человѣчество изъ его ложнаго и опаснаго положенія:

Или согласить нравственно-религіозныя основы воспитанія съ настоящимъ направленіемъ общества.

Или перемѣнить направленіе общества. Или, наконецъ, приготовить насъ воспитаніемъ къ внутренней борьбѣ, неминуемой и роковой, доставивъ намъ всѣ способы и всю энергію выдержать неравный бой.

Слѣдовать первымъ путемъ не значило ли бы искажать то, что намъ осталось на землѣ Святого, Честнаго и Высокаго... Измѣнить направленіе общества есть дѣло Промысла и времени.

Остается третій путь. Онъ труденъ, но возможенъ: избравши его придется многимъ воспитателямъ сначала перевоспитать себя. Приготовить насъ съ юныхъ лѣтъ къ этой борьбѣ значитъ именно: «*сдѣлать насъ людьми*», то есть, тѣмъ, чего не достигнетъ ни одна ваша реальная школа въ мірѣ, заботясь сдѣлать изъ насъ, съ самаго нашего дѣтства, негоціантовъ, солдатъ, моряковъ, духовныхъ пастырей или юристовъ.

Не спѣшите, однако, съ вашею прикладною реальностью. Дайте созрѣть и окрѣпнуть внутреннему человѣку; наружный успѣетъ еще дѣйствовать; онъ, выходя позже, неуправляемый внутреннимъ, будетъ можетъ быть, не такъ ловокъ, не такъ сговорчивъ и уклон-

чивъ, какъ воспитанникъ реальныхъ школъ; но за то на него можно будетъ вѣрнѣе положиться, онъ не за свое не возьмется.

Дайте выработаться и развиться внутреннему человѣку! дайте ему время и средства подчинить себѣ наружнаго, и у васъ будутъ и негоціанты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное, у васъ будутъ люди и граждане. Всѣ готовящіеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми.

Поэтому всѣ до извѣстнаго періода жизни, въ которомъ ясно обозначаются склонности и ихъ таланты, должны пользоваться плодами одного и того же нравственно-научнаго просвѣщенія. Недаромъ извѣстныя свѣдѣнія цвѣтари называются: «humaniora» то есть, необходимыя для каждаго человѣка. Эти свѣдѣнія, съ уничтоженіемъ язычества, съ усовершенствованіемъ наукъ, съ развитіемъ гражданскаго быта различныхъ націй, измѣненные въ ихъ видѣ остаются навсегда однакоже тѣми же свѣтильниками на жизненномъ пути и древняго, и новаго человѣка [1]).

2. О высокомъ назначеніи женщины.

Пусть женщина, окруженная ничтожествомъ толпы, падаетъ на колѣни предъ Провидѣніемъ, когда положивъ руку на юное сердце, почувствуетъ, что оно еще бьется для святого вдохновенія, еще готово убѣждаться и жить для отвлеченной цѣли. Правда, вступая въ свѣтъ, женщина менѣе, чѣмъ мужчина, подвергается грустнымъ слѣдствіямъ разлада основныхъ началъ воспитанія съ направленіемъ общества. Она рѣже осуждена бываетъ снискивать себѣ трудами насущный хлѣбъ и жить совершенно независимо отъ мужчины. Торговое направленіе общества менѣе тяготѣетъ надъ нею.

Въ кругу семьи ей отданъ на сохраненіе тотъ возрастъ жизни, который не лепечетъ еще о золотѣ.

Но зато воспитаніе ея обыкновенно превращаетъ ее въ куклу. Воспитаніе, наряжая ее, выставляя на показъ для зѣвакъ, обставляетъ кулисами и заставляетъ ее дѣйствовать на пружинахъ такъ, какъ ему хочется. Ржавчина съѣдаетъ эти пружины, а чрезъ

---

[1]) Изъ статьи „Вопросы жизни“.

щели истертыхъ и изодранныхъ отъ времени кулисъ она начинаетъ высматривать то, что отъ нея такъ бережно скрывали. Мудрено ли, что ей тогда приходитъ на мысль попробовать самой, какъ ходятъ люди. Эмансипація — вотъ эта мысль. Паденіе — вотъ первый шагъ.

Пусть многое останется ей неизвѣстнымъ. Она должна гордиться тѣмъ, что многаго не узнаетъ. Не всякій—врачъ. Не всякій долженъ безъ нужды смотрѣть на язвы общества. Не всякому обязанность велитъ въ помойныхъ ямахъ рыться, нытать и нюхать то, что отвратительно смердитъ. Однако-же, раннее развитіе мышленія и воли для женщины столько же нужно, какъ и для мужчины. Чтобъ услаждать сочувствіемъ жизнь человѣка, чтобъ быть сопутницей въ борьбѣ—ей также нужно знать искусство понимать, ей нужна самостоятельная воля, чтобы жертвовать, мышленіе—чтобъ избирать и чтобъ имѣть ясную и свѣтлую идею о цѣли воспитанія дѣтей. Если женщины-педанты, толкуя объ эмансипаціи, разумѣютъ одно воспитаніе женщинъ,—онѣ правы. Если же онѣ разумѣютъ эмансипацію общественныхъ правъ женщины, то онѣ сами не знаютъ, чего хотятъ. Женщина эмансипирована и такъ уже, да еще, можетъ быть, болѣе, нежели мужчина. Хотя ей и нельзя, по нашимъ законамъ, сдѣлаться солдатомъ, чиновникомъ, министромъ. Но развѣ можно сдѣлаться мужчинѣ кормилицею и матерью-воспитательницею дѣтей до 8-лѣтняго ихъ возраста. Развѣ онъ можетъ сдѣлаться связью общества, цвѣткомъ и украшеніемъ его? Только близорукое тщеславіе людей, строя алтари героямъ, смотритъ на мать, кормилицу и няньку какъ на второстепенный, подвластный классъ. Только торговый матеріализмъ и невѣжественная чувственность видятъ въ женщинѣ существо подвластное и ниже себя. Все, что есть высокаго, прекраснаго на свѣтѣ, — искусство, вдохновеніе, наука, — не должно слишкомъ сродняться съ вседневной жизнью: оно утратитъ свою первобытную чистоту, выродится и запылится прахомъ.

Итакъ, пусть женщины поймутъ свое высокое назначеніе въ вертоградѣ человѣческой жизни. Пусть поймутъ, что онѣ, ухаживая за колыбелью человѣка, учреждая игры его дѣтства, научая его уста лепетать и первыя слова, и первую молитву, дѣлаются главными зодчими общества. Краеугольный камень кладется ихъ руками. Христіанство открыло женщинѣ ея назначеніе. Оно поставило въ

образецъ человѣчеству существо, только-что отнятое отъ ея груди. И Марѳа, и Марія сдѣлались причастницами словъ и бесѣдъ Искупителя [1]).

3. Ищи быть и будь человѣкомъ.

Что же, наконецъ, въ моемъ идеалѣ воспитанія выражаютъ слова отца (сыну): «ищи быть и будь человѣкомъ»? Конечно, не новое; напротивъ, старое и очень старое, но истинное. Конечно, не легкое, но достижимое. Значатъ ли эти слова дѣйствительно, что я добиваюсь невозможнаго, что я ищу въ человѣкѣ земного совершенства, мечтательнаго гражданина вселенной, или тому подобнаго? Нѣтъ, человѣкомъ, какъ я его понимаю, можетъ быть каждый, въ своемъ родѣ, пріучившись съ раннихъ лѣтъ хорошо пользоваться различными свойствами души, которыми каждаго изъ насъ надѣлилъ Богъ въ извѣстной мѣрѣ. Въ дѣлѣ воспитанія главное—намѣреніе и убѣжденіе; они зависятъ отъ воспитателей; успѣхъ — отъ Бога. Всѣ мы, къ какой бы націи ни принадлежали, можемъ сдѣлаться чрезъ воспитаніе настоящими людьми, каждый различно, по врожденному типу и по національному идеалу человѣка, нисколько не переставая быть гражданиномъ своего отечества и еще рельефнѣе выражая, чрезъ воспитаніе, прекрасныя стороны своей національности.

Но всѣ эти идеалы человѣка, и слѣдовательно идеалы воспитанія, какъ бы различно ни проявлялся въ нихъ національный типъ, должны имѣть одну исходную точку—Откровеніе. Итакъ, словами: «ищи быть и будь человѣкомъ»—выражается одна главная мысль воспитанія: научите дѣтей, съ раннихъ лѣтъ, подчинять матеріальную сторону жизни нравственной и духовной. Итакъ, если отецъ, сознавая вполнѣ значеніе этой мысли, скажетъ сыну: «будь человѣкомъ», то это значитъ — онъ рѣшается воспитать сына безъ всякой задней мысли, и отдастъ его въ школу изъ одного глубокаго убѣжденія, что образованіе необходимо, какъ пища. Это значитъ, что отецъ, готовый всѣмъ жертвовать для нравственно-жизненной необходимости сына, твердо увѣренъ, что все прочее въ жизни должно притти само собою; а если и не придетъ, то онъ все-таки ничего не потеряетъ въ сущности.

[1]) Изъ статьи „Вопросы жизни“.

Сынъ, помня слова отца, съ раннихъ лѣтъ пріучается видѣть въ образованіи нравственную необходимость и цѣнить его, какъ самую жизнь. Наставникъ, говоря: «я хочу сдѣлать людьми моихъ питомцевъ», значитъ, рѣшается предпочитать формѣ духъ, мертвой бумагѣ живую мысль; значитъ, въ наукѣ онъ видитъ не просто одинъ сборникъ знаній, а мощное средство дѣйствовать на нравственную сторону ребенка. Исполняя эти слова, учитель уже не заставитъ ребенка изучать науку одними устами, но направитъ ее на развитіе той или другой душевной способности дѣтей, и каждый учитель вмѣстѣ сдѣлается и воспитателемъ. Наконецъ, если цѣлое общество повторитъ эти многозначительныя слова всѣмъ и каждому изъ своихъ сочленовъ, то оно выразитъ, что воспитаніе для всѣхъ, безъ различія сословій и состояній, такъ же необходимо, какъ хлѣбъ и соль, и, при такомъ убѣжденіи, не пощадитъ никакихъ издержекъ для достиженія цѣли, соберетъ капиталы, учредитъ компаніи для распространенія просвѣщенія, обяжетъ всѣхъ содѣйствовать по мѣрѣ силъ, сдѣлаетъ для всѣхъ и каждаго просвѣщеніе обязательнымъ, говоря всѣмъ и каждому: «будь человѣкомъ». Вотъ мысль моего идеала, не новаго, но и не недостижимаго. Для достиженія нужны: серьезный взглядъ на жизнь, полное сознаніе нравственной необходимости воспитанія, содѣйствіе духовное и матеріальное, теплая вѣра въ вѣчную истину и добро [1]).

4. Быть и казаться.

Исторгая безпрестанно ребенка изъ его собственнаго духовнаго бытія, перенося его все чаще и чаще въ нашу сферу, заставляя его и смотрѣть и понимать по нашему, мы, наконецъ, достигаемъ одного: онъ начинаетъ намъ казаться не тѣмъ, что онъ есть. И вотъ вѣнецъ нашей педагогики, вотъ non plus ultra всѣхъ нашихъ трудовъ и усилій! Чего не придумано у насъ къ достиженію этого результата? И дѣтскіе балы, и театры, и живыя картины, и костюмы, и даже школьная обстановка. А чтобы лучше убѣдиться, дѣйствительно ли ребенокъ намъ кажется не такимъ, какъ онъ есть,—мы изобрѣли и срочныя испытанія. Мало этого: нашлись и такіе педагоги, которые придумали изъ самихъ дѣтей сдѣлать орудія наблюденія за

---

[1]) Изъ статьи „Новоселье лицея“.

дѣтьми же, чтобы и тѣ, и другія какъ можно лучше двоили свой духовный бытъ и какъ можно точнѣе раздѣляли бы «быть и казаться». Извѣстно, до какихъ блестящихъ результатовъ на этой почвѣ достигли отцы-іезуиты. Если мы, при нашей обыкновенной методѣ воспитанія, много способствуемъ,—хотя безсознательно и дѣйствуя по крайнему разумѣнію,—къ развитію въ ребенкѣ лжи и притворства, то іезуиты, не довольствуясь этимъ, уже сознательно доводятъ двойственность до степени клеветы.

Твердо вѣрящему въ стремленіе человѣчества впередъ, къ усовершенствованію, кажется уже неприличнымъ утверждать, что и дѣти, и вообще люди въ старину, то-есть когда-то, были лучше.

Но, тѣмъ не менѣе, въ этой извѣстной поговоркѣ стариковъ и недовольныхъ есть доля и правды. Во-первыхъ, для всякаго старика это, дѣйствительно, относительная истина. Онъ, принимая менѣе участія въ дѣйствіяхъ переходнаго состоянія отъ стараго къ новому, видитъ яснѣе худое, всегда сопровождающее каждый переходъ, чего современное ему свѣжее поколѣніе на примѣчаетъ, будучи само проводникомъ новаго. Во-вторыхъ, есть и дѣйствительно такіе періоды для человѣчества, въ которыхъ старое еще недостаточно состарѣлось, а новое, втекая цѣлымъ потокомъ, еще не успѣло ни созрѣть, ни амальгамироваться со старымъ. Эти періоды такъ же вредны для нравственности, какъ у насъ на сѣверѣ раннія оттепели для посѣва: сѣмена уносятся тающимъ снѣгомъ. И это уже не одна только относительная истина для стариковъ.

Не мудрено, если въ старину, при менѣе искусственной обстановкѣ воспитанія, яснѣе обозначались высокіе и выдержанные характеры. Кто выходилъ невредимъ изъ школы жезла, тотъ выносилъ духъ, такъ же хорошо закаленный, какъ закалено тѣло дикихъ и номадовъ, купающихъ новорожденныхъ дѣтей въ студеной водѣ. Но наша современная обстановка воспитанія еще слишкомъ нова, чтобы точно обсудить ея результаты. Только надъ однимъ іезуитскимъ способомъ воспитанія, который также не вовсе потерялъ современность, судъ исторіи уже произнесенъ. Вездѣ, гдѣ онъ господствовалъ, и теперь еще господствуетъ двойственность души. Насильственно раздѣленное іезуитствомъ, «быть и казаться» породило и притворство, и коварство, и клевету съ ябедою и доносомъ. Если все, что я сказалъ, заключаетъ въ себѣ хотя тѣнь истины, то скажите мнѣ: не лучше ли—предъ Богомъ и человѣчествомъ—замѣнить всѣ

искусственныя попытки нашего собственнаго воображенія воспитаніемъ, основаннымъ на законахъ дѣвственно-фантастическаго міра дитяти? Въ наше время, когда глубокіе умы посвятили себя изученію духовной стороны даже умалишенныхъ; когда начинаетъ обнаруживаться, что и эти отверженцы нашего общества имѣютъ свою собственную логику, свою послѣдовательность въ дѣйствіяхъ; когда наука, проникнувъ въ ихъ особый міръ, ищетъ въ немъ связей съ нашимъ, должны ли мы—говорю—именно теперь оставаться хладнокровными къ духовному міру нашихъ дѣтей и не изучать его во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ?

Скажите, что можетъ быть поучительнѣе, что выше, что святѣе духовнаго сближенія съ этимъ Божіимъ, чуднымъ дѣтскимъ міромъ? Кому не занимательно слѣдить за всѣми его обнаруживаніями, за всѣми проявленіями во времени и въ пространствѣ? Кому не весело самому помолодѣть душою? О! еслибы всѣ родители и педагоги по призванію вошли въ этотъ таинственно священный храмъ еще дѣвственной души человѣка! Сколько новаго и неразгаданнаго еще узнали бы они! Какъ обновились бы, какъ поумнѣли бы сами! Одинъ взглядъ, брошенный въ него бѣднымъ швейцарцемъ, сердечно любившимъ дѣтей, произвелъ на свѣтъ цѣлую систему ученія, котораго плодами мы только-что теперь начинаемъ пользоваться. Къ вамъ, матери семействъ, относится преимущественно мой совѣтъ! Вмѣсто того, чтобы посылать вашихъ дѣтей на театральную и бальную сцену, ступайте сами за кулисы дѣтской жизни! Наблюдайте отсюда за ихъ первымъ лепетомъ и первыми движеніями души; наблюдайте ихъ здѣсь и тогда, когда они возвратятся къ вамъ, утомленныя играми и всегда готовыя снова начать ихъ! Я бы далъ и еще совѣтъ, но не знаю, какъ вы примете и этотъ. Подчинясь однимъ влеченіямъ души къ добру и правдѣ, вы, можетъ быть, и безъ меня придумали что-нибудь лучшее. — Я самъ обращусь теперь за совѣтомъ, всегда уважая его, если онъ данъ отъ души, если въ немъ проглядываютъ смыслъ и любовь къ истинѣ и добру. Скажите мнѣ, отцы и педагоги, всѣ ли вы принимаете со мною этотъ дѣтскій міръ съ его особенными законами? Если да, то скажите мнѣ откровенно: какъ вы въ него вступаете? и потомъ посовѣтуйте мнѣ, должень ли я и впредь позволять дѣтямъ и юношамъ играть на публичной сценѣ? Пусть будетъ вашъ совѣтъ, пожалуй, и чисто теоретическій,—все равно, я приму его съ благодарностью.

5. О задачѣ университетскаго образованія.

Но если мы требуемъ, чтобы университетское образованіе сохранилось въ первобытной его цѣлости, то это не значитъ, что оно должно сдѣлаться отсталымъ и несовременнымъ; это не значитъ также, что оно не должно быть нисколько реальнымъ и спеціальнымъ. Нѣтъ! основаніемъ истинно университетскому ученію служитъ наука, во всемъ ея обширномъ значеніи; а наука не можетъ быть не прогрессивна. Мы желаемъ отъ нашего университетскаго образованія только того, чтобы оно сохранило гуманное начало съ реальнымъ въ неразрывной связи, нисколько не выпуская изъ виду тѣхъ нововведеній, которыми обогатилась въ послѣднее время реальная сторона нашихъ знаній. Но и гуманное начало также вѣдь не осталось назади; оно также богато примѣненіями, и примѣненія эти касаются самой важной—нравственно-духовной стороны нашей жизни. Конечно, они не такъ наглядны, не такъ очевидны, отъ нихъ выигрываетъ не столько утилитарное направленіе общества; но зато ничто столько не содѣйствуетъ развитію самыхъ драгоцѣнныхъ свойствъ человѣческой натуры,—мысли и слова,—какъ гуманизмъ. Онъ выводитъ мысль изъ тѣснаго круга реальности на широкое поле, снимаетъ оковы, налагаемыя близорукою дѣйствительностью, и знакомитъ человѣка съ самою лучшею частью природы—съ внутреннимъ человѣкомъ. Если и всегда слышались, а теперь еще громче слышатся возгласы противъ гуманнаго начала образованія, то, во-первыхъ, порицатели принадлежатъ къ тѣмъ недовольнымъ, которые опасаются излишней свободы мысли и слова, будто-бы распространяемой гуманизмомъ. Но если нужно бояться этой свободы, то развѣ она не такъ же страшна и въ реализмѣ? Кто имѣетъ такой взглядъ, тотъ долженъ вообще опасаться науки. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, къ чему привелъ этотъ страхъ? Когда была въ модѣ германская философія, когда направленіе германской школы было, по преимуществу, гуманное, а между тѣмъ потребности общества дѣлались со дня на день болѣе и болѣе реальными, то естественнымъ наукамъ удалось, наконецъ, вытѣснить изъ школы излишекъ гуманизма. Казалось бы, нужно было успокоиться. Вышло совсѣмъ другое: теперь уже естественнымъ наукамъ, наиболѣе способствующимъ развитію реальнаго, предписываютъ вольнодумство и невѣріе, и начинается уже противодѣйствіе

тѣмъ же самымъ орудіемъ, которое еще не такъ давно казалось опаснымъ.

Во-вторыхъ, порицаютъ гуманное направленіе люди, замѣчающіе недостатки не тамъ, гдѣ должно искать ихъ. Дѣйствительно, ничто такъ легко не принимаетъ безжизненную, оцѣпенѣлую форму, какъ гуманныя науки, если онѣ излагаются непризванными наставниками. И мертвые языки, и наука о древностяхъ, и самая исторія мертвятъ умъ учащихся, если мы не сумѣемъ воспользоваться тѣмъ живительнымъ началомъ, которое въ нихъ заключается. Многое для поверхностнаго наблюдателя кажется въ этихъ наукахъ безполезнымъ хламомъ, которымъ учителя съ раннихъ лѣтъ забиваютъ головы своихъ учениковъ; многое, и дѣйствительно, нисколько не нужно для жизни, и не имѣетъ никакого непосредственнаго приложенія. Но кто хотя однажды испыталъ или на самомъ себѣ, или видѣлъ на другихъ, что могутъ сдѣлать эти науки для ума и сердца, въ рукахъ опытныхъ и даровитыхъ наставниковъ, тотъ, вѣрно, согласится, что нигдѣ не заключается столько образовательности для внутренняго человѣка, какъ въ ученіи, не даромъ названномъ гуманнымъ. Не виноваты гуманныя науки, если онѣ въ рукахъ нашихъ учителей сдѣлались чѣмъ-то ни къ чему не примѣнимымъ, отдѣльнымъ и безжизненнымъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что онѣ въ образованіи человѣка могутъ быть совершенно замѣнены спеціально-мелкимъ реализмомъ? Слѣдуетъ ли изъ этого, что гуманное направленіе для насъ должно быть безвозвратно потеряно, и именно для насъ, едва выступившихъ на поприще гражданственности? Не слѣдуетъ ли скорѣе, что нужно обратить вниманіе на личность самихъ наставниковъ и серьезно заняться ихъ приготовленіемъ, ознакомивъ ихъ со всѣми способами изученія гуманныхъ наукъ? Наконецъ, реакція противъ гуманизма понятна еще въ странахъ, гдѣ гражданственность достигла высшей степени развитія; понятно это противодѣйствіе въ отечествѣ Гуттена, Эразма, Рейхлина; понятно оно, гдѣ гуманизмъ, проникнувъ до низшихъ слоевъ общества, уже давно навлекъ на себя нареканіе папистовъ и обскурантовъ. Тамъ, можетъ быть, онъ вредилъ излишкомъ, способствуя абстрактному направленію умовъ и отвлекая ихъ отъ дѣйствительности. Гдѣ обще-человѣческое образованіе уже просвѣтило всѣ классы общества, тамъ можетъ развиться и самый утонченный, гуманный и реальный — спеціализмъ; тамъ просвѣщенное общество сумѣетъ уже само отличить истиннаго, научнаго специа-

листа отъ шарлатана, которому спеціализмъ служитъ только вывѣскою. Но другое дѣло—у насъ. Что будетъ изъ насъ, если мы, не приготовленные еще образовательною силою гуманизма, бросимся, очертя голову, на спеціальность? и какую спеціальность предпочтетъ наше большинство? Конечно, самую реальную и насущную,—то есть такую, которая, требуя какъ можно менѣе общечеловѣческаго образованія, обѣщаетъ какъ можно болѣе прибыли и выгодъ. Не значило ли бы это открывать входъ въ маловоспитанное общество грубому шарлатанству и давать пріютъ спекуляціи на невѣжество и легковѣрность?—Нѣтъ, не намъ возставать противъ истиннаго гуманизма, плодами котораго мы еще никогда и не пользовались. Не намъ сомнѣваться въ необходимости этого начала для образованія нашего юнаго общества. Даже желая отъ всей души сдѣлаться истыми спеціалистами, мы не должны забывать, что и для этого необходимо обще-человѣческое образованіе. Возьмите и сравните двухъ спеціалистовъ: одного—прошедшаго чрезъ школу гуманныхъ наукъ, другого—прямо напавшаго на реализмъ; я берусь вамъ ихъ тотчасъ же отличить, и не только по дѣйствіямъ, но даже по мыслямъ. Если и въ классической землѣ гражданственности, если и въ Англіи, которую вѣрно никто не упрекаетъ въ непрактичности и въ недостаткѣ реализма, гуманныя науки продолжаютъ быть главною основою высшаго (университетскаго) образованія, то намъ ли,—едва выступившимъ на поприщѣ гражданственности, — сомнѣваться въ образовательной ихъ силѣ? Мы можемъ, пожалуй, еще извиниться въ нашей апатіи къ общечеловѣческому началу просвѣщенія тѣмъ, что мы вышли на это поприще поздно, когда реализмъ уже началъ оказывать противодѣйствіе; мы можемъ, пожалуй, сказать въ оправданіе, что для нашего общества жизненно-необходимы самые дюжинные реалисты. Но уже никакъ намъ не идетъ возставать противъ самаго принципа, основываясь на однѣхъ только временныхъ и случайныхъ причинахъ, обусловливающихъ историческое развитіе нашего общества. Нѣтъ! наши университеты должны твердо и дружно отстоять неразрывную связь гуманнаго съ реальнымъ. Это ихъ задача, это ихъ святая обязанность и предъ обществомъ, и предъ лицомъ всего человѣчества. И если прежняя формула этой связи уже устарѣла, то наши университеты должны найти новую. И еслибы даже оказалось, что гуманизмъ на Западѣ отыгралъ свою роль, то мы должны привлечь стараго учителя людей на нашу сторону и открыть ему новое поприще въ гостепріимной Россіи.

6. Школа и жизнь.

Мы привыкли издавна противополагать жизнь школѣ, школу жизни. Мы привыкли видѣть, что воспитаніе и ученіе идутъ сами по себѣ, а жизнь идетъ своимъ чередомъ, сама по себѣ. Мы привыкли думать, что требованія школы не сходятся съ требованіями жизни. И чѣмъ менѣе образовано общество, тѣмъ болѣе разъединено въ его понятіяхъ школа и жизнь. Такимъ образомъ школа дѣлаетъ что-то свое, не заботясь о жизни, а жизнь шла по своему, не обращая вниманія на школу. Но это состояніе мало по малу проходитъ. Съ одной стороны, школа начинаетъ понимать, что она безъ жизни и внѣ жизни—нелѣпость, а жизнь видитъ, что она безъ школы не можетъ ни одного шага сдѣлать впередъ—итти же назадъ ей запрещено предвѣчными законами. Наконецъ, всѣ мыслящіе начинаютъ убѣждаться, что школа и жизнь есть одно нераздѣльное цѣлое, что жизнь школьника есть такая же самостоятельность, подчиненная своимъ законамъ жизнь, какъ и жизнь взрослыхъ учителей.

Теперь, слава Богу, люди приходятъ все болѣе и болѣе къ тому убѣжденію, что церковь, школа и государство нераздѣльны съ жизнью народовъ. Но, прежде нежели человѣчество окончательно сольетъ въ своихъ понятіяхъ школу съ жизнью и сдѣлаетъ одну немыслимою безъ другой, школѣ приходится испытать еще много треволненій и превращеній.

Положительной формулы для нея еще не найдено. Современное общество бьется, какъ рыба объ ледъ, отыскивая эту формулу. Въ настоящее время, и именно въ обществѣ еще не созрѣвшемъ и мало жившемъ прошедшею жизнью, всего заманчивѣе кажется тотъ взглядъ на школу, который ее представляетъ чѣмъ-то въ родѣ лѣпной модели для приготовленія людей именно такими, какихъ нужно обществу для его обыденныхъ цѣлей.

И въ самомъ дѣлѣ, чего лучше? Общество является потребителемъ, а школа фабрикою, приготовляющею товаръ для потребленія. Запросъ есть; стоитъ только удовлетворить ему, и объ стороны довольны. Вопіющее современное всегда ближе сердцу и доступнѣе мысли, чѣмъ далекое будущее. Для чего вдумываться, что будетъ чрезъ 25 или 30 лѣтъ, когда новое поколѣніе начнетъ замѣнять старое? Правда, что всякій изъ насъ, спускаясь подъ гору, начинаетъ

чувствовать себя какъ-то неловко и сознавать, что онъ не воспитывался для будущаго, но, прожившъ такъ или сякъ и безъ того, и думая, что въ это время жилось даже лучше, мѣряетъ на свой аршинъ будущее поколѣніе, совѣтуя и ему поступать также и итти по его стопамъ.

И вотъ школа, сначала разрознившаяся съ жизнью, начинаетъ сливаться съ нею; и та и другая начинаютъ болѣе понимать другъ друга, но какъ?

Общество и государство, примѣняясь къ настоящему и дѣлая воспитаніе своею монополіей, употребляютъ школу, во-первыхъ, какъ проводникъ къ распространенію въ будущемъ поколѣніи однихъ только извѣстныхъ убѣжденій, взглядовъ и понятій; во-вторыхъ, какъ разсадникъ спеціалистовъ, ему необходимыхъ для достиженія извѣстныхъ обыденныхъ цѣлей.

Отцы, примѣняясь къ этому же направленію общественнаго воспитанія, посылаютъ дѣтей въ школу: во-первыхъ, чтобы воспитать ихъ для хлѣба, и, при томъ, елико возможно, не на своемъ, а на чужомъ или общественномъ иждивеніи; во-вторыхъ, чтобы воспитать ихъ въ духѣ того сословія, къ которому принадлежатъ сами, и, разумѣется, въ тѣхъ же самыхъ убѣжденіяхъ и предубѣжденіяхъ. Итакъ, школа, и примиренная съ жизнью, на первыхъ порахъ не преслѣдуетъ еще никакихъ широкихъ и общечеловѣческихъ цѣлей. Напротивъ, она дѣлается еще болѣе односторонпею и прикладною, чѣмъ въ началѣ своего существованія, когда она, основанная благочестіемъ и гуманностью передовыхъ людей, была болѣе отдѣлена отъ жизни.

Но все же лучше примириться съ жизнью, какова она ни есть, нежели быть съ нею въ полномъ разладѣ. Вотъ почему настоящее положеніе школы все-таки нужно считать шагомъ впередъ. Но остановиться на этомъ—значило бы мирить школу съ жизнью только на половину. Мало этого: это значило бы признать безусловно первенство жизни предъ школою и рабскую зависимость отъ настоящаго, тогда какъ все будущее жизни находится въ рукахъ школы, и, слѣдовательно, ей принадлежитъ гегемонія...

И отцы, и общество, и государство должны стремиться возстановить смыслъ и права школы, проистекающія изъ самой жизни. Должно возстановить прямое назначеніе школы, примиренной съ жизнью,—быть руководителемъ жизни на пути къ будущему. И этого

достигнемъ только тогда, когда всѣ человѣку дарованныя способности, всѣ благородныя и высокія стремленія найдутъ въ школѣ средства къ безконечному и всестороннему развитію, безъ всякой задней мысли и безъ раповременныхъ работъ о приложеніи. Когда *учиться, образоваться и просвѣтиться*—сдѣлается такою же инстинктивною потребностью общества, какъ питаться и кормиться тѣлу, тогда приложеніе придетъ, безъ хлопотъ, само собою.

Надобно достигнуть того, чтобы здравый смыслъ измѣнилъ самый языкъ. И когда будемъ говорить и мыслить о *воспитаніи;* то нужно, чтобы высшія понятія, присущія словамъ: *ученіе, образъ и свѣтъ*, замѣнили матеріальное представленіе питанія, приличнаго тѣлу, а не духу...

Если же прикладное образованіе и считается покуда необходимымъ въ нашемъ обществѣ, то предъ истиннымъ идеаломъ воспитанія оно оказывается только временнымъ и неизбѣжнымъ недостаткомъ. Оно доказываетъ только слабость нашихъ силъ, слабость воли, слабость любви къ человѣчеству и къ истинѣ.

7. О профессорскомъ институтѣ.

Для коренного преобразованія чего бы то ни было нужны не одни новые законы, а *новые люди*. Кто искренно желаетъ истиннаго прогресса, тотъ не долженъ много разсчитывать на дѣйствія такихъ мѣръ, какъ перемѣна уставовъ, распредѣленій и проч., которыя одни, сами по себѣ, хотя и быстро измѣняютъ—но только не сущность дѣла, а форму. Между тѣмъ первое и главное условіе прогресса есть твердая вѣра въ образовательную, творческую силу человѣческой личности.

Безъ нея всѣ хитросплетенные уставы — мертвая буква. Такъ, по моему мнѣнію, для преобразованія нашихъ университетовъ нужно обратить все вниманіе на предварительное образованіе главныхъ дѣятелей нашей науки. Ибо, въ животворныхъ и образовательныхъ силахъ личностей я нахожу единственное ручательство за истинный прогрессъ.

Учрежденіе особыхъ, постоянныхъ институтовъ преподавателей при нашей Академіи Наукъ и при нѣкоторыхъ изъ нашихъ университетовъ, постоянное обновленіе университетовъ свѣжими силами; внесеніе новыхъ элементовъ въ научную дѣятельность,—вотъ, по

моему убѣжденію, гдѣ намъ нужно искать главной помощи и противъ нашей апатіи, и противъ нашей инерціи, и противъ нашего непотизма. Какъ скоро окажется въ нашихъ университетахъ вліяніе силъ, постоянно освѣжаемыхъ новыми личностями, какъ скоро силы эти окажутся достаточными въ такой степени, что каждый научный предметъ будетъ раздѣленъ, по крайней мѣрѣ, между двумя преподавателями, то тогда и вопросъ о распредѣленіи лекцій объ испытаніяхъ и способахъ ученія будетъ рѣшенъ положительно. Я утверждаю, что вся надежда на успѣхъ заключается именно въ томъ, чтобы придумать самое вѣрное средство для постояннаго обновленія нашихъ учебныхъ учрежденій свѣжими силами. Въ этомъ вся задача. И я остаюсь при своемъ мнѣніи, что нѣтъ вѣрнѣйшаго средства къ достиженію свѣжихъ и крѣпкихъ силъ нашимъ учебнымъ заведеніямъ, какъ учрежденія общаго всѣмъ университетамъ разсадника (профессорскаго института) съ тѣмъ, чтобы каждый университетъ посылалъ туда своихъ избранныхъ. Только этимъ способомъ можно контролировать достоинство выбора, водворить единство направленія, воодушевить молодыхъ людей общимъ стремленіемъ къ одной цѣли и, наконецъ, дать имъ болѣе средствъ приготовиться къ дѣятельности по избраннымъ ими поприщамъ.

XIX.

П. Г. Рѣдкинъ.

Рѣдкинъ Петръ Григорьевичъ родился 4 октября 1808 г. въ г. Ромнахъ, Полтавской губерніи. Родители его были малороссійскіе дворяне и довольно зажиточные помѣщики. Первоначальное воспитаніе Рѣдкинъ получилъ дома, а затѣмъ былъ отданъ въ Роменское уѣздное училище, гдѣ преподаваніе шло довольно успѣшно, благодаря хорошему подбору учителей. Очень рано обнаружились педагогическія наклонности у Рѣдкина: онъ любилъ собирать вокругъ себя мальчишекъ, задавать имъ уроки и выслушивать ихъ. По окончаніи курса уѣзднаго училища, Рѣдкина отвезли въ г. Нѣжинъ, въ гимназію высшихъ наукъ князя Кушелева-Безбородко. Гимназія того времени отличалась обширной программой, и Рѣдкинъ обязанъ ей тѣмъ энциклопедическимъ образованіемъ, которое впослѣдствіи принесло ему большую пользу при преподаваніи энциклопедіи законовѣдѣнія. Особенную пользу принесло ему то литературное напра-

вленіе, которое господствовало среди учащихся НѢжинской гимназіи. РѢдкинъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи гимназическаго рукописнаго журнала и альманаховъ.

По окончаніи курса НѢжинской гимназіи въ 1826 г., РѢдкинъ отправился въ Московскій Университетъ, гдѣ и поступилъ на этико-политическое отдѣленіе. Выдающіяся его способности были замѣчены профессорами, и въ 1828 г. его посылаютъ въ Дерптъ для приготовленія къ профессорскому званію. Дерпту онъ обязанъ очень многимъ. Здѣсь онъ изучилъ, кромѣ нѣмецкаго языка, языки классическіе. Въ концѣ 1830 г. РѢдкинъ былъ отправленъ за-границу и оставался тамъ до половины 1834 г. Слушалъ лекціи въ Берлинскомъ Университетѣ у знаменитыхъ Савиньи, Раумера и Гегеля, продолжалъ изученіе древнихъ классическихъ языковъ и учился новымъ: англійскому, италіанскому и испанскому. Пребываніе за-границею довершило его какъ общее, такъ и спеціальное юридическое образованіе. Въ 1834 г., по возвращеніи изъ за-границы, онъ выдержалъ экзаменъ на степень доктора правъ и назначенъ въ 1835 г. въ Московскій Университетъ читать лекціи по юридической энциклопедіи. Съ этихъ поръ главная его и любимая дѣятельность была преподавательская. Каѳедру въ Московскомъ Университетѣ онъ занималъ до 1848 г., съ 1849 г. служилъ въ департаментѣ удѣловъ, а съ 1863 г. былъ назначенъ кромѣ того профессоромъ С.-Петербургскаго Университета по кафедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія, какую и занималъ до 1882 г. П. Г. РѢдкинъ издалъ «Юридическія Записки», «Библіотеку для воспитанія», «Обзоръ Гегелевой логики» и въ послѣднее время «Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще» (I—VII т.); напечаталъ рядъ педагогическихъ статей въ «Журналѣ для воспитанія» и въ журналѣ «Учитель». Его статьи и вообще отношеніе къ дѣлу воспитанія настолько заслужили всеобщее вниманіе, что П. Г. РѢдкинъ много разъ былъ выбираемъ предсѣдателемъ бывшаго С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества, которое и составилось главнымъ образомъ по его почину. Въ послѣднее время РѢдкинъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Онъ скончался 7-го марта 1891 г. на 83-мъ году отъ рожденія.

При безпредѣльной преданности наукѣ это былъ вѣчно юный духъ, отзывчивый на все живое. Своимъ живымъ словомъ, учебемъ, онъ возбуждалъ въ своихъ ученикахъ много прекрасныхъ, благородныхъ стремленій. К. Д. Ушинскій, бывшій его слушателемъ, отзывался о лекціяхъ и вліяніи РѢдкина съ высокой похвалой.

Главною цѣлью преподаванія РѢдкина было развить въ слушателяхъ любовь къ наукѣ, чувство правды и справедливости, строгую логическую послѣдовательность и ученое направленіе, основанное на изученіи источниковъ. Не даромъ же онъ оставилъ въ своихъ слушателяхъ память человѣка въ высшей степени справедливаго, прямого, искренно и беззавѣтно преданнаго наукѣ.

I. Изъ статьи: „Что такое воспитаніе?“

Если предоставить развитіе человѣка одной природѣ, то при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ оно будетъ весьма медленное. Нельзя полагаться и на то, что человѣкъ самъ себя разовьетъ и образуетъ: въ весьма ограниченной степени воспользуется онъ существующими средствами къ образованію, не имѣя возможности выполнить всѣхъ необходимыхъ къ тому условій. Для полнаго образованія человѣку необходима помощь со стороны уже образованныхъ людей. Эта помощь и есть воспитаніе. Слѣдственно воспитаніемъ называется сознательное, намѣренное и по опредѣленному плану совершающееся вліяніе образованныхъ людей (воспитателей) на тѣхъ, которые еще не образованы (дѣтей, юношей, воспитанниковъ), состоящее въ томъ, что первые помогаютъ послѣднимъ образоваться. Кромѣ воспитанія, человѣкъ образуется еще и другими средствами; но такое образованіе не слѣдуетъ называть воспитаніемъ, во избѣжаніе смѣшенія разнородныхъ понятій и невѣрныхъ практическихъ выводовъ.

Вошло въ обычай со временъ Руссо различать: 1) воспитаніе въ пространномъ смыслѣ—вообще все то, что споспѣшествуетъ образованію человѣка; 2) воспитаніе въ тѣснѣйшемъ смыслѣ—что взрослые люди предпринимаютъ для образованія дѣтей и юношей, и 3) воспитаніе въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, противополагаемое обученію, или воспитаніе физическое и нравственное, въ отличіе отъ умственнаго образованія.

Употребленіе слова воспитаніе въ троякомъ смыслѣ ведетъ къ такой неясности и неопредѣленности, что отсюда необходимо возникаютъ разныя недоразумѣнія и заблужденія. Такъ называемое воспитаніе природою не есть воспитаніе, а простое естественное развитіе человѣка; воспитаніе окружающими предметами есть только одно изъ средствъ образованія; воспитаніе въ пространномъ смыслѣ представляетъ совокупность всѣхъ этихъ средствъ, а слѣдовательно заключаетъ въ себѣ и собственно воспитаніе; наконецъ, воспитаніе въ самомъ тѣсномъ смыслѣ составляетъ только часть того, что слѣдуетъ назвать воспитаніемъ, потому что всякое обученіе должно быть воспитательнымъ. Итакъ, остается принять воспитаніе въ томъ значеніи, въ какомъ Руссо го-

ворить о воспитаніи людьми; и которое называется обыкновенно тѣснѣйшимъ смысломъ воспитанія... Наконецъ, мы не называемъ воспитаніемъ безсознательныхъ, ненамѣренныхъ, случайныхъ вліяній, оказываемыхъ на дѣтей и юношей внѣшнею природою, окружающими его людьми и житейскими обстоятельствами, даже самимъ воспитателемъ, если онъ дѣйствуетъ на воспитанника, такъ сказать, мимоходомъ, хотя и соглашаемся, что всѣ эти вліянія часто дѣйствуютъ благотворнѣе самого воспитанія...

Съ помощью воспитанія, въ собственномъ, нами принятомъ смыслѣ, воспитанникъ пріобрѣтаетъ способность образовать самого себя. Хотя образованность въ истинномъ ея значеніи можетъ быть пріобрѣтаема не иначе, какъ собственною свободною дѣятельностью того самаго лица, которое къ ней стремится, однако же никто не можетъ самъ собою достигнуть истинной образованности; напротивъ, всякій нуждается во многихъ внѣшнихъ средствахъ, не находимыхъ въ себѣ самомъ; человѣку дана только способность воспользоваться этими средствами для своего образованія, а не самыя средства. А потому для рѣшенія задачи воспитанія необходимо дѣйствовать на воспитанника такъ, чтобы онъ пріобрѣлъ ту самостоятельность, безъ которой онъ не можетъ достигнуть образованности. Воспитаніе должно служить средствомъ къ тому, чтобы воспитанникъ вышелъ изъ состоянія естественнаго развитія и перешелъ въ состояніе развитія свободнаго, самостоятельнаго...

Воспитаніе состоитъ не въ томъ только, чтобы защищать воспитанника отъ всякаго внѣшняго вліянія, уклоняющаго отъ цѣли, къ которой онъ обязанъ стремиться; также и не въ томъ, чтобы представить дитя, какъ говорится, его собственному развитію, не мѣшая и не дозволяя другимъ мѣшать развиваться такъ, какъ указываетъ ему сама природа... Мы совершенно убѣждены, что воспитаніе не можетъ вообще ограничиваться отрицательнымъ дѣйствіемъ,—однимъ устраненіемъ отъ воспитанника всѣхъ вредныхъ вліяній. Напротивъ, отъ воспитателя требуется гораздо больше,—требуется положительное содѣйствіе естественному развитію и образованію воспитанника, направляющее первое къ достиженію послѣдняго... Отклоняйте отъ воспитанника всѣ вредныя вліянія, но въ то же время направляйте его развитіе такъ, чтобы онъ могъ образовать себя въ истинномъ смыслѣ этого слова!

Всегда помните, что отрицательная дѣятельность безъ положительной никогда не можетъ привесть къ предполагаемой воспитаніемъ цѣли, къ достиженію истинной образованности!..

Но воспитаніе только можетъ содѣйствовать естественному развитію: оно не въ силахъ вложить въ воспитанника способностей, въ которыхъ отказала ему природа. Если въ воспитанникѣ нѣтъ вовсе къ чему-либо естественнаго предрасположенія, нѣтъ никакой способности, что, впрочемъ, бываетъ несравненно рѣже, нежели какъ обыкновенно думаютъ, то воспитателю остается сдѣлать менѣе ощутительнымъ этотъ недостатокъ, усиливъ свое вліяніе на развитіе прочихъ сродныхъ способностей... Если же, какъ это гораздо чаще встрѣчается, какая-либо способность не обнаруживается только потому, что она слаба, то воспитатель можетъ, до извѣстной степени, уничтожить эту слабость, усилить эту способность и, слѣдовательно, заставить ее проявиться: стоитъ только обратить на это особое вниманіе, представить напр. преподаваемый предметъ съ возможно разнообразныхъ сторонъ, съ новыхъ точекъ зрѣнія. Съ другой стороны, воспитатель не долженъ стараться объ искорененіи какой-либо способности, если бы даже это было возможно, потому что всѣ способности въ человѣкѣ сами по себѣ не дурны; наклонность ко злу происходитъ собственно отъ извращенія, отъ дурнаго направленія способностей, а не отъ самыхъ способностей. То же самое можно сказать и о нравственныхъ наклонностяхъ: такъ, наклонность къ упрямству можно измѣнить въ твердость характера, наклонность къ скупости въ бережливость и т. п., даже самому природному эгоизму, источнику всѣхъ пороковъ, можно дать такое направленіе, что онъ можетъ превратиться въ благотворную самостоятельность во всѣхъ чувствованіяхъ, мышленіяхъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ и сдѣлается, такимъ образомъ, источникомъ не зла, а добра; вообще данныя извѣстнымъ темпераментомъ предрасположенія можно измѣнить въ то, что называется характеромъ человѣка. Воспитатель долженъ только стараться о приведеніи всѣхъ способностей и наклонностей къ единству, чтобы они гармонировали, были согласны между собою, и о направленіи ихъ къ цѣли воспитанія, чтобъ онѣ служили къ достиженію этой цѣли.

Вообще воспитаніе должно обнять всего человѣка, какимъ его сотворила природа, а слѣдовательно дѣйствовать на всѣ его при-

родныя силы, способности и наклонности. Хотя всякое воспитаніе должно начинаться съ физическаго, потому что дитя въ началѣ есть только существо чувственное, и его физическое существованіе совершенно зависитъ отъ нѣжныхъ безпрерывныхъ попеченій воспитателей; но на этомъ воспитаніи останавливаться не должно, потому что тѣло есть только орудіе духа, и что ограничивающійся физическимъ воспитаніемъ воспитываетъ не всего человѣка, а только его животную сторону. Однако-же и при воспитаніи духовной стороны не должно ограничиваться нѣкоторыми только силами, способностями и наклонностями; духъ представляетъ единое цѣлое, при всемъ различіи его особенныхъ направленій; духовныя силы, способности и наклонности находятся между собою въ тѣсной связи и взаимодѣйствіи, такъ, что развитіе всѣхъ ихъ равно необходимо для достиженія цѣли образованности.

Всякая односторонность въ духовномъ воспитаніи вредна. Такъ развитіе умственныхъ способностей, не гармонирующее съ прочими способностями, обыкновенно ведетъ къ холодному эгоизму; чрезмѣрное возбужденіе чувствъ — къ сантиментальности и мечтательности, а одностороннее развитіе воли—къ упрямству или же, напротивъ, къ духовному рабству. Впрочемъ, вполнѣ равномѣрное образованіе духовныхъ силъ невозможно, вслѣдствіе различія природныхъ способностей и обстоятельствъ жизни: воспитатель долженъ заботиться только о томъ, чтобы условливаемая такими причинами неравномѣрность не препятствовала достиженію человѣческаго предназначенія.

Воспитаніе не должно состоять во внѣшнемъ, механическомъ какъ-бы наполненіи воспитанника разными свѣдѣніями, нравственными правилами и т. п.; но и не должно ограничиваться однимъ возбужденіемъ внутреннихъ силъ воспитанника. Есть и теперь много людей, полагающихъ сущность воспитанія въ наполненіи ума и сердца воспитанника тѣмъ, что было бы желательно, чтобы онъ усвоилъ, не обращая вниманія на его самодѣятельность. Всю задачу воспитанія поставляютъ они въ выучкѣ, дрессировкѣ и сообщеніи т. н. положительныхъ свѣдѣній, а возбуждать воспитанника ко внутренней самостоятельности считаютъ излишнимъ. Слѣдствіемъ такого воспитанія бываетъ внѣшняя правильность, добропорядочность, легальность, строгое, безусловное повиновеніе авторитетамъ; но внутреннее духовное образованіе не можетъ при

этомъ развиться... Другіе... все искусство воспитателя полагаютъ въ возбужденіи силъ воспитанника къ дѣятельности и развитію... Отъ матеріала требуютъ, слѣдовательно, только того, чтобъ онъ былъ способенъ возбуждать силы воспитанника. Въ оправданіе своего взгляда приводятъ иногда слѣдующее: «Воспитанникъ только можетъ самъ черезъ себя и изъ себя стать тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть: природа дала ему всѣ нужныя къ тому силы и способности, а для развитія ихъ необходимо возбужденіе. Итакъ, образованіе извнѣ вовсе излишне, если-бы оно было и возможно...» Многіе воспитатели стараются воспитывать по составленному ими идеалу, не обращая вниманія на особыя способности воспитанника; но опытъ достаточно научаетъ, что этимъ подкапывается въ основѣ своей земное счастіе человѣка... Воспитатель, понявшій правильно свое призваніе, будетъ стараться со всевозможнымъ тщаніемъ изслѣдовать особенность природныхъ силъ въ своемъ воспитанникѣ, не будетъ образовывать ихъ извнѣ, но будетъ такъ возбуждать ихъ и такъ руководить ими, чтобы онѣ развились надлежащимъ образомъ и чтобы ни одно изъ направленій этихъ силъ не имѣло вреднаго перевѣса надъ другими».

Въ этомъ разсужденіи есть много правды, но не вся. Полагать, что воспитаніе заключается въ одномъ возбужденіи, значитъ предоставлять воспитанника природѣ и природнымъ его силамъ; а это никогда не приведетъ его къ истинной образованности. Само по себѣ ясно, что безъ сообщенія духовной жизни и образованность невозможна, какъ невозможно питаніе тѣла безъ принятія вещественной пищи. Правильное возбужденіе духовной самодѣятельности невозможно безъ духовной пищи, подобно тому, какъ пищеварительные органы возбуждаются не иначе къ дѣятельности, какъ черезъ принятіе пищи... Какъ тѣло, такъ и духъ, принимая въ себя пищу извнѣ, усвоиваютъ ее себѣ, превращаютъ въ свой составъ; какъ пищеварительные органы постепенно дѣлаются способными извлекать изъ грубой пищи питательное вещество, такъ и духъ можетъ и долженъ постепенно, съ помощью воспитанія, изъ образовательныхъ средствъ, усвоить себѣ самодѣятельно силу образованности... Кормите же, родители, дѣтей вашихъ здоровою вещественною и духовною пищею, если хотите, чтобы они были здоровы тѣломъ и духомъ! Возбуждайте въ нихъ аппетитъ, но умѣйте и удовлетворять его, не

оставляя ихъ голодными. Не забудьте, что все не переваренное, и въ желудкѣ, и въ умѣ, обращается въ гнилъ, въ ядъ, и потому приспособляйте даваемую дѣтямъ вашимъ пищу къ степени ихъ зрѣлости!

Итакъ, хотя и необходимо возбужденіе силъ воспитанника для того, чтобы могло совершаться естественное развитіе, безъ котораго невозможно образованіе, но въ возбужденіи не состоитъ ни единственная, ни даже главнѣйшая задача воспитанія. Она состоитъ въ сообщеніи воспитаннику того, что потребно для его самодѣятельнаго и самостоятельнаго образованія. Это сообщеніе должно быть не механическое, а, такъ сказать, динамическое, потому что воспитанникъ можетъ образоваться только собственными своими усиліями. Онъ не можетъ оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался вслѣдствіе естественнаго развитія, или чѣмъ бы онъ сталъ, еслибы предоставленъ былъ одному такому развитію; напротивъ, онъ долженъ преобразоваться въ другого человѣка, совлечь съ себя ветхаго человѣка и облечься въ новаго: превратить свою животную природу въ духовную.

Въ этомъ собственно и заключается вся сущность воспитанія... Всякій сообщаемый воспитаннику образовательный элементъ необходимо дѣйствуетъ въ то же время и возбудительно на воспитанника; ибо тогда только этотъ элементъ и становится образовательнымъ, когда воспитанникъ собственною дѣятельностью превращаетъ его въ свою природу. Образовательные элементы заключаются не только въ свѣдѣніяхъ разнаго рода и въ нравственныхъ правилахъ, необходимыхъ для истинной образованности, но преимущественно во всемъ образѣ мыслей, во всѣхъ чувствованіяхъ и желаніяхъ, согласныхъ съ идеею истинной образованности; всякое познаніе, всякое нравственное правило и всякій согласный съ долгомъ поступокъ превращается для одушевленнаго этою идеею человѣка въ образовательный элементъ. Сущность истинной образованности такъ неуловима, что не можетъ быть выражена словами, хотя проявленія ея извѣстны болѣе или менѣе всякому. Она проявляется въ благородствѣ характера, въ твердости убѣжденій, въ живости, свѣжести и теплотѣ чувствованій, логичности ума, въ чистотѣ воли, въ искренней преданности всему прекрасному, истинному и доброму и проч. Но нельзя сказать, чтобъ она была тождественна со всѣми сво-

ими проявленіями. Она похожа на благоуханіе цвѣтовъ: мы чувствуемъ всю ея прелесть, но опредѣлить и выразить ее не можемъ. На другихъ она дѣйствуетъ сильно, но не осязательно; она невидима, какъ электрическая искра, потрясающая весь организмъ до тончайшихъ его нервовъ. Эта то невыразимая словами сущность образованности должна перелиться изъ воспитателя въ воспитанника, давъ ему силу освободиться отъ узъ, налагаемыхъ естественнымъ развитіемъ... Прежде часто было слышно требованіе, чтобы воспитаніе возвратило воспитанника къ природѣ. Такое требованіе, правильно понятое, совершенно согласно съ сущностью воспитанія; но его обыкновенно понимаютъ неправильно, принимая въ смыслѣ противорѣчащемъ сущности воспитанія. Нѣкоторые педагоги, вмѣстѣ съ Руссо, думали, что люди совратились съ настоящаго пути, удалившись отъ природы и предавшись искусственной жизни, и что именно воспитателю принадлежитъ обязанность привести ихъ опять въ естественное, не всѣми, впрочемъ, одинаково понимаемое состояніе. Такой взглядъ ошибоченъ: цѣлью человѣческихъ стремленій не можетъ быть такое естественное состояніе, которое противоположно состоянію образованности, необходимому для каждаго человѣка. Вмѣсто того, чтобы привести человѣка къ естественному состоянію, такое воспитаніе отвело бы его отъ этой цѣли. Человѣкъ, какъ членъ внѣшней природы, необходимо подчиненъ ея законамъ: онъ рабъ природы. Но рабомъ онъ не долженъ оставаться: его предназначеніе освободиться отъ рабскихъ оковъ природы и возвыситься къ свободѣ сыновъ Божіихъ. А потому воспитаніе должно прежде всего отстранить человѣка отъ природы, чтобы сдѣлать его образованнымъ. Достигнувши образованности онъ самъ собою возвратится къ природѣ. Не связанный рабски природою, но свободно господствуя надъ нею, онъ тѣмъ болѣе будетъ любоваться ея величіемъ и проникать духовымъ окомъ въ ея таинства... Въ этомъ только смыслѣ истинное воспитаніе приводитъ человѣка къ природѣ.

Воспитатель долженъ безпрестанно возбуждать, укрѣплять и усиливать созпательную и свободную дѣятельность воспитанника, такъ чтобы воспитанникъ былъ въ состояніи пріобрѣсть потребныя для самообразованія свѣтлый умъ и твердую волю. Въ этомъ состоитъ самый послѣдній результатъ такъ называемаго формальнаго воспитанія. Коль скоро воспитанникъ достигнетъ этого результата и будетъ

въ состояніи самъ продолжать свое образованіе, съ сознаніемъ и съ энергіею—воспитаніе оканчивается... Но одного формальнаго образованія, какъ ни важны его результаты, безъ матеріальнаго не достаточно. Образованность не есть только форма, но она полна и внутренняго содержанія... Образовательный-же матеріалъ, состоитъ въ жизни, основанной на любви, т.-е. на идеяхъ красоты, истины и добра. Воспитанникъ долженъ возбудить въ себѣ теплоту ко всему, въ чемъ выражаются эти идеи... Воспитывайте же, родители, дѣтей вашихъ въ духѣ красоты, истины и добра! Да освѣщаютъ эти божественныя идеи весь путь ихъ земной жизни! Да согрѣваютъ онѣ ихъ умъ и сердце во всѣхъ превратностяхъ судьбы! Да видятъ они въ красотѣ, истинѣ и добрѣ Божество и поклоняются Ему, не творя себѣ кумира и никакого подобія Божія!..

Высшая задача воспитанія есть нравственная. Хотя нравственность преимущественно обнаруживается въ волѣ, но отсюда она разливается и на всю духовную дѣятельность человѣка, на всѣ его жизненныя отношенія. Нравственное, т.-е. согласіе съ идеею добра, можетъ проявляться и въ мышленіи, и въ чувствованіи, а не только въ волѣ. Тотъ человѣкъ нравственный въ истинномъ смыслѣ этого слова, кто во всѣхъ чувствованіяхъ, мысляхъ и желаніяхъ, во всемъ, что онъ дѣлаетъ и къ чему стремится, во всякомъ званіи и состояніи, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, руководится мыслію, что все это должно ему служить для рѣшенія самой высокой задачи, данной человѣку свыше.

Всякое истинное воспитаніе есть вмѣстѣ и христіанское; истинный воспитатель старается изгнать изъ воспитанника природный эгоизмъ, вложить въ него и возрастить сѣмя любви къ Богу и ближнимъ... Истинное христіанское воспитаніе постоянно направлено къ тому, чтобы сдѣлать человѣка годнымъ для свѣта, для всѣхъ жизненныхъ обстоятельствъ и отношеній, въ которыя онъ будетъ поставленъ по своему званію и состоянію. Однакоже оно поставляетъ эту способность не въ одной внѣшней годности, но преимущественно въ томъ, чтобы онъ велъ жизнь, сообразную съ требованіями развитаго чувства, просвѣщеннаго ума и нравственно свободной воли. Наконецъ, воспитаніе не можетъ назваться истиннымъ, христіанскимъ и въ такомъ случаѣ, если оно не держится постоянно одной цѣли всякой воспитательной дѣятельности — конечнаго человѣческаго предназна-

ченія, хотя бы такое воспитаніе и было превосходно въ отношеніи образованія отдѣльныхъ силъ и способностей человѣка...

Изъ всего сказаннаго о воспитаніи очевидно для всѣхъ и каждаго, какъ важна, велика, трудна его задача. Сдѣлать изъ юноши и дитяти человѣка въ полномъ смыслѣ этого слова; способствовать естественному развитію нравственной свободы; укрѣпить ихъ волю такъ, чтобъ они могли дѣйствовать самостоятельно; изощрить ихъ духовное зрѣніе, чтобъ они ясно смотрѣли на жизнь, сознавая задачу ея и стараясь всѣми силами рѣшить ее; посѣять въ душѣ ихъ и взрастить все прекрасное, истинное и доброе; возжечь въ груди ихъ пламенную любовь къ Богу и ближнимъ; ввести ихъ въ свѣтъ здравыми тѣломъ и духомъ, способными продолжать дальнѣйшее свое образованіе и дѣйствовать для пользы общей и во славу Всевышняго — вотъ черты истинной идеи воспитанія. Кто не согрѣтъ этою идеею, тотъ не можетъ называться воспитателемъ въ истинномъ смыслѣ слова...

Но воспитатель, носящій въ умѣ и сердцѣ своемъ идею воспитанія, обязанъ мало-по-малу знакомить съ нею и самаго воспитанника, представляя ее наглядным образомъ, въ идеалахъ. Да будетъ же самъ воспитатель ближайшимъ идеаломъ для своего воспитанника! Но какъ бы ни былъ самъ воспитатель того достоинъ, во всякомъ случаѣ онъ не можетъ проявить въ одномъ себѣ всей идеи.—Проводите-же, воспитатели, постоянно предъ воспитанниками вашими тѣ великія и благородныя личности, которыхъ исторія увѣнчала вѣчно зеленѣющимъ вѣнкомъ безсмертія! Соединяйте въ одинъ образъ тѣ отдѣльныя черты изъ жизни историческихъ людей, которыми каждый изъ нихъ наиболѣе приблизится къ идеалу! Всего же болѣе старайтесь возбудить воспитанника вашего къ подражанію тому Высочайшему Идеалу, Который призываетъ всѣхъ насъ, да послѣдуемъ стопамъ Его, Который Самъ сказалъ о Себѣ: «Образъ дахъ вамъ, да яко же Азъ сотворилъ вамъ и вы творите»... [1]).

2. Объ университетскомъ и гимназическомъ преподаваніи.

Какъ наука университетская, наука должна быть преподаваема—хотя не всегда, къ сожалѣнію, преподается—такимъ образомъ, чтобы

[1]) См. Журналъ воспитанія 1857 г. Том. 1, № 2 ст. 3-я.

она была по своей формѣ, т.-е. по способу своего изложенія, каково бы ни было ея содержаніе предметомъ изученія, независимымъ отъ посторонней цѣли, самостоятельнымъ, т.-е. тѣмъ, что и составляетъ сущность науки въ истинномъ, строгомъ смыслѣ этого слова. Вообще именно формою, способомъ изложенія, университетскія науки отличаются отъ всѣхъ учебныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ общеобразовательныхъ, такъ и спеціальныхъ или техническихъ. Содержаніе наукъ университетскихъ и учебныхъ предметовъ можетъ быть даже одно и то же; но если форма, способъ изложенія, будетъ одна и та же, то предметъ, преподаваемый въ университетѣ, не имѣетъ права назваться наукою, хотя часто и называется.

Что касается общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, каковы у насъ преимущественно гимназіи, то преподаваемые здѣсь учебные предметы имѣютъ въ виду—или, по крайней мѣрѣ, должны имѣть — личность учащагося, именно развитіе всѣхъ его способностей, конечно, при посредствѣ свѣдѣній, особенно пригодныхъ для достиженія такой цѣли, т.-е. особенно способствующихъ такому развитію; слѣдовательно, всѣ эти учебные предметы, преподаваемые въ гимназіяхъ, суть только средства для той цѣли—средства отъ нея зависимыя, а потому эти учебные предметы суть зависимые, несамостоятельные предметы, не науки. Вотъ почему въ гимназіяхъ всѣ учебные предметы суть болѣе или менѣе, такъ сказать, составные предметы, сложенные изъ разныхъ свѣдѣній, позаимствованныхъ изъ простыхъ, спеціальныхъ самостоятельныхъ наукъ и притомъ составленные такъ, какъ это признается лучшимъ для достиженія общеобразовательной цѣли гимназій — для личнаго развитія учащихся, хотя названія такихъ учебныхъ предметовъ могутъ быть—и въ самомъ дѣлѣ большею частью бываютъ—тѣ же самыя, какія носятъ и самостоятельныя университетскія науки. Нагляднѣйшій примѣръ отличія учебнаго предмета отъ науки представляетъ географія; она въ гимназическомъ курсѣ вовсе не то, что называется географіею со времени Карла Риттера въ значеніи науки университетской, одна часть которой, именно физическая географія, вошла и у насъ въ университетское преподаваніе.

Подобно тому и многіе другіе предметы, преподаваемые на прочихъ факультетахъ, хотя по содержанію для васъ не совсѣмъ новы, но совершенно новы, по крайней мѣрѣ должны быть такими, по

формѣ, т.-е. по образу, способу изложенія, ибо всѣ они должны быть излагаемы какъ науки самостоятельныя въ двоякомъ значеніи этого слова: 1) какъ науки, не имѣющія въ виду никакой посторонней себѣ цѣли, и 2) какъ науки отдѣльныя отъ прочихъ, т.-е. имѣющія свое особое содержаніе и свою особую форму, методу, которыми каждая изъ нихъ отличается отъ всѣхъ прочихъ наукъ.

Что касается спеціальныхъ или техническихъ учебныхъ заведеній, то и здѣсь хотя и преподаются многіе предметы подъ тѣми же названіями, какими обозначаются университетскія науки, но преподаются опять не какъ науки самостоятельныя, а какъ учебные предметы, которыхъ составъ и способъ изложенія имѣютъ въ виду какое-либо прямое практическое приложеніе къ жизни...

Общеобразовательные предметы потому и называются такъ, что обнимаютъ вообще всякаго рода знанія, какія въ данное время считаются необходимыми для общаго образованія, для образованія человѣка и гражданина вообще; такъ что не имѣющій этихъ познаній не можетъ быть названъ человѣкомъ образованнымъ, сообразно съ современными требованіями со стороны науки и жизни.

Отсюда видно, что кругъ и степень этихъ познаній измѣняются, идя вмѣстѣ со временемъ, съ потребностями общества и вѣка.

Спеціальнымъ предметомъ, въ отличіе отъ общеобразовательныхъ, можетъ стать всякій предметъ, коль скоро мы изберемъ его, по призванію ли, или по внѣшнимъ обстоятельствамъ, предметомъ особеннаго нашего изученія. А избрать что-либо своею спеціальностью необходимо для всякаго не только ради самого себя, но и для нашего отечества. Какое бы широкое экстенсивно и высокое интенсивно общее образованіе ни получилъ человѣкъ, но если при этомъ онъ не будетъ спеціалистомъ, онъ непремѣнно самъ въ себѣ почувствуетъ какую то неполноту, пустоту, потому что онъ не можетъ выполнить необходимаго условія всего существующаго, не можетъ ни на чемъ сосредоточиться и рискуетъ разбросаться въ такъ называемомъ энциклопедизмѣ, бродя какъ вѣчный жидъ, нигдѣ не находя себѣ уголка, гдѣ бы могъ остановиться. Безъ сосредоточенія своей дѣятельности человѣкъ не можетъ произвести что-либо самостоятельное, сотворить свое и, слѣдовательно, бываетъ лишенъ высшаго наслажденія въ жизни, равняющаго человѣка съ богами—творчества; онъ не можетъ ничего сдѣлать для своего времени, для своего народа, для ближнихъ вообще.

Да, спеціальность непремѣнно требуетъ самостоятельности, а въ этомъ и заключается второе отличіе спеціальныхъ предметовъ отъ общеобразовательныхъ.

Занимаясь изученіемъ общеобразовательныхъ предметовъ, мы принуждены руководствоваться авторитетами, довольствоваться результатами, быть пассивными воспріятелями того, что сдѣлано другими. На одно это едва хватитъ всей жизни.

Другое дѣло, если мы занимаемся спеціальнымъ предметомъ: мы можемъ и должны изучать его самостоятельно, самодѣятельно, критически, исторически, во всей его полнотѣ и глубинѣ, хотя, разумѣется, и кругъ спеціальности можетъ быть различныхъ размѣровъ; но это не бѣда: въ малѣйшемъ дѣлѣ будетъ видѣнъ великій мастеръ: въ маломъ можно произвести великое; на каждаго въ своей сферѣ хватитъ довольно и способности, и умѣнья произвести, сотворить что-либо свое, новое.

Поэтому метода какъ изученія, такъ и изложенія спеціальнаго предмета не можетъ быть такою же, какъ метода изученія и изложенія общеобразовательныхъ предметовъ.

Возбужденіе самостоятельности, самодѣятельности, духа сомнѣнія и отрицанія, духа критики, повѣрки, оригинальнаго мышленія, изслѣдованія и изысканія—такова, а не иная должна быть метода изученія и изложенія спеціальнаго предмета...

Наука вытекла сначала изъ жизненныхъ потребностей, но впослѣдствіи, когда она достигла болѣе значительной степени своего развитія, народы возвысились до сознанія ея внутренней безусловности, независимости.

Этотъ несомнѣнный историческій фактъ имѣетъ и теперь великую важность для насъ. Онъ указываетъ на то, что лишь тамъ и тогда признаются наука, вообще знаніе имѣющими безусловное значеніе, гдѣ и когда наука возвысилась уже на значительную ступень своего развитія, что только тамъ и тогда государства и народы въ состояніи уважать науку, вообще знаніе, что только тамъ и тогда устраиваютъ университеты и вообще учебныя заведенія такъ, чтобы они не дрессировали только молодыхъ людей для какого-либо спеціальнаго практическаго занятія, а, развивъ сперва гармонически всѣ ихъ способности въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ, направляли ихъ въ университетахъ къ сознательному служенію своему особенному призванію въ научномъ духѣ.

Но съ другой стороны, этотъ же самый историческій фактъ положительно свидѣтельствуетъ и о томъ, что односторонепъ тотъ взглядъ на науку и на университеты, который ведетъ къ отчужденію науки отъ жизни и жизни отъ науки, послѣдствіемъ чего бываетъ, какъ свидѣтельствуетъ также исторія, что наука превращается въ абстрактныя метафизическія бредни, мечтанія или соціальныя и политическія химеры, а общественная и государственная практическая жизнь, дѣятельпость въ бездушную, безсмысленную рутину, которая, не двигая общества и государства впередъ, тѣмъ отодвигаетъ ихъ собственно назадъ до такой степени, что они очутятся наконецъ отсталыми отъ прочихъ прогрессивныхъ народовъ, такъ что становится уже весьма труднымъ, даже сомнительнымъ, если не невозможнымъ, догнать ихъ на пути развитія, а тѣмъ болѣе опередить ихъ...

Гимназія пользуется, какъ образовательнымъ средствомъ, научнымъ матеріаломъ, предлагаемымъ ей въ филологической, исторической, математической и прочей литературѣ.

Она упражняетъ своихъ учениковъ на текстахъ писателей, какъ они установлены научною филологіею. Она сообщаетъ имъ историческіе факты, какъ они установлены современными историческими изслѣдованіями, и т. д. Но ни учителя, ни ученики гимназіи не имѣютъ притязанія развивать науку и стать независимыми отъ корифеевъ научной литературы.

Напротивъ, это именно притязаніе и есть жизненный элементъ университетовъ. Они то и суть тѣ учебныя и ученыя заведенія, гдѣ научное развитіе, научное творчество и научная критика должны слиться съ обученіемъ. Ихъ преподаватели должны быть автоматическими органами научнаго духа; ихъ слушатели должны быть воспитываемы какъ для глубокой сосредоченности, такъ и для духовной самостоятельности. Это то и есть безусловный признакъ истиннаго университетскаго образованія. Нѣтъ надобности, какъ и нѣтъ возможности, чтобы молодой человѣкъ въ какіе-нибудь три, четыре года изучилъ объемъ своей области наукъ съ равною основательностью и съ полнымъ познаніемъ всей литературы. Но вотъ что существенно, чтобы студентъ получилъ ясное понятіе о значеніи и задачѣ науки и о тѣхъ дѣйствіяхъ, операціяхъ, которыми она рѣшаетъ свою задачу; для него необходимо, чтобы онъ продѣлалъ самъ эти операціи на нѣкоторыхъ предметахъ или по крайней мѣрѣ хотя на одномъ предметѣ; необходимо, чтобы онъ прослѣдилъ нѣкоторыя проблемы до

послѣднихъ ихъ выводовъ, т.-е. до той точки, гдѣ онъ можетъ себѣ сказать: ну, теперь нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который въ этомъ, весьма ограниченномъ, конечно, предметѣ могъ бы чему-нибудь научить меня; въ этомъ пунктѣ я стою твердо на своихъ собственныхъ ногахъ и рѣшаю на основаніи своего собственнаго сужденія. Такое сознаніе духовной самостоятельности, добытой собственными усиліями, есть неоцѣнимое благо для человѣка. Почти все равно, какого бы предмета ни коснулось сперва то изученіе, которое привело бы къ такому результату; довольно уже того, что студентъ въ какомъ-либо малѣйшемъ пунктѣ пробьетъ, такъ сказать, крѣпость школьной зависимости; довольно того, что онъ испытаетъ свои силы и тѣ средства, съ помощью которыхъ съ этихъ поръ можетъ уже онъ приступать къ каждой новой проблемѣ и притти къ подобному же ея рѣшенію; довольно того, что студентъ, среди радостнаго періода юности, сознаетъ себя зрѣлымъ мужемъ. Конечно, такой юноша знаетъ еще немного и немногое, но онъ знаетъ, что значатъ слова *знаніе* и *наука;* его дремлющему уму дано теперь сознаніе своей силы и направленіе, стремленіе къ тому, что облагораживаетъ его душу—къ самоопредѣляющейся своеобразности. Онъ впервые чувствуетъ себя вполнѣ свободнымъ. Въ предшествующей университету школѣ необходимо властвуютъ авторитеты надъ всѣмъ человѣкомъ; въ послѣдующей за университетомъ жизни—практика, а съ нею опять авторитеты овладѣваютъ довольно значительною частью нашего существованія. Но, по крайней мѣрѣ, одинъ моментъ въ своей жизни долженъ пережить всякій образованный человѣкъ, когда сами органы авторитетовъ—учителя, церковь, общество, государство—поставятъ для него, какъ самое высшее требованіе, чтобы онъ былъ духовно свободенъ...

3. О научномъ творчествѣ и научныхъ идеалахъ.

Всякое творчество какъ поэтическое, такъ и практическое и научное, преисполняетъ насъ чѣмъ-то такимъ, что возвышаетъ насъ надъ всѣмъ сотвореннымъ міромъ, что уподобляетъ насъ божеству, когда мы представляемъ его себѣ Творцомъ всего міра, что поэтому, мы ощущаемъ въ себѣ какъ нѣчто божественное въ этомъ смыслѣ. Но поэтическое творчество не есть вполнѣ сознательное и притомъ

есть творчество чего-то недѣйствительнаго, фантастическаго. Творчество практическое можетъ быть творчествомъ сознательнымъ, но не вполнѣ свободнымъ, отъ насъ самихъ только зависящимъ, и хотя оно есть творчество дѣйствительнаго, но такой дѣйствительности, которая обставлена всѣмъ, что преходитъ, что измѣняется. Одно только научное творчество необходимо бываетъ и вполнѣ сознательно, и свободно, и всегда есть творчество истинно-дѣйствительнаго, непреходящаго, неизмѣняющагося и необлеченнаго ни во что преходящее, измѣнчивое, ибо содержаніе этой дѣйствительности есть истина, а форма ея не есть ни поэтическій образъ фантазіи, вымыселъ, ни практическій образъ дѣяній, а есть вполнѣ соотвѣтствующій, адекватный истинѣ. А потому никакое творчество не доставляетъ уму человѣческому того несравнимаго ни съ чѣмъ наслажденія, какъ творчество научное, т.-е. добытіе истины для самой истины и въ формѣ истины, добытіе знанія для самого знанія и въ формѣ знанія, въ формѣ мысли. Наука и есть единственный органъ такого творчества.

Слѣдовательно, оставаясь вѣрными знамени науки, вы, всякій разъ, когда будете заниматься ею безъ всякихъ внѣшнихъ, для нея постороннихъ цѣлей, будете испытывать то неописанное наслажденіе, какое испытываетъ творецъ въ минуту творчества, по мѣрѣ того, какъ вы будете все болѣе дружиться съ наукою и основывать на ней всю свою практическую дѣятельность, осуществляя въ жизни добытыя вами научныя истины и оживляя ими все и въ себѣ, и вокругъ себя.

Безъ идеаловъ—не въ смыслѣ заоблачныхъ туманныхъ образовъ, фантазій, а въ смыслѣ послѣднихъ цѣлей всѣхъ стремленій нашей жизни, слѣдовательно, безъ живыхъ идеаловъ жизнь не жизнь. Безъ идеаловъ невозможна жизнь того свободнаго и разумнаго духовно-тѣлеснаго существа, которое мы называемъ человѣкомъ въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ окружающихъ насъ существъ внѣшней природы; возможна только жизнь вегетативная, растительная и животная, а не жизнь истинно человѣческая; поэтому всякій человѣкъ безъ различія невольно и часто даже безсознательно строитъ свои идеалы; при чемъ чѣмъ онъ развитѣе, тѣмъ его идеалы выше.

Безъ научныхъ же идеаловъ невозможна та чистая, безкорыстная любовь къ наукѣ, къ знанію, которою отличается истинно-образованный человѣкъ отъ необразованнаго и полуобразованнаго, истинно-зрѣлый для университета юноша отъ незрѣлаго; а вѣдь вы,

съ принятіемъ васъ въ университетъ, тѣмъ самымъ признаны зрѣлыми, т.-е. способными къ тому, чтобы быть студентами, способными къ тому, что называется штудированіемъ, изученіемъ науки изъ чистой любви къ ней, по собственному внутреннему побужденію и призванію [1]).

XXI.

П. Д. Юркевичъ.

Памфилъ Даниловичъ Юркевичъ, сынъ священника м. Липляваго, Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи, родился 16 февраля 1826 г. Учился сначала дома, а потомъ въ Переяславскомъ духовномъ училищѣ, въ 1831 г. былъ принятъ въ Переяславскую семинарію. Учился и въ училищѣ и въ семинаріи хорошо: книжныя занятія съ раннихъ лѣтъ сдѣлались его страстью. Любимыми предметами его были латинскій языкъ и математика. По окончаніи курса семинаріи въ 1847 г. Юркевичъ поступилъ въ Кіевскую духовную академію, гдѣ былъ однимъ изъ лучшихъ студентовъ. По окончаніи курса академіи въ 1851 г., ему предложена была должность преподавателя философскихъ наукъ.

Въ 1860 г. появился его философскій этюдъ «Изъ науки о человѣческомъ духѣ», направленный противъ ученія матеріализма. Этюдъ этотъ обратилъ на автора вниманіе людей науки. Вскорѣ послѣ этого послѣдовало приглашеніе отъ Московскаго университета занять кафедру философіи

Въ Москвѣ на новомъ мѣстѣ и среди новыхъ знакомыхъ Юркевичъ сохранилъ и любовь, и привязанность, и уваженіе къ старой академіи и въ разговорахъ открыто заявлялъ, что академія развила въ немъ любовь къ философіи и положила твердыя и прочныя основы этой науки.

Къ лекціямъ Юркевичъ всегда готовился и готовился добросовѣстно. Въ 1872 и 1873 гг. онъ уже страдалъ и отъ семейнаго горя (болѣзнь жены) и отъ собственныхъ болѣзней; но при всемъ томъ не разставался съ книгами и очень огорчался, что хлопоты и болѣзни отвлекаютъ его отъ научныхъ занятій. Лекціи его излагались язы-

---

[1]) Изъ лекцій П. Д. Рѣдкина по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. 1-й Спб. 1889 г.

комъ свободнымъ, изящнымъ и устно, т. е. «не чтеніемъ по тетради». Преданный всей душой философскимъ занятіямъ, Юркевичъ относился съ любовію, уваженіемъ и теплымъ участіемъ и къ тѣмъ юношамъ, въ которыхъ замѣчались способности и призваніе къ наукѣ. Для такихъ юношей онъ былъ учителемъ и другомъ: охотно принималъ ихъ у себя въ кабинетѣ, велъ продолжительныя бесѣды, честно и добросовѣстно давалъ совѣты. По заявленію современниковъ. на первыхъ порахъ въ Москвѣ было трудновато для П. Д. Юркевича. Предубѣжденное противъ философіи юношество часто паскучало ему неумѣстными, наивными, а нерѣдко и вздорными возраженіями. Юркевичъ выслушивалъ возраженія серьезно и съ разумною сдержанностью оспаривалъ ихъ порою курьезные доводы.

Болѣзнь жены и усиленныя занятія подорвали здоровье Юркевича, осенью 1873 г. онъ слегъ въ постель, долго болѣлъ и послѣ этого не могъ оправиться. Онъ скончался 4 октября 1874 г., погребенъ въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ.

Будучи еще въ Кіевѣ профессоромъ академіи, Юркевичъ къ изученію философіи присоединилъ изученіе педагогики. И вскорѣ педагогика, наравнѣ съ логикой и психологіей, сдѣлалась для него существенною частью философіи и однимъ изъ любимѣйшихъ предметовъ его занятій. Въ Москвѣ Юркевичъ нѣсколько лѣтъ преподавалъ педагогику въ учительской семинаріи военнаго вѣдомства.

По мнѣнію Юркевича, философія, являющаяся изслѣдованіемъ о томъ, въ чемъ состоитъ истинное знаніе, должна начинать съ идеи. Философія, какъ цѣлостное міросозерцаніе, есть дѣло не человѣка, а человѣчества, которое никогда не живетъ отвлеченнымъ или чисто логическимъ сознаніемъ, но раскрываетъ свою духовную жизнь во всей полнотѣ и цѣлостности ея моментовъ.

Важнѣйшія работы Юркевича, «Сердце и его значеніе въ духовной жизни человѣка» (Труды Кіевск. д. ак. 1860 г.). «Изъ науки о человѣческомъ духѣ» (ів. 1860 г.), «Матеріализмъ и задачи философіи» (Журн. М. Н. Пр. 1860 г.). «Критико-философскіе отрывки» (Тр. К. д. ак. 1861 г.), «Языкъ физіологовъ и психологовъ» (Рус. Вѣсти. 1862 г.). «Чтенія о воспитаніи». Большой трудъ въ 272 стр. in. 8°, 1865 г., «Разумъ по ученію Платона и опытъ по ученію Канта» (Рѣчь 1866 г.), «Курсъ общей педагогики съ приложеніями». Капитальное сочиненіе 404 стр. in 8° Москва 1869 г. «Идеи и факты изъ исторіи педагогики». По поводу сочиненія Модзалевскаго. «Очеркъ исторіи воспитанія и обученія». (Журн. Мин. Н.Пр.1870г.). «Планъ и силы первоначальной школы» (ів. 1870 г.), «Будущность звуковой методы» (ів. 1872 г.) [1]).

---

[1]) Подр. въ біогр. Юркевича. Журн. Гимназія 1888 г.

Понятіе о задачахъ педагогики [1]).

Педагогика наука сборная. Голова этого тѣла заключается въ моральныхъ идеяхъ, органы питанія—въ психологіи, органы движенія—въ физіологіи. Изъ этой тройцы источниковъ должны быть выводимы всѣ начала, управляющія воспитаніемъ, въ ней должны быть отыскиваемы основанія, оправдывающія одно педагогическое направленіе и осуждающія другое. Имѣя въ виду читателя не благосклоннаго, но взыскательнаго, сочинитель входилъ въ изслѣдованіе таковыхъ началъ и основаній, насколько то было возможно внѣ односторонне-раціональной методы, которая не ссылается на дѣйствительность потому, что непосредственно видитъ и выводитъ ея необходимость изъ высшихъ предположеній. На физіологическія начала книга эта обращаетъ такъ много вниманія, что читатель можетъ спросить, слѣдовалъ ли сочинитель методѣ, или модѣ. Современные педагоги, особенно у насъ, говорятъ о нервахъ, мускулахъ, тканяхъ, о странствованіи веществъ въ тѣлѣ, о питаніи, дыханіи, движеніи—говорятъ такимъ топомъ, будто въ этой области небольшого количества дѣйствительныхъ познаній и большого количества недѣйствительныхъ надеждъ находятся самыя великія педагогическія сокровища; поэтому сочинитель счелъ полезнымъ задаться вопросомъ, сколько дѣйствительнаго свѣта можно извлечь изъ области физіологическихъ познаній для руководства воспитателей? Конечно, можно итти на этомъ пути еще дальше, можно сдѣлать здѣсь еще больше полезныхъ указаній, и за педагогами, которые работаютъ въ этомъ направленіи, нужно слѣдовать охотно, пока не откроется, что самый поводъ къ длиннымъ разсужденіямъ о нервахъ заключается въ ненормальномъ состояніи нервовъ самихъ педагоговъ. Если дѣлаются попытки открывать систему педагогическихъ началъ мнѣніями, что пороки сердца и грѣхи воли всегда имѣютъ свой источникъ въ недостаткахъ темперамента и въ неправильномъ движеніи нервовъ и что сознательная душа есть только рефлексъ своего тѣла, то въ этомъ сочиненіи было неумѣстно взвѣшивать научную силу этихъ мнѣній. Но практическій педагогъ, который затруднялся бы опредѣлить ихъ истину, имѣетъ по крайней мѣрѣ полную возможность ви-

---

[1]) Изъ предисловія къ Курсу общей педагогики.

дѣть ихъ безполезность. Едва ли ему нужно обращаться къ опаснымъ метафизическимъ изслѣдованіямъ о существѣ, или о субстанціи духа и объ отношеніи духа къ субстанціямъ первымъ. Для него духъ есть существо воспитывающееся; духъ есть нѣчто такое, что воспитывается, можетъ быть воспитываемо и должно быть воспитываемо. Для него воспитаніе есть такая судьба духа, которая одна дѣлаетъ возможнымъ какъ существованіе человѣчества, такъ и его усовершенствованіе. Это опредѣленіе духа далеко не такъ бѣдно и не такъ пусто, какъ оно можетъ показаться друзьямъ формальной логики. Въ идеѣ существа, которое только въ воспитаніи находитъ ничѣмъ незамѣнимыя условія своего бытія и усовершенствованія, заключаются всѣ высшія истины, составляющія содержаніе столь родственнаго каждому человѣческому сердцу моральнаго міросозерцанія, и этихъ истинъ не можетъ отвергать воспитатель, который хочетъ быть настолько разумнымъ, послѣдовательнымъ и честнымъ, чтобы по крайней мѣрѣ вѣрить въ возможность собственной дѣятельности. Можетъ случиться, что и онъ вслѣдствіе понятнаго заблужденія будетъ считать себя по своимъ отвлеченнымъ мнѣніямъ защитникомъ теоріи духа, какъ физіологическаго феномена. Но психическіе законы не дозволятъ ему имѣть дѣйствительную вѣру въ эти мнѣнія; въ своихъ жизненныхъ внутреннихъ убѣжденіяхъ онъ будетъ стоять за метафизику факта, за метафизику, данную въ явленіи духа, какъ существа воспитывающагося. Такъ по законамъ психическимъ каждый изъ насъ, повинуясь неустранимому вліянію, внушенію и свидѣтельству даннаго, дѣйствительнаго, дѣлаетъ относительно существа и значенія его сужденія болѣе вѣрныя и болѣе основательныя, нежели тѣ, какія требуются нарочито заказанной, изготовленной, или взятой на прокатъ общей теоріи природы и человѣчества.

Итакъ высшихъ идей о человѣкѣ и его призваніи не можетъ исторгнуть изъ убѣжденій педагога никакое умничанье, требуется только достигнуть ясности, полноты и основательности при ихъ обзорѣ. Общая педагогика имѣетъ здѣсь одну изъ своихъ существеннѣйшихъ задачъ. Почти всѣ серіознѣйшіе педагоги нашего времени свидѣтельствуютъ въ одинъ голосъ, что самая тонкая изобрѣтательность, которою обогатилось въ наше время искусство воспитанія, оказывается безплодною вслѣдствіе моральной грубости учителей и воспитателей—вслѣдствіе той грубости, которая не понимаетъ ни общаго существа моральныхъ идей, ни особеннаго су-

щества христіанской религіи и которая дѣлаетъ воспитателя неспособнымъ отличать въ явленіяхъ дѣтской жизни добра отъ зла, правды отъ неправды, залога совершенства отъ зародышей моральной порчи. Можетъ быть и въ другія времена было не лучше въ этомъ отношеніи; вопросъ о томъ, что-такое добро и какое воспитаніе насаждаетъ это добро въ сердцѣ человѣка, есть вопросъ всѣхъ вѣковъ и всего человѣчества, вопросъ, поставляемый наукою и надеждою, философіей, политикой и религіей. Но отсюда только слѣдуетъ, что педагогика должна обращать особенное вниманіе практическихъ воспитателей на эту сторону интересующаго ихъ предмета. Эта цѣль была руководящимъ началомъ для сочинителя при составленіи курса общей педагогики.

Но практическій воспитатель долженъ также всесторонпимъ образомъ обозрѣвать и ежедневныя мелочи жизни, которыя имѣютъ неизмѣримую важность въ дѣлѣ воспитанія. Нашъ народный поэтъ разсказываетъ, какъ однажды силы вражія

Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову
Не большой горой,
А соломинкой...

Надобно полагать, что духъ человѣческій есть этотъ богатырь, котораго жизнь рушится и безвозвратно погибаетъ отъ едва замѣтной мелочи, отъ соломинки. Дитя любитъ лакомиться; какая ничтожная и безвредная привычка! Однако, подъ ея вліяніемъ созрѣваетъ человѣкъ, у котораго духъ есть въ строгомъ смыслѣ не болѣе, какъ рефлексъ его тѣла и у котораго дѣйствительно всякій недостатокъ темперамента переходитъ въ соотвѣтствующій порокъ сердца. Число такихъ великихъ мелочей, отъ которыхъ зависитъ судьба человѣка, безпредѣльно. И кто способенъ быть лучшимъ воспитателемъ дѣтей, тотъ ли, кто понимаетъ всю истину идеаловъ, или кто особенно зорокъ къ самымъ незначительнымъ случайностямъ дѣтской жизни—этотъ вопросъ было бы нужно ставить, еслибы Божественное Провидѣніе не создало особеннаго союза семьи, въ которой отецъ является геніемъ перваго, а мать геніемъ втораго педагогическаго направленія.

2.

Необходимость и обязанность воспитанія.

Христіанство составляетъ величайшій поворотъ въ общечеловѣческомъ сознаніи долга печись о дѣтяхъ вслѣдствіе высшихъ нравственныхъ побужденій. Оно даровало безсильному дитяти отца и мать (моногамія-полигамія). Задачу воспитанія оно разрѣшило не предписаніемъ наставленій, но созданіемъ семьи, которая, какъ союзъ, организуемый добродѣтелью и святостію, любовію и вѣрностію, доставляетъ дитяти, какъ рай Адаму, всѣ средства начинать земную жизнь съ неба, приготовляетъ его къ будущимъ испытаніямъ чистотою первоначальнаго развитія и снабжаетъ его для неизбѣжной поры лишеній и страданій моральнымъ мужествомъ, котораго источникъ кроется въ вѣрѣ и любви, въ преданности Богу и въ добродѣтели. Для всей образованной древности воспитаніе дѣтей было ничто иное, какъ подать, которую гражданинъ долженъ былъ выплачивать Кесарю. Что воспитаніе дѣтей есть служеніе человѣчеству— служеніе, исполняя которое мы воздаемъ Божіе Богови — этой моральной истины не знало древнее образованіе. Естественный эгоизмъ закрывалъ отъ взрослыхъ самую сущность священнѣйшихъ правъ дѣтей. Христіанство поставило насъ въ живой и священный союзъ съ поколѣніемъ прошедшимъ, которое насъ воспитывало, и съ поколѣніемъ наступающимъ, которое мы обязаны воспитывать. Воспитаніе дѣтей должно быть выраженіемъ особенной любви къ нимъ, именно той любви, которая своего не ищетъ (1. Кор. гл. 13 ст. 15). Любовь эта не совпадаетъ ни съ мягкостію и нѣжностію сердца, ни съ чувствами гуманности, которыя свойственны облагороженному духу. Ея существеннѣйшее дѣло есть жертва: жертва же должна пройти черезъ огонь и быть осолена солью (Марк. гл. 9 ст. 49). Итакъ, только сердцу, которое совершило великій жизненный процессъ очищенія и укрѣпленія, свойственна эта любовь, совершающая и воспитывающая въ дѣтяхъ самое человѣчество, чистый образъ Богоподобнаго человѣка, а не орудіе эгоизма родителей, общества и государства; потому что существеннѣйшее зло, поражающее дѣтей, состоитъ въ томъ, что силы молодого поколѣнія направляются не къ тому, что составляетъ благо самихъ воспитанниковъ, но

къ тому, что полезно для этихъ мощныхъ воспитателей. Дитя не есть ни часть, ни собственность родителей, но даръ Божія благословенія и довѣренное родителямъ благо; его существеннѣйшія права предъ взрослыми вытекаютъ изъ того, что оно есть представитель будущаго совершеннѣйшаго человѣчества и что ему предстоитъ осуществить надежду царства Божія на землѣ шире и полнѣе, нежели какъ это было возможно для нынѣшняго взрослаго поколѣнія. Конечно, взрослые должны быть сами развиты достаточно въ моральномъ отношеніи, чтобы понять, какое горе угрожаетъ тому, кто соблазнитъ дитя, и какое предоставлено благо тому, кто принимаетъ его во имя Христово: потому что, по убѣжденіямъ христіанскимъ, воспитаніе дѣтей есть служеніе всему человѣчеству и самому человѣчеству; но не многія сердца постигаютъ законъ вѣчной правды, которая требуетъ, чтобы каждый посвятилъ свои силы этому высшему служенію. Дѣти должны быть воспитываемы такъ, чтобы они составляли честь и украшеніе родителей. Но въ ихъ воспитаніи должно быть почтено все человѣчество, ихъ воспитаніе есть священный долгъ родителей — долгъ, опредѣляемый высшимъ назначеніемъ человѣка.

3.

Идеи и силы.

Изслѣдованіе зыбкаго понятія гуманность мы начали указаніемъ на вѣчные и общегодные образцы человѣчности и кончили указаніемъ на непосредственную дѣйствительность, которая и съ своей стороны должны опредѣлять высшую цѣль воспитанія. Въ самомъ дѣлѣ высшую цѣль воспитанія постигаетъ всесторонним образомъ только такой воспитатель, который одинаково строго вдумывается и въ назначеніе человѣка и въ факты его земной, измѣнчивой жизни. Человѣкъ есть предметъ вѣчнаго образованія Божія—это основное убѣжденіе; и когда оно слабо, или когда оно исчезло изъ сознанія воспитателя, то никакія требованія гуманности не охранятъ его отъ наклонности разсматривать воспитанника, какъ средство для какихъ-нибудь частныхъ интересовъ касты, сословія, общества, культуры и т д. Стремленіе хри-

стіанской педагогики запечатлѣть личность воспитанника чертами безсмертія, которыя суть мудрость и любовь, правда и святость, измельчаетъ до простой заботливости воспитать порядочнаго и благоразумнаго человѣка. Но для осуществленія идей нужны силы: итакъ воспитаніе должно усилить юный духъ, укрѣпить и вооружить его на разнообразную жизненную борьбу, которую выдерживать предстоитъ ему. Высшее направленіе жизни безъ соотвѣтствующихъ ему силъ рождаетъ въ духѣ мучительную жажду Тантала. Большія силы безъ высшаго направленія образуютъ Антея, который дѣлается совершенно немощенъ, когда отдѣляется отъ земли. Здѣсь мы видимъ уже, что искусство воспитанія есть вмѣстѣ эстетическое и практическое.

Но если эстетическое искусство не имѣетъ никакого отношенія ко времени—оно воплощаетъ вѣчную идею; то искусство практическое имѣетъ свою цѣль въ будущемъ. Между тѣмъ будущности воспитанника мы не знаемъ. Не знаемъ мы того жизненнаго поприща, которое изберетъ онъ и которое потребуетъ отъ него особенныхъ силъ и способностей. Тѣмъ не менѣе воспитаніе заботится о будущности воспитанника. Какъ возможно это? Воспитаніе образуетъ человѣка такъ, чтобы онъ былъ уготованъ на всякое благое дѣло. Отсюда ближайшая и осязательнѣйшая задача воспитанія состоитъ въ равномѣрномъ развитіи всѣхъ силъ воспитанника. Можетъ быть было бы основательнѣе сказать: въ справедливомъ развитіи; потому что каждая изъ силъ должна быть развиваема до такой степени совершенства, на которой она соотвѣтствуетъ цѣлостной идеѣ человѣческаго назначенія. Гимнастика должна укрѣпить тѣло, но не образовать атлета. Привычки должны внести въ душевную жизнь покой и порядокъ, но не расположить къ рутинѣ. Воображеніе должно быть подвижнымъ и жизненнымъ, но не разнузданнымъ. Страсти должны быть подавляемы, но не для того, чтобы уступить мѣсто апатіи; и т. д. По мѣрѣ того, какъ достигается равномѣрное, или справедливое развитіе всѣхъ силъ, воспитанникъ пріобрѣтаетъ способность избирать лучшія цѣли и избирать съ свободою, которая не стѣснена односторонностію воспитанія. Судьба воспитанника въ будущемъ зависитъ отъ того 1, что онъ знаетъ, 2, что онъ любитъ и 3, что онъ можетъ. Поэтому ученіе о цѣли воспитанія можно сократить въ слѣдующее выраженіе: воспитывай такъ, чтобы воспитанникъ, когда онъ придетъ въ зрѣлый

возрастъ, нашелъ или засталъ самого себя 1, знающимъ доброе, 2, любящимъ доброе и 3, имѣющимъ силы совершать доброе. Это доброе, которое мы познаемъ изъ совѣсти и изъ Божественнаго откровенія, воплощено также въ трехъ существенныхъ и постоянныхъ формахъ человѣческой жизни: въ семействѣ, въ церкви и государствѣ. Самыя возвышенныя наши обязанности относятся къ этимъ тремъ союзамъ; поэтому воспитаніе должно итти въ такомъ направленіи, чтобы воспитанникъ, по достиженіи зрѣлости, нашелъ себя способнымъ къ исполненію своего долга въ церкви, въ государствѣ и въ семействѣ.

Такъ различаются цѣли воспитанія необходимыя, дѣйствительныя и возможныя. Первыя сосредоточиваются въ общемъ понятіи добродѣтели; вторыя въ семействѣ, въ государствѣ и церкви; послѣднія въ частномъ призваніи и въ частныхъ занятіяхъ. Или человѣкъ разсматривается, какъ разумъ, далѣе, какъ членъ моральнаго организма и наконецъ, какъ индивидуальная личность.

4.

Нравственная личность воспитателя.

Два существенныя свойства должны отличать ее: авторитетъ и любовь. Безъ этихъ свойствъ всѣ воспитательныя мѣры будутъ сопряжены съ насиліемъ и не будутъ встрѣчать со стороны дѣтей добровольнаго послушанія, а это значитъ, что онѣ потеряютъ свою воспитательную силу. Авторитетъ самъ собою покоряетъ воспитателю дѣтскую волю и удерживаетъ ее отъ безпорядочныхъ движеній. Въ дѣтскихъ сердцахъ авторитету воспитателя соотвѣтствуетъ уваженіе и довѣріе къ нему, къ его наставленіямъ и совѣтамъ. Пріобрѣтается авторитетъ превосходствомъ разума и воли и открывается въ послѣдовательности, строгой законности и справедливости дѣйствій. Воспитаніе дѣлается невозможнымъ, когда дѣти глядятъ на своего воспитателя критическимъ взоромъ, когда воспитатель дѣлаетъ легко замѣчаемыя ошибки, противорѣчитъ самому себѣ, то опровергается опытами, то собственными поступками, когда его нерѣшительная воля дѣлаетъ слово его не довольно твердымъ и честнымъ, чтобы оно производило сильное

впечатлѣніе на дѣтей, особенно же когда вмѣсто разумной воли онъ слѣдуетъ капризу и прихоти. Наконецъ, воспитатель положительно развращаетъ дѣтей, когда изъ мнѣнія ихъ дѣлаетъ правило своей дѣятельности, или когда не онъ для нихъ, но они для него авторитетъ. Но если воспитатель такъ счастливъ, что онъ имѣетъ полный авторитетъ предъ своими воспитанниками, то, съ другой стороны, онъ не всегда и не вездѣ долженъ пользоваться всѣми средствами своего авторитета. Въ его лицѣ дѣти видятъ образецъ для своихъ убѣжденій и для своей воли. Они вѣрятъ въ истину, потому что вѣрятъ наставнику, который вѣритъ въ эту истину. Однако же впослѣдствіи они должны вѣрить въ истину и непосредственно, или на основаніи личныхъ опытовъ и личныхъ познаній. Они должны и сами испытывать, что истинно и что ложно, должны дѣлать пробу свободныхъ сужденій и свободныхъ поступковъ. При надлежащемъ воспитаніи этимъ предполагается, что дѣти имѣютъ опредѣленный кругъ свободныхъ занятій и дѣйствій и что воспитатель входитъ въ этотъ кругъ съ своимъ авторитетомъ, который сразу смѣшалъ бы свободное развитіе дѣтской жизни движеніемъ ея по готовымъ образцамъ, какіе находятся въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ воспитателя. Итакъ, должно знать надлежащую мѣру, чтобы не во всемъ наставлять, не во всемъ руководить, не для всѣхъ случаевъ предписывать правила. Чѣмъ охотнѣе дѣти повинуются, тѣмъ болѣе слѣдуетъ предоставлять имъ свободы.

Эту мѣру безъ труда находитъ воспитатель, который имѣетъ любовь къ воспитанникамъ. Какъ мы любимъ Бога, потому что Богъ напередъ возлюбилъ насъ, такъ и воспитатель, который любитъ дѣтей, будетъ любимъ ими. Этотъ союзъ чрезвычайно облегчаетъ задачу воспитанія. Дѣти, для которыхъ воспитатель есть авторитетъ и которыя любятъ его, видятъ въ немъ образецъ, или идеалъ и желаютъ подняться до него; воспитатель же, который любитъ дѣтей, хочетъ поднять ихъ до того образца, или до того идеала, который для него самаго служитъ авторитетомъ. Но любовь основывается первѣе всего на согласіи ощущеній, и въ этой формѣ существуетъ она между матерью и дѣтьми. Воспитатель, который относится къ воспитанникамъ издали, держитъ себя высоко, всегда говоритъ къ нимъ въ тонѣ важномъ и чинно и у котораго правильность дѣйствій доходитъ до мелочнаго педантиз-

ма, безъ сомнѣнія, не пріобрѣтетъ любви воспитанниковъ. Также не привязываетъ къ себѣ дѣтскихъ симпатій воспитатель, склонный къ фамильярности и какъ бы заискивающій у дѣтей; дѣти видятъ въ немъ своего брата, и онъ дастъ себя чувствовать не столько, какъ другъ дѣтей, сколько какъ другъ для поплостей. Но то, что въ своемъ братѣ дѣти извиняютъ, въ учителѣ они презираютъ. Учитель, какъ родная мать, имѣетъ нравственныя средства, чтобы привязать къ себѣ сердца дѣтей. Ласковость въ обращеніи, участіе къ личнымъ радостямъ, или печальнымъ состояніямъ дѣтей, частныя хотя бы и незначительныя благодѣянія, которыя оказывать дѣтямъ воспитатель имѣетъ безчисленные поводы, терпѣливость при занятіи съ ними, свѣтлый топъ всего поведенія, живыя и изящныя формы дѣла и слова—это общеизвѣстныя, но въ своей совмѣстности очень сильныя средства для возбужденія дѣтскихъ симпатій и привязанностей.

Гдѣ нѣтъ авторитета и любви, тамъ происходитъ общество, котораго члены не имѣютъ другъ для друга никакого значенія и въ которомъ сила, съ одной стороны, и хитрость, съ другой, замѣняютъ чистый и плодотворный союзъ, основанный на внутреннихъ нравственныхъ началахъ.

5.

Знаніе и умѣнье.

Подъ руководствомъ учителя и большею частію посредствомъ практическихъ упражненій ученикъ знакомится съ законами и формами наисовершеннѣйшимъ образомъ для того, чтобы пользоваться ими съ особенною легкостью, безъ всякаго труда, безъ малѣйшаго напряженія, такъ чтобы вниманіе, не безпокоясь каждый разъ заново о знакахъ и формахъ, могло всецѣло, не развлекаясь, сосредоточиваться на дѣйствительныхъ предметахъ. Задача первоначальной школы въ этомъ случаѣ разлагается на двѣ задачи. Обученіе должно сдѣлать ученика свѣдущимъ и умѣющимъ, или оно должно сообщить ему основныя познанія и основныя искусства. Съ помощію упражненій, повтореній и укоренившихся навыковъ ученикъ пріобрѣтаетъ умѣнье: говорить правильно и чисто, читать, писать, считать, чер-

тить и нѣть. Въ этихъ искусствахъ ученикъ, какъ сказано, долженъ достигнуть такого совершенства, чтобы пользоваться ими бѣгло, не сосредоточивая на нихъ вниманія, которое все должно быть обращено на дѣйствительные предметы. Усвояются они обученіемъ, дѣйствіями ученика, подъ руководствомъ учителя, или упражненіемъ и примѣрнымъ дѣйствіемъ самого учителя. Кто плохо читаетъ, пишетъ или считаетъ, тотъ, по выходѣ изъ школы, неохотно будетъ продолжать самообразованіе. Поэтому въ первоначальной школѣ главная забота и главное усиліе полагаются на то, чтобъ ученики усвоили кратко и на всю жизнь названныя искусства, чтобы они достигли полнѣйшей свободы и легкости въ ихъ употребленіи, а свѣдѣнія сообщаются имъ въ такомъ объемѣ, какой совмѣстенъ съ наилучшимъ разрѣшеніемъ этой задачи.

6.

Голова и сердце.

Дѣйствительные предметы, которыхъ вліяніе на ученика должно быть постоянное и преобладающее, дѣлаются близки его душѣ или чрезъ познаніе, или чрезъ чувство, они входятъ въ его душу, когда дѣйствуютъ или на голову, или на сердце; между тѣмъ какъ воля дѣйствуетъ обратно на дѣйствительные предметы: волей человѣкъ не усвояетъ, не принимаетъ, но воздѣйствуетъ. Итакъ при сообщеніи свѣдѣній учитель имѣетъ въ виду не только научить ученика чему-нибудь, но и возбудить въ его сердцѣ лучшія и чистѣйшія чувства; въ противномъ случаѣ самая большая и самая лучшая часть дѣйствительнаго міра будетъ сокрыта отъ ученика, будетъ какъ бы не существовать для него. На недостатки школы, пренебрегающей развитіемъ сердца, жалуются очень часто и основательно. Если въ школѣ ученикъ потерялъ свою первую любовь, если школа сообщила ему свѣтъ, но безъ теплоты, способность знать безъ способности сочувствовать, то свѣдѣнія, пріобрѣтенныя ученикомъ, будутъ употребляемы имъ въ жизни только какъ хорошія средства для удовлетворенія его самолюбія и для расширенія его границъ, а не для блага общаго, не для счастія и совершенства другихъ людей. Нужно могущественное вліяніе религіи, нуженъ увлекающій примѣръ любимой

личности учителя, нужны сильныя впечатлѣнія, какія только могутъ быть возбуждены изложеніемъ лучшихъ явленій изъ исторіи человѣчества и отечества, для того чтобы рядомъ съ познаніями, возрастали въ ученикѣ и лучшія чувствованія. Конечно, сердце сохраняется и улучшается непосредственно разнообразными мѣрами воспитанія; но такъ какъ выше было доказано, что мысли о вещахъ возбуждаютъ такія же сердечныя чувствованія, какъ и самыя вещи, то учитель, который не надѣялся бы сообщеніемъ свѣдѣній пробуждать въ ученикѣ лучшіе чувствованія, не понималъ бы своей задачи. Между тѣмъ какъ познанія, такъ и движенія сердца имѣютъ различныя направленія, которыя необходимо представлять себѣ ясно.

Познаніе и любовь —въ этихъ двухъ словахъ содержится все, что можно пайлучшаго передать молодому поколѣнію. Познанія должны быть направлены такъ, чтобы предметъ повторился въ умственномъ образѣ вѣрно и вполнѣ, безъ примѣси вымысловъ со стороны воображенія. Чувствованія должны быть направлены такъ, чтобы сердце повторяло ощущенія и положенія другихъ людей вѣрно и безъ примѣси эгоизма, или чтобы оно имѣло способность входить въ положеніе другихъ людей и испытывать ихъ. Воспитаніе должно изъ школы создать свѣтлый кругъ нравственныхъ отношеній, сколько возможно сходныхъ съ бытомъ хорошаго семейства. Обширная семья человѣчества открываетъ учителю просторъ для выбора пайлучшихъ образовъ, какіе способны облагораживать сердце ученика, то воспитывая въ немъ любовь и уваженіе къ людямъ, то возбуждая въ немъ расположенность служить общему благу и исполнять требованія справедливости.

7.

Любовь къ добру.

1) Гармоническое отношеніе всѣхъ видовъ и предметовъ обученія къ одной высшей цѣли. Эта высшая цѣль присутствуетъ въ одномъ кругѣ свѣдѣній, какъ умственная дисциплина, ограничивающая, не дозволяющая обучать всему и всячески; въ другомъ кругѣ свѣдѣній она проявляется, какъ ихъ положительное и глав-

ное направленіе; есть такія свѣдѣнія, гдѣ эта высшая цѣль открывается ученикамъ сознательно, отчетливо и вполнѣ: наконецъ, есть свѣдѣнія, которыя относятся къ ней, какъ къ своему единственному содержанію. 2) Заботливость о множествѣ, энергіи и сосредоточенности умственныхъ дѣятельностей ученика: первое условіе исполняется не многознаніемъ, но многосторонностію обзора, сужденія и пониманія; второе обращаетъ въ умственный навыкъ внимательность, зоркость и быстроту пониманія; третье вноситъ единство во множество, строитъ изъ частей строгое цѣлое, сводитъ многія познанія къ немногимъ началамъ. 3) Вниманіе не столько къ видимому успѣху, достигаемому учениками, сколько къ совершенству внутреннихъ дѣятельностей, которыя выразились въ этомъ успѣхѣ: для воспитанія важно то, какія внутреннія попытки предпринималъ и исполнилъ ученикъ при обученіи, какія заблужденія разсѣялъ, какія трудности обошелъ, или одолѣлъ; каждый ученикъ достигаетъ одной общей цѣли совершенно индивидуальными средствами; что, напримѣръ, для одного есть слѣдствіе соображенія, то для другаго слѣдствіе припоминанія. 4) Единство:—натуры и культуры, долга и чистаго удовольствія, науки и жизни, знаній и дѣлъ, мыслей и чувствъ, самостоятельности и уваженія къ авторитету, особенно же единство нравственнаго, умственнаго и религіознаго образованія; только такое единство можетъ осуществить идею добра въ духѣ воспитанника. Воспитанникъ долженъ быть сдѣланъ воспріимчивымъ и чуткимъ ко всему облагораживающему, въ какой бы сферѣ оно ни обнаруживалось. Сюда же относится требованіе, чтобы свѣдѣнія не были разобщены другъ съ другомъ и чтобы они были передаваемы соотвѣтственно органической связи наукъ: только при такомъ способѣ обученія вкореняется въ духѣ воспитанника убѣжденіе, что пріобрѣтеніе разума и мудрости есть дѣло всей жизни и пресѣкаются поводы къ зарожденію опаснаго самодовольства. 5) Полнота обученія: ученики должны изучать не все и не отрывки, но цѣлое: выдѣлять такое цѣлое изъ обширнаго круга свѣдѣній зависитъ частію отъ предмета обученія, частію отъ искусства учителя; все начатое должно имѣть свой естественный конецъ, достиженіе котораго дѣлаетъ всю работу разумною и полезною. Сообразно съ этимъ учитель группируетъ свѣдѣнія по отдѣламъ, за которыми настаетъ работа сравнительно новая.

Далѣе въ тѣснѣйшемъ педагогическомъ смыслѣ обученіе достигаетъ полноты, когда оно соединяетъ въ себѣ наблюденіе, пониманіе и примѣненіе. Наконецъ, требуется предпочитать необходимое желательному и избѣгать вредной роскоши знанія. Есть свѣдѣнія разсѣевающія, не имѣющія въ сознаніи опредѣленнаго мѣста, но бродящія въ немъ по разнымъ мѣстамъ случайно, безъ разумнаго основанія. Говоря строго, таковы всѣ свѣдѣнія, пріобрѣтаемы съ конца, а не съ начала. Часто они доставляютъ особенную жизненность умственной дѣятельности; но всегда они бываютъ причиною большаго, или меньшаго безпорядка въ ходѣ мыслей. Противодѣйствовать такому неправильному умственному образованію должно методическое искусство обученія [1]).

XXII.

К. Д. Ушинскій.

Имя Константина Дмитріевича Ушинскаго пользуется широкою и вполнѣ заслуженною славою въ Россіи. Онъ родился въ г. Тулѣ, въ 1824 г. Родители его были люди образованные и достаточные. Отецъ его сначала служилъ въ военной службѣ, потомъ вышелъ въ отставку и поступилъ уѣзднымъ судьей въ Новгородъ-Сѣверскъ. Черниговской губерніи, гдѣ и жилъ постоянно въ своей подгородней деревнѣ, въ барскомъ домѣ, съ прекрасной библіотекой и обширнымъ садомъ. Въ своей хорошей семьѣ Ушинскій и получилъ, вѣроятно, то нѣсколько розовое, идеальное отношеніе къ русской семьѣ, которое проглядываетъ въ его статьяхъ. Тамъ же развилась въ немъ любовь къ деревнѣ, природѣ и народу. Въ 1835 г. семья Ушинскаго переселилась въ Новгородъ-Сѣверскъ, и Константина Дмитріевича отдали въ 3-й классъ мѣстной гимназіи. Судьба и тутъ ему улыбнулась. Гимназія оказалась одною изъ лучшихъ, имѣя директоромъ стараго профессора и педагога, извѣстнаго П. Ѳ. Тимковскаго. Тимковской своей искренней любовью къ библіи, наукѣ и классической литературѣ, сумѣлъ вселить въ учащихся высокое религіозное чувство и уваженіе къ наукѣ, и на всю жизнь оставилъ слѣдъ въ душѣ Ушинскаго.

Ознакомившись впослѣдствіи со многими учебными заведеніями, говоритъ его біографъ (г. Фролковъ), Ушинскій высоко ставилъ свою

[1]) Отрывки взяты изъ сочиненій П. Юркевича: „Курсъ общей педагогики“. Москва, 1869 г. и Чтенія о воспитаніи. Москва, 1865 г.

гимназію. Изъ гимназіи Ушинскій вынесъ основательное знаніе нѣмецкаго языка, любовь къ литературѣ и въ частности къ Шиллеру. Живя за городомъ, среди прекрасной природы, онъ искренно полюбилъ ее и на всю жизнь сохранилъ эту любовь къ ней.

Въ 1840 г. Ушинскій выдержалъ вступительный экзаменъ въ Московскій университетъ и поступилъ на юридическій факультетъ. Во время студенчества, Ушинскій поражалъ своихъ товарищей большою памятью, необыкновенными способностями и чрезвычайно быстрымъ усвоеніемъ самыхъ трудныхъ философскихъ и юридическихъ теорій. Онъ окончилъ курсъ въ 1844 г. вторымъ кандидатомъ правъ и былъ посланъ профессоромъ Ярославскаго Демидовскаго лицея по кафедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія, государственнаго права и науки финансовъ.

Въ лицеѣ Ушинскій прекрасно читалъ лекціи и много работалъ по государственному праву.

Въ 1850 г. Ушинскій вышелъ въ отставку и женившись на П. С. Дорошенко, поселился въ С.-Петербургѣ, гдѣ сначала служилъ въ Департаментѣ иностранныхъ исповѣданій, свободное же время посвящалъ философіи, англійскому языку и интересовался землевѣдѣніемъ Карла Риттера. Съ 1852 г. началъ сотрудничать въ журналѣ «Современникъ», а съ 1854 г. въ «Библіотекѣ для чтенія». Масса срочной работы, переводной и компилятивной, притомъ дурно оплачиваемой, едва въ конецъ не разстроила и безъ того слабое здоровье Ушинскаго.

Въ 1855 г. онъ получилъ мѣсто преподавателя словесности, а вскорѣ и инспектора Гатчинскаго сиротскаго института. Здѣсь то Ушинскій съ ревностію принимается за изученіе обширной педагогической литературы и съ этого времени почти исключительно начинаетъ писать педагогическія статьи въ «Библіотекѣ для Чтенія», а потомъ въ журналѣ «Воспитаніе» Чумикова.

Улучшенія, сдѣланыя Ушинскимъ въ Гатчинскомъ институтѣ, обратили на него вниманіе начальства, и въ 1859 г. онъ получаетъ мѣсто инспектора классовъ обоихъ отдѣленій Смольнаго института, которое и занималъ до 1862 г.

Съ половины 1860 г. до ноября 1861 г. былъ редакторомъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, гдѣ помѣстилъ рядъ педагогическихъ статей [1]).

Въ 1861 г. издалъ «Дѣтскій Міръ» и «Хрестоматію», который вскорѣ сдѣлался необходимою классною книгою во многихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Въ 1861 г. Ушинскій былъ причисленъ къ Ученому Комитету Мин. Нар. Просвѣщенія и командированъ за границу съ ученою и педагогическою цѣлью.

---

[1]) Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи, Проектъ учительской семинаріи, „Родное Слово“ и др.

Съ 1862 г. по 1867 г. Ушинскій жилъ за границей, пріѣзжая въ Россію для лѣченія кумысомъ и для изданія своихъ книгъ. Въ 1864 г. онъ издалъ «Родное Слово» 2 книжки, съ приложеніемъ Руководства къ преподаванію по «Родному Слову». Родное Слово, какъ извѣстно, имѣло и имѣетъ громадное распространеніе въ русскомъ обществѣ и школахъ (нынѣ имѣется 101 изданіе «Родного Слова» ч. I, и 84 изд. ч. II). 3-я книжка «Родного Слова тоже съ руководствомъ, вышла въ 1870 г.

За границей же (въ Швейцаріи) Ушинскій занимался изученіемъ организаціи народныхъ школъ, учительскихъ семинарій и женскихъ училищъ и подготовлялъ свой капитальный трудъ, составляющій цѣнный вкладъ въ русскую серьезную педагогическую литературу. Въ концѣ 1867 г. онъ выпустилъ I-й томъ. «Человѣкъ какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологіи», а въ 1869 г. и второй томъ. Третій томъ остался только въ черновыхъ наброскахъ.

Въ 1870 г. Ушинскаго поразило большое горе (внезапная смерть горячо любимаго сына), послѣ котораго онъ получилъ кровохарканье, болѣлъ недолго и скончался 21 декабря 1870 г.

Педагогическіе труды К. Д. Ушинскаго заслуживаютъ высокой похвалы и гораздо большаго вниманія, чѣмъ какое имъ удѣлялось до сихъ поръ. Они все еще ждутъ серьезнаго изслѣдователя.

На первомъ планѣ мы ставимъ, конечно, его «Опытъ педагогической антропологіи». Это результатъ усиленной пятилѣтней работы, во время которой Ушинскій перечиталъ и изучилъ многихъ древнихъ и новыхъ философовъ и педагоговъ. «Человѣкъ какъ предметъ воспитанія» представляетъ выдающуюся популярную философскую и антропологическую энциклопедію. Онъ подводитъ итогъ всего замѣчательнаго въ области з.-европейской мысли.

Другая громадная педагогическая заслуга Ушинскаго заключается въ созданіи «Родного Слова». Уже читая его педагогическую статью подъ тѣмъ же заглавіемъ, читатели видятъ, какимъ убѣжденнымъ почитателемъ родного слова является Ушинскій и не удивительно, что въ виду великаго значенія «Родного Слова», онъ ставитъ его центромъ преподаванія.

Изъ педагогическихъ статей Ушинскаго заслуживаютъ особеннаго вниманія. «О народности въ общественномъ воспитаніи» дающая блестящія характеристики воспитанія нѣмецкаго, англійскаго, французскаго и сѣверо-американскаго и твердо проводящая мысль, что истинное воспитаніе должно быть національнымъ, затѣмъ «Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи, составляющая какъ бы profession de foi автора и проводящая ту мысль, что «трудъ сдѣлался довершителемъ законовъ человѣческой природы и необходимымъ условіемъ его тѣлеснаго, нравственнаго и умственнаго совершенствованія, что матеріальные плоды трудовъ составляютъ человѣческое достояніе, но только внутренняя, духовная, животворная сила труда

служитъ источникомъ человѣческаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственности и счастья».

Въ статьѣ «О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи» Ушинскій смѣло высказываетъ убѣжденіе, что вліяніе нравственное составляетъ главную задачу воспитанія, гораздо болѣе важную, чѣмъ развитіе ума вообще, наполненіе головы познаніями и разъясненіе каждому его личныхъ интересовъ» (Собр. пед. соч. ст. 225).

Въ «Педагогической поѣздкѣ по Швейцаріи» Ушинскій знакомитъ русскихъ читателей съ устройствомъ швейцарскихъ семинарій и народныхъ школъ. Отмѣчая не разъ національный характеръ швейцарскихъ школъ, Ушинскій восклицаетъ: «Боже мой! думалъ я про себя: когда же мы увидимъ такія же характерныя русскія воспитательныя заведенія, и во главѣ ихъ такія же типическія, русскія личности въ высоко-развитой, облагороженной формѣ, когда подобныя личности будутъ развивать въ воспитателяхъ благороднѣйшія черты русскаго характера, а воспитатели будутъ вызывать этотъ характеръ въ молодыхъ поколѣніяхъ русскаго народа». Изъ сказаннаго видно, что Ушинскій былъ идеалистомъ въ лучшемъ смыслѣ слова, постоянно думавшимъ о благѣ родины. Помимо религіи и науки онъ не допускалъ ни возможности истиннаго просвѣщенія Россіи, ни совершенствованія русской школы, ни процвѣтанія русской семьи.

Онъ, можно сказать, оживилъ русскую педагогическую литературу, имѣвшую и прежде серьезныя работы, но забытую и мало кому извѣстную, вдохнулъ въ нее жизнь и привлекъ къ ней вниманіе широкой публики. Въ этомъ его несомнѣнная и большая заслуга.

1.

Изъ статьи „О народности въ общественномъ воспитаніи“.

Типическою чертою германскаго характера, которая до сихъ поръ рѣшала роль Германіи въ исторіи и опредѣляла ея значеніе во всемірномъ развитіи человѣчества, является наклонность къ отвлеченію и, выходящая изъ нея, наклонность къ системѣ. Нѣмецъ во всѣхъ явленіяхъ жизни ищетъ гармоніи и связи, все возводитъ въ отвлеченную идею и отовсюду ее извлекаетъ. Для него недостаточно понимать вещь: по ему непремѣнно нужно опредѣлить ее и дать ей мѣсто въ системахъ своихъ знаній. Опредѣленіями пустѣйшихъ и ничтожнѣйшихъ предметовъ набиты кипы нѣмецкихъ учебниковъ. Безъ опредѣленія—для нѣмца и вещь—не вещь. Прежде всего видитъ онъ въ каждомъ предметѣ

его философскую сторону и всякое дѣло свое начинаетъ и оканчиваетъ философскою мыслію. Если у него нѣтъ истинной философіи, то онъ выскажетъ самую избитую мысль, годную только для прописи, но ни за что не пропуститъ случая пофилософствовать. Но болѣе всего онъ заботится, чтобы въ головѣ его не осталось ни одного незанятаго уголка и въ мірѣ ни одного предмета, который бы не помѣстился въ одномъ изъ уголковъ его системы.

Эта страсть къ абстракціи и системѣ создаетъ великихъ ученыхъ, познанія которыхъ обнимаютъ міръ, какъ познанія Риттера и Гумбольдта, поэтовъ-философовъ какъ Гете и философовъ-поэтовъ какъ Шеллингъ и Гегель; но она же создастъ и нѣмецкихъ мечтателей и мечтательницъ въ молодости и самыхъ мелочныхъ формалистовъ и педантовъ подъ старость. Глубокомысліе и ученость лицевая сторона этой народной наклонности: педантизмъ и резонерство оборотныя ея стороны. Ей Германія обязана своимъ всемірнымъ значеніемъ въ наукѣ и своимъ политическимъ ничтожествомъ, величайшими произведеніями ума человѣческаго, составившими эпоху въ развитіи человѣчества, и необозримою трудою бездарнѣйшихъ книгъ, въ которыхъ подъ сѣткою безконечныхъ дѣленій и подраздѣленій, оглавленныхъ буквами всѣхъ размѣровъ и всѣхъ азбукъ, не скрывается часто ни малѣйшей мысли. Вся литература Германіи, въ которой сосредоточились почти и всѣ результаты ея исторической дѣятельности, служитъ лучшимъ доказательствомъ нашихъ словъ.

Это же красная нить германскаго характера положила особенный отпечатокъ и на общественное образованіе Германіи.

По страсти своей все систематизировать, германцы возвели и искусство воспитанія на степень науки, наравнѣ съ безчисленнымъ множествомъ другихъ чисто нѣмецкихъ наукъ, и съ любовью разработали ее въ многотомныя системы, обладающія тысячами подраздѣленій. Но, несмотря на твердое убѣжденіе большинства нѣмецкихъ педагоговъ, что они работаютъ надъ воспитаніемъ человѣка вообще, къ какому бы народу онъ ни принадлежалъ, нѣмецкая педагогика — наука чисто нѣмецкая. Стоитъ только безпристрастному читателю другой націи прочесть три, четыре нѣмецкія педагогики, чтобы убѣдиться что идеалъ человѣка, воспитаніе котораго въ нихъ разрабатывается, нѣмецкій ecce homo, совершеннѣйшій нѣмецъ.

Прежде всего и болѣе всего нѣмецкое воспитаніе стремится ко всесторонности и систематичности познаній. Программы нѣмецкихъ гимназій, факультетовъ и нѣмецкихъ экзаменовъ пугаютъ своею многосложностью и громадностью. Нетрудно замѣтить, что здѣсь воспитаніе приносится въ жертву наукѣ или вѣрнѣе сказать наука и ученость являются окончательною цѣлью, къ которой направлено все воспитаніе.

2.

Общественное воспитаніе Англіи представляетъ крайнюю противоположность германскому воспитанію. Оно менѣе всего заботится о полнотѣ и систематичности знаній, и для него ученость составляетъ одну изъ профессій человѣка, которою онъ можетъ заняться, если ему нечего болѣе дѣлать, но до которой воспитанію нѣтъ никакого дѣла. Для англійскаго воспитанія наука не цѣль, но одно изъ средствъ для развитія характера, привычекъ, образа мыслей, манеръ истиннаго джентльмена—идеала, къ осуществленію котораго направлено все англійское воспитаніе. Молодой англичанинъ, получившій образованіе въ Оксфордѣ, уже поэтому самому считается джентльменомъ, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ. Оксфордскія и кембриджскія коллегіи, Итонъ, Вестминстеръ, Гарро, Регби, гордятся не тѣмъ, что въ нихъ получили воспитаніе великіе ученые, или что подъ ихъ покровомъ наука открыла новые пути; но, указывая съ гордостью на цѣлый рядъ великихъ характеровъ англійской исторіи, получившихъ первое развитіе въ ихъ стѣнахъ, отвѣчаютъ на упреки въ недостаткѣ ученой дѣятельности, что «ихъ дѣло создавать людей, а не писать книги».

Англійскій джентльменъ, такъ же какъ и нѣмецъ, проживаетъ лучшіе годы своей молодости за классиками и пріобрѣтаетъ въ классической литературѣ твердыя, никогда не изглаживающіяся познанія. Но англичанинъ ищетъ въ классикахъ не предметовъ историческаго изученія или философическаго анализа, за которыми гоняется германецъ, а привычки къ той силѣ и ясности языка, опредѣленности и точности выраженій, которыми отличается классическая литература и которыя имѣли такое сильное вліяніе на образованіе логизма англійской рѣчи.

Но главное въ англійскомъ воспитаніи—это характеръ, привычка владѣть собою (selfgovernment), отличающая всякаго истиннаго джентльмена. На образованіе и укрѣпленіе характера обращено главное вниманіе англійскаго воспитанія. Англійскіе древніе университеты, равно какъ и знаменитыя школы Англіи, болѣе воспитательныя, чѣмъ учебныя заведенія. Жизнь воспитанниковъ въ самомъ заведеніи составляетъ правило: воспитанники, живущіе по домамъ и приходящіе только во время уроковъ, представляютъ исключеніе. Въ этихъ закрытыхъ воспитательныхъ заведеніяхъ господствуетъ какой-то полусемейный, полуобщинный духъ, и наблюдается иногда величайшая строгость.

3.

Гораздо труднѣе опредѣлить характеръ французскаго общественнаго воспитанія, именно потому, что въ немъ мало характера. Безпрестанная смѣна правительствъ и системъ управленія не осталась безъ вліянія и на общественное воспитаніе Франціи.

Спокойствіе, независимость и послѣдовательность, которыя такъ необходимы и наукѣ, и воспитанію, совершенно оставили французскую педагогику, и политическая лихорадка вполнѣ завладѣла ею. Вмѣстѣ съ тѣмъ, народъ потерялъ всякое уваженіе къ воспитанію, школамъ и педагогамъ, и, можетъ быть, нѣтъ другой страны въ мірѣ, въ которой бы, какъ во Франціи, народъ такъ мало цѣнилъ пользу воспитанія.

Провинціи и города несутъ тягость поддержки коллегій и элементарныхъ училищъ съ явнымъ отвращеніемъ, и рады всякую минуту сбросить съ себя эту тягость на руки правительства или поручить эту заботу іезуитамъ, которые берутся за нее такъ охотно.

Педагогическая дисциплина вся направлена къ тому, чтобы развить самолюбіе воспитанниковъ и заставить соревновать другъ другу тѣхъ изъ нихъ, которые по природнымъ своимъ способностямъ могутъ выйти на эту арену: остальные должны сидѣть смирно и не мѣшать. Талантливыхъ мальчиковъ, на которыхъ предвидится возможность отличиться, принимаютъ даромъ въ самые дорогіе пансіоны при коллегіяхъ, даже готовы платить за

ихъ деньги: объ остальныхъ торгуются почти—что съ аукціона: «кто возьметъ меньше?». Провинціальныя же и городскія управленія заботятся только о томъ, какъ бы подешевле обошлась имъ учебная часть.

Классическіе языки и классическая литература составляютъ основаніе и французскаго общественнаго воспитанія. Но французъ прибавляетъ къ древнимъ классикамъ и своихъ собственныхъ, и изучаетъ тѣхъ и другихъ по своему, чаще всего на память. Онъ не любитъ углубляться въ грамматическія и филологическія тонкости; ему мало дѣла и до древней классической жизни. Онъ слегка пробѣгаетъ содержаніе древней литературы, но выучиваетъ наизусть эффектныя мѣста, и прежде всего кидается на фразу: подмѣчаетъ ее, заучиваетъ, цитируетъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Также поступаетъ онъ и съ своими доморощенными классиками, изученіе которыхъ занимаетъ большую часть его школьной жизни. Онъ выучиваетъ наизусть цѣлыя тирады изъ Фенелона, Боссюета, Массильона, Монтескье, Вольтера, Паскаля, Корнеля, Расина, Мольера, Бюффона, Лабрюйера, Мальбранша, Арно... и другихъ писателей изъ длиннаго ряда своихъ классиковъ, и пишетъ сочиненія ихъ фразами.

Зато, какъ и обработалъ онъ свою фразу! Она готова у него на всякій случай, на всякую мысль, на всякій оттѣнокъ мысли, и ему остается только брать ее, всегда готовую, острую и ловкую.

Французъ съ любовью занимается математикой, находя въ ней гимнастику для своего разсудка, но исторію и географію чужихъ государствъ онъ пробѣгаетъ мелькомъ. Всякая же система — не его дѣло. Всякая классная дисциплина основывается на принужденіи, съ одной стороны, и на развитіи самолюбія, съ другой. Въ самолюбіи французская педагогика нашла сильнѣйшій рычагъ и работаетъ имъ безпощадно. Для этой цѣли французскіе наставники изобрѣли множество геніальныхъ средствъ: жалуютъ своихъ воспитанниковъ орденами, производятъ ихъ въ чины и печатаютъ ихъ имена въ газетахъ. Народность, изгнанная изъ общественнаго воспитанія, проглянула въ немъ сама собою; но проглянула во всей своей дикости. «Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно», но, можетъ быть, оставитъ за окномъ лучшую свою сторону и принесетъ одинъ свои слабости.

Высказавъ слабыя стороны общественнаго воспитанія во Франціи, мы должны указать на блестящую его сторону. Если ученое образованіе, общее умственное развитіе и воспитаніе нравственности и характера мало достигаются французскимъ образованіемъ, зато можно сказать съ убѣжденіемъ, что техническая часть ученія процвѣтаетъ во Франціи. Французскія технической учебныя заведенія служили образцомъ для заведеній того же рода въ другихъ государствахъ Европы. Но и въ настоящее время трудно указать на какое-нибудь техническое учебное заведеніе Германіи или Англіи которое могло бы соперничать съ Парижской Политехнической Школой, или съ Парижской же Центральной Школой искусствъ и мануфактуръ...

4.

Какъ ни кратки и ни поверхностны очерки системы общественнаго воспитанія главнѣйшихъ народовъ современности, которые мы здѣсь предложили читателю, но изъ нихъ уже видно, что всѣ эти системы, несмотря на множество одинаковыхъ названій, сходство педагогическихъ формъ и единство учебныхъ предметовъ, существенно различаются между собою. Мы видимъ далѣе, что это различіе, отражающееся и во внѣшнемъ устройствѣ учебной части, зависитъ не отъ случайныхъ обстоятельствъ, но выходитъ изъ болѣе глубокаго источника: изъ той особенной идеи о воспитаніи, которая составилась у каждаго народа. Нѣмецъ, англичанинъ, французъ, американецъ требуютъ отъ воспитанія не одного и того же, и подъ именемъ воспитанія заключаются у каждаго народа различныя понятія. Различіе это, не выражаясь опредѣленно, тѣмъ не менѣе проглядываетъ во множествѣ особенностей, иногда мелкихъ, но характеристическихъ, показывающихъ направленіе общественнаго воспитанія у каждаго народа и ту невысказываемую цѣль, къ которой оно стремится и которая опредѣлила самыя его формы.

Въ основаніи особой идеи воспитанія у каждаго народа лежитъ, конечно, особенная идея о человѣкѣ, о томъ, каковъ долженъ быть человѣкъ по понятіямъ народа въ извѣстный періодъ народнаго развитія.

Каждый народъ имѣетъ свой особенный идеалъ человѣка и требуетъ отъ своего воспитанія воспроизведенія этого идеала въ отдѣльныхъ личностяхъ. Идеалъ этотъ у каждаго народа соотвѣтствуетъ его характеру, опредѣляется его общественною жизнью, развивается вмѣстѣ съ его развитіемъ, и выясненіе его составляетъ главнѣйшую задачу каждой народной литературы.

Что такое вся исторія народа, если не процессъ сознанія той, идеи, которая скрывается въ его народности, и выраженіе ея въ историческихъ дѣяніяхъ? Но это сознаніе совершается въ единичныхъ человѣческихъ самосознаніяхъ и, создаваясь изъ атомовъ, дѣлается непреоборимою исторической силою. Чѣмъ сильнѣе въ человѣкѣ народность, тѣмъ легче ему въ самомъ себѣ разсмотрѣть ея требованія, и что относится къ великимъ народнымъ писателямъ и дѣятелямъ, которые подвигаютъ періодами народное самосознаніе, то можетъ быть приложено и къ каждому члену общества. Для того же, чтобы понять великаго человѣка или сочувствовать народному писателю, необходимо носить въ самомъ себѣ зародышъ народности.

Общественное воспитаніе, которое укрѣпляетъ и развиваетъ въ человѣкѣ народность, развивая въ то же время его умъ и его самосознаніе, могущественно содѣйствуетъ къ развитію народнаго самосознанія вообще; оно вноситъ свѣтъ сознанія въ тайники народнаго характера и оказываетъ сильное и благодѣтельное вліяніе на развитіе общества, его языка, его литературы, его законовъ, словомъ, на всю его исторію.

2.

Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи.

Еслибы люди открыли философскій камень, то бѣда была-бы еще не велика: золото перестало-бы быть монетою. Но еслибы они нашли сказочный мѣшокъ, изъ котораго выскакивалъ все чего душа пожелаетъ, или изобрѣли машину, вполнѣ замѣняющую всякій трудъ человѣка, словомъ, разомъ достигли тѣхъ результатовъ, которыхъ добиваются техники и политико-экономы,

то самое развитіе человѣчества остановилось-бы: разврать и дикость завладѣли-бы обществомъ, самое общество распалось-бы и не одна политическая экономія (къ чему-бы она служила тогда?) была бы вычеркнута изъ списка человѣческихъ знаній; съ уничтоженіемъ необходимости личнаго труда сама исторія должна прекратиться.

Переходя отъ государствъ къ отдѣльнымъ сословіямъ, слѣдя за возникновеніемъ и паденіемъ ихъ, мы видимъ то-же самое: какъ только необходимость труда—будетъ-ли то наука, торговля, государственная служба, военная или гражданская—покидаетъ какое-нибудь сословіе, такъ оно и начинаетъ быстро терять силу, нравственность, а, наконецъ, и самое вліяніе, начинаетъ быстро вырождаться и уступаетъ свое мѣсто другому, въ среду котораго переходитъ вмѣстѣ съ трудомъ и энергія, и нравственность, и счастіе.

Примѣры частной жизни представляютъ намъ то-же самое: кто жилъ и наблюдалъ достаточно, чтобы имѣть возможность припомнить нѣсколько благосостояній, созданныхъ и разрушенныхъ на его памяти, тотъ, вѣроятно, не разъ задумывался надъ однимъ страннымъ, періодически-повторяющимся явленіемъ. Отецъ, человѣкъ, проложившій самъ себѣ дорогу, трудится, бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы избавить своихъ дѣтей отъ необходимости трудиться и, наконецъ, оставляетъ имъ обезпеченное состояніе. Что же приноситъ это состояніе дѣтямъ? Оно весьма часто не только бываетъ причиною безнравственности въ дѣтяхъ, не только губитъ ихъ умственныя способности и физическія силы, но даже дѣлаетъ ихъ положительно несчастными; такъ-что если сравнить счастіе отца, тяжкимъ упорнымъ трудомъ наживнаго состояніе, и дѣтей, проживающихъ его безъ всякаго труда, то мы увидимъ, что отецъ былъ несравненно счастливѣе дѣтей. А между тѣмъ бѣдякъ трудился цѣлую жизнь, чтобы дѣтямъ его не нужно было трудиться,—бился цѣлую жизнь, чтобъ разрушить ихъ нравственность, сократить ихъ существованіе и сдѣлать для нихъ счастіе невозможнымъ! О дѣльномъ воспитаніи онъ не заботился: къ чему оно?—были-бы деньги! Пусть-де воспитывается тотъ, у кого ихъ нѣтъ. И не подумалъ онъ, что трудъ, а за нимъ и счастіе сами сыщутъ бѣдняка, а богачъ долженъ еще умѣть отыскать ихъ.

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что трудъ, исходя

отъ человѣка на природу, дѣйствуетъ обратно на человѣка не однимъ удовлетвореніемъ его потребностей и расширеніемъ ихъ круга, но собственно своею, внутреннею, ему одному присущею силою, независимо отъ тѣхъ матеріальныхъ цѣнностей, которыя онъ доставляетъ. Матеріальные плоды трудовъ доставляютъ человѣческое достояніе; но только внутренняя, духовная, животворная сила труда служитъ источникомъ человѣческаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственности и счастія. Это животворное вліяніе имѣетъ только личный трудъ на того, кто трудится. Матеріальные плоды трудовъ можно отнять, наслѣдовать, купить, но внутренней, духовной, животворящей силы труда нельзя ни отнять, ни наслѣдовать, ни купить за все золото Калифорніи: она остается у того, кто трудится. Недостатокъ-то этой незримой цѣнности, производимой трудомъ, а не недостатокъ бархата, шелка, хлѣба, машинъ, вина погубилъ Римъ, Испанію, губитъ Южные Штаты, вырождаетъ сословія, уничтожаетъ роды и лишаетъ нравственности и счастія многія тысячи людей.

Трудъ истинный и непремѣнно свободный, потому что другого труда нѣтъ и быть не можетъ, имѣетъ такое значеніе для жизни человѣка, что безъ него она теряетъ всю свою цѣну и все свое достоинство. Онъ составляетъ необходимое условіе не только для развитія человѣка, но даже и для поддержки въ немъ той степени достоинства, которой онъ уже достигъ. Безъ личнаго труда человѣкъ не можетъ итти впередъ, не можетъ оставаться на одномъ мѣстѣ, но долженъ итти назадъ. Тѣло, сердце и умъ человѣка требуютъ труда, и это требованіе такъ настоятельно, что если, почему-бы то ни было, у человѣка не окажется своего личнаго труда въ жизни, тогда онъ теряетъ настоящую дорогу и передъ нимъ открываются двѣ другія, обѣ одинаково гибельныя: дорога неутолимаго недовольства жизнью, мрачной апатіи и бездонной скуки или дорога добровольнаго, незамѣтнаго самоуничтоженія, по которой человѣкъ быстро спускается до дѣтскихъ прихотей или скотскихъ наслажденій. На той и на другой дорогѣ смерть овладѣваетъ человѣкомъ за-живо, потому, что трудъ—личный, свободный трудъ—и есть жизнь.

Самое воспитаніе, если оно желаетъ счастья человѣку, должно воспитывать его не для счастья, а приготовлять къ труду жизни. Чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ образованіе его должно быть выше,

потому что тѣмъ труднѣе для него отыскать трудъ, который самъ напрашивается къ бѣдняку, таща за спиною счастье въ нищенской котомкѣ. Воспитаніе должно развить въ человѣкѣ привычку и любовь къ труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя трудъ въ жизни.

Къ вопросу о народныхъ школахъ.

3.

Нѣтъ сомнѣнія, что «Положеніе 19-го февраля» есть тотъ фундаментъ, на которомъ должно, мало по малу, построиться зданіе совершенно новаго быта для всего нашего сельскаго населенія. Нѣтъ также надобности доказывать и той истины, что въ такой земледѣльческой странѣ, какъ Россія, сельское населеніе является главною, существенною частью всего государства, и что государственное благосостояніе преимущественно покоится у насъ на благосостояніи сельскаго класса, до котораго пока еще мало касалось преобразованіе Петра Великаго, дѣйствовавшее только преимущественно въ верхнихъ слояхъ общества. Теперь и этотъ классъ вступаетъ также на путь улучшеній и преобразованій и, безъ сомнѣнія, только тогда, когда и сельское населеніе наше подвинется впередъ, мы будемъ въ правѣ сказать, что вся Россія двинулась по пути цивилизаціи. Таково неизмѣримо важное, государственное, общее для всей Россіи значеніе «Положенія 19-го февраля», которое снимаетъ окончательно главнѣйшую преграду, стоявшую на пути нашей цивилизаціи. Не трудно видѣть, что съ разрушеніемъ крѣпостныхъ отношеній дѣлаются возможными многія улучшенія въ нашей общественной жизни, которыя прежде были невозможными.

Въ основу же всякихъ прочныхъ улучшеній въ народномъ бытѣ въ основу всякаго движенія впередъ цивилизаціи сельскаго населенія должна необходимо, неизбѣжно лечь *народная школа*, которая бы, внося въ наши села и деревни здравое первоначальное воспитаніе, открыла зрѣніе и слухъ, душу и сердце народа урокамъ великихъ наставниковъ человѣчества: природы, жизни, науки и христіанской религіи. Устройство народныхъ школъ въ селахъ и деревняхъ вотъ, по нашему мнѣнію, необходимѣйшее дополненіе къ «Положе-

нію 19-го февраля» и та первая ступень, возможность которой условливается этимъ положеніемъ и которая, въ свою очередь, является необходимымъ условіемъ всѣхъ дѣйствительныхъ, внутреннихъ, а не наружныхъ только, улучшеній въ нашемъ сельскомъ быту. Послѣ «Положенія 19 февраля разрѣшившаго самый крупный узелъ, задерживавшій русскій народъ на пути развитія, вопросъ объ учрежденіи народныхъ школъ въ селахъ и деревняхъ является самымъ государственнымъ вопросомъ.

Для того, чтобы устраивать школы, необходимы два условія: во-первыхъ необходимо, чтобы въ самомъ народѣ пробудилась потребность учиться и, во-вторыхъ, необходимы средства удовлетворить этой пробудившейся потребности.

Пробудилась ли въ нашемъ народѣ потребность учиться? Какъ ни плохо развитъ нашъ крестьянинъ но, повѣрьте, что и онъ легко пойметь, что для того, чтобы быть хорошимъ волостнымъ или сельскимъ старшиною, исправлять какую-нибудь общественную должность, чтобы быть полезнымъ членомъ сельской общины, чтобы вести дѣло съ помѣщикомъ, съ казною, съ администраціею, чтобы понять всѣ тѣ отношенія, въ которыя вступаетъ въ настоящее время крестьянинъ и сумѣть найтись въ этихъ отношеніяхъ ученіе необходимо.

Повѣрьте, что «Положеніе 19-го февраля» побудитъ и тѣхъ крестьянъ, которые до сихъ поръ по невѣжеству отвергали пользу школы, побудитъ отдавать свой послѣдній грошъ для того, чтобы, по крайней мѣрѣ, дѣти ихъ современемъ могли воспользоваться вполнѣ выгодами новаго положенія.

Такимъ образомъ, пробудившуюся потребность въ обученіи дѣтей въ нашемъ сельскомъ населеніи мы имѣемъ право принять за фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Потребность же школы въ народѣ главное основаніе ея возможности. Теперь взглянемъ: есть ли у насъ средства удовлетворить этой потребности. Есть ли у народа деньги, чтобы имѣть школы? Что касается до финансовой стороны школьнаго вопроса, то устройство хорошихъ народныхъ школъ есть самая выгодная, самая прочная и основная финансовая операція. Потому что хорошая народная школа открываетъ самые источники народнаго богатства, извлекая, подобно Моисееву жезлу, живую воду изъ безчувственнаго камня. Она увеличиваетъ умственный и нравственный капиталъ народа, именно тотъ капиталъ, который приноситъ болѣе всего даже денежныхъ процентовъ, и безъ котораго всѣ прочіе

капиталы остаются мертвыми. Если нашъ народъ гораздо бѣднѣе того, чѣмъ бы онъ могъ быть, если небольшіе излишки его употребляются часто совершенно непроизводительно; если земля наша не даетъ и десятой доли доходовъ, которые могла бы давать, то это, конечно, зависитъ отъ мелкихъ причинъ, но болѣе всего и главнѣе всего отъ необразованности народа. А сколько народъ переплатитъ ежегодно денегъ, заработанныхъ тяжелымъ трудомъ, котораго не облегчило просвѣщеніе, переплатитъ единственно за свое невѣжество? Да, невѣжество народа обходится ему такъ дорого, что, безъ сомнѣнія, одной годовой, непроизводительной платы за невѣжество достаточно, чтобы устроить порядочныя школы по всей Россіи и содержать ихъ двадцать лѣтъ.

4.

Дѣтскіе сады.

Дѣтскіе сады хотя и появились въ различныхъ мѣстахъ Германіи и Швейцаріи, но до сихъ поръ еще явленіе новое, которое, какъ и всякое новое явленіе, вызываетъ два крайнія противоположныя мнѣнія, а истина, какъ и всегда, лежитъ по серединѣ. Сторонники дѣтскихъ садовъ видятъ въ нихъ начало совершеннаго переворота въ педагогикѣ и считаютъ Фребеля отцомъ будущаго и единственнаго правильнаго искусства воспитанія; они ожидаютъ отъ дѣтскихъ садовъ ни больше ни меньше, какъ пересозданія человѣческаго рода. Противники дѣтскихъ садовъ, наоборотъ, видятъ въ нихъ учрежденіе не только безполезное, но чрезвычайно вредное, врывающееся насильно въ свободную жизнь ребенка, систематизирующее и механизирующее эту жизнь, а потому подавляющее развитіе дѣтской природы. Ребенокъ не играетъ и не мечтаетъ, какъ ему хочется, а ведется по узкой, искусственно придуманной системѣ, и развитіе его потому идетъ гораздо хуже, чѣмъ развитіе ребенка, совершенно предоставленнаго самому себѣ. Не будучи предубѣжденнымъ противникомъ или защитникомъ дѣтскихъ садовъ, я осматривалъ ихъ съ цѣлью самому узнать правду и пришелъ къ тому убѣжденію, что идея дѣтскихъ садовъ, какъ и всякая новая педагогическая идея, слишкомъ раздута, что ей придано слишкомъ много важности, что на нее взвалено слишкомъ много

ожиданій; но что въ ней есть зерно правды, которое, съ теченіемъ времени, очистившись отъ своей шелухи, ляжетъ въ общую сокровищницу педагогическихъ пріобрѣтеній человѣчества. Несомнѣнная заслуга Фребеля состоитъ въ томъ, что онъ первый обратилъ вниманіе на развитіе дѣтей младшаго возраста, на ихъ характеръ, стремленія, наклонности и взглянулъ на дѣтскую жизнь, какъ на жизнь относительно полную и законнымъ потребностямъ которой должны удовлетворить взрослые.

5.

Родное слово.

Люди долго пользовались богатствами родного слова, прежде чѣмъ обратили вниманіе на сложность и глубину его организма и оцѣнили его значеніе въ своей духовной жизни. Да оцѣнили ли и теперь вполнѣ? Если судить по ходячимъ общественнымъ мнѣніямъ, по принятымъ въ педагогической практикѣ пріемамъ, по устройству учебной части въ различныхъ заведеніяхъ—то нельзя не сознаться, что до такой оцѣнки очень и очень далеко... А между тѣмъ языкъ, который даритъ намъ народъ, одинъ уже можетъ показать намъ, какъ безконечно ниже стоитъ всякая личность, какъ бы она образована и развита ни была, какъ бы ни была она богато одарена отъ природы,—передъ великимъ народнымъ организмомъ... Не нужно еще быть большимъ филологомъ, а достаточно сколько-нибудь вдуматься въ свое родное слово, чтобы убѣдиться, что языкъ народа есть цѣльное органическое его созданіе, выростающее во всѣхъ своихъ народныхъ особенностяхъ изъ какого-то одного, таинственнаго, гдѣ-то въ глубинѣ народнаго духа запрятаннаго зерна. Языкъ народа—лучшій, никогда не увядающій и вѣчно вновь распускающійся цвѣтъ всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами исторіи. Въ языкѣ одухотворяется весь народъ и вся его родина; въ немъ претворяется творческою силою народнаго духа въ мысль, въ картину и звукъ небо отчизны, ея воздухъ, ея физическія явленія, ея климатъ, ея поля, горы и долины, ея лѣса и рѣки, ея бури и грозы,—весь тотъ глубокій полный мысли

и чувства голосъ родной природы, который говоритъ такъ громко въ любви человѣка къ его иногда суровой родинѣ, который высказывается такъ ясно въ родной пѣснѣ, въ родныхъ напѣвахъ, въ устахъ народныхъ поэтовъ. Но въ свѣтлыхъ, прозрачныхъ глубинахъ народнаго языка отражается не одна природа родной страны, но и вся исторія духовной жизни народа. Поколѣнія народа проходятъ одно за другимъ, но результаты жизни каждаго поколѣнія остаются въ языкѣ—въ наслѣдіе потомкамъ. Въ сокровищницу роднаго слова складываетъ одно поколѣніе за другимъ плоды глубокихъ сердечныхъ движеній, плоды историческихъ событій, вѣрованія, воззрѣнія, слѣды прожитаго горя и прожитой радости,—словомъ весь слѣдъ своей духовной жизни народъ бережно сохраняетъ въ народномъ словѣ. Языкъ есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившія, живущія и будущія поколѣнія народа въ одно великое, историческое, живое цѣлое. Онъ не только выражаетъ собою жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезаетъ народный языкъ — народа нѣтъ болѣе. Пока живъ языкъ народный въ устахъ народа, до тѣхъ поръ живъ и народъ. И нѣтъ наслія болѣе невыносимаго, какъ то, которое желаетъ отнять у народа наслѣдство, созданное безчисленными поколѣніями его отжившихъ предковъ. Отнимите у народа все—и онъ все можетъ воротить; но отнимите языкъ, и онъ никогда болѣе уже не создастъ его; новую родину даже можетъ создать народъ, но языка—никогда! вымеръ языкъ въ устахъ народа—вымеръ и народъ. Но если человѣческая душа содрагается передъ убійствомъ одного недолговѣчнаго человѣка, то что-же должна бы чувствовать она, посягая на жизнь многовѣковой исторической личности народа этого величайшаго изъ всѣхъ созданій Божіихъ на землѣ?

Являясь, такимъ образомъ, полнѣйшею и вѣрнѣйшею лѣтописью всей духовной, многовѣковой жизни народа, языкъ въ то же время является величайшимъ народнымъ наставникомъ, учившимъ народъ тогда, когда не было еще ни книгъ, ни школъ, и продолжающимъ учить его до конца народной исторіи. Усвоивая родной языкъ, легко и безъ труда, каждое новое поколѣніе усвоиваетъ въ то же время плоды мысли и чувства тысячи предшествовавшихъ ему поколѣній, давно уже истлѣвшихъ въ родной землѣ или жившихъ, можетъ быть, не на берегахъ Рейна и Днѣпра, а

гдѣ-нибудь у подошвы Гималая. Все что видали, все что испытали, все что перечувствовали и передумали эти безчисленныя поколѣнія предковъ, передается легко и безъ труда ребенку, только что открывающему глаза на міръ Божій, и дитя, выучившись родному языку, вступаетъ уже въ жизнь съ необъятными силами. Не условнымъ звукамъ только учится ребенокъ, изучая родной языкъ, но пьетъ духовную жизнь и силу изъ родимой груди роднаго слова. Оно объяснитъ ему природу, какъ не могъ бы объяснить ее ни одинъ естествоиспытатель; оно знакомитъ его съ характеромъ окружающихъ его людей, съ обществомъ, среди котораго онъ живетъ, съ его исторіей и его стремленіями, какъ не могъ бы познакомить ни одинъ историкъ; оно вводитъ его въ народныя вѣрованія, въ народную поэзію, какъ не могъ бы ввести ни одинъ эстетикъ; оно, наконецъ, даетъ такія логическія понятія и философскія воззрѣнія, которыхъ, конечно, не могъ бы сообщить ребенку ни одинъ философъ.

Ребенокъ, развитіе котораго не было извращено насильственно, по большей части въ пять или шесть лѣтъ, говоритъ уже очень бойко и правильно на своемъ родномъ языкѣ. Но подумайте сколько нужно знаній, чувствъ, мыслей, логики и даже философіи, чтобы говорить такъ на какомъ-нибудь языкѣ, какъ говоритъ неглупое дитя лѣтъ шести или семи на своемъ родномъ? Тѣ очень ошибаются, кто думаетъ, что въ этомъ усвоеніи ребенкомъ роднаго языка дѣйствуетъ только память: никакой памяти не достало бы для того, чтобы затвердить не только всѣ слова какого-нибудь языка, но даже всѣ возможныя сочетанія этихъ словъ и всѣ ихъ видоизмѣненія;—нѣтъ, если бы изучали языкъ одною памятью, то никогда бы вполнѣ не изучили ни одного языка. Языкъ, созданный народомъ, развиваетъ въ духѣ ребенка способность, которая создастъ въ человѣкѣ слово и которая отличаетъ человѣка отъ животнаго: развиваетъ духъ... Но этотъ удивительный педагогъ—родной языкъ—не только учитъ многому, но и учитъ удивительно легко по какому-то недосягаемо облегчающему методу... Усвоивая родной языкъ, ребенокъ усвоиваетъ не одни только слова, ихъ сложенія и видоизмѣненія, но безконечное множество понятій, воззрѣній на предметы, множество мыслей, чувствъ, художественныхъ образовъ, логику и философію языка,—и усвоиваетъ легко и скоро, въ два-три года, столько, что и половины

того не можетъ усвоить въ двадцать лѣтъ прилежнаго и методическаго ученія. Таковъ этотъ великій народный педагогъ—родное слово. [1]).

XXIII.

С. С. Гогоцкій.

Гогоцкій Сильвестръ Сильвестровичъ, философъ и педагогъ гегелевскаго направленія (1813—1889 гг.), сынъ протоіерея. Окончивъ курсъ Кіевской Академіи, онъ въ ней же сталъ преподавать польскій, а затѣмъ и нѣмецкій языкъ, а съ 1841 г. философію. Задумавъ перейти въ университетъ, Гогоцкій долженъ былъ держать экзаменъ на кандидата и магистра. Когда эти препятствія были устранены, неожиданно возникли новыя: философія была упразднена въ университетѣ. Тогда Гогоцкій принялъ на себя чтеніе педагогики и только уставъ 1863 г. позволилъ ему вернуться къ философіи, не разставаясь, однако, и съ педагогикой. Кромѣ университета Гогоцкій преподавалъ и на кіевскихъ высшихъ женскихъ курсахъ, бывшихъ нѣкоторое время въ его завѣдываніи. Изъ многочисленныхъ трудовъ его по философіи главные: «Критическій взглядъ на философію Канта» (1847 г.), «Философскій лексикопъ» (т. I—V) «Образованіе системы философіи Гегеля» (1860 г.) «Философскій словарь» (1876 г.). По педагогикѣ Гогоцкій написалъ между прочимъ: «Объ историческомъ развитіи воспитанія и образованія въ древнія и новыя времена» (1874 г.) «Краткое образованіе педагогики» (изъ лекцій въ университетѣ Св. Владиміра и на высшихъ женскихъ курсахъ) вып. I—II изд. 1879 г. 1882 г.—Вліяніе Гегеля на Гогоцкаго несомнѣнно. По Гогоцкому, задача новаго времени выработать разумный просторъ личности, развить внутреннюю жизнь въ гармоніи съ внѣшнею. Какъ высшему проявленію сознательной жизни, философіи свойственно развитіе, которымъ и объясняются разнообразныя ея измѣненія. Педагогика систематически разсматриваетъ средства и способы, содѣйствующіе возможно лучшему развитію всѣхъ силъ человѣка и приготовляющіе его къ самодѣятельности и самообразованію (см. Энцикл. Лексик. изд. Брокгауза и Ефрона т. IX, ст. 26) «Въ дѣлѣ не только воспитанія, но и обученія, говоритъ Гогоцкій, должно дорожить сохраненіемъ началъ, требуемыхъ нравственною или внутреннею природою человѣка; потому что только подобными началами можно вносить примиряющее единство и гармонію и въ науку, и въ жизнь».

[1]) Всѣ приведенные отрывки изъ статей К. Д. Ушинскаго взяты изъ его Собранія педагогическихъ сочиненій т. I, 1875 г. и т. II, 1909.

1.

Значеніе педагогики.

Возможность педагогики или науки воспитательнаго образованія основывается на возможности развитія и совершенствованія человѣческой природы усиліями его разума и воли. Если естествознаніе признаетъ, что и геологическими процессами вырабатывались лучшіе типы животныхъ и растеній и приготовились условія для существованія человѣка, то тѣмъ болѣе имѣемъ основаніе полагать, что подобное совершенствованіе должно продолжаться и въ жизни человѣчества; а наука воспитательнаго образованія представляетъ средства къ тому, какъ первое, приготовительное звено этого цѣлостнаго образованія и совершенствованія человѣка. Если съ одной стороны, и видно, что силы, данныя человѣку отъ природы, оказываютъ своеобразное вліяніе на сознательное и свободное употребленіе ихъ; то, съ другой стороны, нельзя сомнѣваться и въ томъ, что правильнымъ вліяніемъ сознанія и нравственной воли можно значительно вліять на улучшеніе самихъ этихъ силъ, не только въ каждомъ человѣкѣ порознь, но и въ цѣлой генераціи народа.

Значеніе педагогики во первыхъ научное. Нельзя отрицать, что по матеріалу, заимствуемому изъ нѣкоторыхъ частей естествознанія, изъ психологіи, изъ правоучительной философіи и изъ другихъ отраслей образованія, наука воспитательнаго образованія имѣетъ зависимый и собирательный характеръ. Въ этомъ отношеніи, она отчасти сходна съ географіею.

Тѣмъ не менѣе, эта наука не лишена научнаго и особенно образовательнаго значенія; потому что въ ней систематически сосредоточивается разсмотрѣніе всѣхъ средствъ того образованія, которое служитъ исходнымъ началомъ для образованія и самообразованія каждаго человѣка въ жизни.

Кромѣ того, приспособляя всю систему образовательныхъ средствъ къ возможно-лучшему развитію всѣхъ силъ воспитываемыхъ субъектовъ, эта наука знакомитъ вмѣстѣ съ составомъ и развитіемъ этихъ силъ, свойственныхъ человѣку, т.-е., именно ведетъ человѣка къ самопознанію и самообразованію.

2.

Нравственное воспитательное образованіе.

Внутреннее чувство, каково-бы оно ни было, содержитъ въ своихъ, то пріятныхъ, то непріятныхъ видоизмѣненіяхъ, только отзвукъ на какое-бы то ни было содержаніе, имъ перципируемое, на которое оно и отвѣчаетъ, какъ на сродное ему или несродное. Но это-то именно высшее содержаніе, дающее тонъ внутреннему чувству, и правящее имъ, зависитъ уже отъ нравственной природы человѣка. Оно зависитъ не отъ того, что мы имѣемъ такія-то представленія, понятія, познанія, но что наша душевная жизнь или нашъ сознающій себя субъектъ постоянно имѣетъ позывъ къ совершенствованію своего непосредственнаго, чувственнаго состоянія, къ преобразованію его въ другое, лучшее, болѣе соотвѣтствующее его человѣческому самосознанію. А этотъ позывъ и есть позывъ нравственный или поэтическій. Далѣе, если мы пріобрѣтаемъ познанія и примѣняемъ ихъ къ разнымъ улучшеніямъ культурнаго быта, то и эти познанія и ихъ примѣненія возможны, единственно потому, что человѣку свойственна поэтическая природа, а не наоборотъ, не въ накопленіи новыхъ представленій корень стремленій нашей внутренней жизни къ совершенству. Потому-то прямымъ и основнымъ средствомъ не только для сохраненія чистоты чувства и сообщенія ему высшаго содержанія, но и для правильнаго и плодотворнаго умственнаго развитія служитъ нравственное образованіе, нравственный складъ жизни. Только съ подобнымъ нравственнымъ развитіемъ нашей душевной жизни, какъ заключительнымъ и центральнымъ, ясно обрисовывается въ ней то основное побужденіе, которое было уже и скрыто дѣйствовало съ первымъ проблескомъ и познательныхъ проявленій—побужденіе къ самодѣятельности, какъ нравственной и поэтической; потому что другой самодѣятельности и быть не можетъ.

Задача нравственнаго воспитательнаго образованія, въ самыхъ общихъ его чертахъ, отчасти понятна уже и изъ задачи цѣлаго состава воспитательнаго образованія. Нравственное воспитательное образованіе должно способствовать развитію въ воспитываемыхъ нравственнаго или согласнаго съ нравственнымъ закономъ настроенія способности къ нравственному самообразованію въ жизни. Зна-

чить, въ воспитываемыхъ, какъ и вообще въ каждомъ человѣкѣ, есть возможность быть и нравственнымъ, и безнравственнымъ. Но если при возможности подобный альтернативы, задачу нравственнаго воспитательнаго образованія составляетъ содѣйствіе развитію въ нихъ нравственнаго настроенія, а затѣмъ способности и готовности къ дальнѣйшему нравственному самообразованію, то естественно, что нравственныя совершенства не даются вдругъ, какъ готовыя, но что имъ свойственна какая-то постепенность развитія, и что только подъ условіемъ возможности этого развитія можетъ существовать и воспитательное содѣйствіе ему. Естественно, далѣе, что для точнѣйшаго понятія о задачѣ нравственнаго воспитательнаго образованія, необходимо сперва выяснить, въ чемъ-же состоитъ развитіе, свойственное нашей нравственной жизни и что такое эта нравственная жизнь, какъ неразрывная съ развитіемъ? Только съ отвѣтомъ на эти вопросы, точнѣе опредѣлится задача нравственнаго воспитанія, общее основаніе ея возможности и степень ея исполнимости.

Что мы разумѣемъ подъ нравственною жизнію?

Подъ нравственною жизнію мы, обыкновенно, разумѣемъ соотвѣтствіе во всѣхъ дѣлахъ и поступкахъ человѣка нравственному закону и долгу, или соотвѣтствіе требованіямъ правды и любви къ ближнимъ въ собственныхъ стремленіяхъ къ благу и счастію. Въ познавательной дѣятельности душевная жизнь, перерабатывая свои перцепціи въ представленія, понятія и идеи, познаетъ и усваиваетъ себѣ законы доступнаго ей міра; въ чувствованіяхъ ей свойственно испытывать видоизмѣненія въ своихъ настроеніяхъ, по виду и образу своихъ-же представленій и своей дѣятельности. Между тѣмъ, въ дѣятельности нравственной или практической ей свойственно направленіе центробѣжное: экспансивною силою воли, она выражаетъ себя въ дѣйствіяхъ, направляя ихъ къ такому преобразованію какъ своего собственнаго, непосредственно-даннаго состоянія, такъ и своего отношенія къ сообществу съ другими, которое соотвѣтствовало бы ея значенію и законамъ ея нравственной природы.

Для твердаго хода высшаго нравственнаго образованія и самообразованія, нужны, кромѣ средствъ, облегчающихъ и питающихъ наше внутреннее развитіе, и другія, внутреннія средства, зависящія уже болѣе отъ насъ самихъ. Какія это средства?

Подобныя высшія средства нравственнаго образованія и самообразованія могутъ быть теоретическія и практическія. Къ теорети-

ческимъ средствамъ относится чтеніе образцовыхъ литературныхъ произведеній. Но центромъ тяжести, фокусомъ, къ которому должны быть направлены всѣ лучи подобнаго чтенія, это—пріобрѣтеніе и сохраненіе основательныхъ понятій о нравственной или поэтической природѣ человѣка, которыя въ тѣснѣйшей и неразрывной связи и съ высшимъ религіознымъ міросозерцаніемъ. Въ настоящее время — какой-то особенной формаціи іезуитства, колеблющаго самыя незыблемыя поэтическія начала и освящающаго всякія средства ради цѣли, и притомъ нерѣдко созидаемой полупомѣшаннымъ воображеніемъ, это требуетъ особеннаго вниманія со стороны каждаго, кто серьезно вдумывается въ смыслъ нравственнаго воспитательнаго образованія и въ предстоящее ему, въ далекомъ туманѣ, море жизни. Въ этомъ теоретическомъ средствѣ нравственнаго образованія и самообразованія заключается самая пища и его содержаніе.

Но это поэтическое содержаніе нашей внутренней жизни для свѣта, заваленнаго всякимъ мусоромъ пошлостей, лежитъ гораздо глубже и недосягаемѣе, нежели для простого, неиспорченнаго и вѣрующаго сердца. Поэтому, для добытія его необходимо и средство формальное, это развитіе въ себѣ способности и расположенія къ нерѣдическому размышленію и самоуглубленію. Въ наше время,—время преобладанія нерѣдко самыхъ прихотливыхъ страстей и произволовъ, зрѣлое размышленіе и критическое отношеніе къ своему внутреннему состоянію существенно необходимо, если только мы серьезно цѣнимъ всю важность высшаго нравственнаго образованія и самообразованія.

Не менѣе важное условіе практическое. Въ чемъ оно состоитъ? Вдумаемся въ цѣль высшаго нравственнаго образованія, и мы поймемъ самое средство или условіе для достиженія цѣли.

До сихъ поръ, разсматривая средства высшаго нравственнаго образованія, мы постоянно вращались еще какъ-бы въ окружности нашей душевной жизни; потому что всѣ эти средства были только предметомъ нашего перципированія, представленія, размышленія. Пользуясь ими, наша мысль можетъ еще и не выходить изъ своей практической неопредѣленности и общей возможности въ соотвѣтственный имъ, опредѣленный рядъ актовъ; а между тѣмъ высшее нравственное образованіе и самообразованіе въ томъ именно и состоитъ, чтобы нравственное содержаніе, составляющее только предметъ, предстоящій созерцанію мысли, силою самаго хотѣнія и со-

отвѣтственнаго ему акта сообщило дѣйствительную опредѣленность нашей внутренней жизни въ ея проявленіяхъ; словомъ, чтобы это высшее, общее содержаніе постепенно переходило въ самую практическую жизнь нашу и въ опредѣленный рядъ дѣяній.

Первымъ средствомъ и первымъ шагомъ, приближающимъ наше внутреннее развитіе къ вершинѣ нашего нравственнаго образованія, бываетъ вообще сосредоточеніе всѣхъ лучей нашего образованія на одной опредѣленной отрасли труда, тѣмъ лучше, если избираемый нами трудъ предполагается и для дѣятельности за предѣлами воспитательнаго образованія. Подобное сосредоточеніе внутреннихъ силъ на одномъ предметѣ имѣетъ очень важное значеніе даже нравственное, именно потому, что, съ одной стороны, постепенно пріучаетъ къ непрерывной нити опредѣленнаго, производительнаго труда, съ другой — наполовину уже избавляетъ отъ туманныхъ нареній воображенія, губящихъ внутреннія силы и всегда безплодныхъ по своему результату. Функція постояннаго, опредѣленнаго труда, какъ восходящая заря, разгоняетъ туманъ хаотическихъ стремленій, сообщаетъ опредѣленный тонъ жизни, и воля даетъ уже себѣ въ немъ опредѣленный, положительный образъ. Наконецъ, постоянный, опредѣленный трудъ, уже потому, что онъ опредѣленный, что въ немъ душевная жизнь, съ ея, вначалѣ, еще не установившимся общимъ побужденіемъ къ дѣятельности, находитъ для себя непрерывный опредѣленный выходъ въ дѣятельное проявленіе, сообщаетъ всему ея составу гармоническій складъ, дѣлающій возможнымъ и равное нравственное теченіе и преуспѣяніе.

Наконецъ, самая опредѣленность направленія, сообщаемая своимъ силамъ, показываетъ, что главнымъ первымъ и послѣднимъ условіемъ высшаго нравственнаго образованія должна быть собственная воля каждаго, съ ея самодвижнымъ центромъ. Это потому, что высшее нравственное образованіе и не можетъ быть высшимъ, если оно не бываетъ въ то же время самообразованіемъ, а нравственное самообразованіе невозможно безъ нѣкотораго импульса со стороны собственной доброй воли и собственной самозаботливости. Употребленіе ея въ дѣло необходимо предполагается и прирожденнымъ намъ побужденіемъ къ дѣятельности,—которая для собственнаго же достоинства, не можетъ быть неопредѣленною и хаотическою,—и прирожденнымъ намъ сознаніемъ человѣческой личности и личной самодѣятельности, наконецъ, и неразрывнымъ съ нею долгомъ само-

заботливости. Упрочивается же ея опредѣленный активный характеръ непрерывною нитью опредѣленнаго труда, т.-е. непрерывнаго выхода общей суммы нашихъ душевныхъ силъ въ непрерывно-продолжающіеся акты. Въ этомъ случаѣ, ея дѣятельная функція сама себѣ дастъ и созидаетъ ту крѣпость навыка, которая на низшей степени нравственнаго воспитательнаго образованія обыкновенно сообщается воспитываемымъ извнѣ. Возможность ошибокъ и недостатковъ еще не отнимаетъ у дѣятельной воли ея нравственнаго характера: такъ какъ она не исключаетъ внутренней борьбы съ нечистыми стимулами заносчивыхъ увлеченій, а между тѣмъ намъ и доступенъ не законченный идеалъ нравственнаго совершенства, но процессъ самообразованія, неразрывный съ подвигами внутренней борьбы [1]).

XXIV.

Баронъ Н. А. Корфъ.

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ родился въ Харьковѣ 2-го іюля 1834 г. Отецъ его былъ остзейскій баронъ, а мать малороссійская помѣщица. Дѣтство Н. А. не было согрѣто семейнымъ очагомъ, такъ какъ онъ рано (на 2-мъ году) лишился матери, а отца, имѣя 13 лѣтъ отъ роду. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ семьѣ Д. Д. Градовскаго, который самъ занимался воспитаніемъ дѣтей и былъ душою семейной школы. Можетъ быть здѣсь у Корфа и зародился впервые идеалъ школы и притомъ школы сельской. Затѣмъ отецъ отдалъ его въ учебное заведеніе Креммера въ г. Верро, Лифляндской губ., гдѣ онъ основательно изучилъ нѣмецкій языкъ, а затѣмъ въ Петербургъ, въ пансіонъ прекраснаго педагога А. Я. Филиппова. Отсюда же Корфъ поступилъ въ Александровскій Лицей, гдѣ слушалъ Я. К. Грота и Шульгина. Лицей далъ Корфу законченное научное и юридическое образованіе и поселилъ въ немъ любовь къ наукѣ. По окончаніи курса въ лицеѣ, Корфъ по настоянію своихъ родныхъ, поступилъ въ Департаментъ Министерства Юстиціи. Но чрезъ полтара года оставилъ службу и поселился въ своемъ родномъ имѣніи. селѣ Нескучномъ, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. Съ открытіемъ земства Александровскій уѣздъ избираетъ его

---

[1]) См. С. Гогоцкій. Краткое обозрѣніе педагогики. Кіевъ. В. I, 1882 г., в. II, 1882 г.

гласнымъ, секретаремъ засѣданій и членомъ ревизіонной комиссіи. а съ 1867 г. Корфъ поступаетъ въ качествѣ члена училищнаго совѣта дѣятелемъ по народному образованію. За пять лѣтъ (съ 1867 по 1872 г.) онъ организуетъ школы цѣлаго уѣзда, привлекаетъ многихъ къ участію въ школьномъ дѣлѣ и, за недостаткомъ въ то время учительскихъ семинарій, самъ приготовляетъ учителей и учительницъ, обративъ свой домъ какъ бы въ постоянную учительскую семинарію. Въ это же время онъ самъ объѣзжаетъ школы своего участка, ревизуетъ ихъ, даетъ примѣрные уроки, составляетъ громадные отчеты. полные педагогическаго интереса, вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ и издаетъ учебники, провѣряя ихъ на практикѣ. Такъ онъ написалъ: «Руководство къ обученію грамотѣ», «Нашъ другъ», «Малютку». «Руководство къ наглядному обученію» Гарднера (переводъ съ нѣмецкаго) и наконецъ «Русскую Начальную Школу», (1-е изд. февр. 1870 г., 2-е изд. іюль 1870 г., 3-е изд. августъ 1871 г., 4-е изд. октябрь 1872 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ Корфъ находилъ еще возможность вести громадную переписку съ различными земскими школами и отдѣльными лицами, которыя искали у него совѣта и указаній по школьному дѣлу. Недовольствуясь этимъ, онъ лично посѣщалъ лучшія въ то время школы въ Россіи, подробно изучалъ ихъ и описывалъ въ своихъ педагогическихъ статьяхъ, изданныхъ впослѣдствіи отдѣльно подъ заглавіемъ «Наше школьное дѣло» 1873 г.

Съ 1872 г. по 1880 г. Корфъ вмѣстѣ съ своей семьей переселяется въ Женеву, гдѣ занимается разработкой педагогическихъ вопросовъ и изученіемъ школьнаго дѣла въ Западной Европѣ.

Съ 1880 г. по 1883 г. Корфъ, возвратившись въ Россію, провѣряетъ на югѣ результаты народной школы и трудится надъ разрѣшеніемъ вопросовъ о школьномъ законодательствѣ. объ обязательномъ обученіи, объ участіи земства въ народномъ образованіи.

13 ноября 1883 г. онъ скончался [1]).

1.

Что нужно для того, чтобы состоялась толковая школа въ селѣ?

Что можетъ быть проще отвѣта на этотъ вопросъ? Для того, чтобы устроилась школа въ селѣ. необходимо, чтобы сельское населеніе желало школы, чтобы крестьяне чувствовали «стремленіе къ

---

[1]) См. подр. у Д. Д. Семенова въ книжкѣ: Русскіе педагогическіе дѣятели. М. 1887 г.

просвѣщенію». Настолько простымъ покажется дѣло всякому, кто не дастъ себѣ труда вникнуть въ него поближе; такъ у насъ и разсуждаютъ въ большинствѣ случаевъ, совершенно выпуская изъ виду то, что масса никогда и нигдѣ не дѣйствовала безъ руководителей. Если въ земскихъ собраніяхъ, различныхъ частныхъ обществахъ, иностранныхъ представительныхъ собраніяхъ мы видимъ, что большинство просвѣщенныхъ выборныхъ подчиняются коноводамъ, то въ правѣ ли мы ожидать отъ нашего сельскаго населенія того, чтобы оно, предоставленное самому себѣ, безъ руководителей принялось за устройство школъ? Только въ рѣдкихъ случаяхъ найдется такой руководитель въ средѣ самихъ крестьянъ, потому что изъ этой среды вышло еще чрезвычайно мало образованныхъ людей, которые настолько сами сроднились бы съ просвѣщеніемъ, чтобы сдѣлаться его проводниками въ массу, а потребность знанія принадлежитъ къ числу такихъ потребностей, которыя чувствуются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ большимъ знаніемъ человѣкъ обладаетъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что для осуществленія школы для крестьянскихъ дѣтей необходимо прежде всего, чтобы крестьяне нашли себѣ руководителей въ средѣ высшихъ сословій, обученныхъ на счетъ государства, главными плательщиками котораго являются крестьяне. Есть въ странѣ школы — честь и слава образованнымъ слоямъ общества; нѣтъ школъ для массы—позоръ тѣмъ гражданамъ, которые считаютъ себя просвѣщенными и не сообразили еще того, что самое просвѣщеніе ихъ обратится имъ во вредъ, если они останутся разобщенными съ невѣжественнымъ народомъ вмѣсто того, чтобы школами по возможности приблизить къ себѣ народъ и слиться съ нимъ въ одну земскую силу. Сказанное будетъ для многихъ избитою истиною, но видно, не для всѣхъ, такъ какъ школъ въ Россіи почти нѣтъ. «Мы рады дѣйствовать», скажутъ нѣкоторые, «но народъ не слушаетъ насъ; онъ противъ школъ, онъ школы не желаетъ, а насильно милъ не будешь». Такъ говорятъ обыкновенно люди, которые или не пробовали дѣйствовать, или сунулись въ воду, не узнавши броду, т. е. не ознакомившись съ тѣмъ народомъ, о школахъ котораго они хлопотали, люди, которые довольствуются поверхностными наблюденіями или спѣшатъ приходить къ выводамъ, не имѣя въ запасѣ достаточнаго числа фактовъ. Узнаетъ, напримѣръ, ревнитель просвѣщенія, что сельское общество приглашаетъ школьнымъ учителемъ отставнаго повара, извѣстнаго въ околоткѣ за пьяницу: «варварство», воскли-

часть онъ, «народъ противъ школы, не желаетъ ей пользы». Оказывается, однако, если хладнокровно посмотрѣть на дѣло, что этотъ поваръ отлично читаетъ въ церкви во время богослуженія и изрядно поетъ съ дьячкомъ и что поэтому его пригласили учителемъ; а то, что онъ пьянъ бываетъ, къ несчастью, не преступленіе въ глазахъ народа. Скажите на милость, не такъ ли поступаютъ у насъ часто такіе родители, которые, не обладая сами знаніемъ иностранныхъ языковъ, приглашаютъ иностранныхъ цирульниковъ. отставныхъ солдатъ и т. п. воспитателями къ своимъ дѣтямъ? Эти родители настолько въ состояніи судить о достоинствахъ приглашеннаго ими иностранца, какъ никогда и ничему не учившіеся крестьяне могутъ судить о томъ, кто насколько годенъ быть учителемъ въ сельской школѣ. Вотъ въ такихъ то случаяхъ и нуженъ просвѣщенный руководитель, къ которому крестьяне питали бы довѣріе; тогда крестьяне не наймутъ учителемъ повара, а пригласятъ того, на кого имъ укажетъ лицо, заслужившее довѣріе ихъ. Другой случай изъ нашей практики: на вопросъ мой въ школѣ стараго закала, который изъ наставниковъ лучше, настоящій ли—мѣстный писарь—или бывшій—мѣстный діаконъ? старшина отвѣчаетъ мнѣ: «Конечно писарь; этотъ лучше отца діакона, потому что писарь работаетъ въ волости, только черезъ сѣни отъ школы, а мальчики и не опомнятся, какъ онъ вскочитъ въ школу; отецъ діаконъ то живетъ черезъ площадь, а ребята въ школѣ и поставятъ караульнаго—высматривать, когда отецъ діаконъ въ школу пойдетъ»... Что же? «Равнодушіе къ дѣлу, холодность къ школѣ», станемъ мы кричать. Нѣтъ, мы просто скажемъ: «невѣжество».

Точно такъ же не станемъ мы упрекать въ холодности къ школѣ того отца, который, въ отвѣтъ на настоятельныя просьбы учителя не брать сына изъ школы въ учебное время на одну недѣлю домой для работы, предложилъ, вмѣсто ученика, брата его, никогда и ничему не учившагося. Не назову я также врагомъ учителя того сельскаго общества, которое не пожелало строить учительской квартиры подъ одною крышею съ помѣщеніемъ школы, предполагая, что при такой обстановкѣ учитель будетъ безвыходно сидѣть у себя дома и вбѣгать въ школу только въ томъ случаѣ, если замѣтитъ, что къ школѣ подходитъ кто-либо изъ лицъ наблюдающихъ. Всѣ перечисленные случаи, нами не вымышленные, на нашъ взглядъ, не доказывая холодности народа къ училищному дѣлу и учителю,

прямо подтверждаютъ сказанное нами о необходимости въ руководителяхъ для народа и необходимости, для руководителей, узнать тотъ народъ, на который имъ предстоитъ вліять. Лицу, дѣйствующему на пользу просвѣщенія массы, приходится ежечасно наталкиваться на невѣжественное ея отношеніе къ дѣлу; но не правъ будетъ тотъ, который это вполнѣ естественное невѣжество приметъ за вражду противъ школы и опуститъ руки. Въ настоящее время не подмѣтите вы въ большинствѣ крестьянъ ни вражды къ школѣ, ни стремленія къ ней; вы встрѣтите отдѣльныя личности, горячо преданныя дѣлу, сговорчивое меньшинство, и совершенно апатичное, безучастное къ дѣлу большинство. Мнѣ случилось однажды говорить на сельскомъ сходѣ, созванномъ мировымъ посредникомъ для того, чтобы предложить крестьянамъ открытіе школы; вмѣсто того, чтобы сказать рѣчь о пользѣ просвѣщенія, я счелъ болѣе выгоднымъ для дѣла стать въ этомъ вопросѣ на точку зрѣнія большинства. «Слыхали ли вы, братцы», сказалъ я, «будто бы полезно школу имѣть въ селѣ, будто школа нужна?»—«Слыхали: кое-кто говорилъ», отвѣчали мнѣ. «Что же вы думаете, правду ли говорятъ эти люди?» «Кто же ихъ знаетъ; можетъ быть и правду». «По-моему, не штука», продолжалъ я, «на одинъ годъ испытать. будетъ ли изъ школы толкъ? Если вы черезъ годъ увидите, что толкъ будетъ, что дѣти научатся дѣлу, то сами не бросите школы; а я вамъ обѣщаю, что первый же вамъ скажу, если вы издержите свои деньги на школу безъ толку, и тогда школу закроемъ» (у меня былъ въ виду толковый учитель, когда я держалъ такую рѣчь, а самъ я предполагалъ быть попечителемъ этой школы). «Ладно испытаемъ, попробуемъ на одинъ годъ», послышалось со всѣхъ сторонъ. Школа открыта тогда же, и тѣ же крестьяне, которые, повидимому, такъ равнодушно относилась къ участи дѣтей своихъ, такъ мало желали школы, такъ вяло брались за дѣло, на слѣдующій же годъ выстроили на собственный счетъ прекрасное училищное зданіе на 60 учениковъ; открыта школа съ 18 учениками, а на третій годъ ихъ было 62, и этимъ школа обязана успѣху обученія. Безспорно, впрочемъ, и то, что не будь содѣйствія лицъ образованныхъ къ увеличенію числа учащихся и пожертвованія сельскимъ обществомъ денегъ на сооруженіе новой школы, число учениковъ возросло бы въ меньшей степени, и новая постройка состоялась бы позже или менѣе удобною для дѣла.

Бываетъ и то, что лица, стоящія во главѣ дѣла, отношеніе сель-

скихъ урядниковъ къ школѣ принимаютъ за взглядъ самого сельскаго общества на дѣло; это крайне ошибочно, и тутъ нужна тѣмъ большая осмотрительность, что пріѣзжій гораздо чаще сталкивается въ селѣ, при посѣщеніи школы, со старостою и старшиною, нежели съ крестьянами, отцами учащихся. Что можно было бы подумать о расположеніи крестьянъ къ школѣ, если бы испытать то, что совершалось на нашихъ глазахъ: старшина оставляетъ школу не топленною на три дня во время сильнѣйшихъ морозовъ, другой старшина не находитъ одного гвоздя для того, чтобы починить поломавшуюся школьную скамью, и всѣ ученики сидятъ на полу, лишенные возможности писать; третій старшина оставляетъ школу безъ мѣла и безъ чернилъ, вопреки ежедневнымъ напоминаніямъ учителя; находится, наконецъ, и такой старшина, который отказывается прорубить дверь изъ топящейся классной комнаты, въ нетопящуюся, потому что опасается того, что «и во-вторую набьется учешковъ», а тогда и ее придется отапливать, вмѣсто того, чтобы продать на лишній рубль общественнаго топлива; можно бы и руки опустить, еслибы только такіе старшины и старосты были дѣйствительными представителями избравшихъ ихъ сельскихъ обществъ; на дѣлѣ оно не такъ. Сельскій урядникъ, съ минуты избранія, перестаетъ зависѣть отъ избирателей, и поступаетъ въ вѣдомство полиціи; какъ чиновникъ, онъ считаетъ школу внѣ своего вѣдомства, и потому относится къ ней крайне небрежно, даже враждебно, считая ее лишнею обузой. Обычай подносить водку сельскому начальнику, при всякомъ удобномъ случаѣ, развращаетъ большинство этихъ лицъ, и безъ того считающихъ себя, на службѣ, несчастными жертвами, призванными отвѣчать за все и за всѣхъ, разоряя при томъ собственное хозяйство, отъ котораго отвлекаетъ ихъ служба. Совокупностію названныхъ причинъ объясняется холодность сельскихъ урядниковъ къ школѣ, въ большинствѣ случаевъ и то, почему по нимъ нельзя составить себѣ понятіе о томъ, какъ думаетъ о школѣ народъ.

2.

Міровѣдѣніе.

Самое, названіе «міровѣдѣніе» показываетъ, что этимъ именемъ называется тотъ учебный предметъ, который совмѣщаетъ въ себѣ необходимѣйшія свѣдѣнія о Божьемъ мірѣ, о природѣ, главнѣйшія

знанія изъ естественныхъ наукъ. Ученикъ народной школы, которому преподается міровѣдѣніе, получаетъ понятіе о земномъ шарѣ и нѣкоторыхъ небесныхъ свѣтилахъ, о различныхъ растеніяхъ, минералахъ и животныхъ, земной шаръ населяющихъ, о теплѣ и холодѣ, воздухѣ, водѣ и различныхъ атмосферическихъ явленіяхъ; ученикъ этотъ знакомится съ людьми, населяющими земной шаръ и главнѣйшими населенными мѣстностями своей родины и другихъ государствъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что міровѣдѣніе совмѣщаетъ въ себѣ свѣдѣнія изъ отечественной исторіи, физики, химіи и географіи, такъ какъ народная школа не можетъ найти времени на преподаваніе каждаго изъ этихъ предметовъ особо. Но полезно ли знакомить учениковъ народной школы съ естественными науками?

Если отнестись къ этому вопросу просто, безъ всякихъ предвзятыхъ убѣжденій, то трудно не отвѣчать на него утвердительно. Отрицать пользу естествознанія для сельскаго населенія и для всякаго человѣка вообще значило доказывать, что полезно, чтобы народъ думалъ, что земля на китѣ стоитъ, что громъ происходитъ отъ стука колесницы; это значило бы доказывать, что полезно питать въ народѣ предразсудки и суевѣріе, что полезно то, чтобы крестьянинъ относился совершенно безсознательно ко всѣмъ животнымъ, растеніямъ и явленіямъ природы, съ которыми онъ ежечасно встрѣчается; это значило бы, наконецъ, отвергать, что только естествознаніе можетъ улучшить хозяйство крестьянина, т.-е. научить его извлечь наибольшій доходъ при наименьшей затратѣ труда и капитала. Въ наше время никто не рѣшится разсуждать такимъ образомъ; но нерѣдко говорятъ еще, что преподаваніе естественныхъ наукъ въ народной школѣ, рядомъ съ пользою, приноситъ тотъ вредъ, что колеблетъ благочестіе народа, подкапывается подъ религію. Какое странное извращеніе понятій!

Въ народной школѣ, естествознаніе имѣетъ, какъ и всякій учебный предметъ двоякое значеніе: оно сообщаетъ извѣстныя свѣдѣнія, пользы которыхъ никто не отвергаетъ, и въ то же время оно благотворно по вліянію на учащагося. Если учитель заставитъ ученика полюбить природу, то этимъ самымъ броситъ онъ въ душу его неугасимую искру любви къ Творцу ея; если учитель научитъ ученика любить животныхъ, то насколько смягчаются этимъ самымъ нравы ученика въ отношеніи его къ людямъ, его окружающимъ! Если учитель, знакомя дѣтей съ природою, пріучитъ ихъ относиться сознательно ко всему окружающему, то какую силу воспитаетъ этотъ

учитель для своей родины, надѣливъ ее такими гражданами! А привычка наблюдать, всматриваться, отъ частнаго восходить къ общему, основывать свои заключенія только на совокупности явленій и только на точныхъ данныхъ,—не составляетъ ли все это обильнаго источника богатства и развитія, благоденствія и мощи отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго народа? Не изъ этихъ ли началъ вытекли всѣ открытія и изобрѣтенія нашего времени?..

3.

Чтеніе сознательное и выразительное.

Обучая въ народной школѣ чтенію, учитель прежде всего долженъ стремиться къ его сознательности.

Въ сельской школѣ учитель до такой степени стѣсненъ временемъ, что, если онъ станетъ много бесѣдовать, есть опасность, что некогда будетъ читать, а потому безсознательному чтенію очень легко водвориться въ школѣ, если только учитель не будетъ добиваться чтенія сознательнаго.

Такое чтеніе можно считать достигнутымъ только тогда, когда ученики будутъ въ состояніи дать отчетъ о прочитанныхъ ими немногихъ строкахъ совершенно доступныхъ ихъ пониманію, но совершенно незнакомаго имъ содержанія. Если же школа не доведетъ своихъ питомцевъ до *сознательнаго* чтенія, то лучше сдѣластъ она, если не лишитъ бѣдныхъ отцовъ рабочей силы дѣтей ихъ, для того, чтобы безцѣльно запереть дѣтей на мѣсяца и годы въ школьное зданіе. Сознательное чтеніе достигается съ трудомъ, но какъ ни велики трудности, превозмочь ихъ можно. Если учитель будетъ слѣдовать моимъ указаніямъ при обученіи грамотѣ, то онъ отъ легчайшаго будетъ переходить къ труднѣйшему, постепенно воспитывая въ своихъ ученикахъ вниманіе, ученики будутъ разсказывать сказку, или разсказанную, или прочитанную учителемъ, и, благодаря руководящимъ вопросамъ учителя, будутъ вникать въ читаемое.

Только при условіи, чтобы ученики читали сознательно, возможно столь необходимое обученіе языку посредствомъ чтенія. Дѣти, въ особенности крестьянскіе, поступая въ школу, обладаютъ чрезвы-

чайно ничтожнымъ запасомъ словъ, количество которыхъ соотвѣтствуетъ ихъ крайне ограниченному развитію. Чтеніе должно развить въ ученикѣ новыя понятія, расширить его кругозоръ и научить его тѣмъ словамъ, при помощи которыхъ эти понятія могутъ быть выражены, кромѣ того чтеніе должно сдѣлать доступнымъ для учениковъ книжный языкъ, во многомъ отличающійся отъ разговорнаго. При этомъ учитель, какъ всегда отъ легчайшаго переходитъ къ труднѣйшему; начиная съ ознакомленія дѣтей съ новыми предметами и словами, онъ оканчиваетъ ознакомленіемъ ихъ съ новыми оборотами рѣчи; обогащая учениковъ новыми сужденіями, учитель обогащаетъ ихъ и неизвѣстными имъ формами сужденія, т. е. новыми предложеніями, и такимъ образомъ соединяетъ упражненія въ сознательности чтенія съ изученіемъ языка книгъ для чтенія; статьи которой, по степени доступности языка, должны быть расположены въ надлежащей постепенности.

Наконецъ, чтеніе должно вести къ обогащенію дѣтей разносторонними знаніями, заимствованными учениками изъ книгъ для чтенія; это возможно только при сознательности чтенія. Въ виду особенной важности сознательности чтенія и достигаемыхъ ею послѣдствій, учитель долженъ добиваться сознательности чтенія сколь возможно раньше.

Не менѣе важна и выразительность чтенія. Читая вслухъ, мы можемъ дать понять и почувствовать другимъ только то, что понято и прочувствовано нами самими: чѣмъ лучше чтецъ усвоитъ себѣ содержаніе прочитаннаго, во время чтенія, тѣмъ выразительнѣе будетъ онъ читать. Всякій изъ насъ испыталъ, какъ пріятно слушать того чтеца, который читаетъ такъ, будто-бы и въ книгу не смотритъ, а просто разсказываетъ, т. е. читаетъ выразительно, такъ, какъ будто говоритъ. Наша школа должна образовать для народа такихъ чтецовъ, которыхъ народъ слушалъ бы съ удовольствіемъ, которые выразительностью чтенія привлекали бы къ себѣ народъ, пробуждали бы въ неграмотной массѣ охоту послушать чтеца, вмѣсто того, чтобы въ праздничный день итти въ кабакъ. Счастлива школа, если она обладаетъ такимъ учителемъ, который въ силахъ прочесть классу цѣлую статью выразительно, чтобы любо было дѣтямъ его слушать!

XXV.

В. И. Водовозовъ.

Василій Ивановичъ Водовозовъ родился 27-го сентября 1827 г. Отецъ его, бывшій купецъ 1-й гильдіи, разорился и потому дѣтство Водовозова прошло въ крайней бѣдности. 1835 г. онъ былъ опредѣленъ пансіонеромъ въ коммерческое училище, по окончаніи курса котораго готовился для поступленія въ университетъ, и въ 1845 г. выдержалъ экзаменъ и поступилъ на историко-филологическій факультетъ Петроградскаго университета. Въ 1847 г. онъ окончилъ курсъ и былъ посланъ учителемъ въ Варшаву. Здѣсь онъ кромѣ обычныхъ занятій учителя, много переводилъ съ греческаго, англійскаго и итальянскаго. Въ 1851 г. былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ 1-ю Петр. гимназію. О его преподаваніи г. Семевскій писалъ, что кромѣ В. Я. Стоюнина нельзя было назвать другого преподавателя этого предмета, пользовавшагося такою же почетною извѣстностью, какъ Водовозовъ. Въ свободное время Водовозовъ занимался классиками и переводилъ стихотворенія. На каникулахъ онъ обыкновенно путешествовалъ.

Въ 1856 г. по приглашенію редактора Журн. Мин. Народнаго Просвѣщенія, А. В. Никитенко Водовозовъ принялъ сотрудничество въ журналѣ и съ тѣхъ поръ началъ печатать статьи не только здѣсь, но и въ «Современникѣ», «Библіотекѣ для чтенія», «Отечественныхъ запискахъ», «Учителѣ», «Народной школѣ» и др. Съ 1857 г. онъ нѣсколько разъ ѣздилъ за границу, гдѣ старательно изучалъ положеніе школьнаго дѣла, плодомъ его занятій были многія статьи.

Въ 1860 г. Ушинскій, будучи инспекторомъ классовъ Смольнаго института, пригласилъ Водовозова учителемъ русской словесности, однако Водовозовъ недолго здѣсь прослужилъ и послѣ выхода въ отставку Ушинскаго въ 1862 г., вышелъ изъ института. Въ 1866 г. онъ совсѣмъ пересталъ служить и отдался литературѣ. Въ 1872 г. Водовозовъ руководилъ педагогическими курсами для сельскихъ учителей въ Костромѣ, въ 1873 г. Александровскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, и въ 1874 г. въ г. Оренбургѣ.

Онъ издалъ «Новую русскую литературу» (отъ Жуковскаго до Гоголя включительно) въ 1866 г. и «Словесность въ образцахъ и разборахъ» (1868 г.). Въ своихъ литературныхъ работахъ Водовозовъ опредѣлялъ цѣнность художественнаго произведенія главнымъ образомъ по его нравственному смыслу и художественному значенію.

Въ 1871 г. издалъ «Книгу для первоначальнаго чтенія» (годъ I-й) вмѣстѣ съ «Книгой для учителей», вызвавшую самые сочув-

ственные отзывы спеціалистовъ-педагоговъ и увѣнчанную педагог. общ. преміей имени К. Д. Ушинскаго. Книга эта въ теченіе двадцати лѣтъ разошлась въ 700 т. экземпляровъ. Въ своей книгѣ Водовозовъ далъ строго обдуманный сводъ элементарныхъ свѣдѣній изъ области естествовѣдѣнія, исторіи и географіи. Черезъ 8 лѣтъ онъ издалъ II часть ея.

Затѣмъ Водовозовъ написалъ: «Разсказы изъ русской исторіи» (вып. 1 и 2, 1861—1864 г.), «Русская азбука для дѣтей» (1873) г.) «Предметы обученія въ народной школѣ. Методика обученія грамотѣ, ариѳметикѣ и другимъ предметамъ» (1873 г.) «Русскія сказки въ стихахъ» (1882 г.), «Очерки изъ русской исторіи XVIII в.» (1882 г.). 17-го мая 1886 г. Водовозовъ скончался.

Идеалъ народнаго учителя.

Идеалъ! Опять вы намъ предлагаете какіе-то идеалы, вѣроятно, по нѣмецкой мѣркѣ и постараетесь соединить въ одномъ лицѣ разныя пріятныя совершенства, усладительныя для фантазіи, примѣнимыя въ жизни развѣ только въ томъ случаѣ, когда нужно фальшивой позолотой прикрыть пустоту содержанія, блеснуть умомъ, не ходя за свѣдѣніями далѣе наканунѣ прочитанной книжки. Нѣтъ! давайте намъ факты и факты! а строить системы, къ несчастью, у насъ и такъ развелось слишкомъ много охотниковъ, получающихъ за это и приличное содержаніе. Да и какихъ идеаловъ отыскивать у насъ въ учителѣ народной школы! дай Богъ, чтобъ онъ зналъ, какъ слѣдуетъ грамотѣ, да умѣлъ обучать ей; да еще могъ жить безобидно, имѣя свой кусокъ хлѣба: и такой идеалъ намъ покамѣстъ представляется слишкомъ смѣлою мечтою! Такъ говоритъ мнѣ читатель съ современнымъ, практическимъ направленіемъ, который и самое слово: «идеалъ» считаетъ неприличнымъ въ русской рѣчи. Но я желалъ бы, чтобъ читатель съ практическимъ направленіемъ сдѣлалъ мнѣ нѣкоторую уступку въ настоящемъ случаѣ: я все-таки имѣю въ виду факты и хочу по нимъ создать свою идею. Мнѣ кажется, что такимъ образомъ выработанный идеалъ необходимъ для жизни, онъ какъ съ точки, поставленной на возвышенномъ мѣстѣ, указываетъ всѣ расходящіеся пути до ихъ видимаго предѣла. Не слѣдуетъ точки этой ставить слишкомъ высоко, чтобъ не обозрѣть одну пустую даль, но и погрузившись въ разработку однихъ мелкихъ фактовъ, мы

уподобимся рудокопу, который выноситъ изъ темной глубины камни, вовсе не думая о геологическомъ составѣ горы. Такой идеалъ, по отношенію къ человѣку, который носитъ его въ душѣ, составляетъ источникъ дѣятельнаго жару и нравственной силы и не разрушается, а крѣпнетъ въ борьбѣ съ жизнью. Конечно, и домъ не строится въ одинъ день, или строится очень плохо; но, предпринимая улучшенія въ самыхъ тѣсныхъ размѣрахъ, все-же надо позаботиться, чтобы они имѣли извѣстную полноту, чтобъ они касались разныхъ сторонъ жизни, тѣсно связанныхъ между собою; иначе выйдетъ всѣмъ отлично знакомый «Гришкинъ кафтанъ». Положимъ, что значительно увеличатъ матеріальныя средства сельскихъ преподавателей; но будутъ ли и послѣ этого многіе изъ нихъ лучше прежняго исполнять свое дѣло? И наоборотъ: дѣльный преподаватель, при настоящемъ своемъ жалкомъ положеніи, всегда будетъ думать только о томъ, какъ бы избавиться отъ своей незавидной должности. Школа, при условіяхъ жизни, неблагопріятныхъ для образованія, останется блѣднымъ цвѣткомъ на безплодной почвѣ; и тамъ, гдѣ есть потребность въ наукѣ, учитель явится лицомъ одинокимъ, лишнимъ въ кругу общества, если его наука не сойдется съ жизнью. Такъ, куда ни оглянешься, одно улучшеніе необходимо ведетъ за собою другое. Чтобъ успокоить окончательно практическаго читателя въ отношеніи нашего идеала, мы замѣтимъ, что прежде всего для его осуществленія необходимы деньги. У насъ обыкновенно болѣе всего хлопочутъ о программѣ, потомъ о помѣщеніи для школы. Но, конечно, главнѣйшая забота должна состоять въ томъ, чтобы найти хорошаго учителя. Для хорошаго учителя никакой программы не нужно: онъ всегда будетъ знать, чему можно и чему должно учить. Займется ли онъ съ дѣтьми лѣтомъ въ полѣ, или въ какомъ-нибудь сараѣ, зимою въ курной избѣ — это не измѣнитъ сущности его науки, хотя просторное зимнее помѣщеніе очень необходимо для дѣтскаго здоровья. Впрочемъ, мы увѣрены, что при тѣхъ качествахъ, какія мы полагаемъ необходимыми для сельскаго учителя, болѣе богатыя общества скоро добровольно примутъ на себя, если не всю, то большую часть платы. А замѣтимъ, что эта плата учителю должна быть значительна: пусть она вполнѣ вознаграждаетъ учителя за тѣ пожертвованія, которыя ему необходимо нести въ борьбѣ съ грубымъ невѣжествомъ. Значительная плата необ-

ходима, чтобы сельскій преподаватель могъ весь посвятить себя своему труду. Пусть въ его постоянномъ завѣдываніи будутъ и тѣ деньги, которыя пойдутъ на улучшеніе разныхъ средствъ школы и на нѣкоторыя практическія науки въ жизни. Выпрашивать денегъ у какихъ-нибудь почетныхъ попечителей всякій разъ, какъ встрѣтится въ нихъ надобность, было бы истинной помѣхой для его занятій. Сельскій преподаватель долженъ представить собою цѣльное лицо. Удовлетворяя въ одно время и умственнымъ и нравственнымъ потребностямъ народа, наука, въ большей части случаевъ, помогаетъ ему имѣть то нравственное вліяніе, безъ котораго всѣ его труды пропадутъ даромъ. Здѣсь обратимъ еще вниманіе на образованіе учителя. Программа его знаній, какъ мы замѣтили, должна быть не столько обширна, сколько разнообразна. При строгомъ выборѣ тѣхъ частей знанія, которыя наиболѣе примѣнимы къ народной школѣ, ему слѣдуетъ изучить свою науку основательно. Ему особенно необходимо развить наблюдательность ума, ясный и толковый взглядъ на природу чрезъ близкое и наглядное знакомство съ ея явленіями. Такимъ образомъ естествовѣдѣніе займетъ видное мѣсто въ кругу его знаній. Кромѣ другихъ предметовъ общаго образованія мы здѣсь обратимъ вниманіе на слѣдующіе предметы: 1) Сельское хозяйство въ его примѣненіи къ русской жизни. 2) Основательное знаніе гигіены, примѣненной, въ особенности, къ условіямъ сельскаго быта. 3) Вмѣстѣ съ общимъ знаніемъ техническихъ производствъ и промысловъ, особенно тѣхъ, которые распространены въ Россіи, практическое знакомство съ производствомъ или промысломъ, господствующимъ въ данной мѣстности для которой назначается учитель. Особенная изобрѣтательность и опытность учителя необходима, чтобы умѣть упрощать всякое объясненіе предмета, наглядно знакомить съ тѣмъ или другимъ закономъ природы и убѣждать, кого можно убѣдить, въ его истинѣ и непреложности. Борьба съ суевѣріями и предразсудками составляетъ одно изъ главныхъ его призваній: тутъ ему придется дѣйствовать не только на своихъ воспитанниковъ, но и на ихъ родителей, отъ которыхъ зависитъ отдача ихъ въ школу. Сельское училище не можетъ имѣть дорогихъ препаратовъ, инструментовъ, машинъ и проч., да и подобныя собранія возбудили бы сильное недовѣріе въ необразованномъ народѣ, показавшись орудіями бѣсовскаго соблазна. Учитель долженъ нахо-

дить средства объяснять физическія явленія съ помощью предметовъ, которые у него подъ рукою... Весною или лѣтомъ онъ заставитъ своихъ учениковъ собирать цвѣты, отыскивать болѣе необходимые и рѣдкіе ихъ экземпляры; онъ воспользуется наклонностью дѣтей ловить разныхъ звѣрьковъ, змѣй, ящерицъ, гусеницъ, доставать птичьи гнѣзда и проч. Нѣтъ такого рѣдкаго произведенія природы, котораго дѣти не сумѣли бы достать иногда искуснѣе опытнаго натуралиста. Они принесутъ въ классъ довольно предметовъ и съ жадностью будутъ слушать объясненія, потому что здѣсь участвуетъ и ихъ собственный трудъ. Вообще, искусство учителя должно состоять въ томъ, чтобы заставить учениковъ, какъ можно болѣе, трудиться и обратить ихъ обыкновенный сельскій трудъ въ пользу науки. Наука должна служить учителю однимъ изъ средствъ къ сближенію съ народомъ. Это сближеніе составляетъ важный вопросъ, на который мы должны обратить вниманіе. Наши народные учителя, или, живя въ непосредственной связи съ народомъ, раздѣляютъ все его невѣжество и предразсудки, или со своею безплодною, ничтожною наукою ставятъ себя выше поселянина и относятся къ нему съ презрѣніемъ. Кто же будетъ учителемъ истинно народнымъ? Образованный ли человѣкъ, окончившій курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, проникнутый сочувствіемъ къ народу? Многимъ покажутся странной выходкой наши слова: неужели какой-нибудь кандидатъ университета, который по меньшей мѣрѣ готовится быть старшимъ учителемъ въ гимназіи, возьмется обучать въ сельской школѣ? Такъ именно смотрятъ у насъ на народное образованіе. Но нѣтъ сомнѣнія, что оно составляетъ самый важный и трудный предметъ, за который взяться съ умѣньемъ доставило бы много чести и кандидату университета. Но, къ сожалѣнію, наше воспитаніе, несмотря на всѣ гуманныя стремленія къ народности, еще очень мало приготовляетъ насъ къ тому, чтобы вмѣстѣ понимать народъ, какъ слѣдуетъ, и умѣть какъ съ нимъ обходиться. Дѣло пошло бы лучше всего, еслибъ удалось образовать учителя изъ народа. Эти учители должны быть воспитаны не въ столицѣ, а по возможности, близко той мѣстности, гдѣ имъ придется дѣйствовать: хотя бы въ одномъ изъ болѣе промышленныхъ селъ губерніи. Можно бы выбрать и нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ учителей народныхъ, еще молодыхъ людей, неиспорченныхъ средою, выросшихъ въ нуждѣ, но не потратившихъ своихъ

лучшихъ дарованій въ темной борьбѣ съ жизнью. Такихъ, конечно, найдется не много.

Вліяніе среды, даже въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ, у насъ дѣйствуетъ губительно на молодыя дарованія, и потому наши ученые педагоги предлагали завести закрытыя учительскія семинаріи, по образцу нѣкоторыхъ нѣмецкихъ. Но долгій опытъ уже достаточно показалъ, какъ у насъ закрытыя заведенія разнаго рода не только не предохраняли отъ общественныхъ пороковъ, но еще усиливали ихъ. Закрытыя учительскія семинаріи, въ дѣлѣ народнаго образованія, у насъ просто немыслимы. Ни гдѣ такъ не важно, какъ у насъ, чисто практическое воспитаніе учителя, такъ какъ ему необходимо усвоить Одиссееву науку: найтись во всякомъ трудномъ обстоятельствѣ жизни. Но Одиссей пріобрѣлъ ее, не сидя въ 4 стѣнахъ, а въ своихъ многотрудныхъ странствіяхъ. Что касается вреднаго вліянія, то искусный воспитатель можетъ его значительно ослабить.

Да, тутъ необходимъ очень искусный воспитатель, и воспитанниками, которые готовятся въ народные учителя, должны быть лучшіе въ нравственномъ отношеніи, самыя даровитыя натуры: вообще на это дѣло стоитъ употребить лучшія силы общества. Если и при такихъ условіяхъ сельскій учитель будетъ имѣть множество недостатковъ, нераздѣльныхъ съ нашею средою жизни, то это всетаки будетъ идеалъ, возможный въ нашемъ обществѣ: о невозможномъ, конечно, и говорить не стоитъ. Итакъ, сельскій учитель воспитывается среди народа. Мы представляемъ его человѣкомъ здоровымъ, физически развитымъ и сильнымъ; въ немъ есть и русская удаль; физическая сила и удаль пользуются большимъ почетомъ въ народѣ. Но эта сила и удаль имѣетъ въ немъ разумное примѣненіе, служа ему къ сближенію съ людьми. Въ свободное отъ занятій время онъ ходитъ по селу, помогаетъ тамъ и сямъ дѣломъ и совѣтомъ. Строятъ ли избу, онъ сумѣетъ и самъ подставить плечо подъ бревно, сумѣетъ кстати указать, что дѣлать. Во время деревенскихъ бѣдствій: половодья, пожара, онъ въ числѣ первыхъ вездѣ окажетъ помощь. Смѣтливо и ловко проберется онъ съ другими удальцами между льдомъ, когда нужно спасти тонущихъ на рѣкѣ путниковъ, не побоится броситься и въ огонь пылающей хаты, вѣрно разсчитавъ, что можно сохранить часть добра бѣдняка или кого нибудь изъ его ближнихъ.

Если это полезно для его авторитета, пусть, пожалуй, о немъ говорятъ, что онъ ходилъ одинъ на медвѣдя, или убилъ волка, который повадился рыскать въ деревню. Пиша это, мы уже чувствуемъ, что наши слова могутъ обратить въ смѣшную сторону представивъ ихъ въ видѣ рецепта для составленія сельскаго учителя; но читатель пойметъ, что мы только хотимъ дать наглядное понятіе о характерѣ изображаемаго нами лица. Въ томъ или другомъ дѣлѣ онъ себя выкажетъ, — все равно: важно только, чтобы по своему физическому и нравственному развитію, онъ способенъ былъ на всякое полезное дѣла. Конечно, онъ тутъ дѣйствуетъ не по какой нибудь заданной программѣ, а по внутреннему побужденію,—просто потому, что иначе и дѣлать не можетъ... Но наше высшее образованіе обыкновенно уничтожаетъ въ насъ всякую рѣшимость, происходящую не столько отъ природнаго характера, сколько отъ хорошо развитой практической смѣтливости. Мы съ вами, если бы и бросились помогать на пожаръ, то, навѣрно, попали бы въ бѣду и насъ самихъ пришлось бы спасать. Глупо безъ пользы подвергать себя опасности, но плохо также, если человѣкъ не приготовленъ на каждомъ шагу ее встрѣтить... Еще болѣе, чѣмъ этою смѣтливостью и физическою силой, сельскій учитель сближается съ народомъ посредствомъ своихъ знаній. Онъ долженъ имѣть свой садъ, огородъ и поле и завести свое образцовое хозяйство, чтобы на дѣлѣ показать выгоды лучшаго способа полевыхъ работъ. Указывая на такой примѣръ, онъ постепенно пріучаетъ и другихъ къ улучшеніямъ разнаго рода. Трудно ему будетъ бороться съ закоренѣлымъ обычаемъ, съ упрямымъ суевѣріемъ стариковъ, но, наставляя своихъ учениковъ, ему поневолѣ придется имѣть дѣло съ отцами. Пусть на первый разъ онъ сумѣетъ выбрать то, что есть лучшаго въ мѣстномъ обычаѣ, пусть хоть нѣсколько лучше научитъ исполнять изстари заведенный порядокъ: и въ трехъ-польномъ земледѣліи онъ дастъ совѣтъ, какъ лучше удобрять землю, какъ беречь поле, какъ сохранять влажность въ сухой почвѣ, или удалять влагу отъ слишкомъ сырой и проч. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жатва мало вознаграждаетъ труды земледѣльца, огородничество еще важнѣе хлѣбопашества: учитель знаетъ лучшіе способы сажать луковицы и сѣмена, обрабатывать гряды, знаетъ, гдѣ какіе овощи выгоднѣе сажать и какъ сохранять ихъ

на зиму. Помогая другимъ на дѣлѣ своимъ практическимъ знаніемъ, онъ дастъ учащимся точное и наглядное понятіе о почвахъ. Онъ можетъ быть полезенъ народу своими совѣтами, какъ сберегать лѣса, какъ предупреждать или тушить лѣсные пожары, какъ выгоднѣе устраивать рыбный промыселъ, разводить скотъ и т. д...

Сельскому учителю несравненно легче имѣть вліяніе на толпу своимъ знаніемъ гигіены, хотя и тутъ придется ему бороться съ знахарями и другими обманщиками. Неужели же сельскій учитель можетъ замѣнить доктора? спроситъ читатель. Конечно нѣтъ; но наука, излагающая, какъ сохранять свое здоровье и лѣчить обыкновенныя болѣзни, гдѣ это возможно, простыми средствами, должна быть вполнѣ ему знакома. Самое слово гигіена, какъ небывалый предметъ въ преподаваніи у насъ, пугаетъ многихъ. Между тѣмъ человѣку предстоитъ такая настойчивая необходимость радѣть самому о своемъ здоровьи, что онъ готовъ вѣрить въ цѣлебность бабьихъ пашептываній, ладонки, повѣшенной на грудь. Итакъ, всякія суевѣрія, обманы, лѣченіе, отъ котораго часто гибнутъ сотни людей, все это терпимо, а того мы не можемъ переварить въ мозгу, чтобы наука, какъ предохранять себя отъ болѣзней и уничтожать ихъ въ первомъ зародышѣ, вошла въ число предметовъ нашего ученья. Отъ недостатка подобнаго знанія особенно страдаютъ сельскіе учителя, и тутъ учителю волею-неволею придется быть совѣтникомъ, если онъ пожелаетъ сблизиться съ народомъ. Его совѣтъ можетъ помочь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужна скорая помощь, каковы, напримѣръ: спасеніе замерзшаго, утопшаго, пораженнаго громомъ, того, кто подвергся угару, обжогу, расшибся при паденіи съ высоты, отравилъ себя какими нибудь ядовитыми веществами: грибами или ягодами, былъ укушенъ бѣшеною собакою, ужаленъ однимъ изъ ядовитыхъ животныхъ и т. д. Подобные случаи очень обыкновенны въ деревенской жизни и тутъ поселянинъ рѣдко прибѣгаетъ къ доктору, за которымъ и помѣщику посылать неудобно. Поэтому сельскому учителю необходимо имѣть составленную имъ самимъ аптеку, въ которую войдутъ такія простыя средства, какъ: разнаго рода масло, горчица, квасцы, уксусъ, мята, магнезія, разныя сушеныя ягоды и травы. Имѣя все это подъ рукою, онъ вступитъ въ самую тѣсную, дружественную связь съ семьею поселянина, научитъ его жену какъ беречь и

лѣчить дѣтей, что уже составляетъ его прямую, педагогическую обязанность. Не менѣе благодѣтельны могутъ быть его наставленія тамъ, гдѣ дѣло касается ухода за животными и ихъ лѣченія. Лошадь и корова составляютъ для поселянина главное его богатство и, лишаясь ихъ, онъ бѣднѣетъ окончательно. Въ случаѣ болѣзни скота также помогаютъ большею частію самыя дешевыя средства, какъ напр., кора нѣкоторыхъ деревьевъ, разные сала, льняное сѣмя, соль и проч. и сельскому учителю нельзя не знать ихъ. Съ этими средствами, на которыя мы сейчасъ указали, сельскій учитель является лицомъ необходимымъ, истиннымъ другомъ поселянина. Онъ наглядно докажетъ, что грамота и наука полезны, что онѣ составляютъ не роскошь или муку, которою отъ безділья томятъ себя господа, а реальное добро. Благороднымъ назначеніемъ употребить всѣ свои знанія на пользу ближняго опредѣляется и нравственный характеръ сельскаго учителя. Главными его качествами мы назвали-бы дружелюбіе и терпѣніе, не пассивное терпѣніе, а спокойную твердость въ достиженіи своей цѣли. Пусть искренняя любовь къ народу будетъ въ немъ воспитана не чтеніемъ сентиментальныхъ книжекъ о народѣ, а постояннымъ видомъ тѣхъ бѣдъ, какія онъ переноситъ, и изъ всѣхъ евангельскихъ разсказовъ, имъ слышанныхъ, пусть онъ запомнитъ болѣе всего то, что Христосъ помогалъ бѣдному народу. Но мы не беремся объяснять вопросовъ, касающихся религіи: наше дѣло только упомянуть о примѣненіи нравственныхъ началъ къ жизни... Мы кончаемъ описаніе нашего идеала, хотя бы могли еще много прибавить для его характеристики: но мы чувствуемъ, что и такъ читатель готовъ воскликнуть, возможно-ли соединить въ одномъ человѣкѣ столько практическихъ знаній и, если возможно, то достанетъ-ли ему времени дѣйствовать въ такомъ обширномъ кругу? Мы, конечно, представили идеалъ, который трудно осуществить вполнѣ; но не надо забывать, что, по нашему предположенію, сельскій учитель дѣйствуетъ не одинъ, а въ союзѣ съ другими лицами, и постепенно можетъ изъ своихъ же учениковъ приготовить себѣ ревностныхъ помощниковъ. Строгое раздѣленіе труда по спеціальностямъ, дѣйствительно, необходимо тамъ, гдѣ наука ушла далеко во всѣхъ ея примѣненіяхъ изъ жизни; но у нашего народа область знанія еще такъ ограничена, что вездѣ придется примѣнять только самые первые элементы науки. Чтобъ устроить, напримѣръ, газовое освѣщеніе, нужны опытные специа-

листы; но когда въ деревняхъ повсемѣстно жгутъ лучину, то хорошо, если кто научитъ и эту лучину сожигать съ большимъ удобствомъ, устраивая, напримѣръ, нѣчто въ родѣ жаровни, а надъ нею длинный мѣшокъ съ отверстіемъ въ потолкѣ, куда уходилъ-бы дымъ. Эта простота нашей сельской жизни и дозволяетъ разумному человѣку быть полезнымъ по всѣмъ частямъ знанія.

У насъ именно необходимы подобные Робинзоны, которыхъ образцомъ служитъ первый нашъ ученый Ломоносовъ... Намъ еще скажутъ, что, совершенствуясь въ практическихъ знаніяхъ, сельскій учитель долженъ будетъ оставить свое главное занятіе, обученіе дѣтей. Конечно, ему не слѣдуетъ отвлекаться отъ этого главнаго дѣла; но мы уже указали, что самый успѣхъ преподаванія зависитъ отъ тѣсной связи съ народомъ. При живой дѣятельности, при искреннемъ желаніи добра, у него и часы въ долгіе зимніе вечера, въ лѣтнее время, въ праздники не пропадутъ безполезно. Во время самыхъ классовъ при искусномъ распредѣленіи занятій, ему ничто не помѣшаетъ порою отлучиться, чтобы подать совѣтъ или помощь; еще лучше онъ сдѣлаетъ, если возьметъ съ собою, или пошлетъ, нѣкоторыхъ изъ смышленыхъ учениковъ, гдѣ это возможно. Посѣщеніе больного или нуждающагося для нихъ будетъ отличнымъ воспитательнымъ примѣромъ и самаго учителя избавитъ отъ необходимости читать скучныя поученія, на которыя такъ много тратятъ времени неискусные педагоги. Въ другихъ случаяхъ онъ можетъ своихъ воспитанниковъ водить на какія нибудь работы. Человѣкъ, который сумѣетъ строго опредѣлить свою дѣятельность, всегда найдетъ средства упрощать всякій трудъ, достигать однимъ и тѣмъ же путемъ разныхъ цѣлей и, не показывая ни въ чемъ излишней суетливости, какъ будто никого не понукдая къ дѣлу, заставлять всѣхъ работать [1]).

---

[1]) См. Русь 1864 г. № 4.

XXV.

В. Я. Стоюнинъ.

Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ родился въ 1826 г. въ купеческой семьѣ. Жизнь непривѣтливо встрѣтила Стоюнина въ самомъ началѣ; отецъ его былъ тяжелаго характера и вдобавокъ еще разорившійся въ ту пору. Стоюнинъ началъ учиться въ анненской школѣ, а затѣмъ его отдали въ 3-ю С.-Петербургскую гимназію. Здѣсь уже онъ проявилъ свои склонности къ литературнымъ занятіямъ; любилъ иногда писать стихи. Самъ Стоюнинъ особенно хорошо отзывался впослѣдствіи о своемъ директорѣ Ѳ. И. Буссе.

Въ 1846 г. Стоюнинъ, по окончаніи гимназическаго курса, поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ, на восточный факультетъ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1850 г. Затѣмъ онъ предпринялъ путешествіе по Россіи. Во время этого путешествія онъ старался ознакомиться съ русской жизнью и дѣйствительностью.

Съ 1852 г. по 1871 г. Стоюнинъ работаетъ въ качествѣ учителя русскаго языка и словесности въ той-же (3-й Спб.) гимназіи, въ которой и самъ получилъ образованіе. Съ этимъ періодомъ его дѣятельности связаны наиболѣе извѣстные его литературно-педагогическіе труды. Въ Исторической запискѣ о 3-й Спб. гимназіи, говорится, что Стоюнинъ обращалъ свои уроки въ занимательныя бесѣды, заставлялъ учениковъ читать другъ другу свои сочиненія, дѣлать ихъ разборъ. Уроки его цѣнились по достоинству и высокопоставленными лицами.

Въ 1855 г. онъ выпустилъ «Высшій курсъ русской грамматики», затѣмъ издалъ книги «О преподаваніи русской литературы», «Руководство для теоретическаго изученія литературы» и «Руководство для историческаго изученія русской литературы». Съ 1871 г. онъ занялъ мѣсто инспектора Московскаго Николаевскаго Сиротскаго Института, и исполненію новыхъ обязанностей предался съ большимъ рвеніемъ. Эту должность онъ оставилъ въ 1874 г. и возвратился въ С.-Петербургъ, гдѣ вскорѣ былъ назначенъ членомъ ученаго комитета М. Н. П. и имѣлъ такимъ образомъ возможность сосредоточить свои силы на литературно-педагогическихъ трудахъ. Въ это время онъ составилъ и издалъ «Русскій синтаксисъ», «Хрестоматію и руководство для теоретическаго изученія литературы», «Русскую хрестоматію для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній» и «Руководство для преподавателей по классной хрестоматіи». Писалъ статьи о кн. Кантемирѣ, Шишковѣ и Пушкинѣ и цѣлый рядъ педагогическихъ статей, первоначально печатавшихся преимущественно въ «Вѣстникѣ

Европы», а затѣмъ послѣ его смерти, въ 1892 г. изданныхъ отдѣльною книгою. При его же дѣятельной поддержкѣ открыла жена его М. Н. Стоюнина женскую гимназію въ Спб., которая начала практиковать новѣйшіе способы обученія и воспитанія. Труды Стоюнина довольно оригинальны, но на педагогическихъ статьяхъ его несомнѣнно отразились увлеченія 60-хъ и 70-хъ годовъ, господствовавшія въ русскомъ обществѣ. Заслуга Стоюнина заключается въ томъ, что онъ проложилъ пути къ преподаванію русской словесности и обращалъ вниманіе на воспитательныя задачи школы. «Школа, говоритъ онъ, должна приготовить духовныя силы юноши для созданія идеала, должна пробудить въ немъ безкорыстную любовь къ истинѣ, добру и прекрасному и стремленіе къ нимъ; но она не можетъ навязывать никакой теоріи для жизни, равно никакой исключительной идеи, которой должна быть посвящена жизнь, какъ это дѣлаютъ школы іезуитскія», что касается обязанностей педагога, то по Стоюнину: «развивать правильныя понятія научными знаніями, какъ основу вѣрныхъ сужденій и въ связи съ ними вызывать любовь къ истинѣ и стремленіе къ ней; пробуждать прекрасныя чувства, любовь и стремленіе ко всему прекрасному, доводить до вѣры въ нравственные идеалы, связанные съ высшими интересами жизни — вотъ идеальныя черты истиннаго педагога».

Въ педагогическихъ сочиненіяхъ В. А. Стоюнина, изд. 1892 г. находятся его статьи: «Наша семья и ея историческія судьбы» (В. Е. 1884 г.), «Развитіе педагогическихъ дней въ Россіи въ XVIII ст.» (Рус. Пед. В. 1857), «Изъ исторіи воспитанія въ Россіи въ началѣ XIX ст.» (Др. и Н. Р. 1878), «Мысли о нашихъ гимназіяхъ» (Вос. 1860 г.), «О частной педагогической предпріимчивости (Совр. 1865), «Замѣтки о русской школѣ» (В. Е. 1870), «Образованіе русской женщины» (Ист. Вѣст. 1883 г.) и др.

Въ изученіи самихъ произведеній словесности видѣлъ Стоюнинъ не только необходимый путь къ усвоенію положеній теоріи и исторіи ея: на немъ основывалъ онъ и все литературное образованіе средней школы. В. Я. Стоюнинъ скончался 4-го ноября 1888 г.

1.

Чего не досказали намъ нѣмецкіе педагоги.

Уже много лѣтъ мы прилежно, кажется, изучаемъ школьное дѣло, ѣздимъ за границу съ спеціальною цѣлью знакомиться со школами германскими, австрійскими, швейцарскими, бельгійскими, французскими, англійскими, шведскими, даже сѣверо-американскими, бесѣдуемъ

съ извѣстными заграничными педагогами, печатаемъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ плоды своихъ наблюденій, издаемъ спеціально-педагогическіе журналы. По этой части въ нашей литературѣ накопилось много сочиненій переводныхъ и оригинальныхъ; между ними найдется нѣсколько даже замѣчательныхъ. И никто не можетъ сказать, что мы не хотимъ пользоваться плодами трудовъ и опытами другихъ народовъ. Мало этого, мы знакомились со всѣми теоріями и исторіями по педагогикѣ, переводили замѣчательныя иностранныя сочиненія, писали собственныя разсужденія по тому же предмету; словомъ, трудились внимательно и старательно, какъ слѣдуетъ европейскому народу, который наконецъ созналъ свою отсталость, прочувствовалъ ея невыгоды и захотѣлъ догнать тѣхъ, кто опередилъ его. И наряду со всѣмъ этимъ численность нашихъ школъ все увеличивается, у насъ возникли новые типы школъ, явилась школа съ именемъ народной. Все бы, кажется, хорошо; а между тѣмъ, оказывается, что мы недовольны своею школою: она какъ будто стоитъ нетвердо, шатка, какъ будто у нея нѣтъ настоящей почвы, какъ будто она не достигаетъ той цѣли, какую указываетъ педагогія, изученная нами по иноземнымъ теоріямъ. Я не разумѣю здѣсь училищъ какого-либо одного вѣдомства, не имѣю въ виду разныхъ ихъ подраздѣленій: низшія, среднія и высшія, свѣтскія и духовныя, мужскія и женскія, общеобразовательныя и спеціальныя, гражданскія и военныя, открытыя и закрытыя, гимназіи всѣхъ сортовъ, лицеи, институты, разнокалиберныя реальныя заведенія и проч. и проч. Я имѣю въ виду вообще нашу школу, т.-е. тѣ воспитательно-образовательныя средства, которыми мы пользуемся для воспитанія и образованія нашихъ дѣтей, чтобы, говоря языкомъ педагогики, приготовить человѣка для дѣйствительной жизни.

Что же за причина, что мы недовольны нашей школой? Разумѣется, изъ этого слова «мы» выключатъ себя нѣкоторыя личности, которыя на все смотрятъ зажмуря глаза и считаютъ всякое выраженіе недовольства за преступное покушеніе на существующій порядокъ. И намъ ли, повидимому, быть недовольными, если ужъ извѣстные нѣмецкіе педагоги одобряли и системы, и планы, и программы, которыя къ стыду нашему, посылались на ихъ просвѣщенный приговоръ и на авторитетъ которыхъ мы такъ покорно полагались? Да, имъ, конечно, было лестно, что чужой народъ нуждается въ ихъ умѣ, не довѣряя своему собственному, хоть, можетъ быть, они и не знали убѣжденія

нѣкоторыхъ нашихъ головъ, что «намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья». Они одобрили наши проекты, но все-ли они высказали, что могли бы высказать, и все-ли взяли въ расчетъ, на что указываетъ ихъ педагогическая теорія, практика и исторія? Имъ, можетъ быть, не пришло и въ голову повторять тѣ истины, которыя для нихъ такъ очевидны и общеизвѣстны. Иначе бы они сказали, что дѣло школы можно разсматривать только въ связи со всѣми условіями жизни того народа, для котораго она предназначается, въ связи съ его природными способностями и наклонностями, въ связи съ его семьею и общественными положеніемъ и требованіями, что живая школа не преобразуется и не создается по чужой исторіи и по чужимъ опытамъ, потому что эти опыты дѣлались въ извѣстной средѣ, въ извѣстной мѣстности и въ извѣстное время, можетъ быть, и очень продолжительное; они дѣлались не изъ подражанія кому-нибудь, а вызывались требованіями времени согласно съ его духомъ. Они объясняются и исторіей, и характеромъ народа. Эти педагоги похвалили бы насъ, что мы изучаемъ ихъ педагогію, но при этомъ прибавили бы, что она годна во всѣхъ своихъ частяхъ для ихъ школы, а для нашей, можетъ быть, и не совсѣмъ пригодится; они намъ рекомендовали бы только выведенное изъ физіологіи и психологіи, да и тутъ должны бы были прибавить, что кромѣ общей психологіи, у каждаго народа есть еще своя психологія, т.-е. извѣстное направленіе духа, созданное всей обстановкой вѣковой жизни народа. Они намъ сказали бы: если вы хотите создать живую школу, то, не пренебрегая той общей наукой, до которой дошли мы, изучите, сколько можете, и свою народную психологію, пользуясь и исторіей, и современнымъ бытомъ народа, и сравненіемъ его съ другими народами. Мы не думаемъ, прибавили бы они, что русскій народъ похожъ на нѣмецкій, что его исторія имѣетъ что-нибудь общее съ нѣмецкою; не думаемъ, что и сколки или слѣпки съ нѣмецкихъ школъ не окажутся мертвыми въ жизни русскаго народа. Если бы они дали намъ такой совѣтъ, то дѣйствительно научили бы насъ уму-разуму и заставили бы внимательнѣе подумать, какимъ образомъ создать школу живую, способную развиваться въ связи съ психическими и общественными требованіями. Тогда, конечно, намъ стыдно было бы думать, что для школы довольно опредѣленной программы, высиженной въ кабинетѣ, довольно инструкцій, и школа будетъ жить, развиваться и приготовлять къ какой угодно дѣятельности.

Эти же самые ученые и опытные педагоги могли бы сказать и много чего другого, если бы только догадались, что собственные наши школьные опыты прежняго времени не пошли намъ впрокъ. Они могли сказать, что они не подпускаютъ распоряжаться своими школами такихъ людей, которыхъ слѣдуетъ держать за нѣсколько верстъ отъ каждой школы, иначе горе школѣ, горе и обществу, гдѣ окажутся училища съ такими распорядителями. У насъ, сказали бы они, школьные опекуны—люди хорошо образованные, понимающіе святость школьнаго дѣла, съ чистыми помыслами объ общенародной пользѣ, но ужъ никакъ не люди съ юнкерскимъ образованіемъ; такіе у насъ не получаютъ почетныхъ должностей при школѣ потому только, что некуда больше дѣвать неспособнаго и никуда негоднаго человѣка.

Отъ нихъ же мы услышали бы еще и такой совѣтъ: берегитесь къ педагогическимъ цѣлямъ школы примѣшивать еще какія-нибудь политическія намѣренія и идейки и къ нимъ приспособлять ваши школьныя программы и нравственность; развратомъ и гибелью будутъ они для школы, и не вкусите вы сладкихъ плодовъ отъ нея.

Не забыли бы они прибавить и другой совѣтъ: если вы хорошо вглядывались въ устройство нашихъ учебныхъ заведеній, то должны были замѣтить, что во главѣ каждаго изъ нихъ стоитъ у насъ свой человѣкъ, а не иноземецъ, у котораго не можетъ быть нравственной связи ни съ нашими дѣтьми, ни съ семьями, ни съ обществомъ. Если вы хотите подражать намъ, то обратите вниманіе и на это обстоятельство. Мы хлопочемъ о томъ, чтобы наша школа могла назваться національною: въ этомъ должна заключаться ея жизнь. Совѣтуемъ и вамъ похлопотать о томъ же всѣми силами.

Но такихъ совѣтовъ и указаній въ дѣйствительности мы не слыхали, да и сами до нихъ не хотѣли додуматься. И вотъ у насъ разныя канцеляріи принялись за устройство школы, перекраивая старыя программы на новый ладъ и воображая, что въ этомъ то и состоитъ вся суть. И явилось у насъ много типовъ школы, но вкушаемъ ли мы отъ нихъ сладкіе плоды?

Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли назвать хорошею ту школу, изъ которой выходятъ не съ любовью и благодарностью, а съ чувствомъ раздраженія и недовольства? Хороша-ли та школа, о которой потомъ приходится часто вспоминать съ упрекомъ, что не дала она надлежащей подготовки ни для науки, ни для жизни? Что сказать о нравственной силѣ школы въ томъ обществѣ, гдѣ безпрестанно являются

дерзкіе расхитители общественнаго достоянія, ловкіе эксплуататоры закона въ свою пользу? Конечно, воры и мошенники бываютъ всегда и вездѣ: но общество, безпечно допускающее себя обкрадывать, мало получаетъ пользы отъ школы, которая его воспитываетъ. Чего же недостаетъ нашей школѣ, чтобы она могла съ честью назваться русскою школою?

Этимъ вопросомъ мы и задаемся съ цѣлью вызвать имъ много другихъ вопросовъ, и если не рѣшить ихъ окончательно, то, по крайней мѣрѣ, разъяснить и поставить на видъ другимъ русскимъ педагогамъ.

2.

Идеальная школа.

До сихъ поръ, говоря о школѣ, мы не представляли ничего идеальнаго. Мы только указали на печальную дѣйствительность нашей школы, происшедшую отъ неправильнаго ея отношенія къ окружающимъ силамъ русской жизни. Теперь мы займемся идеальнымъ ея представленіемъ. Но спѣшимъ оговориться: подъ словомъ идеальный мы совсѣмъ не разумѣемъ что-нибудь мечтательное или невозможное. Мы хотимъ только представить тѣ условія, при которыхъ можетъ правильно и свободно развиваться русская школа. Наше представленіе покажется идеальнымъ въ томъ смыслѣ, что не всѣ еще условія у насъ на лицо въ настоящее время; но рано или поздно они должны быть вызваны, если мы не хотимъ переживать тѣ корчи, какими еще недавно такъ болѣло все наше общество. Нельзя же думать, что прожитые опыты останутся для него безслѣдны. Притомъ же школа всегда имѣетъ въ виду будущее, для котораго она готовитъ дѣятелей, а въ будущемъ позволительно представлять нѣчто идеальное, потому что безъ него не было бы и совершенствованія.

Школа сама по себѣ есть не что иное, какъ извѣстный періодъ жизни несовершеннолѣтняго человѣка, которому потомъ предстоитъ сдѣлаться гражданиномъ своей земли и принять на себя извѣстныя обязанности по отношенію къ гражданскому обществу и государству. Изъ этого періода жизни онъ переходитъ въ другой, когда долженъ примкнуть къ общей дѣятельности; найти себѣ мѣсто по силамъ въ общей жизни, самъ отвѣчать за свои поступки и самъ

отстаивать свои права на жизнь, самъ вноситъ долю добра въ общую кассу. Значитъ ему космополитомъ и эгоистомъ вступить въ эту жизнь нельзя. Мы говоримъ про жизнь гражданскую, законно развивающуюся изъ тѣхъ началъ, на которыя мы указали уже прежде. Чтобы эти начала не погибли въ русской жизни, общество въ правѣ требовать отъ школы, чтобы въ своемъ идеалѣ человѣка она не забывала представлять и идеалъ гражданина. И какъ бы ни былъ низокъ нравственный уровень современнаго общества, школа должна быть проникнута идеею, что только она одна можетъ поднять этотъ уровень своимъ идеальнымъ представленіемъ общества. Обыденные факты должны служить отрицательными чертами этого идеала. Дѣйствительность на каждомъ шагу выставляетъ передъ нами въ общественной и государственной службѣ дѣятелей, облеченныхъ властью, которые прежде всего стараются показать свою власть и сдѣлать ее чувствительною, а о дѣлѣ, для котораго они поставлены, мало заботятся. И это встрѣчается даже въ крестьянской средѣ, между волостными и сельскими властями. Вездѣ дѣло на второмъ планѣ, а на первомъ личность съ своимъ самовластіемъ. Справедливо упрекаютъ русскихъ людей всѣхъ состояній, что у нихъ не развито чувство законности, и въ образецъ имъ ставятъ нѣмцевъ, англичанъ и другіе европейскіе народы.

Отсюда понятно, почему у насъ недостаетъ той нравственной силы, безъ которой мы мѣшаемъ жить другъ другу. Своя воля у насъ на первомъ планѣ; свою волю мы хотимъ заявлять и въ дѣлѣ общественномъ. Отсюда и низложеніе личности также характеристическая черта въ большинствѣ русскихъ людей, собирающихся въ общество. Но общественное самоуправленіе не можетъ быть основано на произволѣ. Если государство признало за каждымъ право на свободный трудъ, право, котораго можно лишиться только по суду за преступленіе противъ закона, если оно признало и право каждаго судиться передъ всѣми за подозрѣніе въ преступленіи и быть осужденнымъ по приговору общественной совѣсти, то изъ всего этого уже само собою логически вытекаетъ господство закона и уничтоженіе произвола въ управленіи. И это неизбѣжно должно наконецъ развиться. Только нужны люди, которые бы считали своею нравственною обязанностью отстаивать законъ и подавлять власть произвола. Если семья и жизнь пока еще не могутъ воспитать такихъ людей, то остается школѣ взять на себя этотъ трудъ. Намъ, конечно,

возразятъ: легко это сказать, но какъ сдѣлать? Мы пока указываемъ на тѣ необходимыя задачи, какія задаются русской школѣ потребностями нашей жизни, но какъ ихъ разрѣшить, это уже вопросъ педагогическій, о которомъ слѣдуетъ подумать нашимъ педагогамъ. Впрочемъ, я еще разъ коснусь его, когда перейду къ разсужденію о педагогической жизни школы. Обыденная жизнь показываетъ намъ, что въ ней слишкомъ мало слѣдовъ науки. Не говоримъ уже о людяхъ, не проходившихъ никакой школы. Но въ средѣ людей, называющихъ себя образованными, большинство какъ будто не вѣритъ въ науку, не считаетъ нужнымъ справляться съ нею и предпочитаетъ лучше дѣйствовать по собственнымъ измышленіямъ; отсюда дѣйствія наперекоръ наукѣ и часто здравому смыслу. Недостатокъ строго логическаго мышленія слишкомъ замѣтенъ въ нашей интеллигенціи даже въ тѣхъ людяхъ, которые ставятся въ общественные и народные руководители. Непривычка вникать въ причины явленія и съ ними сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ часто приводитъ совсѣмъ не къ тѣмъ цѣлямъ, какими задаются, и вмѣсто того, чтобы направить общественныя силы въ одну сторону, направляютъ совершенно въ противоположную. Незнакомство съ естественными законами, съ психологіей, исторіей, безпрестанно отражается на нашихъ дѣятеляхъ и крайне вредитъ общей жизни. Тамъ, гдѣ ожидаешь широкаго взгляда, основаннаго на изученіи этой жизни, тамъ не находишь даже необходимыхъ элементарныхъ познаній. Да, наконецъ, и неумѣнье изучать жизнь, дѣлать правильныя посылки и изъ нихъ логическіе выводы отличаютъ многихъ нашихъ дѣятелей. А между тѣмъ, они много лѣтъ учились въ школѣ, много лѣтъ вращались въ жизни, надъ которой могли дѣлать многосторонніе наблюденія. Но, къ сожалѣнію, учились не тому, что нужно знать и умѣть общественному дѣятелю.

Отсюда ясно видно, какой трудъ общество, въ виду своихъ интересовъ, должно возложить на школу.

Наша обыденная жизнь показываетъ, что понятіе объ общественной нравственности еще не успѣло войти въ ясное сознаніе большинства русскихъ людей. Стремленіе жить только для себя или на общественный счетъ, расчеты на одинъ личныя выгоды, уклоненіе отъ добросовѣстнаго труда, беззастѣнчивая ложь—вотъ что отличаетъ многихъ изъ насъ въ общественной сферѣ. Еще печальнѣе, что на это зло смотрится какъ-то примирительно, безъ особеннаго негодо-

ванія, какъ будто бы иначе и быть не можетъ, что, конечно, поощряетъ людей, склонныхъ пожить на чужой счетъ. Отсюда видно, что чувство нравственной связи съ обществомъ и съ народомъ у насъ развито слишкомъ мало. Общественная же нравственность можетъ вытекать только изъ этого чувства. Вотъ еще требованіе, какое можно предъявить школѣ со стороны общества. Правильно поставленная школа можетъ имѣетъ хорошее вліяніе и на нравственное развитіе общества.

Если свободный трудъ составляетъ одну изъ основъ общественной жизни, то понятно, что общество въ правѣ заявить и еще такое требованіе: чтобы школа, задавая себѣ цѣль развивать силы физическія, умственныя и нравственныя, направляла ихъ къ производительному труду; изъ нея должны выходить въ общество люди, готовые на трудъ по своимъ силамъ,—выходятъ ли изъ школы элементарной, средней, высшей, спеціальной?

Если же школа не захочетъ знать всѣхъ этихъ потребностей русской общественной жизни, то какимъ бы наукамъ она ни учила, какую бы педагогію ни приняла въ свое основаніе, она не будетъ русскою школою, не будетъ въ ней и настоящей жизни, не будутъ выходить изъ нея и такіе люди, въ какихъ въ настоящее время сильно нуждаются государство и общество. Нравственное значеніе русской школы можетъ опредѣлиться только тѣсной связью ея съ обществомъ.

Школа и общество взаимно дѣйствуютъ другъ на друга или плодотворно или губительно. Если общество имѣетъ силы свободно развиваться нравственно, то оно предъявляетъ и школѣ высокія требованія, отъ которыхъ она не можетъ отказаться; оно будетъ дорожить своею школою и сумѣетъ оградить ея честь отъ всякихъ клеветъ и нахальныхъ покушеній уронить ее въ общественномъ мнѣніи. Если же общественныя силы подавляются господствомъ разныхъ выходцевъ и проходимцевъ, то страдаетъ и школа, принужденная отказаться отъ своихъ высокихъ задачъ, такъ какъ въ руководители ея тогда поступаютъ люди съ развращенными холопскими наклонностями. А дурная школа всегда проводитъ въ общество людей или обезсиленныхъ, или нравственно-испорченныхъ, съ ложными понятіями о жизни, или зараженныхъ своекорыстными инстинктами.

Если школа, какъ извѣстный періодъ жизни человѣка, предназначеннаго для жизни гражданской, связывается съ періодомъ совершеннолѣтія, когда въ немъ вполнѣ вырабатывается нравственный идеалъ и когда нравственное его достоинство возвышается отъ созна-

наго безкорыстнаго стремленія къ истинѣ, правдѣ, добру, изящному, то нельзя требовать отъ школы, чтобы она выпускала молодыхъ людей уже съ готовыми идеалами. Нравственный живительный идеалъ развивается и проникаетъ въ сердце только въ связи съ дѣйствительною общественною жизнію, и только тогда онъ можетъ назваться не мечтательнымъ, не фальшивымъ, не болѣзненнымъ, а идеаломъ здоровымъ, близкимъ къ настоящей жизни, способнымъ вызвать на энергическій и небезплодный трудъ. Школа должна приготовить духовныя силы юноши для созданія идеала, должна пробудить въ немъ безкорыстную любовь къ истинѣ, правдѣ, добру и прекрасному и стремленія къ нимъ; но она не можетъ навязывать никакой теоріи для жизни, ровно никакой исключительной идеи, которой должна быть посвящена жизнь, какъ это дѣлаютъ школы іезуитскія. Безъ этихъ оковъ долженъ вступать юноша въ жизнь, съ полной свободой выбрать себѣ поприще, лишь было бы въ немъ живо чувство справедливости, честности, стремленіе соединить свое благо съ общимъ.

Теоріи для жизни предписывать нельзя, поэтому нельзя и подавлять тѣхъ врожденныхъ стремленій человѣка, которыя составляютъ его полную жизнь. Она-то и есть для него та приманка, которую онъ называетъ счастіемъ. А прочное счастіе возможно лишь въ предѣлахъ естественныхъ и соціальныхъ законовъ жизни. Школа должна только познакомить съ ними и убѣдить, что ихъ нельзя преступать безнаказанно. Въ этомъ и должно состоять общее школьное образованіе, если оно назначается для настоящей жизни. Съ такимъ образованіемъ человѣкъ, стремясь къ счастію,—что воспретить ему никто не въ правѣ,—и уступая своему врожденному стремленію къ общественности, будетъ жить самъ и не будетъ тѣснить ничьей жизни для собственныхъ выгодъ. Это и есть вполнѣ разумная жизнь человѣка. Общественная жизнь не должна заявлять права поглощать личную его жизнь, равно какъ и личная жизнь не должна развиваться на счетъ и во вредъ общественной. При такомъ сознаніи человѣкъ не будетъ искать своего счастія тамъ, гдѣ оно можетъ быть источникомъ несчастья для другихъ.

Все это исключаетъ образованіе сословное или привилегированное, слѣдовательно, исключаетъ и школу, основанную на этихъ началахъ.

Итакъ, пользуясь уроками прошлаго, мы отрицаемъ школу, основанную на какой-либо предвзятой идеѣ. Мы утверждаемъ, что

школа можетъ правильно развиваться или, лучше, жить правильною жизнію только на основаніи одной общей идеи—воспитывать человѣка для дѣйствительной жизни. А такъ какъ въ дѣйствительной жизни человѣкъ является гражданиномъ своего народа и дѣятелемъ въ обществѣ, то и наше требованіе отъ школы—не забывать этого—не будетъ исключительнымъ требованіемъ, не будетъ и предвзятой идеей, которая могла бы сузить понятіе о человѣкѣ. Въ этомъ и должно состоять идеальное требованіе со стороны общества; за этимъ она имѣетъ полное право слѣдить и высказывать свое мнѣніе, предоставляя спеціалистамъ разработывать задачу, согласно съ выводами науки.

3.

Задачи общаго образованія.

Та школа еще плохо вооружаетъ юношу, которая думаетъ только объ одномъ формальномъ развитіи ума. Такое развитіе должно быть только однимъ изъ средствъ въ стремленіи къ идеалу, какимъ должна задаваться настоящая школа. А этотъ идеалъ есть идеалъ просвѣщеннаго человѣка. Съ просвѣщеніемъ же, какъ мы видѣли, соединяются такія понятія, изъ которыхъ вырабатываются въ душѣ человѣка высшія понятія, необходимыя для того, чтобы поставить себя въ болѣе правильныя, т. е., разумныя отношенія ко всей окружающей жизни. Какія же это высшія понятія? Для выраженія ихъ въ языкѣ существуетъ немного словъ, которыя знакомы какъ безграмотному крестьянину, такъ и высоко-просвѣщенному человѣку. Возьмемъ для примѣра слово «человѣкъ»; оно слышится въ устахъ всякаго, но какъ различны понятія, которыя соединяются съ нимъ. Для одного оно—святѣйшее изъ званій: для другого—не болѣе, какъ простая кличка, отличающая отъ прочихъ животныхъ. Для того, чтобы перейти отъ этого грубаго понятія до возвышеннаго, которое заставляетъ полюбить человѣка, какъ существо нравственное, стоящее неизмѣримо высоко надъ животными, хотя съ физической стороны онъ есть только видъ животнаго, того понятія, которое внушаетъ желаніе служить человѣчеству, нужно постепенно выяснять много низшихъ понятій, относящихся къ міру физическому и нравственному. Просвѣщенный человѣкъ съ высшимъ понятіемъ

о человѣкѣ долженъ одинаково вѣрно понимать и природу внѣшнюю и свою собственную, точно такъ же, какъ и свои нравственныя отношенія къ людямъ и обществу. Но этого мало; онъ долженъ понимать и отношенія настоящаго момента своей жизни ко всѣмъ предшествующимъ, какимъ путемъ дошло общество, народъ, человѣчество до настоящаго момента. Тогда только ему будетъ ясно высшее понятіе о человѣкѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и о гражданинѣ. Вотъ наше идеальное представленіе просвѣщеннаго человѣка, и вотъ что должна имѣть въ виду школа, разсуждая, къ чему и какъ вести юное поколѣніе. Давайте ему такого матеріала, съ которымъ онъ могъ бы постепенно возвышаться отъ низшихъ понятій къ высшимъ, не смѣшивая ихъ. Работайте съ нимъ надъ этимъ матеріаломъ, опираясь на законы физическіе и психическіе. При этомъ формальное развитіе ума будетъ совершаться само собою; но при этомъ у него постоянно будетъ увеличиваться запасъ истинъ, на которыя онъ можетъ твердо опираться, принимая впечатлѣнія отъ собственной жизни. Притомъ же нечего опасаться, что забудутся тѣ или другія сообщенныя познанія. Понятіе, выработанное такимъ путемъ, никогда не забудется; оно, напротивъ, вѣчно будетъ развиваться и расширяться. Опредѣляя, какимъ идеаломъ должна задаться школа, мы не мечтаемъ о невозможномъ. Мы не предполагаемъ, что школа, выпуская юношей изъ своихъ стѣнъ, въ состояніи будетъ указывать на нихъ, какъ на воплощенные идеалы. Она должна образовать не идеалы, а по идеалу, что не одно и то же, должна поставить юношу на путь самоусовершенствованія, по которому обязательно итти просвѣщенному человѣку; школа, вызывая стремленіе къ истинѣ, правдѣ, добру, изящному, не будетъ навязывать идеалъ, а предоставитъ каждому въ дальнѣйшей жизни вырабатывать свой идеалъ въ связи съ дѣятельностью, какую онъ себѣ выберетъ. Истинно просвѣщенный человѣкъ всегда будетъ искать себѣ дѣятельности, потому что она сдѣлается потребностью его развитой природы, она соединитъ его съ обществомъ и дастъ ему право на званіе гражданина [1]).

---

[1]) Приведенные отрывки взяты изъ педагогическихъ сочиненій В. Я. Стоюнина. Спб. 1892 г.

XXVI.

Л. Н. Модзалевскій.

Левъ Николаевичъ Модзалевскій, по окончаніи курса на историко-филологическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета со степенью кандидата, былъ оставленъ кандидатомъ педагогомъ при педагогическихъ курсахъ, вскорѣ затѣмъ былъ приглашенъ К. Д. Ушинскимъ преподавателемъ русскаго языка въ Смольный институтъ. По возвращеніи въ 1864 г. изъ за границы командировки, въ которую онъ былъ отправленъ въ числѣ лицъ, предназначавшихся къ занятію каѳедръ, Модзалевскій получилъ порученіе организовать и руководить Андреевскими курсами, въ С.-Петербургѣ, для приготовленія народныхъ учителей, читалъ курсъ педагогики въ Смольномъ институтѣ, давалъ уроки русской словесности въ Маріинскомъ институтѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, былъ инспекторомъ пріюта принца Ольденбургскаго, читалъ на педагогическихъ курсахъ для приготовленія преподавателей для военныхъ гимназій педагогику. Въ 1867 г. Модзалевскій, приглашенный, въ качествѣ наблюдателя за преподаваніемъ августѣйшимъ дѣтямъ Великаго Князя Михаила Николаевича, покинулъ Петербургъ и поселился на Кавказѣ, гдѣ затѣмъ съ 1876 г. до 1883 г. занималъ должность директора женской гимназіи въ Тифлисѣ, окружнаго инспектора Кавказскаго учебнаго округа и нѣкоторое время исправлялъ обязанности предсѣдателя Кавказскаго цензурнаго комитета. Съ 1883 г. по 1889 г. жилъ въ деревнѣ, а затѣмъ въ 1889 г. занялъ должность инспектора Маріинскаго института въ Петербургѣ, откуда былъ переведенъ директоромъ въ училище глухонѣмыхъ, послѣ смерти В. Сиповскаго. Онъ былъ предсѣдателемъ общихъ собраній С.-Петербургскаго общественнаго собранія педагоговъ, былъ организаторомъ и вице-предсѣдателемъ отдѣла Коменскаго при педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній, былъ руководителемъ и душою «Союза ревнителей русскаго слова». Перевелъ нѣсколько сочиненій Амоса Коменскаго; но самый крупный вкладъ Модзалевскаго въ педагогическую литературу составляютъ его «Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ» [1]), выдержавшій три изданія. Л. Н. Модзалевскій скончался 12 мая 1896 г.

---

[1]) Трудъ во многомъ компилятивный, написанный преимущественно по нѣмецкимъ источникамъ. Отсюда мы даемъ нѣсколько отрывковъ.

1. Требованія прагматической исторіи педагогики.

Историческое развитіе человѣчества представляетъ постепенный переходъ отъ безсознательнаго состоянія къ сознательному, отъ подчиненія внѣшней, чувственной природѣ—къ полной свободѣ духа, стремящагося къ идеямъ истины, добра и красоты. Всемірная исторія есть исторія освобожденія человѣческаго духа съ его индивидуальными правами и возвышенія его къ абсолютному совершенству—Богу.

Исторія педагогики должна быть разсматриваема въ связи со всемірной, къ которой она относится, какъ часть къ своему цѣлому. Спеціальная задача ея—показать, какимъ образомъ понимаема была у различныхъ народовъ, съ ихъ главнѣйшими представителями, теоретическая идея воспитанія, и насколько она была осуществляема практически. Слѣдя за развитіемъ человѣчества, исторія воспитанія раскрываетъ предъ нами критическую дѣятельность человѣческаго разума, который постоянно остается недоволенъ пройденной имъ исторической стадіей, постоянно разрушаетъ старые идеалы и создаетъ новые, совершеннѣйшіе, нерѣдко заблуждается, но никогда не остается въ спокойномъ самоудовлетвореніи. Въ исторіи воспитанія мы изучаемъ — чѣмъ было оно на дѣлѣ и чѣмъ должно было быть въ пониманіи лучшихъ людей того или другого народа, въ тотъ или другой періодъ его развитія; практическая и теоретическая сторона воспитанія является передъ нами въ ихъ постоянномъ взаимодѣйствіи, такъ что теорія всегда вырабатывается изъ практики и въ то-же время предшествуетъ ей, ибо каждому разумному дѣйствію предполагается болѣе или менѣе сознательная идея о цѣли и средствахъ его выполненія.

Изображая общій ходъ воспитанія по единой идеѣ освобожденія отъ внѣшней, чувственной природы, по этой идеѣ, которая проходитъ черезъ исторію всего человѣчества, исторія педагогики должна также остановиться на отдѣльныхъ историческихъ народахъ, сдѣлавшихъ что-нибудь для этой великой идеи. Она должна развернуть предъ нами картину воспитанія у народа въ его младенческій періодъ, когда все исходитъ отъ семейнаго авторитета и ограничивается принятыми формами, правами и обычаями, не проникнутыми сознаніемъ высшей идеи. Но вотъ опытъ и наблю-

деніе вырабатываютъ въ народѣ нѣкоторые общіе воспитательные принципы и правила, сохраняемые въ устной, эпической формѣ; воспитаніе переходитъ сперва въ руки общины, и наконецъ — въ вѣдѣніе организованнаго государства, когда народъ вступаетъ уже въ юношескій возрастъ. Въ этотъ періодъ воспитаніе уже не зависитъ отъ случайной прихоти родителей или отъ одного обычая: оно подчиняется государству, которое подготовляетъ возрастающія поколѣнія для своихъ собственныхъ цѣлей, стараясь водворить единство въ мышленіи и дѣятельности каждаго изъ своихъ членовъ. Законодатели устанавливаютъ воспитаніе на коренныхъ началахъ, заимствованныхъ изъ преданій и правовъ народа. Въ періодъ мужской зрѣлости народа воспитаніе исходитъ изъ свободно выработанныхъ, сознательно принятыхъ истинъ какъ о его цѣли, такъ и средствахъ къ ея полнѣйшему достиженію. Теперь, какъ и въ послѣдующій періодъ высшей зрѣлости, выступаютъ на дѣло философы и педагоги, старающіеся построить воспитаніе на прочныхъ и разумныхъ принципахъ, создавъ для него возможно-совершеннѣйшую теорію. Вся исторія развитія народа въ это время идетъ отъ практики къ теоріи, и отъ теоріи опять возвращается къ практикѣ. Чѣмъ болѣе совершенствуется народъ въ педагогическомъ направленіи, тѣмъ самостоятельнѣе выступаетъ у него обученіе, какъ особый моментъ воспитанія, и тѣмъ болѣе воспитаніе опирается на обученіе, т.-е. на развитіе сознанія и самостоятельности въ каждой отдѣльной воспитываемой личности.

2. Задача для историка педагогики.

Такимъ образомъ, историкъ педагогики изслѣдуетъ воспитательное дѣло у историческихъ народовъ какъ съ практической, такъ и съ теоретической стороны, съ цѣлью показать послѣдовательное развитіе воспитательной идеи въ человѣчествѣ, и въ то же время обратить вниманіе — насколько раскрывалась эта идея у того или другого народа, каковы были его идеалы, какъ понималась сущность и цѣль воспитанія, какими средствами онъ старался осуществить эти идеалы и насколько достигалъ ихъ осуществленія. Задачу эту историкъ педагогики можетъ разрѣ-

шить отчасти этнографически, указывая на характеристическія особенности каждаго народа по отношенію къ воспитанію, преимущественно въ дохристіанское время. Въ послѣдующій христіанскій періодъ, до самаго начала новой исторіи, когда жизнь и воспитаніе всѣхъ европейскихъ народовъ стали покоиться на однѣхъ и тѣхъ же общихъ основахъ, изложеніе его исторіи можетъ быть хронологическое. Въ новой исторіи, когда отдѣльные народы пріобрѣли наибольшую самостоятельность, оставшись, однако, проникнутыми однѣми и тѣми же прогрессивными идеями, въ исторіи воспитанія этнографія можетъ быть соединена съ синхронизмомъ, такъ какъ этимъ не нарушится единство той картины, какую представляетъ намъ жизнь образованныхъ народовъ новѣйшаго времени.

3. Значеніе исторіи педагогики.

Изъ сущности исторіи педагогики вытекаетъ ея значеніе. Если же кто вообще не признаетъ пользы научной педагогики и ограничиваетъ себя одной рутинной практикой, — тотъ не пойметъ и значенія историческаго изученія педагогики. Но кто разъ сознаетъ, что только наука сообщаетъ намъ ясное познаніе жизни и ея явленій, и что педагогическая наука есть основаніе для самого воспитательнаго искусства; кто далѣе сознаетъ, что наше настоящее есть только результатъ прошедшаго, и что только тотъ дѣйствительно знаетъ свое настоящее, кто изучилъ его причины и условія въ прошедшемъ; — тому будетъ интересно взглянуть на историческій ходъ воспитанія и прислушаться къ мудрому, поучительному голосу исторіи. И въ самомъ дѣлѣ: что значитъ эфемерный опытъ отдѣльнаго человѣка, въ сравненіи съ опытомъ тысячелѣтій! Не то ли же самое, что ограниченный разумъ одного — въ сравненіи съ общимъ разумомъ человѣчества, который раскрывается въ ходѣ всемірной исторіи и въ дѣятельности геніальнѣйшихъ представителей человѣческой мысли. «Изъ путаницы настоящаго возвращаться къ прошедшему, какъ къ своей прежней родинѣ, говоритъ извѣстный историкъ педагогики Крамеръ, — есть такая же необходимость, какъ въ періодъ старости вспоминать о своей юности. Взглядъ на свое дѣтство съ его свѣжестью и невинностью приноситъ человѣку ничѣмъ не замѣнимое

наслажденіе; но еще большее сокровище представляетъ ему исторія воспитанія, исторія дѣтства и юношества человѣчества: благодаря ей, человѣкъ обновляется въ освѣжительномъ морѣ минувшаго». Она есть также и та школа, въ которой онъ учится педагогической наукѣ. Только тотъ будетъ знать — чего можно и должно требовать отъ воспитанія въ настоящемъ, кто прослѣдилъ за развитіемъ и осуществленіемъ воспитательной идеи въ теченіе многихъ столѣтій. Кромѣ того, исторія педагогики представляетъ намъ самую совершенную и самую объективную и научную часть педагогики, въ которой нѣтъ личныхъ увлеченій и пристрастій, свойственныхъ каждой отдѣльной системѣ. Для насъ, русскихъ, столь бѣдныхъ собственнымъ историческимъ опытомъ, пока лишенныхъ всякихъ научныхъ данныхъ, добытыхъ самостоятельно, для насъ, падкихъ ко всякимъ крайностямъ, спокойное изученіе исторіи воспитанія какъ у другихъ, старшихъ народовъ, такъ и въ своемъ отечествѣ, становится тѣмъ необходимѣе. Критика жизни и воспитанія у другихъ народовъ непремѣнно должна вызвать въ насъ самостоятельное пониманіе нуждъ и потребностей нашего русскаго воспитанія и указать на лучшія средства для ихъ удовлетворенія [1]).

4. Источники для составленія исторіи педагогики.

Главнѣйшими источниками для исторіи педагогики служатъ: географія въ ея современномъ научномъ пониманіи и всеобщая исторія. Тѣлесно-духовныя свойства каждаго человѣка и каждаго народа въ своемъ развитіи непремѣнно зависятъ отъ почвы, климата и вообще физическихъ условій обитаемой имъ страны. Человѣкъ стоитъ въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ внѣшнимъ міромъ, подъ вліяніемъ геогностическихъ свойствъ почвы, мѣстной растительности и животной жизни, воздуха, воды и т. п. Что народы самыхъ жаркихъ и самыхъ холодныхъ поясовъ не имѣютъ исторіи—это фактъ. Сила и матерія обусловливаютъ и взаимно проникаютъ другъ друга; это непреложный законъ природы, которымъ объясняется сходство людей,

---

[1]) Изъ книги Л. Н. Модзалевскаго. Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ т. I.

животныхъ и растеній извѣстной страны по отношенію къ ея климату. Какъ развитіе культуры вообще, такъ и успѣхи воспитанія въ частности, тѣсно зависятъ отъ географическаго положенія того или другого народа. Точно также исторія воспитанія непосредственно связана съ судьбами народовъ въ ихъ культурной и политической жизни, такъ какъ образованность есть непремѣнное условіе воспитанія, есть его причина и вмѣстѣ слѣдствіе. Исторія законодательства, регулирующая жизнь народа, задерживая или подвигая его развитіе также не можетъ не имѣть интереса для исторіи педагогики, которая обращается затѣмъ къ состоянію науки и искусства у разсматриваемаго народа, и въ особенности къ его религіи. Религія народа есть его сердце: отъ нея зависитъ его міровоззрѣнія, нравы, обычаи, а слѣдовательно и воспитаніе. Важнымъ пособіемъ при этомъ также являются современные писатели, особенно историки, поэты, сатирики и ораторы; а въ отношеніи практической педагогики и училищевѣдѣнія—церковныя и школьныя постановленія. Теоретическая часть педагогики въ различныя эпохи и у различныхъ народовъ лучше всего узнается изъ твореній философовъ, педагоговъ, теологовъ, моралистовъ и т. п. писателей.

XXVII.

Графъ Л. Н. Толстой.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой, знаменитый художникъ-беллетристъ нашего времени, родился 28 августа 1828 г. въ с. Ясной Полянѣ, Крапивенскаго уѣзда, Тульской губерніи. Рано лишился матери и воспитаніемъ его занималась его родственница Т. А. Ергольская, а затѣмъ граф. Остенъ-Сакенъ. Въ 1843 г., приготовившись дома, гр. Толстой поступилъ въ Казанскій университетъ—на факультетъ восточныхъ языковъ, а затѣмъ перешелъ на юридическій, но съ третьяго курса оставилъ университетъ и уѣхалъ въ Ясную Поляну, доставшуюся ему по семейному раздѣлу. Здѣсь онъ прожилъ до 1851 г. Въ 1851 г. поѣхалъ на Кавказъ и поступилъ въ военную службу юнкеромъ въ 4-ю батарею 20-й артиллерійской бригады. Въ это время написалъ свои сочиненія: «Дѣтство», «Отрочество» и «Юность», сразу обратившія на себя большое вниманіе въ литературномъ мірѣ. Въ 1853 г. гр. Толстой, по собственной просьбѣ, переведенъ былъ въ Дунайскую армію, а въ 1854 г.

принялъ участіе въ оборонѣ Севастополя. Послѣ кампаніи въ 1855 г. гр. Толстой вышелъ въ отставку и жилъ зимою большею частію въ Москвѣ и Петроградѣ, а лѣтомъ въ Ясной Полянѣ. Живя часто среди народа, онъ хотѣлъ работать для этого народа, и занялся вопросомъ о народномъ образованіи, сначала изучая его теоретически, предпринимая и поѣздки за границу, а потомъ на практикѣ. Послѣ 19 февраля 1861 г. онъ былъ мировымъ посредникомъ. Желая принести пользу народному образованію, гр. Толстой открылъ въ Ясной Полянѣ школу и сталъ издавать педагогическій журналъ («Ясную Поляну»), для проведенія своихъ взглядовъ на образованіе. Гр. Л. Н. Толстой скончался 7 ноября 1910 года.

Свое великое имя онъ, конечно, сдѣлалъ высоко-художественными произведеніями «Дѣтство и Отрочество» «Война и миръ» «Анна Каренина» и неустанною проповѣдью нравственнаго самоусовершенствованія, но для насъ важны его педагогическія статьи, находящіяся въ 4 т. его полнаго собранія сочиненій.

Педагогическія идеи гр. Л. Толстого, какъ справедливо замѣчаетъ П. Ѳ Каптеревъ, во многомъ напоминаютъ взгляды Руссо. Толстого, какъ педагога, можно назвать русскимъ Руссо. Есть у него и вѣрное, но нерѣдко встрѣчаются и положенія парадоксальныя и противорѣчивыя, какъ парадоксальны и противорѣчивы порой и другія положенія нашего великаго писателя-художника, высказанныя разновременно въ различныхъ произведеніяхъ [1]).

По Л. Толстому, школы и образованіе должны быть совершенно свободными, весь ихъ строй долженъ опредѣляться желаніемъ учащихся. «Только свобода выбора со стороны учащихся того, чему и какъ учить можетъ быть основою всякаго обученія (т. IV, ст. 150).

Какъ скоро образованіе будетъ свободнымъ, оно, кромѣ раціональности и плодотворности, пріобрѣтетъ еще одно важное свойство. именно проникнется народными началами, сдѣлается національнымъ. Принудительное образованіе можетъ быть и часто бываетъ заимствованнымъ, не національнымъ; свободное же, какъ направляемое самимъ народомъ, никогда не можетъ итти въ разрѣзъ съ народнымъ характеромъ и народными воззрѣніями. У насъ въ Россіи замѣчаются попытки по-нѣмецки образовывать и учить народъ. Незнаніе народа. господство неосновательныхъ теорій, склонность къ заимствованіямъ у нѣмцевъ ставятъ школьное дѣло въ положеніе жалкое и смѣшное. Свою извѣстную статью «О народномъ образованіи», помѣщ. первоначально въ Отеч. Запис. 1874 г. гр. Л. Толстой заканчиваетъ словами: «Народъ, главное заинтересованное лицо и судья, и ухомъ не ведетъ теперь, слушая наши болѣе или менѣе остроумныя предположенія, какими манерами лучше приготовить для него духовное кушанье

[1]) Критическая оцѣнка педагогическихъ положеній гр. Л. Н. Толстого сдѣлано въ книгѣ: Демковъ М. И. Исторія русской педагогіи ч. III. (XIX вѣкъ).

образованія; ему все равно, потому что онъ твердо знаетъ, что въ великомъ дѣлѣ своего умственнаго развитія онъ не сдѣлаетъ ложнаго шага и не приметъ того, что дурно, и, какъ къ стѣнѣ горохъ, будутъ попытки по-нѣмецки образовывать, направлять и учить его».

Вполнѣ вѣрно то положеніе гр. Л. Толстого, что учителю для успѣха своей дѣятельности надо прежде всего любить науку: «Хочешь наукой воспитать ученика, говоритъ гр. Л. Толстой, люби свою науку и знай ее, и ученики полюбятъ и тебя, и науку, и ты воспитаешь ихъ; но если не любишь ее, то сколько бы ты ни заставлялъ учить, наука не произведетъ воспитательнаго значенія» (ч. IV ст. 169).

1.

О народномъ образованіи.

Школа есть одна изъ тѣхъ органическихъ частей государства, которая не можетъ быть разсматриваема и оцѣняема отдѣльно, ибо достоинство ея состоитъ только въ большей или меньшей соотвѣтственности ея остальнымъ частямъ государства. Школа хороша только тогда, когда она сознала тѣ основные законы, которыми живетъ народъ. Прекраспая школа для степной русской деревни, удовлетворяющая всѣмъ потребностямъ своихъ учениковъ, будетъ весьма плохая школа для парижанина и самая лучшая школа XVII вѣка будетъ самою дурной школой въ наше время; и наоборотъ, самая плохая школа среднихъ вѣковъ въ свое время была бы лучше самой лучшей школы въ наше время, ибо болѣе соотвѣтствовала своему времени и стояла все-таки наравнѣ съ общимъ образованіемъ, ежели не впереди, тогда какъ наша школа стоитъ позади его. Ежели задача школы, допуская самое общее опредѣленіе, состоитъ въ передачѣ всего выработаннаго и сознаннаго народомъ и въ отвѣчаніи на тѣ вопросы, которые жизнь представляетъ человѣку, то нѣтъ сомнѣнія, что въ средневѣковой школѣ и преданія были ограниченнѣе и вопросы, представляющіеся въ жизни, были удоборазрѣшимѣе, и эта задача школы болѣе удовлетворялась...

Вездѣ главная часть образованія народа пріобрѣтается не изъ школы, а изъ жизни. Тамъ гдѣ жизнь поучительна, какъ въ Лондонѣ, Парижѣ и вообще большихъ городахъ, народъ образованъ, тамъ гдѣ жизнь не поучительна, какъ въ деревняхъ, народъ не

образованъ, не смотря на то, что школы совершенно одинаковы, какъ тутъ, такъ и тамъ. Знанія, пріобрѣтаемыя въ городахъ, какъ будто остаются, знанія, пріобрѣтаемыя въ деревняхъ, теряются. Направленіе и духъ образованія народа, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, совершенно независимъ и большею частью противуположенъ тому духу, который желаютъ влить въ народныя школы. Образованіе идетъ своимъ независимымъ путемъ отъ школъ...

Итакъ, малообразованный народъ хочетъ образовываться болѣе, образованный классъ хочетъ образовывать народъ, но народъ подчинается образованію только при насиліи. Отыскивая въ философіи, опытѣ и исторіи тѣ основанія, которыя бы давали образовывающему классу на то право, мы ничего не нашли, а напротивъ, убѣдились, что мысль человѣчества постоянно стремится къ освобожденію народа отъ насилія въ дѣлѣ образованія. Отыскивая критеріумъ педагогики, т. е. знаніе того, чему и какъ должно учить, мы ничего не нашли, кромѣ разнорѣчивѣйшихъ мнѣній и учрежденій, и убѣдились, напротивъ, что чѣмъ дольше двигалось человѣчество, тѣмъ невозможнѣе становился этотъ критеріумъ; отыскивая критеріумъ этотъ въ исторіи образованія, мы убѣдились не только въ томъ, что для насъ, русскихъ, исторически выработавшіяся школы не могутъ, быть образцами, но что эти школы, съ каждымъ шагомъ впередъ, болѣе и болѣе отстаютъ отъ общаго уровня образованія и что потому принудительный характеръ ихъ болѣе и болѣе становится незаконнымъ и, наконецъ, что въ Европѣ самое образованіе, какъ просачивающаяся вода, избрало себѣ другой путь,—обошло школы и разлилось въ жизненныхъ орудіяхъ образованія.

Что же намъ, русскимъ, дѣлать въ настоящую минуту? Сговориться ли всѣмъ и взять за основаніе англійскій, французскій, нѣмецкій или сѣверо-американскій взглядъ на образованіе и какой-нибудь изъ ихъ методовъ? Или, углубившись въ философію или психологію, открыть, что вообще нужно для развитія души человѣка и для приготовленія изъ молодыхъ поколѣній наилучшихъ людей по нашимъ понятіямъ? Или воспользоваться опытомъ исторіи—не въ смыслѣ подражанія тѣмъ формамъ, которыя выработала исторія, а въ смыслѣ уразумѣнія тѣхъ законовъ, которые страданіями выработало человѣчество—и сказать себѣ прямо

и честно, что мы не знаемъ и не можемъ знать того, что нужно будущимъ поколѣніямъ; но что мы чувствуемъ себя обязанными и хотимъ изучить эти потребности, не хотимъ обвинять въ невѣжествѣ народъ, не принимающій нашего образованія, а будемъ себя обвинять въ невѣжествѣ и гордости, ежели вздумаемъ образовать народъ по своему. Перестанемъ же смотрѣть на противодѣйствіе народа нашему образованію, какъ на враждебный элементъ педагогики, а, напротивъ, будемъ видѣть въ немъ выраженіе воли народа, которою одною должна руководиться наша дѣятельность. Сознаемъ, наконецъ, тотъ законъ, который такъ ясно говоритъ намъ и изъ исторіи педагогики, и изъ исторіи всего образованія, что для того чтобъ образовывающему знать, что хорошо и что дурно, образовывающійся долженъ имѣть полную власть выразить свое неудовольствіе или, по крайней мѣрѣ, уклониться отъ того образованія, которое по инстинкту не удовлетворяетъ его, что критеріумъ педагогики есть только одинъ—свобода.

Мы избрали этотъ послѣдній путь въ нашей педагогической дѣятельности.

Основаніемъ нашей дѣятельности служитъ убѣжденіе, что мы не только не знаемъ, но и не можемъ знать того, въ чемъ должно состоять образованіе народа, что не только не существуетъ никакой науки образованія и воспитанія—педагогики, но что первое основаніе ея еще не положено, что опредѣленіе педагогики и ея цѣли въ философскомъ смыслѣ невозможно, безполезно и вредно.

2.

О педагогическомъ значеніи Библіи.

Мнѣ кажется, что книга дѣтства рода человѣческаго всегда будетъ лучшею книгой дѣтства всякаго человѣка. Замѣнить эту книгу мнѣ кажется невозможнымъ. Измѣнять, сокращать Библію, какъ это дѣлаютъ въ учебникахъ Зонтагъ и т. п., мнѣ кажется вреднымъ. Все, каждое слово въ ней справедливо, какъ откровеніе, и справедливо, какъ художество.—Прочтите по Библіи о сотвореніи міра и по краткой священной исторіи, и передѣлка Библіи въ священной исторіи вамъ представится совершенно непонят-

ною, по священной исторіи нельзя иначе, какъ заучивать наизустъ, по Библіи ребенку представляется живая и величественная картина, которую онъ никогда не забудетъ. Выпуски въ священной исторіи совершенно непонятны и только нарушаютъ характеръ и красоту священнаго писанія. Зачѣмъ, напримѣръ, во всѣхъ священныхъ исторіяхъ выпущено, что когда не было ничего, Духъ Божій носился надъ бездной, что Богъ, сотворивъ, оглядываетъ Свое твореніе и видитъ, что оно хорошо и что тогда становится утро и вечеръ дня такого-то. Зачѣмъ выпущено то, что Богъ, вдунувъ въ поздри душу безсмертную, что вынувъ у Адама ребро, заложилъ мѣсто мясомъ и т. д. Надобно читать Библію неиспорченымъ дѣтямъ, чтобы понять до какой степени все это необходимо и истинно.—Можетъ быть испорченнымъ барышнямъ нельзя давать Библіи въ руки, но читая ее крестьянскимъ дѣтямъ, я не измѣнялъ и не выпускалъ ни одного слова. И никто не хихикалъ за спиной другъ друга и всѣ слушали ее съ замираніемъ сердца и естественнымъ благоговѣніемъ. Исторія Лота и его дочерей, исторія сына Іуды возбуждаетъ ужасъ, а не смѣхъ...

Какъ все понятно и ясно, особенно для ребенка, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ строго и серьезно!.. Я не могу себѣ представить какое возможно было бы образованіе, еслибы не было этой книги?— А кажется, когда только въ дѣтствѣ узналъ эти разсказы, отчасти забылъ ихъ впослѣдствіи, — къ чему они намъ? И развѣ не то же ли самое было бы, еслибъ и вовсе не знать ихъ?

Такъ оно кажется до тѣхъ поръ, пока, начиная учить, не провѣряешь надъ другими дѣтьми всѣхъ элементовъ своего собственнаго развитія. Кажется, можно выучить дѣтей, писать, читать, считать, можно дать имъ понятіе объ исторіи, географіи и явленіяхъ природы безъ Библіи и прежде Библіи; а однако нигдѣ это не дѣлается—вездѣ прежде всего ребенокъ узнаетъ Библію, разсказы, выдержки изъ нея. Первое отношеніе учащагося къ учащему основывается на этой книгѣ. Такое всеобщее явленіе не случайно. Совершенно свободное мое отношеніе къ ученикамъ, при началѣ Ясно-Полянской школы, помогло мнѣ разъяснить это явленіе.

Ребенокъ или человѣкъ, вступающій въ школу (я не дѣлаю никакого различія между 10 и 30 или 70-лѣтнимъ человѣкомъ) вноситъ за собой свой извѣстный, вынесенный имъ изъ жизни и

любимый имъ взглядъ на вещи. Для того, чтобы человѣкъ какого бы то ни было возраста сталъ учиться, надобно, чтобъ онъ полюбилъ ученье. Для того, чтобъ онъ полюбилъ ученье, нужно, чтобъ онъ созналъ ложность, недостаточность своего взгляда на вещи и чутьемъ бы предчувствовалъ то новое міросозерцаніе, которое ему откроетъ ученье. Ни одинъ человѣкъ и ребенокъ не былъ бы въ силахъ учиться, еслибы будущность его ученья представлялась ему только искусствомъ писать, читать или считать; ни одинъ учитель не могъ бы учить, еслибъ онъ не имѣлъ въ своей власти міросозерцаніе выше того, которое имѣютъ ученики. Для того, чтобъ ученикъ могъ отдаться весь учителю, нужно открыть ему одну сторону того покрова, который скрывалъ отъ него всю прелесть того міра мысли, знанія и поэзіи, въ который должно ввести его ученье. Только находясь подъ постояннымъ обаяніемъ этого впереди его блестящаго свѣта, ученикъ въ состояніи такъ работать надъ собой, какъ мы того отъ него требуемъ.

Какія же средства имѣемъ мы для того, чтобы поднять предъ учениками этотъ край завѣсы?.. Какъ я говорилъ, я думалъ, какъ и многіе думаютъ, что, находясь самъ въ томъ мірѣ, въ который мнѣ надо вести учениковъ, мнѣ легко будетъ это сдѣлать, и я училъ грамотѣ, я объяснялъ явленія природы, я разсказывалъ, какъ въ азбучкахъ, что плоды ученья сладки, но ученики не вѣрили мнѣ и все чуждались. Я попробовалъ читать имъ Библію и вполнѣ завладѣлъ ими. Край завѣсы былъ поднятъ и они отдались мнѣ совершенно. Они полюбили и книгу, и ученье, и меня. Мнѣ оставалось только руководить ими дальше. Послѣ Ветхаго Завѣта, я разсказалъ имъ Новый Завѣтъ, они все больше и больше любили ученье и меня. Потомъ я разсказывалъ имъ всеобщую, русскую, естественную исторію, послѣ Библіи, они все слушали, всему вѣрили, все дальше и дальше просились, и дальше и дальше раскрывались предъ ними перспективы мысли, знанія и поэзіи. Можетъ-быть эта была случайность можетъ-быть, начавъ другимъ способомъ, въ другой школѣ достигнуты были бы тѣ же результаты. Можетъ-быть, не случайность эта повторялась слишкомъ неизмѣнно во всѣхъ школахъ и во всѣхъ семьяхъ, и объясненіе этого явленія слишкомъ для меня ясно, чтобъ я согласился признать его случайностью. Для того, чтобъ открыть ученику новый міръ и безъ

знанія заставитъ его полюбить знанія, нѣтъ книги кромѣ Библіи. Я говорю даже для тѣхъ, которые не смотрятъ на Библію, какъ на откровеніе. Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, я не знаю произведенія, которое бы соединяло въ себѣ въ столь сжатой поэтической формѣ всѣ тѣ стороны человѣческой мысли, какія соединяетъ въ себѣ Библія. Всѣ вопросы изъ явленій природы объяснены этою книгой, всѣ первоначальныя отношенія людей между собой, семьи, государства, религіи, въ первый разъ сознаются по этой книгѣ. Обобщенія мыслей, мудрость, въ дѣтски простой формѣ, въ первый разъ захватываетъ своимъ обаяніемъ умъ ученика. Лиризмъ псалмовъ Давида дѣйствуетъ не только на умы взрослыхъ учениковъ, но сверхъ того каждый изъ этой книги въ первый разъ узнаетъ всю прелесть эпоса въ неподражаемой простотѣ и силѣ. Кто не плакалъ надъ исторіей Іосифа и встрѣчей его съ братьями, кто съ замираніемъ сердца не разсказывалъ исторію связаннаго и остриженнаго Самсона, который, отмщая врагамъ, самъ гибнетъ, казня враговъ подъ развалинами разрушеннаго дворца, и еще сотни другихъ впечатлѣній, которыми мы воспитаны какъ молокомъ матери?.. Пускай тѣ, которые отрицаютъ воспитательное значеніе Библіи, которые говорятъ, что Библія отжила, пускай они выдумаютъ такую книгу, такіе разсказы, объясняющіе явленія природы или изъ общей исторіи, или изъ воображенія, которые бы воспринимались такъ же, какъ библейскіе, и тогда мы согласимся, что Библія отжила.

Безъ Библіи не мыслимо въ нашемъ обществѣ такъ же, какъ не могло быть мыслимо безъ Гомера въ греческомъ обществѣ, развитіе ребенка и человѣка. Библія есть единственная книга для первоначальнаго и дѣтскаго чтенія. Библія, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, должна служить образцомъ всѣхъ дѣтскихъ руководствъ и книгъ для чтенія. Простонародный переводъ Библіи былъ бы лучшая народная книга. Появленіе такого перевода въ наше время составило бы эпоху въ исторіи русскаго народа.

3.

О писаніи сочиненій ребятами въ школѣ.

Главное искусство учителя при изученіи языка и главное упражненіе съ этою цѣлью въ руководствѣ дѣтей къ сочиненіямъ

состоитъ въ задаваніи темъ, и не столько въ задаваніи, сколько въ предоставленіи большого выбора, въ указаніи размѣра сочиненія, въ показаніи первоначальныхъ пріемовъ. Многіе умные и талантливые ученики писали пустяки, писали: «пожаръ загорѣлся, стали таскать, а я вышелъ на улицу»,—и ничего не выходило, несмотря на то, что сюжетъ сочиненія былъ богатый и что описываемое оставило глубокое впечатлѣніе на ребенкѣ. Они не понимали главнаго: зачѣмъ писать, и что хорошаго въ томъ, чтобы написать? Не понимали искусства выраженія жизни въ словѣ и увлекательности этого искусства. Я пробовалъ много различныхъ пріемовъ задаванія сочиненій. Я задавалъ, смотря по наклонностямъ, точныя художественныя, трогательныя, смѣшныя, эпическія темы сочиненій—дѣло не шло.

Вотъ какъ я нечаянно напалъ на настоящій пріемъ.

Давно уже чтеніе сборника пословицъ Снегирева составляетъ для меня одно изъ любимыхъ не занятій, но наслажденій. На каждую пословицу мнѣ представляются лица изъ народа и ихъ столкновенія въ смыслѣ пословицы. Въ числѣ неосуществимыхъ мечтаній мнѣ всегда представлялся рядъ не то повѣстей, не то картинъ, написанныхъ на пословицы. Одинъ разъ, прошлой зимой, я зачитался послѣ обѣда книгой Снегирева и съ книгой же пришелъ въ школу.

Былъ классъ русскаго языка.

— Ну-ка, напишите кто на пословицу,—сказалъ я.

Лучшіе ученики—Ѳедька, Семка и другіе навострили уши.

Какъ на пословицу, что такое? скажите намъ?—Посыпались вопросы. Открылась пословица: *Ложкой кормитъ, стеблемъ глазъ колетъ.*

— Вотъ, вообрази себѣ,—сказалъ я, что мужикъ взялъ къ себѣ какого-нибудь нищаго, а потомъ, за свое добро, его попрекать сталъ,—и выйдетъ къ тому, что «ложкой кормитъ, стеблемъ глазъ колетъ».

— Да ее какъ напишешь?—сказалъ Ѳедька и всѣ другіе, навострившіе уши, но вдругъ отшатнулись, убѣдившись, что это дѣло не по ихъ силамъ, и принялись за свои, прежде начатыя, работы.

— Ты самъ напиши,—сказалъ мнѣ кто-то.

Всѣ были заняты дѣломъ; я взялъ перо и чернильницу и сталъ писать.

— Ну, сказалъ я, кто лучше напишетъ и я съ вами.

Я началъ повѣсть, напечатанную въ 4-й книжкѣ Ясной Поляны и Ѳедька изъ за своей тетрадки все поглядывалъ на меня и, встрѣтившись со мной глазами, улыбаясь, подмигивалъ и говорилъ: «пиши, пиши, я-те задамъ. Его, видимо занимало, какъ большой тоже сочиняетъ. Кончивъ свое сочиненіе хуже и скорѣе обыкновеннаго, онъ взлѣзъ на спинку моего кресла и сталъ читать изъ-за плеча. Я не могъ уже продолжать; другіе подошли къ намъ, и я прочелъ имъ вслухъ написанное: имъ не понравилось, никто не похвалилъ. Мнѣ было совѣстно, и, чтобъ успокоить свое литературное самолюбіе, я сталъ разсказывать имъ свой планъ послѣдующаго. По мѣрѣ того, какъ я разсказывалъ, я увлекался, поправлялся, и они стали подсказывать мнѣ: кто говорилъ, что старикъ этотъ будетъ колдунъ, кто говорилъ; нѣтъ, не надо,—онъ будетъ просто солдатъ; нѣтъ лучше пускай онъ ихъ обокрадетъ; нѣтъ, это будетъ не къ пословицѣ, и тому подобное говорили они. Всѣ были чрезвычайно заинтересованы. Для нихъ, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессѣ сочинительства и участвовать въ немъ. Сужденія ихъ были, большею частью, одинаковы и вѣрны какъ въ самой постройкѣ повѣсти, такъ и въ самыхъ подробностяхъ и характеристикахъ лицъ. Всѣ почти принимали участіе въ сочинительствѣ; но съ самаго начала въ особенности рѣзко выдѣлились положительный Семка—рѣзкою художественностью описаній и Ѳедька—вѣрностью поэтическихъ представленій и въ особенности пылкостью и поспѣшностью воображенія... Мнѣ казалось, что я подсмотрѣлъ то, чего никто никогда не имѣетъ права видѣть—зарожденіе таинственнаго цвѣтка поэзіи.

4.

Воспитаніе и образованіе.

Воспитаніе не есть предметъ педагогики, но одно изъ явленій, на которое педагогика не можетъ не обратить вниманія предметомъ же педагогики должно и можетъ быть только образованіе. Образованіе въ обширномъ смыслѣ, по нашему убѣжденію, составляетъ совокупность всѣхъ тѣхъ вліяній, которыя развиваютъ человѣка, даютъ ему болѣе обширное міросозерцаніе, даютъ ему новыя свѣдѣнія. Дѣтскія игры, страданія, наказанія

родителей, книги, работы, ученіе насильственное и свободное, искусства, науки, жизнь—все образовываетъ.

Образованіе вообще понимается или какъ послѣдствіе всѣхъ тѣхъ вліяній, которыя жизнь оказываетъ на человѣка (въ смыслѣ образованія человѣка, мы говоримъ образованный человѣкъ), или какъ самое вліяніе на человѣка всѣхъ жизненныхъ условій (въ смыслѣ образованія нѣмца, русскаго мужика, барина, мы говоримъ: человѣкъ получилъ плохое образованіе или хорошее и т. п.) Только съ этимъ послѣднимъ мы имѣемъ дѣле. Воспитаніе есть воздѣйствіе одного человѣка на другого съ цѣлью заставить воспитываемаго усвоить извѣстныя нравственныя привычки (мы говоримъ—они его воспитали лицемѣромъ, разбойникомъ или добрымъ человѣкомъ. Спартанцы воспитывали мужественныхъ людей, французы воспитываютъ односторонняхъ и самодовольныхъ). Преподаваніе есть передача свѣдѣній одного человѣка другому (преподавать можно шахматную игру, исторію, сапожное мастерство). Ученіе, оттѣнокъ преподаванія, есть воздѣйствіе одного человѣка на другого съ цѣлью заставить ученика усвоить извѣстныя физическія привычки (учить пѣть, плотничать, танцовать, грести веслами, говорить наизусть). Преподаваніе и ученіе суть средства образованія, когда они свободны, и средства воспитанія, когда ученіе насильственно и когда преподаваніе исключительно, то есть преподаются только тѣ предметы, которые воспитатель считаетъ нужными. Истина ясна и инстинктивно сказывается каждому. Сколько бы мы ни старались сливать раздѣльное и подраздѣлять нераздѣлимое и поддѣлывать мысль подъ порядокъ существующихъ вещей—истина очевидна.

Воспитаніе есть принудительное, насильственное воздѣйствіе одного лица на другое съ цѣлью образовать такого человѣка, который намъ кажется хорошимъ, а образованіе есть свободное отношеніе людей, имѣющее своимъ основаніемъ потребность одного пріобрѣтать свѣдѣнія, а другого—сообщать уже пріобрѣтенное имъ. Преподаваніе, unterricht, есть средство, какъ образованія. такъ и воспитанія. Различіе воспитанія отъ образованія только въ насиліи, право на которое признаетъ за собою воспитаніе. Воспитаніе есть образованіе насильственное. Образованіе свободно.

Воспитаніе французское—éducation, англійское—education, нѣмецкое—Erziehung—понятія, существующія, въ Европѣ, образова-

ніе же есть понятіе, существующее только въ Россіи и отчасти въ Германіи, гдѣ имѣется почти соотвѣтствующее слово—Bildung. Во Франціи же и Англіи это понятіе и слово вовсе не существуетъ. Civilisation есть просвѣщеніе, instruction есть понятіе европейское, не переводимое по-русски, означающее богатство школьныхъ научныхъ свѣдѣній или передачу ихъ, но не есть образованіе, включающее въ себя и научныя знанія, и искусства, и физическое развитіе...

Воспитаніе есть стремленіе одного человѣка сдѣлать другого такимъ же каковъ онъ самъ. (Стремленіе бѣднаго отнять богатство у богатаго, чувство зависти стараго при взглядѣ на свѣжую и сильную молодость,—чувство зависти, возведенное въ принципъ и теорію). Я убѣжденъ, что воспитатель только потому можетъ съ такимъ жаромъ заниматься воспитаніемъ ребенка, что въ основѣ этого стремленія лежитъ зависть къ чистотѣ ребенка и желаніе сдѣлать его похожимъ на себя, то есть больше испорченнымъ [1]).

Мнѣ не хочется доказывать то, что я разъ уже доказывалъ, и то, что слишкомъ легко доказать:—что воспитаніе, какъ умышленное формированіе людей по извѣстнымъ образцамъ,—не илодотворно, не законно и не возможно. Здѣсь я ограничусь однимъ вопросомъ. Права воспитанія не существуютъ. Я не признаю его, не признаетъ, не признавало и не будетъ признавать его вовсе воспитываемое молодое поколѣніе, всегда и вездѣ возмущающееся противъ насилія воспитанія. Чѣмъ вы докажете это право? Я не знаю и не полагаю ничего, а вы признаете и полагаете новое для насъ не существующее право одного человѣка дѣлать изъ другихъ людей такихъ, какихъ ему хочется. Докажите это право, но только не тѣмъ, что фактъ злоупотребленія властью существуетъ и давно уже существовалъ.

Чѣмъ же должна быть школа при невмѣшательствѣ въ дѣло воспитанія? Школа, какъ сказано выше, есть созпательная дѣятельность образовывающаго на образовывающихся. Какъ ему дѣйствовать, чтобы не преступить предѣловъ образованія, т. е. свободы? Отвѣчаю: школа должна имѣть одну цѣль—передачу свѣдѣній, знанія (instruction), не пытаясь переходить въ нравственную область убѣжденій, вѣрованія и характера; цѣль ея должна быть

---

[1]) Очень грубый парадоксъ. Примѣчаніе М. Д.

одна—наука, а не результаты ея вниманія на человѣческую личность. Школа не должна пытаться предвидѣть послѣдствій, производимыхъ наукой, а передавая ее, должна представлять полную свободу ея примѣненія. Школа не должна считать ни одну науку, ни цѣлый сводъ наукъ необходимыми, а должна передавать тѣ знанія, которыми владѣетъ, предоставляя учащимся право воспринимать или не воспринимать ихъ. Устройство и программы школы должны основываться не на теоретическомъ воззрѣніи, не на убѣжденіи въ необходимости такихъ-то и такихъ-то наукъ, а на одной возможности, т. е. на знаніяхъ учителей. Объясняюсь примѣромъ. Я желаю учредить учебное заведеніе. Я не составляю программы, основанной на своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ, и на основаніи этой программы пріискиваю учителей, но предлагаю всѣмъ людямъ, чувствовавшимъ призваніе къ сообщенію знаній, читать тѣ уроки или лекціи, какіе они могутъ. Само собою разумѣется, что прежній опытъ будетъ руководить въ выборѣ этихъ уроковъ, т. е. въ томъ, что мы уже не будемъ пробовать преподаваніе тѣхъ предметовъ, которые неохотно слушаются, мы не станемъ въ русской деревнѣ читать испанскій языкъ, астрологію или географію точно такъ же, какъ въ этой же деревнѣ купецъ не откроетъ лавки хирургическихъ инструментовъ или кринолиновъ. Мы можемъ предвидѣть требованія на наше предложеніе, но окончательный судья нашъ будетъ только опытъ, и мы не считаемъ себя въ правѣ открыть ни одной лавки, въ которой бы мы продавали деготь только съ тѣмъ условіемъ, чтобы у насъ брали на 10 ф. дегтю фунтъ имбирю или помады. Мы не заботимся о томъ, какое употребленіе изъ нашихъ товаровъ будутъ дѣлать потребители, мы вѣримъ, что они знаютъ, что имъ нужно, и для насъ достаточно труда угадать ихъ потребности и только отвѣчать на нихъ. Очень можетъ быть, что найдется одинъ учитель зоологіи, одинъ учитель средней исторіи, одинъ,—Закона Божія и одинъ типографическаго искусства. Если эти учителя будутъ въ состояніи сдѣлать свои уроки занимательными, уроки эти будутъ полезны, не смотря на свою кажущуюся несоотвѣтственность и случайность. Я не вѣрю въ возможность теоретически придуманнаго гармоническаго свода наукъ, но вѣрю въ то, что каждая наука, при свободномъ ея преподаваніи, гармонически укладывается въ сводъ знаній каждаго человѣка.

Воспитательный элементъ науки не можетъ передаваться насильственно. Не могу достаточно не обратить вниманіе читателя на это обстоятельство. Воспитательный элементъ, положимъ, въ исторіи, въ математикѣ, передается только тогда, когда учитель страстно любитъ и знаетъ свой предметъ; тогда только любовь эта сообщается ученикамъ и дѣйствуетъ на нихъ воспитательно. Въ противномъ же случаѣ, то есть когда гдѣ-то рѣшено, что такой то предметъ дѣйствуетъ воспитательно и однимъ предписано читать, а другимъ слушать, преподаваніе достигаетъ совершенно противуположныхъ цѣлей, то есть не только не воспитываетъ научно, но отвращаетъ отъ науки. Говорятъ, наука носитъ въ себѣ воспитательный элементъ (erziehliges Element)—это справедливо и несправедливо, и въ этомъ положеніи лежитъ основная ошибка существующаго парадоксальнаго взгляда на воспитаніе. Наука есть наука, и ничего не носитъ въ себѣ. Воспитательный же элементъ лежитъ въ преподаваніи наукъ, въ любви учителя къ своей наукѣ и въ любовной передачѣ ея, въ отношеніи учителя къ ученику. Хочешь наукой воспитать ученика, люби свою науку и знай ее, и ученики полюбятъ и тебя, и науку, и ты воспитаешь ихъ, но если самъ не любишь ее, то сколько бы ты ни заставлялъ учить, наука не произведетъ воспитательнаго вліянія. И тутъ опять одно мѣрило, одно спасеніе, опять та же свобода учениковъ слушать или не слушать учителя, воспринимать его воспитательное вліяніе, то есть имъ однимъ рѣшить, знаетъ ли онъ и любитъ ли свою науку.

Итакъ чѣмъ же будетъ школа при невмѣшательствѣ въ воспитаніе?

Всесторонней и самою разнообразною сознательною дѣятельностью одного человѣка на другого, съ цѣлью передачи знаній (instruction), не принуждая учащагося ни прямо насильственно, ни дипломатически воспринимать то, что намъ хочется. Школа не будетъ, можетъ быть, школа, какъ мы ее понимаемъ,—съ досками, лавками, каѳедрами учительскими или профессорскими,—она, можетъ быть, будетъ рассказъ, театръ, библіотека, музей, бесѣда;—сводъ наукъ, программы, можетъ быть, вездѣ сложатся совсѣмъ другія.

---

[1]) Гр. Л. Н. Толстой: Полное собраніе сочиненій. т. IV.

5.

Мысли о воспитаніи.

(Изъ писемъ и бумагъ 1902 г.).

О воспитаніи я думалъ очень много. Бываютъ вопросы, въ которыхъ приходишь къ выводамъ сомнительнымъ, и бываютъ вопросы, въ которыхъ выводы, къ которымъ пришелъ, окончательные, и чувствуешь себя не въ состояніи ни измѣнить ихъ, ни прибавить къ нимъ что-либо. Таковы выводы, къ которымъ я пришелъ о воспитаніи.

Они слѣдующіе:

Воспитаніе представляется сложнымъ и труднымъ дѣломъ только до тѣхъ поръ, пока мы хотѣли, не воспитывая себя, воспитывать своихъ дѣтей или кого бы то ни было. Если же поймешь, что воспитывать другихъ мы можемъ только чрезъ себя, то упраздняется вопросъ о воспитаніи, и остается одинъ вопросъ жизни: Какъ надо самому жить? Потому что не знаю ни одного дѣйствія воспитанія дѣтей, которое не включалось бы въ воспитаніе себя. Какъ одѣвать, какъ кормить, какъ класть спать, какъ учить дѣтей? Точно такъ же, какъ себя. Если отецъ, мать одѣваются, ѣдятъ, спятъ умѣренно, работаютъ и учатся, то дѣти будутъ тоже дѣлать. Два правила я бы далъ для воспитанія: Самому не только жить хорошо, но работать надъ собою, постоянно совершенствуясь, и ничего не скрывать изъ своей жизни отъ дѣтей. Лучше, чтобы дѣти знали про слабыя стороны своихъ родителей, чѣмъ то, чтобы они чувствовали, что есть изъ ихъ родителей скрытая отъ нихъ жизнь и есть показная. Всѣ трудности воспитанія вытекаютъ изъ того, что родители, не только не исправляясь отъ своихъ недостатковъ, но даже не признавая ихъ недостатками, оправдывая ихъ въ себѣ, хотятъ не видать этихъ недостатковъ въ дѣтяхъ. Въ этомъ вся трудность и вся борьба съ дѣтьми. Дѣти нравственно гораздо проницательнѣе взрослыхъ и они, часто не выказывая и даже не сознавая этого, видятъ не только недостатки родителей, но и худшій изъ всѣхъ недостатковъ—лицемѣріе родителей, теряютъ къ нимъ уваженіе и интересъ ко всѣмъ поуче-

ніямъ. Лицемѣріе родителей при воспитаніи дѣтей есть самое обычное явленіе, дѣти чутки, замѣчаютъ его сейчасъ же и отвращаются и развращаются. Правда есть первое, главное, условіе дѣйствительности духовнаго вліянія, и потому оно есть первое условіе воспитанія. А чтобы не страшно было показать дѣтямъ всю правду своей жизни, надо сдѣлать свою жизнь хорошей или, по-крайней мѣрѣ, менѣе дурной. И потому воспитаніе другихъ включается въ воспитаніе себя, и другого ничего не нужно [1]).

XXVIII.

С. И. Миропольскій.

Сергѣй Ипполитовичъ Миропольскій служилъ преимущественно по управленію духовными учебными заведеніями; вмѣстѣ съ тѣмъ въ теченіе почти сорока лѣтъ занимался литературно-педагогическими трудами, помѣщая свои статьи въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Семьѣ и Школѣ», «Церковно-приходской школѣ» и издавая отдѣльныя книжки по вопросамъ педагогическимъ; онъ перевелъ въ 1875—77 гг. «Великую Дидактику» Амоса Коменскаго, былъ о ней высокаго мнѣнія и педагогическія идеи Коменскаго положилъ въ основаніе своихъ трудовъ. Написалъ «Общую и частную дидактику», «Учитель народной школы». Задачи, планъ и основы устройства нашей народной школы, дидактическое пособіе для учителей и учительскихъ семинарій. 3-е изд. 1884. «Инспекція народныхъ школъ и ея задачи» (по поводу инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ) 1877. Въ «Систематическомъ обзорѣ народно-учебной литературы», изданіи, предпринятомъ Петроградскимъ комитетомъ грамотности, статьи по педагогикѣ и начальному обученію русскому языку написаны С. И. Миропольскимъ.

За свои труды по народному образованію г. Миропольскій былъ награжденъ Комитетомъ грамотности золотою медалью.

Въ 1894—1895 гг. Миропольскій написалъ «Очеркъ исторіи церковно-приходской школы отъ перваго ея возникновенія на Руси до настоящаго времени».

---

[1]) Л. Н. Толстой педагогическіе статьи. Москва, 1912.

1.

Въ какихъ формахъ и способахъ возможна подготовка народнаго учителя къ своему дѣлу?

Характеръ, цѣль и источники самообразованія учителя.

Существуютъ два главныхъ способа для педагогической подготовки учителя: а) путь образованія и б) путь самообразованія.

а) Образованіе учителей совершается въ правильно устроенныхъ спеціально-педагогическихъ учрежденіяхъ (учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ). Было бы неумѣстнымъ здѣсь излагать обстоятельно планъ и систему этого образованія; довольно сказать, что это самый вѣрный и наиболѣе удобный путь для пріобрѣтенія учителемъ надлежащей подготовки къ своему дѣлу. Обученіе въ семинаріяхъ разсчитано не только на сообщеніе необходимыхъ для всякаго учителя свѣдѣній, но и на пріобрѣтеніе необходимыхъ въ обученіи навыковъ, умѣнья, путемъ собственнаго упражненія, личной практики, подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, въ образцовой школѣ, составляющей непремѣнную принадлежность подобныхъ учрежденій.—Выходящіе изъ учительскихъ семинарій кандидаты должны являться мастерами своего дѣла, способными усовершенствовать и развивать его въ духѣ требованія педагогики. Наша цѣль въ данномъ случаѣ состоитъ въ раскрытіи источниковъ, средствъ и путей для педагогическаго самообразованія учителя.

б) Самообразованіе гораздо труднѣе; но также можетъ дать плодотворные результаты при искреннемъ желаніи учителя учиться, знать; стать достойнымъ своего призванія, пополнить пробѣлы въ своихъ познаніяхъ, при стремленіи стать на высоту своего призванія. Самообразованіе нельзя, впрочемъ, разсматривать, какъ нѣчто особое и противоположное образованію. Совершенно напротивъ: всякое образованіе имѣетъ послѣднею цѣлію подготовку къ самообразованію, ибо ни одна школа, не исключая и высшей, не исчерпываетъ всего, что можетъ человѣкъ знать и усвоить; не можетъ вполнѣ и всецѣло удовлетворить стремленію ума къ развитію, ибо это стремленіе безгранично. Итакъ, область самообра-

зованія открыта не только для тѣхъ изъ учителей, которые, не получивъ спеціально-педагогической подготовки, или получивъ ее въ слабой степени, желали бы пополнить пробѣлы въ своихъ познаніяхъ, но и для тѣхъ, которые, получивъ солидное педагогическое образованіе въ спеціальныхъ учрежденіяхъ, принимаются за трудъ учительства и желаютъ его усовершенствовать.

1) Первымъ и главнымъ источникомъ самообразованія служитъ чтеніе, изученіе того, что сдѣлано раньше другими. Сюда принадлежитъ, во первыхъ, чтеніе научно-теоретическихъ трудовъ по педагогикѣ, съ науками вспомогательными, предметомъ которыхъ служитъ изученіе природы человѣка, куда принадлежатъ: антропологія, физіологія, психологія. Далѣе, изученіе исторіи воспитанія и обученія въ разныя времена и у разныхъ народовъ. Наконецъ знакомство и съ тѣми областями человѣческихъ знаній, которыя или составляютъ предметы обученія въ школахъ (законъ Божій, родной языкъ, отечественная исторія и географія, ариѳметика, естествознаніе, свѣдѣнія изъ науки о народномъ хозяйствѣ, искусства); или служатъ средствомъ для общаго развитія самого учителя (отечественная литература, всеобщая исторія, математика, языки и др.).

Нечего и говорить, что чтеніе должно быть, прежде всего, цѣлесообразнымъ по выбору матеріала. Затѣмъ остается желать, чтобы самое чтеніе велось серьезно, обдуманно, вызвало бы въ учителѣ самостоятельное обсужденіе дѣла и потребность провѣрки предлагаемаго теоріей на практикѣ. Для этого лучше читать немного, но основательно, читать съ перомъ въ рукѣ. Никогда не слѣдуетъ слишкомъ довѣряться памяти: она часто измѣняетъ. Гораздо вѣрнѣе записать то, что обратило на себя наше вниманіе и вызвало размышленіе. При этомъ а) самая мысль станетъ яснѣе в) тверже запечатлѣвается въ памяти и с) всегда будетъ подъ руками такъ какъ книгу не всегда можно имѣть при себѣ. Что же касается критическаго сужденія при чтеніи, то оно пріобрѣтается столько же глубокимъ изученіемъ предмета теоретическимъ сколько и собственною практикою. Но нельзя не пожелать, чтобъ учителя меньше принимали мнѣнія на вѣру, по авторитету, а лучше тщательно вникая въ самое дѣло, находили бы для всего достаточныя основанія въ своемъ сужденіи или въ собственной практикѣ. Жить чужими мыслями невозможно, и какъ бы ни были хороши идеи, рекомендуемыя

авторитетами, но, пока чужія мысли не стали ясны для нашего ума, не сдѣлались нашею собственностію, не перешли въ наши убѣжденія, онѣ составляютъ блестящее, но пустое украшеніе, не болѣе.

Если учитель не долженъ учить учениковъ—«видѣть чужими глазами, постигать предметы чужимъ умомъ», то тѣмъ болѣе самостоятельный взглядъ и собственное пониманіе дѣла необходимы для самаго учителя. Поэтому и чтеніе должно лишь служить средствомъ къ цѣли, а не цѣлью. Изучивъ разнообразные взгляды на учебно-воспитательное дѣло, учитель только пріобрѣтаетъ возможность широкаго и правильнаго пониманія своей задачи; но выработка убѣжденій и собственныя воззрѣнія принадлежатъ личной самодѣятельности.

2) Вторымъ средствомъ педагогическаго самообразованія учителя служитъ непосредственное изученіе живой дѣятельности образцовъ и собственная практика. Постоянное и внимательное наблюденіе учителя надъ своею дѣятельностью составляетъ основное условіе практическаго успѣха въ школьномъ дѣлѣ. Въ первыхъ опытахъ ошибки, недосмотры, случайности неизбѣжны, впрочемъ они и вообще неизбѣжны въ дѣлахъ человѣческихъ, и справедливо говорятъ: «только тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ». Ошибки не бѣда, если онѣ исправляются; но чтобы исправить, надо сознать ихъ, а чтобы сознать ихъ, надо наблюдать за собою. Хуже всего для учителя самомнѣніе, увѣренность въ своей непогрѣшимости. Опытные педагоги совершенно справедливо совѣтуютъ учителямъ, въ видахъ самообразованія, вести постоянную запись (журналъ) своихъ занятій, куда вноситъ наблюденія: а) надъ собою, в) надъ учениками, с) надъ своимъ дѣломъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ наблюденія психологическія надъ дѣтьми, ибо вся дидактика опирается на законы психическаго развитія человѣка и постепенное проявленіе силъ и способностей дитяти.

3) Наконецъ, однимъ изъ важныхъ средствъ самообразованія учителя служатъ также взаимное общеніе учителей между собою и обмѣнъ мыслей между ними по поводу разнообразныхъ явленій педагогической дѣятельности. Формы этого общенія весьма различны; но всѣ онѣ обусловливаются взаимною связью учителей, сознаніемъ единства въ своей дѣятельности. Въ Россіи сознаніе

и потребность этого средства самообразованія учительскаго сословія развиты пока весьма слабо; за границей же существуетъ множество учительскихъ обществъ, собраній, съѣздовъ, частныхъ союзовъ, для взаимнаго обезпеченія членовъ учительскаго сословія. для организаціи учительскихъ библіотекъ и для совокупной выписки и современныхъ явленій въ области педагогической литературы и журналистики, комитетовъ, компаній для изданія своихъ трудовъ и т. п. Все это вызываетъ энергію учителя, поддерживаетъ въ немъ духъ педагогическаго единства, въ связи съ дѣятельностію его товарищей, увеличиваетъ въ немъ увѣренность въ успѣхѣ и даже въ матеріальномъ отношеніи облегчаетъ для учителя трудности его незавидпаго положенія.

Наши учители разрознены, отъ того нерѣдко и педагогическій интересъ въ нихъ слабъ. Нельзя не пожелать болѣе тѣснаго и живого сближенія ихъ въ видахъ самообразованія. Бесѣды для людей мыслящихъ и трудящихся есть одно изъ прекрасныхъ наслажденій, въ которомъ польза соединяется съ отдыхомъ и удовольствіемъ. Постоянный обмѣнъ мыслей, совокупное разрѣшеніе недоумѣній, различныхъ вопросовъ по учебно-педагогической практикѣ, взаимное возбужденіе къ пополненію пробѣловъ въ познаніяхъ, сообщеніе другъ другу различныхъ улучшеній по той или другой отрасли обученія, взаимная провѣрка опытовъ и воззрѣній на педагогическое дѣло,—вотъ тѣ важныя выгоды, которыхъ лишается наше учительское сословіе, живя замкнуто, разрозненно, чуждаясь другъ друга. Конечно, было бы несправедливо винить въ этомъ явленіи однихъ учителей, такъ какъ здѣсь вліяютъ самыя разнородныя и нерѣдко неотразимо—сильныя условія экономическаго, общественнаго, административнаго характера; но для самихъ же учителей нельзя пожелать, чтобъ они тѣснѣе соединились между собою, поняли взаимныя выгоды педагогическаго общенія, и, по мѣрѣ силъ, стремились бы устранить препятствія, мѣшающія ихъ взаимному сближенію. Единство и личная тѣсная связь тружениковъ народнаго образованія внесутъ въ учительскую жизнь много свѣжихъ стихій, придадутъ силу, крѣпость и энергію отдѣльнымъ лицамъ и будутъ содѣйствовать возвышенію всего учительскаго сословія.

Переходя затѣмъ къ вопросу, что и какъ учитель можетъ извлечь изъ главныхъ источниковъ педагогическаго самообразованія

изученія теоріи, исторіи педагогики и педагогической практики, мы должны остановиться на разъясненіе того отношенія, какое существуетъ между этими источниками педагогическаго развитія учителя. Существуетъ мнѣніе, что изученіе исторіи педагогики есть самый вѣрный и прямой путь для педагогической подготовки учителя. Существуетъ и такое мнѣніе, что такъ какъ воспитаніе и обученіе есть искусство, а искусство пріобрѣтается только упражненіемъ, то самый вѣрный и прямой путь къ цѣли для учителя представляетъ собственная практика. Ни исторія, ни теорія, говорятъ, не научатъ человѣка, какъ учить въ школѣ съ успѣхомъ, ибо «методу нельзя научиться, а надо самому его выработать». Наконецъ, есть и защитники теоріи педагогики, которая, по мнѣнію ихъ, одна только и можетъ сдѣлать трудъ учителя разумнымъ и осмысленнымъ. Такъ какъ исторія представляетъ рядъ явленій опыта въ области воспитанія, и въ этомъ отношеніи по существу своему однородна съ фактами личнаго опыта (исторія представляетъ опыты совершившіеся, а практика—опыты совершающіеся), то весь вопросъ сводится къ установленію правильнаго отношенія воспитательной практики; (т. е. опыта историческаго и личнаго) къ теоріи (наукѣ о воспитаніи) [1]).

2.

Школа, какъ сила экономическая и моральная.

Не вражду, но миръ возвѣщаетъ наука человѣчеству; не розпь и самонстребленіе должны лежать въ основѣ человѣческихъ обществъ—иначе какую бы они имѣли будущность? Но единство, гармонія, «хоровое начало», по прекрасному выраженію истинно русскаго человѣка [2]), которому не по душѣ сложныя системы экономическихъ противорѣчій, который живетъ и думаетъ проще, не хитря попапрасну. Тутъ будетъ мѣсто и экономическому принципу, и моральному началу, и интересамъ личнымъ и общественнымъ.

---

[1]) Изъ книги: „Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы“. СБП. 1878., стр. 3—7.

[2]) С. А. Юрьевъ.

Пока человѣкъ остается человѣкомъ, до тѣхъ поръ невыдѣлимъ изъ его дѣятельности нравственный элементъ, составляющій глубокое и естественное проявленіе общечеловѣческихъ инстинктовъ, и это не «теорія», а живой, бьющій въ глаза фактъ. Что-бы мы ни дѣлали, за что бы ни принимались, вездѣ нравственная сторона является невидимымъ, но сильнѣйшимъ двигателемъ, безъ котораго шагу нельзя ступить даже въ самомъ маломъ начинаніи. Недавно кто-то доказывалъ, и совершенно справедливо, что безъ «нравственной брезгливости», распространенной въ публикѣ, нельзя никакими административными мѣрами, никакими законами искоренить злоупотребленій по постройкѣ и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ. Другой развивалъ мысль, что до какого бы совершенства ни была доведена техника военнаго дѣла, невозможно создать хорошаго войска безъ нравственнаго воспитанія солдата. Третій замѣтилъ недавно, что гдѣ нѣтъ нравственной подкладки, тамъ самыя обдуманныя, превосходныя общественныя учрежденія останутся прекрасной теоріей и не перейдутъ въ жизнь. Всѣ эти мысли, конечно, не новы, но онѣ интересны какъ указаніе на то, чѣмъ мы всегда болѣе страдаемъ, гдѣ наше больное мѣсто. Безъ внесенія нравственныхъ элементовъ въ сельско-хозяйственныя отношенія нечего и думать о поднятіи деревенскаго быта и хозяйства даже при соединеніи самыхъ благопріятныхъ условій. Мечтать о строго юридическомъ, механически—правильномъ и пунктуальномъ ходѣ хозяйства, въ которомъ бы лицо стушевалось, индивидуальность ничего не значила и каждый дѣятель былъ бы лишь колесомъ, легко и просто замѣняемымъ другимъ, можно, конечно, но у себя въ кабинетѣ.

Культурные и нравственные элементы, что бы тамъ ни говорили, всегда составляли и будутъ составлять даже въ практическомъ смыслѣ одно изъ самыхъ существенныхъ условій успѣха всякаго хозяйства, а сельскаго въ особенности.

Если въ городѣ можно жить въ одномъ домѣ и не знать другъ друга, то въ деревнѣ волей неволей всѣ приходятъ въ столкновеніе, всѣ находятся въ тѣсной связи, всякій нуждается въ услугѣ другого. Не говоря уже о крестьянахъ, — круговая порука составляетъ основу ихъ общественныхъ отношеній,—даже земледѣльцы высшихъ сословій не свободны отъ силы этихъ отношеній. Чѣмъ, кромѣ испытанной честности, твердой, непоколебимой справедливости и дѣйствительно теплаго участія къ ближнему, его нуждамъ и горю,

готовности придти на помощь, вы привяжете къ себѣ окружающее населеніе, привлечете къ себѣ на работу лучшихъ надежныхъ людей, которымъ вы могли бы довѣриться, которые служили бы вамъ усердно и добросовѣстно, не мѣтя при каждомъ удобномъ случаѣ васъ «объегорить?» Этимъ условіемъ пренебрегать нельзя. Вотъ идетъ трудная рабочая пора, вамъ до зарѣзу нужны руки, а ихъ нѣтъ. Если въ околодкѣ сложилось убѣжденіе что вы честный и добрый человѣкъ, обходительны и добры съ рабочими, не обманете и не обидите при разсчетѣ, а при нуждѣ всякому поможете,—васъ не оставятъ безъ помощи, отъ васъ не пойдутъ сосѣди въ люди искать себѣ заработка на сторонѣ и у васъ въ рабочихъ навѣрно недостатка не будетъ, васъ выручатъ изъ бѣды.

Совсѣмъ иное дѣло, если вы пользуетесь славой кулака, человѣка, отъ котораго добра никто не видалъ и который честно ни съ кѣмъ не разсчитывался: посадить васъ на мель, провести, отказать въ помощи и надеждѣ — для вашихъ сосѣдей будетъ удовольствіемъ, потребностью; такому случаю будутъ радоваться. Развѣ не бывало случаевъ, что на пожарахъ у такихъ экономистовъ народъ равнодушно грѣлъ руки да подсмѣивался? Нѣтъ, мы еще не достаточно ясно уразумѣли, какъ велика важность моральнаго элемента въ хозяйствѣ, и въ этомъ отношеніи часто заблуждаемся. Наши соображенія постоянно вертятся только исключительно на системахъ полеводства, сѣвооборотахъ, машинахъ и т. д., рабочіе представляются намъ тоже въ видѣ машинъ, — но это глубокое заблужденіе: они люди. Мы твердимъ: для хозяйства нужно занятіе, опытность, сноровка, умѣнье пользоваться обстоятельствами, хозяйственный талантъ, выдержка и т. д.; конечно, все это нужно, но это не все,—опуская изъ виду культурно-нравственный элементъ, мы забываемъ объ основѣ дѣла: мудрено ли, что разсчеты наши оказываются ошибочными? Видя неудачи нашей ловкости, умѣнья, неутомимой энергіи, соображеній мы не хотимъ признать коренную причину нашихъ неудачъ, а сваливаемъ вину на обстоятельства, погоду, на то да на се, или принимаемся бранить огульно русскаго рабочаго, уличая его въ тупости, лѣни, ехидствѣ, невѣжествѣ, а сами остаемся въ томъ же невѣдѣніи и слѣпотѣ.

Скажутъ: «народъ грубъ для такихъ отношеній, онъ не пойметъ ихъ». Да вѣдь о томъ и рѣчь идетъ, чтобы освободить народъ отъ грубости и невѣжества, — вотъ почему совершенно въ интересахъ

хозяйства, мы и настаиваемъ, что для народа необходима школа, просвѣтительная и морально-воспитывающая. Плохо сложились наши хозяйственныя отношенія?—Да, но вѣдь нужно же ихъ улучшить, и это улучшеніе прежде всего обусловливается внесеніемъ въ эту сферу культурныхъ и нравственныхъ элементовъ, что можно сдѣлать только при посредствѣ школы. Это наше дѣло, наша обязанность, забота, наша польза. «Теперь начинаютъ это понимать всѣ, и общія почтенныя усилія создавать народныя школы, приготовлять сельскихъ учителей—доказываютъ, на сколько сознаніе истинныхъ, коренныхъ нуждъ сельскаго хозяйства и быта у насъ уже подвинулось и созрѣло». Народъ русскій — высокодаренный, трудолюбивый и честный народъ; дайте ему образованіе, и онъ создастъ такое хозяйство, которому и нѣмецъ позавидуетъ [1]).

XXIX.

Н. Ѳ. Бунаковъ.

Николай Ѳедоровичъ Бунаковъ родился въ г. Вологдѣ въ 1836 году; послѣ окончанія курса Вологодской гимназіи въ 1854 г. былъ учителемъ русскаго языка въ Тотемскомъ уѣздномъ училищѣ. вскорѣ однако за умѣлое преподаваніе былъ переведенъ учителемъ младшихъ классовъ Вологодской гимназіи (съ 1862 по 1864 г.).

Въ 1864 г. Н. Ѳ. Бунаковъ вышелъ въ отставку и поселился въ С.-Петербургѣ. Здѣсь онъ сошелся съ К. Д. Ушинскимъ и Ѳ. Ѳ. Резенеромъ, знакомство съ которыми принесло ему огромную пользу и окончательно опредѣлило его педагогическое призваніе.

Въ Петербургѣ Н. Ѳ. выдержалъ экзаменъ на учителя русскаго языка и словесности въ военныхъ гимназіяхъ и въ началѣ 1866 г. получилъ мѣсто преподавателя въ воронежской военной гимназіи. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Воронежъ, Бунаковъ основалъ частную начальную школу на новыхъ началахъ, которою и руководилъ 14 лѣтъ. Отчеты о дѣятельности школы онъ печаталъ въ разныхъ педагогическихъ журналахъ.

Начало извѣстности Бунакова было положено статьями по обученію грамотѣ, напечатанными въ 1871 г. въ журналѣ «Семья и

---

[1]) Изъ журнала „Семья и Школа“ 1874 г. № 10.

Школа», вышедшими потомъ и отдѣльно подъ заглавіемъ «Обученіе грамотѣ по звуковому способу, въ связи съ предметными уроками и начальными упражненіями въ родномъ языкѣ» Спб. 1871 (20-е изд. Спб. 1896 г.). Извѣстность Бунакова стала расти, когда въ 1872 г. онъ былъ приглашенъ въ Москву въ качествѣ руководителя по методикѣ предметовъ начальнаго обученія учителей, собравшихся для обозрѣнія выставки. Такіе же бесѣды онъ велъ и въ другихъ мѣстахъ (напр. Костромѣ) на съѣздахъ народныхъ учителей. Бесѣды эти были пополнены и изданы подъ заглавіемъ: «Родной языкъ, какъ предметъ обученія въ народной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ. Въ 1873 г. Бунаковъ расширилъ содержаніе этой книги и, пополнивъ ее главами общедидактическаго характера, издалъ ее подъ заглавіемъ «Школьное дѣло» [1]). Въ этомъ трудѣ изложены взгляды Бунакова на задачи школьнаго обученія, формы обученія, примѣненныя въ народной школѣ и подробно изложены внѣ занятія, входящіе въ кругъ обученія родному языку въ народной школѣ. Изъ его учебниковъ наибольшимъ распространеніемъ пользовались: «Азбука и уроки чтенія и письма» «Въ школѣ и дома» 3 части «Книжка первинка». Для среднихъ учебныхъ заведеній Бунаковъ издалъ 4 выпуска «Хрестоматій» и затѣмъ «Школьный годъ», «Русская подвижная школа, воскресные и повторительные уроки», рядъ статей, касающихся постановки учебнаго дѣла въ начальной школѣ и отчеты по руководительству педагогическими курсами для начальныхъ учителей.

1.

Задачи народной школы.

Народная школа не должна ограничивать свою дѣятельность лишь узкою цѣлью научить дѣтей грамотѣ и сообщить имъ извѣстныя знанія. Она, главнымъ образомъ, должна воспитательно вліять на учащихся, приготовляя ихъ къ жизни честной, разумной, не отрывая ихъ отъ родной среды и привычнаго труда. Она должна возбудить въ учащихся потребность къ духовному самоусовершенствованію. Рядомъ съ трудомъ, видимымъ и неоспоримымъ мотивомъ жизни современнаго человѣка является его національная особенность. Сознавать себя гражданиномъ извѣстной страны и стремиться къ пользѣ своего отечества, какъ къ личной выгодѣ, одно изъ тѣхъ почтенныхъ

[1]) Отсюда у насъ взятъ второй отрывокъ.

качествъ, котораго никто не можетъ оспаривать. Школа имѣетъ довольно случаевъ и должна поддерживать въ своихъ ученикахъ чувство народности.

Разумная педагогія, просвѣщая умы воспитанниковъ свѣтомъ европейской науки, насколько это возможно, рядомъ съ любовью къ отечеству должно развивать и вообще любовь къ человѣку въ обширномъ смыслѣ слова.

2.

Національное и нравственное воспитаніе.

Школа имѣетъ довольно случаевъ и должна поддерживать въ своихъ ученикахъ чувство народности. Во-первыхъ, къ этому ведетъ толковое изученіе родной природы, отечественной географіи и исторіи; во-первыхъ, изученіе роднаго языка и поэтическаго матеріала, носящаго на себѣ яркую, живую печать народнаго духа, представляющаго идеальное изображеніе русской природы и русской жизни. Здѣсь дѣло не въ томъ, чтобы искусственно подогрѣвать въ дѣтяхъ любовь къ отечеству и представлять имъ все отечественное преувеличенно прекраснымъ: идеальное изображеніе вовсе не значитъ фальшивое изображеніе; оно только схватываетъ и развиваетъ въ изображаемомъ предметѣ ту идею, которая въ дѣйствительности затемнѣна и открыта не всякому, такъ что большинство людей чувствуетъ присутствіе идеи, но не сознаетъ ея и не можетъ дать отчета въ своемъ чувствѣ; этимъ объясняются такія выраженія: «люблю я родину—за что—не знаю самъ» и пр. Въ дѣтяхъ, выросшихъ при извѣстной обстановкѣ, уже есть зародышъ любви къ отечеству, школѣ остается только способствовать правильному развитію этого зародыша, освѣтить, осмыслить непосредственное чувство, путемъ изученія родной страны съ ея жизнью и путемъ расширенія личныхъ интересовъ ученика до интересовъ общественныхъ. Извѣстно, что особенно одушевленною любовью къ отечеству славились древніе греки—отчего? «Оттого, говоритъ Бенеке, что уже въ дѣтствѣ человѣкъ видѣлъ вокругъ себя людей, занятыми мыслью объ отечествѣ, и потому въ древнемъ обществѣ взаимныя отношенія дѣтей представляли въ маломъ видѣ подражаніе общественнымъ отношеніямъ. Въ силу чрезвычайно частаго и многократнаго повторенія однихъ и

тѣхъ же сліяній слѣдовъ, любовь къ отечеству развивалась даже въ натурахъ вообще эгоистическихъ». Но въ древности эта любовь принимала нерѣдко слишкомъ узкій и нетерпимый характеръ, даже соединялась съ рѣшительною ненавистью ко всему, лежащему внѣ отечества. Само собой разумѣется, что такое направленіе любви къ отечеству несовмѣстимо ни съ христіанскимъ ученіемъ, ни съ духомъ науки, а слѣдовательно ни съ идеаломъ разумной педагогіи. Разумная педагогія, просвѣщая умы воспитанниковъ свѣтомъ европейской науки, насколько это возможно, рядомъ съ любовью къ отечеству должна развивать и вообще любовь къ человѣку въ обширномъ смыслѣ слова. Случаевъ для этого и вообще для разширенія интересовъ учащихся, какъ противовѣса личному эгоизму и узкому патріотизму, школа имѣетъ довольно. Она сама по себѣ представляетъ общество, которое собрано съ извѣстною цѣлью, общею для всѣхъ и каждаго изъ ея членовъ; здѣсь для успѣшной работы, такъ же необходимо установленіе справедливости, подчиненія личныхъ интересовъ общимъ, порядка, какъ оно необходимо и во всякомъ обществѣ. Кто въ этомъ маленькомъ кругу разовьетъ въ себѣ и будетъ обнаруживать чувство справедливости и честности, тотъ съ хорошими задатками вступитъ въ кругъ болѣе широкаго общества, какъ гражданинъ и человѣкъ. Какъ общество, въ которомъ личный произволъ одного не долженъ задерживать дѣло многихъ, школа должна выработать внутри себя извѣстный порядокъ одинаково обязательный для всѣхъ, основанный на разумныхъ началахъ, проводимый настойчиво, послѣдовательно, содержащій въ себѣ очевидныя удобства и выгоды для всѣхъ вмѣстѣ и для каждаго порознь, а потому не представляющійся насильственнымъ, самодурнымъ. Учитель—представитель и хранитель этого порядка, отстаивающій его не по личной прихоти, не по капризу, не изъ личнаго интереса, а изъ уваженія къ дѣлу, которое охраняется этимъ порядкомъ: онъ и самъ подчиняется этому порядку. Вотъ начало и законное основаніе школьной дисциплины. Какъ блюститель ея, учитель долженъ быть въ своихъ дѣйствіяхъ послѣдователенъ и справедливъ; но въ то же время не долженъ забывать и того, что передъ нимъ не куклы, а люди; что разумная дисциплина состоитъ только въ извѣстной мѣрѣ подчиненія личныхъ интересовъ общимъ, насколько послѣдніе могли бы пострадать отъ первыхъ, а не въ уничтоженіи личности съ ея особенностями, не въ мелочной, безмѣрной регламентаціи каждаго движенія и каждаго слова; что ра-

зумная послѣдовательность не есть слѣпое примѣненіе одной и той же мѣры къ сотнѣ случаевъ, которые можно подвести подъ одну рубрику. Онъ долженъ въ извѣстной степени знать личность каждаго ученика и дѣйствовать сообразно съ личными особенностями: по отношенію къ иной личности взглядъ больше сдѣлаетъ, нежели рѣзкое слово и даже удаленіе изъ класса по отношенію къ другой, хотя причина, вызывающая то или другое или третье дѣйствіе учителя можетъ быть одна и та же, одно и то же нарушеніе общественнаго порядка во вредъ всему обществу. Это происходитъ сколько отъ природнаго разнообразія въ свойствахъ душевныхъ силъ, большей или меньшей ихъ воспріимчивости или крѣпости, столько же отъ того, что учитель получаетъ подъ свое вліяніе матеріалъ уже готовый, болѣе или менѣе сложившійся, такъ какъ послѣ девяти-десяти-лѣтней домашней жизни въ душѣ каждаго ученика скопились группы и ряды душевныхъ продуктовъ, образовались сочетанія и привычки болѣе или менѣе прочныя, которыя не могутъ ни исчезнуть, ни переработаться разомъ, безъ продолжительнаго вліянія новой обстановки съ ея впечатлѣніями. Въ школьныхъ порядкахъ должна заключаться масса благопріятныхъ нравственныхъ вліяній, образующихъ многія важныя стороны характера, какъ-то: уваженіе къ общественнымъ интересамъ, разумная сдержанность, обдуманность въ поступкахъ, критическое отношеніе къ самому себѣ, живая связь между словомъ и дѣломъ, способность входить въ общіе интересы изъ тѣсной рамки своихъ личныхъ интересовъ.

Собирая все сказанное въ одно цѣлое, всѣ стремленія школы относительно нравственнаго воспитанія, для образованія характеровъ ея учениковъ, можно формулировать такъ: она должна всѣми возможными средствами, какъ содержаніемъ и направленіемъ обученія, такъ и своей обстановкой и своими порядками, развивать въ дѣтяхъ: любовь и привычку къ труду, самостоятельность въ трудѣ и поступкахъ вообще, соединенную со вниманіемъ, любознательностью и стремленіемъ къ самоусовершенствованію; чувство народности и человѣческаго достоинства, соединенное съ расширеніемъ интересовъ; чувство общественности, соединенное съ сознательною справедливостью, съ сознательнымъ уваженіемъ къ чужой личности и къ условіямъ общественной жизни, съ сознательной привычкой къ разумному порядку.

Средствами для такого воздѣйствія на нравственное развитіе учениковъ, какъ видно изъ предыдущаго, въ школѣ служитъ: а) со-

держаніе и характеръ обученія, если то и другое будетъ согласоваться съ указанными стремленіями; б) личность учителя, какъ человѣка, вступающаго къ ученикамъ въ извѣстное отношеніе: любовь учениковъ къ учителю, какъ къ человѣку, здѣсь будетъ столь же важнымъ подспорьемъ, какъ антипатія—противодѣйствіемъ; в) примѣръ учителя, подкрѣпляющаго свои требованія живымъ впечатлѣніемъ отъ своихъ личныхъ дѣйствій; г) школьные порядки, основанные на разумныхъ началахъ, и тѣ способы, какъ они поддерживаются: послѣдовательность и неуклонность требованій, вниманіе къ личнымъ особенностямъ каждаго ученика, живое и теплое отношеніе къ личностямъ, ко всему классу и къ общему дѣлу [1]).

XXX.

С. А. Рачинскій.

Сергѣй Александровичъ Рачинскій родился въ 1836 г., учился въ Московскомъ университетѣ, въ 1859 г. получилъ степень магистра ботаники за диссертацію «О движеніи высшихъ растеній», съ 1861 г. былъ назначенъ профессоромъ физіологіи растеній въ Московскомъ университетѣ; въ 1867 г. оставилъ каѳедру и чрезъ нѣкоторое время посвятилъ себя дѣлу народнаго образованія, въ качествѣ руководителя народной школы. Онъ перевелъ «О происхожденіи видовъ» Ч. Дарвина, «Растеніе и его жизнь» Шлейдена и помѣстилъ рядъ популярно-научныхъ очерковъ, печатавшихся въ Русскомъ Вѣстникѣ напр. «Цвѣты и насѣкомыя» и др. Свою извѣстность Рачинскій пріобрѣлъ главнымъ образомъ, какъ дѣятель по народному образованію и сторонникъ церковно-приходскихъ школъ и религіознаго развитія народа по преимуществу.

Школа и раньше существовала въ прекрасномъ родовомъ с. Татевѣ Рачинскихъ (Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губ.). Но то была обыкновенная школа, съ обыкновеннымъ учителемъ-семинаристомъ. Въ первые четыре года своей деревенской жизни, по оставленіи университета, Рачинскій заходилъ въ нее лишь изрѣдка. Что прежде всего обратило его вниманіе въ эти посѣщенія, были скучныя занятія ариѳметикой, по методѣ Евтушевскаго, тогда безраздѣльно царившей въ школѣ. С. А. попробовалъ дать нѣсколько уроковъ, и они имѣли столь явный успѣхъ, что ими опредѣлилась

---

[1]) Изъ книги Н. Ѳ. Бунакова. Школьное дѣло.

вся его дальнѣйшая дѣятельность. Онъ увидалъ, что народная школа страдаетъ какимъ-то коренпымъ недостаткомъ, который надо открыть и исправить. Послѣ долгихъ думъ онъ пришелъ къ тому выводу, что народная школа должна быть построена на началахъ народной жизни, и во главѣ угла ея должно лежать національное воспитаніе. Такъ явился сборникъ его статей «Сельская школа» (1-е изд. 1883 г., 2-е изд. 1892 г.). Лучшимъ своимъ ученикамъ Рачинскій даетъ возможность продолжать образованіе и дѣлиться учителями мѣстныхъ народныхъ школъ. Школа Рачинскаго является для такихъ учениковъ центромъ, образцовой школой, гдѣ они могутъ получать совѣты и указанія и куда собираются для разрѣшенія возникающихъ вопросовъ.

Изъ замѣтокъ о сельскихъ школахъ.

1.

Объ особенностяхъ сельской школы.

Скажу прежде всего нѣсколько словъ объ особенностяхъ, присущихъ, въ силу вещей, нашей сельской школѣ, насколько онѣ начинаютъ выясняться за краткій періодъ ея существованія.

Читая наши педагогическія руководства, прислушиваясь къ толкамъ печати, бесѣдуя о школахъ съ представителями нашей интеллигенціи, постоянно чувствуешь, что рѣчь идетъ не о той сельской школѣ, въ которой приходится намъ трудиться, но о сельской школѣ вообще, о какой-то схемѣ, заимствованной изъ наблюденій надъ школами иностранными, преимущественно нѣмецкими. Но та школа, которая возникаетъ на нашихъ глазахъ, среди народа, глубоко отличающагося отъ всѣхъ прочихъ своимъ прошлымъ, своимъ религіознымъ и племеннымъ характеромъ, своимъ общественнымъ составомъ,—среди обстоятельствъ, безпримѣрныхъ въ исторіи,—съ этою схемою имѣетъ очень мало общаго. Постараюсь указать на самыя рѣзкія изъ ея отличительныхъ особенностей.

Въ противуположность школамъ западнымъ, наша сельская школа возникаетъ, при весьма слабомъ участіи духовенства [1]), при глубокомъ равнодушіи образованныхъ классовъ и правительственныхъ

---

[1]) Замѣтки появились впервые до возникновенія церковно-приходскихъ школъ.

органовъ, изъ потребности безграмотнаго населенія дать своимъ дѣтямъ извѣстное образованіе. Въ этомъ ея слабость, въ этомъ и ея сила, въ этомъ ключъ къ объясненію всѣхъ прискорбныхъ и отрадныхъ явленій въ жизни нашихъ сельскихъ школъ.

Изъ этого порядка вещей прямо слѣдуетъ, что преподаваніе въ сельскихъ школахъ не можетъ имѣть никакого направленія, кромѣ даннаго тѣми же безграмотными родителями, что за ними не можетъ быть иного контроля кромѣ контроля тѣхъ же родителей.

То, что я говорю, многимъ покажется чудовищнымъ парадоксомъ. Наши сельскія школы находятся подъ четвернымъ контролемъ: дирекціи народныхъ училищъ, епархіальнаго начальства (чрезъ благочинныхъ и особо назначаемыхъ надзирателей), училищныхъ совѣтовъ и мѣстной полиціи. Кажется, на недостатокъ направляющихъ и контролирующихъ силъ жаловаться нечего. Но чѣмъ же на дѣлѣ выражается вся эта роскошь надзора и контроля?

Директоры и инспекторы народныхъ училищъ не пользуются сочувствіемъ нашей печати. Она преисполнена самыми рѣзкими нападками на ихъ бездѣйствіе или на ложное направленіе ихъ дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ должностяхъ человѣкъ неблагонамѣренный можетъ принести много вреда. Но принести пользу человѣкъ благонамѣренный (а таковы всѣ члены инспекцій, съ которыми меня сводила судьба) положительно не можетъ. Все зимнее время этихъ почтенныхъ чиновниковъ поглощено составленіемъ многосложныхъ отчетовъ (за гражданскій годъ), а лѣтомъ, какъ извѣстно, всѣ школы закрыты. Этотъ порядокъ вещей, съ одной стороны, не даетъ инспекторамъ физической возможности посѣтить тѣ сотни школъ, разбросанныя на сотни верстъ, которыя въ ихъ вѣдѣніи, съ другой,—ведетъ къ составленію отчетовъ изъ невѣрныхъ цифръ (ибо по каждой школѣ числятся и ученики окончившіе курсъ весною, и поступившіе осенью).

Участіе училищныхъ совѣтовъ въ школьномъ дѣлѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, ограничивается ходатайствомъ передъ земствомъ объ отпускѣ денежныхъ суммъ, огульнымъ распредѣленіемъ ихъ по наличнымъ школамъ и назначеніемъ членовъ для присутствованія на экзаменахъ.

Благочинные и спеціальные надзиратели за преподаваніемъ Закона Божія посѣщаютъ школы нехотя и только для исполненія формальности.

Полицейскіе чины, по свойственному русскому человѣку здравому смыслу, вовсе не вмѣшиваются въ школьное дѣло, въ космъ они ничего не смыслятъ.

И при всемъ томъ, число школъ ростетъ, уровень ихъ медленно поднимается и, что бы ни говорили алармисты, онѣ не только остаются нетронутыми нигилистическою пропагандою, но пріобрѣтаютъ все болѣе религіозный, церковный характеръ, и центральнымъ предметомъ преподаванія все болѣе становится въ нихъ — Законъ Божій, тотъ самый Законъ Божій, отъ преподаванія котораго, въ большинствѣ случаевъ, упорно отказываются священники, или который, по молчаливому согласію, они предоставляютъ учителю!..

Этотъ религіозный, церковный характеръ, налагаемый на нашу школу силою вещей, обусловливаетъ другую ея рѣзкую особенность— учебную программу, отличающуюся отъ учебныхъ программъ всѣхъ школъ инозсмныхъ.

Кромѣ всѣхъ предметовъ, преподаванія которыхъ желательно или нужно во всякой сельской школѣ, польза и необходимость которыхъ еще смутно сознается нашимъ безграмотнымъ населеніемъ, русская сельская школа уже теперь обязана сообщать своимъ питомцамъ знаніе церковно-славянскаго языка.

Не могу достаточно настаивать на громадномъ значеніи этого обстоятельства, на неоцѣненномъ преимуществѣ, которое оно даетъ русской сельской школѣ надъ всѣми прочими. Обязательное изученіе языка мертваго, обособленнаго отъ отечественнаго цѣлымъ рядомъ синтаксическихъ и этимологическихъ формъ, а между тѣмъ столь къ нему близкаго, что изученіе его вполнѣ доступно на первыхъ ступеняхъ грамотности, — это такой педагогическій кладъ, которымъ не обладаетъ ни одна сельская школа въ мірѣ. Это изученіе, составляя само по себѣ превосходную умственную гимнастику, придаетъ жизнь и смыслъ изученію языка русскаго, придаетъ незыблемую прочность пріобрѣтенной въ школѣ грамотности.

Дѣйствительно, по условіямъ нашего сельскаго быта, по бѣдности и малодоступности нашей свѣтской литературы, для грамотнаго крестьянина не существуетъ иного постояннаго упражненія въ грамотности, кромѣ чтенія Псалтири по покойникамъ и участія въ богослуженіи. Свѣтскихъ книгъ, доступныхъ и полезныхъ крестьянину, у насъ слишкомъ мало и онѣ попадаются ему рѣдко. Между тѣмъ, неисчерпаемыя богатства нашего богослужебнаго круга, —

этого сокровища поэзіи, нравственнаго и догматическаго поученія, наряду съ Священнымъ Писаніемъ и житіями святыхъ,—даютъ постоянную пищу уму, воображенію, нравственной жаждѣ нашего грамотнаго крестьянина, поддерживаютъ въ немъ способность къ тому серьезному чтенію, которое одно полезно и желательно. Вотъ почему, между прочимъ, лишь тѣ школы, которыя устроены при церквахъ, плодятъ у насъ истинныхъ грамотѣевъ.

Подобная роль, и по тѣмъ же причинамъ, предстоитъ въ будущемъ въ нашихъ сельскихъ школахъ изученію пѣнія (церковнаго). Вернусь къ нему впослѣдствіи.

Мнѣ остается указать на третью особенность нашихъ сельскихъ школъ (сѣверной полосы)—особенность, обусловленную причинами чисто внѣшними, но имѣющую на ея внутреннюю жизнь неизмѣримое вліяніе.

Особенность эта заключается въ слѣдующемъ. Девять десятыхъ изъ учениковъ нашихъ сельскихъ школъ не ходятъ въ школу, а живутъ въ ней. Деревни наши такъ разбросаны, ученики наши такъ малы, и такъ плохо одѣты, что лишь изъ одной, много изъ двухъ, трехъ деревень они могутъ ходить ежедневно въ школу. Всѣ живущіе въ деревняхъ, болѣе отдаленныхъ, приходятъ на цѣлую недѣлю, съ запасомъ хлѣба, цѣлый день сидятъ въ школѣ или толкутся около нея, ночуютъ, гдѣ попало—въ классѣ, церковной сторожкѣ; болѣе зажиточные въ особо нанятыхъ квартирахъ: у причетниковъ и т. д. Школы, при которыхъ устроено для учениковъ особое помѣщеніе или даже правильное общежитіе, составляютъ весьма рѣдкое исключеніе.

Нельзя обратить достаточно вниманія на эту особенность нашихъ сѣверныхъ сельскихъ школъ. Во-первыхъ, она объясняетъ то нежеланіе родителей посылать дѣтей въ школу, въ которомъ такъ часто, и совершенно напрасно, упрекаютъ нашихъ крестьянъ. Всякій отецъ, всякая мать согласится, что нужно очень сильное желаніе дать своимъ дѣтямъ посильное образованіе, большая увѣренность въ пользѣ этого образованія, чтобы при такихъ условіяхъ посылать своихъ дѣтей въ школу. Помѣщеніе дѣтей къ живущимъ по близости отъ школы часто сопряжено съ немалыми хлопотами и издержками. Эти хлопоты и издержки могутъ быть значительно уменьшены при устройствѣ въ самой школѣ приличнаго помѣщенія, при разумной иниціативѣ священника или учителя, берущаго на себя организацію правильнаго общежитія.

Но подобныя общежитія пока обязательными сдѣлать нельзя, ихъ распространеніе будетъ дѣломъ времени и опыта. Всего этого не слѣдовало бы забывать нашимъ ревнителямъ обязательнаго и даровато обученія. Даровое обученіе пока обходится у насъ очень дорого.

Это исключительное положеніе нашихъ сельскихъ школъ имѣетъ громадное вліяніе на всю постановку нашего школьнаго дѣла. Оно даетъ родителямъ право быть чрезвычайно требовательными къ ученію, достающемуся цѣною столь явныхъ неудобствъ; оно возлагаетъ на школу разные виды отвѣтственности, о которыхъ не можетъ быть рѣчи въ школахъ западной Европы и южной Россіи. Оно, по силѣ вещей, превращаетъ сельскую школу изъ учебнаго заведенія въ воспитательное. Школа захватываетъ всю жизнь ребенка и становится великою силою, налагающею на него неизгладимую печать. Какую? Это зависитъ отъ духа школы, отъ ея организаціи, отъ лицъ, ею управляющихъ.

Само собою разумѣется, что это обстоятельство имѣетъ также рѣшающее вліяніе на самый планъ преподаванія, на его способы и методы. Вопросъ уже не въ томъ, какъ разумно распредѣлить занятія въ теченіе четырехъ, пяти часовъ ученія, а въ томъ, какъ разумно занять весь день ребенка. Счастлива та школа, которая имѣетъ ламну, освѣщающую длинные зимніе вечера, въ которой ребята не вынуждены съ трехъ часовъ пополудни сидѣть въ потемкахъ или читать при свѣтѣ догорающей печки. Но нелегка задача учителя, который беретъ на себя исполнить свои обязанности до конца, дополнить свои дневные уроки вечернимъ занятіями, безъ которыхъ не имѣетъ смысла жизнь несчастныхъ школьниковъ, оторванныхъ отъ семьи, пользующихся ученіемъ лишь въ теченіе двухъ, трехъ зимъ, отъ Покрова до Свѣтлаго праздника.

Сказаннаго, полагаю я, достаточно, чтобы убѣдить читателя въ коренномъ своеобразіи русской сельской школы. Задачи ея труднѣе, шире, чѣмъ задачи какой-либо сельской школы въ мірѣ. Чтобы стать на высоту этихъ задачъ, ей предстоитъ выработать себѣ особый типъ учебный и нравственный, которому нѣтъ образца въ школахъ западно-европейскихъ. Да хранитъ ее Богъ на первыхъ невѣрныхъ шагахъ ея труднаго существованія. Въ ней кроется зародышъ великаго блага или великаго зла...

2.

Объ ученикахъ сельской школы.

Почти во всякомъ изъ нашихъ школьниковъ есть педагогическая струнка, часто весьма сильная. Учитель, умѣющій играть на этой стрункѣ, пріобрѣтаетъ драгоцѣнное, почти необходимое подспорье въ почти неограниченной работѣ, возлагаемой на него исключительными условіями нашей школьной жизни. Во всякой школѣ найдется два-три толковыхъ и усердныхъ мальчика, которымъ, съ великою пользою, можно смѣло поручить младшихъ товарищей для извѣстныхъ, нехитрыхъ, но необходимыхъ упражненій. Замѣчательная распространенность этой склонности между крестьянскими ребятами имѣетъ огромное значеніе для всей будущности нашего школьнаго дѣла. Она поведетъ, и уже начинаетъ вести, къ распространенію элементарной грамотности внѣ школьныхъ стѣнъ. Она обезпечиваетъ намъ тотъ громадный контингентъ дешевыхъ сельскихъ учителей, который понадобится намъ въ близкомъ будущемъ и который не можетъ быть почерпнуть ни откуда, какъ только изъ среды грамотнаго крестьянства.

Наши школьники поступаютъ въ школу съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлаться грамотными, большею частію по собственной настоятельной просьбѣ, съ полною готовностію учиться безъ перерыва съ утра до вечера. Таково и желаніе родителей. Школа, въ которой ограничиваются четырьмя-пятью часами занятій, признанными достаточными педагогическою наукою, считается плохою школою. И родители правы. Они мало цѣнятъ тѣ весьма скудныя свѣдѣнія, которыя могутъ быть пріобрѣтены напоказъ въ теченіе трехъ-четырехъ зимъ казеннаго ученія, но высоко цѣнятъ тѣ необходимыя умѣнья, которыя дѣйствительно могутъ быть пріобрѣтены въ этотъ срокъ, но лишь при весьма интенсивной работѣ. Все это неудержимо тѣснитъ нашу школу къ увеличенію числа учебныхъ часовъ, и главнымъ двигателемъ тутъ являются сами ученики. Ихъ постоянное присутствіе въ школѣ, ихъ поистинѣ ненасытная жадность къ ученію волею-неволею заставляетъ всякаго внимательнаго учителя умножать число классныхъ занятій, въ особенности въ первой половинѣ зимы, когда нужно пользоваться всѣмъ краткимъ днемъ, и затѣмъ настаетъ длин-

ный вечеръ, въ который ученикамъ и бѣгать по улицѣ невозможно. О тѣхъ особенностяхъ, которыя столь интенсивное ученіе по необходимости вноситъ и въ учебный планъ, и въ школьную дисциплину, скажу впослѣдствіи. Настаиваю теперь только на томъ, что такое интенсивное ученіе не есть насиліе надъ дѣтьми, но уступка ихъ требованіямъ: они пришли учиться и, кромѣ школы, дѣваться имъ некуда. Чтобы выжить ихъ изъ класса, буквально нужно погасить лампу. Дѣлаютъ они свое дѣло съ терпѣніемъ и настойчивостію, вполнѣ понимая, что дѣло это трудное и важное. Это отношеніе дѣтей къ школѣ одно и дастъ учителю возможность вести такое усиленное ученіе, которое, впрочемъ, всякому учителю-крестьянину представляется вполнѣ нормальнымъ.

Въ прямой связи съ этимъ дѣловымъ направленіемъ нашихъ школьниковъ находится ихъ отличное, бодрое и веселое, но скромное и ровное поведеніе въ школѣ. Имъ не до шалостей, не до ссоръ. Въ нихъ нѣтъ и слѣда того отвратительнаго сквернословія и скверномыслія, которыми заражены наши городскія учебныя заведенія, въ особенности столичныя. Въ нормальной крестьянской жизни нѣтъ мѣста тѣмъ преждевременнымъ возбужденіямъ воображенія, тѣмъ нездоровымъ искушеніямъ мысли, которыми исполненъ бытъ нашихъ городскихъ классовъ. Русскій народъ, вошедшій въ пословицу своимъ сквернословіемъ, въ сущности самый стыдливый народъ въ мірѣ. Грязь въ глазахъ русскаго человѣка есть грязь; когда въ немъ проснется звѣрь, живущій въ каждомъ человѣкѣ, онъ кидается ею. Но пока онъ трезвъ, пока онъ остается самъ собою, онъ чистъ въ мысляхъ и словахъ. Гаденькая, любезничающая грязноватость, проникнувшая изъ Франціи въ нравы нашего полуобразованнаго общества, въ нашу литературу низшаго разряда—глубоко ему чужды. Каждый нашъ крестьянскій мальчикъ такой, еще не испорченный, русскій человѣкъ.

Средній уровень способностей нашихъ крестьянскихъ дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, вообще очень высокъ. Послѣднія, быть можетъ, еще превышаютъ первыхъ понятливостію и терпѣніемъ. Способности эти разнообразны, но преобладаютъ замѣтно способности математическія и художественныя. Умственный счетъ любимая забава дѣтей въ промежутки между классными занятіями, и въ немъ легко достигается значительная быстрота и ловкость такъ же, какъ и въ рѣшеніи сложныхъ письменныхъ задачъ. Пѣніе, при сколько-

нибудь умѣломъ преподавателѣ, прививается несравненно успѣшнѣе, чѣмъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Успѣху въ этомъ отношеніи, конечно, способствуетъ сочувствіе родителей. Пѣніе—единственный предметъ преподаванія, о результатахъ котораго могутъ непосредственно судить и безграмотные, который получаетъ немедленное практическое приложеніе, возвышая красоту и торжественность церковной службы. Оно же нѣкоторымъ образомъ дастъ очевидную мѣрку усердія и умѣлости учителя. Но и независимо отъ этихъ выгодныхъ условій, музыкальная даровитость нашихъ крестьянъ поистинѣ изумительна. Ничуть не менѣе распространена другая художественная способность, которая, при нынѣшнемъ зачаточномъ состояніи нашей сельской школы, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ возможность проявиться—способность къ рисованію. Количество дремлющихъ художественныхъ силъ, таящихся въ нашемъ народѣ—громадно, и о немъ пока можетъ составить себѣ приблизительное понятіе лишь внимательный сельскій учитель.

Остается мнѣ дополнить эту бѣглую характеристику нашихъ сельскихъ учениковъ нѣсколькими словами объ ихъ отношеніи къ предметамъ религіознымъ и нравственнымъ. Оно не можетъ быть иное, какъ отношеніе къ нимъ ихъ родителей, лишь болѣе безсознательное и смутное. Мы тутъ вступаемъ въ область, мало изслѣдованную и обширную, въ которую до сихъ поръ бросаютъ яркіе лучи свѣта лишь указанія, разбросанныя въ твореніяхъ трехъ незабвенныхъ покойниковъ: А. С. Хомякова, К. С. Аксакова и Ѳ. М. Достоевскаго. Область эта совершенно выходитъ изъ рамокъ краткой журнальной замѣтки, и я долженъ ограничиться осторожными намеками.

Та высота, та безусловность нравственнаго идеала, которая дѣлаетъ русскій народъ народомъ христіанскимъ по преимуществу которая въ натурахъ спокойныхъ и сильныхъ выражается безграничною простотою и скромностію въ совершеніи всякаго подвига доступнаго силамъ человѣческимъ, которая въ натурахъ страстныхъ и узкихъ ведетъ къ ненасытному исканію, часто къ чудовищнымъ заблужденіямъ, которая въ натурахъ широкихъ и слабыхъ влечетъ за собою преувеличенное сознаніе своего безсилія. и, въ связи съ нимъ, отступленіе передъ самыми исполнимыми нравственными задачами, необъяснимыя, глубокія паденія, которая во всякомъ русскомъ человѣкѣ обусловливаетъ возможность

внезапныхъ побѣдоносныхъ поворотовъ отъ грязи и зла къ добру и правдѣ, — вся эта нравственная суть русскаго человѣка уже заложена въ русскомъ ребенкѣ. Велика и страшна задача русской школы въ виду этихъ могучихъ и опасныхъ задатковъ, въ виду этихъ силъ, этихъ слабостей, которыя она призвана поддержать и направить. Школѣ, отрѣшенной отъ церкви, эта задача не по силамъ. Лишь въ качествѣ органа этой церкви, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, можетъ она приступить къ ея разрѣшенію. Ей нужно содѣйствіе всѣхъ наличныхъ силъ этой церкви, и духовныхъ, и свѣтскихъ...

3.

Что даетъ сельская школа своимъ ученикамъ?

Чѣмъ отражается ученіе на ихъ послѣдующей жизни, матеріальной и нравственной? При рѣшеніи этихъ вопросовъ можемъ принимать въ соображеніе лишь школы хорошія. Результаты ученія въ школахъ плохихъ могутъ сводиться къ нулю, и такія школы имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку легче улучшить школу существующую, чѣмъ новую.

Итакъ присмотримся къ заурядному ученику школы хорошей.

Прежде всего онъ отличается отъ своихъ безграмотныхъ односельчанъ болѣе правильною русскою рѣчью. Отличіе это не маловажно. Съ нимъ сопряжено болѣе точное пониманіе рѣчи образованныхъ классовъ, рѣчи письменной, литературной. Это пріобрѣтеніе въ безчисленныхъ случаяхъ обыденной жизни приноситъ ему практическую пользу. Оно неоцѣненно, какъ средство къ дальнѣйшему расширенію его умственнаго кругозора. Во-вторыхъ, онъ пріобрѣлъ способность писать письма и, при должномъ указаніи, тѣ дѣловыя бумаги, которыя бываетъ нужно писать въ крестьянскомъ быту. Въ-третьихъ, онъ пріобрѣлъ способность читать для своей забавы, для своего поученія и назиданія, и эта способность приноситъ пользу не только ему, но и окружающему его безграмотному люду. Грамотныхъ парней зимою по деревнямъ много заставляютъ читать вслухъ, на посидѣлкахъ, во время дол-

тихъ ночныхъ работъ [1]). Наконецъ, и это всего важнѣе, то искреннее благочестіе, тотъ интересъ къ вопросамъ вѣры и духа, который вынесли изъ дома и внесли въ сельскую школу ея ученики, въ ней становятся сознательнѣе и глубже, становятся могучими будильниками ума и впослѣдствіи поддерживаютъ тѣ навыки и знанія, которые пріобрѣтены ими въ школѣ. Духовная жажда становится для нихъ главнымъ побужденіемъ не только къ чтенію, но и къ писанію, находящему въ ихъ быту такъ мало постоянныхъ практическихъ приложеній. Въ свободныя минуты, они съ величайшею охотою переписываютъ молитвы, духовныя стихотворенія, отрывки церковно-назидательнаго содержанія. Пониманіе церковно- славянскаго языка, знакомство съ богослуженіемъ, способность участвовать въ немъ пѣніемъ или чтеніемъ привязываетъ ихъ къ церкви. Крестьянина, прошедшаго черезъ школу, въ которой отведено должное мѣсто церковному элементу, не легко совратить въ расколъ. Въ матеріальномъ отношеніи школьная грамотность пріобрѣтаетъ особенную важность для тѣхъ крестьянъ, которые ищутъ занятій въ городахъ, а также для поступающихъ въ военную службу. Независимо отъ двухгодовой льготы, она значительно облегчаетъ имъ эту службу, въ большинствѣ случаевъ доставляя имъ должность инструктора, полкового писаря и т. под.

Вотъ что выноситъ изъ хорошей школы заурядный ученикъ, ограничивающій ею свое умственное образованіе, и право уже изъ-за этого результата стоитъ потрудиться. Но имъ не ограничивается то, что можетъ почерпнуть въ такой школѣ мальчикъ, одаренный прилежаніемъ и способностями, превышающими средній уровень. Для такого мальчика сельская школа можетъ сдѣлаться

---

[1]) Старики заставляютъ читать себя преимущественно Священное Писаніе, Новаго и Ветхаго Завѣта, на русскомъ языкѣ, Житія Святыхъ, въ переложеніи А. Н. Бахметевой, и другія книги духовно-назидательнаго содержанія (подлинный текстъ Четьи-Миней доступенъ только грамотеямъ, и это безспорно ихъ любимая книга). Молодежь безпрестанно требуетъ чтенія сказокъ изъ сборника Аѳанасьева, разсказовъ изъ книги для чтенія графа Л. Н. Толстого, но болѣе всего — сказокъ Пушкина. У насъ есть безграмотные крестьяне, знающіе наизусть всю длинную сказку о царѣ Салтанѣ. Этотъ краткій репертуаръ деревенскихъ чтецовъ постоянно расширяется.

первымъ шагомъ къ дальнѣйшему умственному развитію, можетъ служить ступенью къ выходу въ иныя сферы жизни. Мальчикъ, поступившій въ сельскую школу рано, легко можетъ перейти въ первый или приготовительный классъ гимназіи. Уже теперь въ нашихъ провинціальныхъ гимназіяхъ начинаютъ появляться дѣти зажиточныхъ крестьянъ.

Возможность эта важна въ виду тѣхъ исключительныхъ случаевъ, въ которыхъ желательно довести крестьянскаго мальчика до высшаго образованія. Но спѣшу прибавить, что въ большинствѣ случаевъ крестьянскій мальчикъ можетъ только проиграть отъ помѣщенія въ наши средне-образовательныя заведенія. Окончательный, безповоротный разрывъ съ крестьянскою средою, неизбѣжный при такомъ шагѣ, рѣдко вознаграждается пріобрѣтеніемъ истиннаго образованія. Говорю это не въ укоръ нашему гимназическому преподаванію. Но таково неизбѣжное слѣдствіе отношеній, установленныхъ между нашею учебною системою и государственною службою, взглядомъ на учебное дѣло, развившихся подъ ея вліяніемъ въ нашемъ быстро разростающемся полуобразованномъ обществѣ. Въ силу этихъ условій, наши среднія учебныя заведенія, отчасти и высшія, все болѣе становятся разсадниками не просвѣщенія, а чиновничества. Вотъ почему они переполнены, почему они плодятъ недовольныхъ, почему не окончить въ нихъ курса становится истиннымъ бѣдствіемъ. Вѣдь знанія, пріобрѣтаемыя въ нихъ—въ глазахъ учащихся и ихъ родителей—ничто. Все дѣло въ дипломѣ, въ служебныхъ правахъ. Знаніе латинскихъ спряженій, не увѣнчанное полученіемъ 14-го класса, считается такимъ горемъ, что наталкиваетъ нашихъ сбитыхъ съ толку гимназистовъ на всякія безумства, до самоубійства включительно. Рѣдкій крестьянинъ имѣетъ терпѣніе и средства довести своего сына до окончанія гимназическаго курса. Неполный курсъ прививаетъ къ нему гораздо болѣе несбыточныхъ желаній, чѣмъ истинныхъ знаній. Даже при окончаніи курса, ученіе въ большинствѣ случаевъ бросаетъ его въ слишкомъ многочисленную уже голодающую и ненасытную армію нашихъ мелкихъ чиновниковъ.

Обращаю на эти соображенія особенное вниманіе завѣдующихъ школами, попечителей и т. п. Отъ этихъ лицъ, отъ ихъ указаній и совѣтовъ часто зависитъ направить тѣхъ крестьянскихъ дѣтей, которымъ родители желаютъ и могутъ дать иную профессію, чѣмъ

земледѣліе. Существуютъ, независимо отъ разныхъ ремеслъ, профессіи, болѣе или менѣе хлѣбныя, къ которымъ мы можемъ ихъ направить, не облекая ихъ въ мундиръ, вещественный и нравственный, не прибѣгая къ тому опасному насилію, которое покойный Достоевскій называлъ «откалупываніемъ отъ народа». Укажу на нѣкоторыя изъ нихъ.

Вездѣ, гдѣ по близости отъ школы существуетъ земская больница, изъ способныхъ учениковъ сельскихъ школъ можно образовать надежныхъ фельдшеровъ. Для тѣхъ изъ нихъ, которымъ предстоитъ военная служба, даже неполное обученіе этому дѣлу, не доводящее ихъ до фельдшерскаго званія, есть великое благодѣяніе, ибо по вступленіи въ службу они неминуемо попадаютъ въ фельдшерскіе ученики и современемъ дѣлаются военными фельдшерами.

Точно также вездѣ, гдѣ по близости отъ школы живетъ или продолжительно работаетъ опытный землемѣръ, легко обученіе крестьянскихъ мальчиковъ практической геодезіи, которая составляетъ драгоцѣнное знаніе и въ сельской жизни, и на военной службѣ.

Для юношей, одаренныхъ художественными способностями, превосходнымъ выходомъ служатъ иконописныя школы при нашихъ монастыряхъ, дающія имъ возможность усовершенствоваться въ весьма прибыльномъ художественномъ ремеслѣ, а въ случаѣ выдающагося таланта, убѣдиться въ его размѣрахъ, прежде чѣмъ вступить на трудный путь самостоятельнаго искусства. Дай Богъ чтобы эти прекрасныя учрежденія размножались и улучшались чтобы къ нимъ присоединились и монастырскія школы церковнаго пѣнія, для образованія дѣльныхъ регентовъ, въ которыхъ повсюду ощущается настоятельная нужда. Да и то ли еще могли бы сдѣлать и сдѣлаютъ когда-нибудь для алчущихъ ученія наши монастыри, эта громадная дремлющая сила, которой еще суждено проснуться.

Я упоминалъ до сихъ поръ лишь о профессіяхъ болѣе или менѣе исключительныхъ, доступныхъ лишь при извѣстныхъ, хотя и нерѣдко встрѣчающихся условіяхъ. Но есть двѣ профессіи, въ которыя наплывъ изъ нашихъ сельскихъ школъ всегда возможенъ, въ которыя онъ желателенъ, нуженъ, необходимъ!

Первая изъ нихъ — профессія сельскаго учителя. Сельскихъ учителей намъ нужно много—дѣльныхъ, непритязательныхъ, прочныхъ, исполняющихъ свое трудное дѣло съ любовью и терпѣніемъ. Контингентъ, доставляемый нашими учительскими семинаріями, и качественно, и количественно недостаточенъ. Школьныхъ учителей должна плодить сама сельская школа. Разумѣется, за это дѣло можетъ взяться лишь та, которая съ честью исполняетъ свое прямое назначеніе. Истинно хорошій сельскій учитель, окончившій курсъ въ духовной семинаріи, или одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ воспитанниковъ учительской семинаріи, которые дѣйствительно усвоили себѣ курсъ этихъ заведеній, легко можетъ приготовить своихъ учениковъ къ учительскому экзамену. Но, конечно, не въ этомъ экзаменѣ дѣло. Дѣло прежде всего въ выборѣ тѣхъ юношей, изъ которыхъ могутъ выработаться дѣйствительно полезные сельскіе учителя. Ибо учительство въ русской сельской школѣ не есть ремесло, но призваніе, низшая степень того призванія, которое необходимо, чтобы сдѣлаться хорошимъ священникомъ. Этого тезиса не стану доказывать, ибо считаю его доказаннымъ всѣмъ рядомъ моихъ замѣтокъ. Призваніе это между нашими крестьянами встрѣчается относительно часто. Дѣло учителя и прежде всего священника - законоучителя — его угадать. Пріобрѣтеніе практическихъ навыковъ преподаванія, истиннаго пониманія обязанностей учителя относительно учениковъ — совершается гораздо успѣшнѣе въ живой дѣйствительной школѣ, гдѣ ученики являются цѣлью, а не средствомъ, чѣмъ въ экспериментальныхъ школахъ при учительскихъ семинаріяхъ, гдѣ ученики болѣе или менѣе низводятся на степень учебныхъ пособій для преподаванія педагогики и дидактики. Лучшая школа для начинающаго учителя—не упражненіе въ даваніи образцовыхъ уроковъ, но порученіе ему, подъ руководствомъ опытнаго наставника, послѣдовательнаго, сообразнаго съ его силами дѣла, сопряженнаго съ отвѣтственностію, сперва легкою, потомъ постепенно ослажняющеюся. Нѣсколько лѣтъ такой работы, при должномъ расширеніи познаній (на это остается свободною большая половина года), достаточны, чтобы образовать вполнѣ удовлетворительнаго сельскаго учителя.

Въ каждомъ уѣздѣ найдется нѣсколько школъ, представляющихъ возможность приготовлять этимъ путемъ учителей изъ кре-

стьянъ, не отрывая ихъ отъ условій сельскаго быта, не дѣлая изъ нихъ чиновниковъ. Такіе учителя намъ необходимы въ виду потребности въ деревенскихъ школахъ, дополняющихъ приходскія. Тѣ школы, которыя возвысятся до способности приготовлять такихъ учителей, тѣмъ самымъ пріобрѣтутъ и другое, громадное преимущество. Читатель, пробѣжавшій мои предыдущія замѣтки, пойметъ, до какой степени расширяется область возможнаго въ школѣ, гдѣ при учителѣ имѣется одинъ помощникъ, не говоря уже о двухъ или трехъ. Устройство и поддержка правильнаго, плодотворнаго общежитія при сельской школѣ безъ такихъ помощниковъ просто немыслимо. Оно превышаетъ силы одного человѣка.

Настаиваю на великой пользѣ этого способа приготовленія сельскихъ учителей, и это въ силу личнаго опыта. Если я чему-нибудь научился въ теченіе моей школьной практики, то, конечно, не отъ записныхъ педагоговъ, не отъ учителей казеннаго издѣлія, но отъ учителей-крестьянъ, никогда не покидавшихъ своего глухого угла, не знавшихъ иной школы, кромѣ сельской. Ихъ добросовѣстность и терпѣніе, ихъ умѣніе обращаться съ дѣтьми и приковывать ихъ вниманіе, угадывать, что въ данную минуту затрудняетъ ребенка и какъ помочь ему, ихъ цѣльное, духовное отношеніе къ дѣлу — поистинѣ несравненны. Съ ними можно дѣлать дѣло истинное, а не бумажное, вести школу не напоказъ инспекторамъ училищъ, а на умственную и духовную пользу ученикамъ.

Но еще несравненно важнѣе другой исходъ для способнѣйшихъ учениковъ нашихъ сельскихъ школъ, а именно полная возможность поступать въ духовныя училища и со временемъ достигнуть священства. Уже теперь дѣти причетниковъ, даже сельскихъ священниковъ, именно этимъ путемъ начинаютъ свое образованіе. Сносная сельская школа вполнѣ приготовляетъ къ первому классу духовнаго училища. Одинъ изъ учениковъ моей школы поступилъ во второй, усвоивъ отъ мая до августа все, что въ первомъ классѣ проходится изъ латинскаго языка (это былъ самый легкій изъ моихъ учительскихъ трудовъ). Въ остальномъ онъ былъ уже готовъ. Само собою разумѣется, что избирать этотъ путь для ребенка слѣдуетъ еще внимательнѣе и осторожнѣе, чѣмъ всякій другой.

Наши духовныя училища, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, имѣютъ передъ учебными заведеніями свѣтскими громадное преимущество. Они, не предрѣшая судьбы своихъ учениковъ, ставятъ предъ ними цѣль духовную, пріобрѣтеніе званія несравненной нравственной высоты, обставленнаго униженіемъ и бѣдностію... такъ въ глазахъ дѣтей духовнаго сословія; поэтому большинство изъ нихъ, лишенное призванія, стремится къ переходу въ учебныя заведенія свѣтскія, сулящія чины и богатые оклады. Но въ глазахъ крестьянина бѣдность сельскаго священника есть богатство, возможность удовлетворить той духовной жаждѣ, которая не по днямъ, а по часамъ растетъ въ его темной средѣ—удѣлъ святой и высокій. Даже должность причетника многимъ кажется выгодною и почетною.

Наплывъ въ наше духовенство элементовъ не сословныхъ составляетъ настоятельную потребность нашей церкви. Прежде всего этого наплыва слѣдуетъ ожидать со стороны крестьянства. Помочь этому движенію прежде всего должна сельская школа. Но не мѣшало бы и нашимъ земствамъ содѣйствовать ему основаніемъ стипендій при духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ.

Дѣло народной школы шире и глубже, чѣмъ всякая иная общественная дѣятельность. Для того, чтобы осилить его, намъ нужно совершить внутренній подвигъ. Нужно намъ выйти изъ того лабиринта противорѣчій, въ который завела насъ вся наша внутренняя исторія новаго времени—совмѣстное расширеніе нашего умственнаго горизонта и суженіе кругозора духовнаго, совмѣстное развитіе у насъ европейской культуры и крѣпостного права. Внѣшній узелъ разрубленъ. Пора разрѣшить внутренній.

Достаточно мы жаловались на то взаимное непониманіе, на то полное отчужденіе, ту бездну, которая отдѣляетъ у насъ массу народа отъ образованныхъ его слоевъ и тормозитъ всѣ отправленія нашей будничной жизни, поражая безсиліемъ всѣ наши благія начинанія, направленныя къ ея устройству. Достаточно оплакивали мы тотъ роковой разрывъ, который составлялъ суть нашей внутренней исторіи новаго времени и, однако, не мѣшалъ въ великія минуты этой исторіи нашему полному единенію. Пора намъ вспомнить, что у насъ подъ ногами есть общая почва, и твердо и сознательно стать на нее. Пора сознать, что настало время взаимодѣйствія, благотворнаго для обѣихъ сторонъ, не того мпо-

венпаго, случайнаго взаимодѣйствія и единенія, которое вызывается событіями чрезвычайными, а взаимодѣйствія, постояннаго ежедневнаго. Почва этого взаимодѣйствія, этого единенія—церковь, орудіе его—школа и по преимуществу—школа сельская [1]).

XXXI.

Н. Г. Дебольскій.

Николай Григорьевичъ Дебольскій, сынъ извѣстнаго духовнаго писателя, протоіерея Григорія Сергѣевича Дебольскаго, род. 16 ноября 1842 г. въ Петроградѣ. Образованіе получилъ въ Горномъ Институтѣ (въ то время закрытомъ учебномъ заведеніи), но впослѣдствіи перешелъ въ университетъ и въ 1865 г. выдержалъ экзаменъ на кандидата естественныхъ наукъ. Литературную дѣятельность началъ рецензіями по естествознанію въ «Книжномъ Вѣстникѣ», а потомъ въ «Современномъ Обозрѣніи», въ послѣднемъ же журналѣ было помѣщено въ 1868 г. начало статьи «Очеркъ исторіи біологическихъ наукъ», оставшейся неоконченною за прекращеніемъ журнала. Въ томъ же году поступилъ на службу воспитателемъ 1-й Спб. военной гимназіи (преобразованной изъ бывшаго 1-го кадетскаго корпуса) и оставался въ этой должности до весны 1871 года. Въ 1869 г. началъ сотрудничать въ Педагогическомъ Сборникѣ военно-учебныхъ заведеній, для приложеній къ которому перевелъ (подъ редакціей П. Х. Весселя) «Руководство къ воспитанію и ученію» Бенеке. Сотрудничество въ этомъ журналѣ продолжалось до 1881 г. по предметамъ педагогики, философіи и отчасти естествознанію; главнѣйшія изъ помѣщенныхъ тамъ статей г. Дебольскаго суть: «Обзоръ русскихъ переводныхъ философскихъ сочиненій, имѣющихъ связь съ вопросами педагогики» «Психологія Герберта Спенсера», «Очеркъ исторіи новой англійской философіи», «Нѣмецкая философія въ послѣдніе 50 лѣтъ» (одно введеніе), «Философскія основы нравственнаго воспитанія» (въ 1880 г. вышла отдѣльною книжкою), «Вопросъ о происхожденіи человѣка», «О подготовкѣ родителей и воспитателей къ дѣлу воспитанія дѣтей» (обѣ послѣднія статьи вышли отдѣльными книжками въ 1883 г.), «Мысли и замѣтки о нравственномъ воспитаніи».

---

[1]) Изъ сборника статей С. А. Рачинскаго Сельская школа. Изд. второе, Москва, 1892 г.

Независимо отъ того, въ тотъ же періодъ времени г. Дебольскій выпустилъ въ свѣтъ философскія сочиненія «Введеніе въ ученіе о познаніи» (1870 г.) и «О діалектическомъ методѣ» ч. I (1872 г.). Въ своихъ философскихъ статьяхъ и сочиненіяхъ г. Дебольскій въ рѣзкой противоположности съ господствовавшимъ направленіемъ защищалъ право метафизическаго умозрѣнія.

Въ семидесятыхъ же годахъ Дебольскій сотрудничалъ въ «Семьѣ и Школѣ», для которой между прочимъ написалъ статьи: о книгѣ Ушинскаго, (Человѣкъ какъ предметъ воспитанія), «Знаніе или характеръ», «Основы психологіи» (неокончено).

Въ 1879 г. Н. Г. Дебольскій былъ нѣкоторое время инспекторомъ школъ Императорскаго техническаго общества и написалъ по порученію комиссіи по техническому образованію, «Обзоръ техническихъ учебныхъ заведеній въ Германіи и въ Австріи (отд. кн. 1881 г.).

Въ концѣ 1880 г. Н. Г. Дебольскій поступилъ на службу въ центральное управленіе Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ 1891 г. назначенъ завѣдывающимъ разрядомъ начальныхъ училищъ и учительскихъ семинарій, а въ іюнѣ 1896 г. вице-директоромъ Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ 1880 г. началъ преподавать педагогику въ женской гимназіи кн. Оболенской, а по смерти А. Я. Герда, не оставляя этого преподаванія былъ, съ начала 1889 г. по іюнь 1896 г. предсѣдателемъ ея педагогическаго совѣта. Въ концѣ же 80-хъ годовъ преподавалъ педагогику въ Петроградскихъ высшихъ педагогическихъ курсахъ.

Съ начала 80-хъ годовъ Н. Г. Дебольскій въ рядѣ философскихъ сочиненій, уже систематически излагаетъ свои метафизическіе и этическіе взгляды. Сочиненія эти суть: «Философія будущаго» (1882 г.), «О высшемъ благѣ» (1886 г.), «Философія феноменальнаго формализма» (в. I—1892 г., в. II—1895 г.). Изъ педагогическихъ работъ этого же періода времени можно упомянуть о слѣдующихъ: «Наше учебное вѣдомство и начальная школа» (Рус. Нач. Уч. 1884 г.), два публичныхъ сообщенія въ комиссіи по техническому образованію: «О коренныхъ недостаткахъ русской общеобразовательной школы» и «Объ учебномъ планѣ русской общеобразовательной школы» (оба напеч. въ Трудахъ пост. комиссіи по технич. образ. 1885—86 гг.), публичныя лекціи «О средствахъ воспитанія» (жур. Воспитаніе и Обученіе 1890 г.) и статья «О женскомъ образованіи» (Русская Школа 1890 г.).

Съ осени 1882 г. до весны 1887 г. г. Дебольскій читалъ лекціи въ Спб. духовной академіи по метафизикѣ и въ тотъ же промежутокъ времени (по одному году) по логикѣ и психологіи.

Несомнѣнно, что Н. Г. Дебольскій выдающійся современный педагогическій писатель, съ цѣльнымъ философскимъ міровоззрѣніемъ.

Оставляя въ сторонѣ философскіе труды г. Дебольскаго, основныя черты его педагогическихъ взглядовъ мы можемъ характеризовать такъ: 1) религіозно-нравственной сторонѣ воспитанія принадлежать рѣшительное преимущество передъ стороною учебной; *характеръ гораздо важнѣе знанія;* 2) воспитаніе и образованіе должны быть сообразованы съ будущимъ общественнымъ назначеніемъ человѣка, причемъ *изъ задачъ общественной жизни главное значеніе принадлежитъ задачѣ національной;* 3) никакого общечеловѣческаго, истекающаго изъ самой природы человѣческаго существа, плана образованія не существуетъ, и навязываемая русской школѣ системы классическаго и реальнаго образованія суть не что иное, какъ неправильно возводимые въ общечеловѣческое значеніе историческіе продукты западно-европейской жизни, только для нея и пригодныя. Русская школа должна освободиться отъ ихъ вліянія и для выясненія того, какъ она можетъ сложиться по своему, въ школу истинно-національную, дать *возможно-широкій просторъ индивидуальнымъ способностямъ и склонностямъ своихъ питомцевъ;* 4) стремленіе приравнивать женское образованіе къ мужскому вытекаетъ изъ того же предразсудка, будто есть общечеловѣческій планъ образованія; женщина, какъ существо, общественное, назначеніе котораго иное, чѣмъ назначеніе мужчины, должна получить и образованіе по особому, именно на ея назначеніе разсчитанному, плану.

Н. Г. Дебольскій придастъ большое значеніе нравственнымъ вопросамъ. По Дебольскому, только та школа удовлетворяетъ высшимъ педагогическимъ требованіямъ, которая высоко держитъ идеалъ нравственной жизни. И если верховная, окончательная цѣль воспитанія неясна или плохо опредѣлена, тогда нерѣдко бываетъ, что вторичныя, подчиненныя, цѣли пріобрѣтаютъ характеръ независимый и самостоятельный. Воспитаніе въ такомъ случаѣ остается при своей техникѣ, но лишается своего идеала. Безъ нравственнаго же идеала нравственное воспитаніе обращается просто въ дрессировку и потому въ большинствѣ случаевъ приноситъ не пользу, а вредъ [1]).

1.

О средствахъ воспитанія.

Умышленное или намѣренное воздѣйствіе на питомца мы называемъ воспитаніемъ въ собственномъ значеніи этого слова, когда оно направляется на его волю. Въ этомъ смыслѣ и уходъ можетъ

[1]) См. Историческій взглядъ на отношеніе философіи къ наукѣ, искусству и нравственности. Пед. Сбр. 1877 г.

требовать присоединенія къ нему воспитательныхъ вліяній. Если врачъ прописываетъ ребенку лѣкарство, тутъ еще нѣтъ воспитанія; но если отецъ склоняетъ ребенка добровольно принять это лѣкарство, то это уже актъ воспитательный. Приготовлять для ребенка пищу не значитъ еще воспитывать его; но сообщать его волѣ такое направленіе, чтобы онъ предпочиталъ извѣстные роды пищи другимъ, чтобы онъ привыкалъ къ воздержности и регулярности въ принятіи пищи — значитъ уже давать ему воспитаніе. Словомъ, поэтому опредѣленію, воспитаніе имѣетъ мѣсто во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда зрѣлый человѣкъ намѣренно вліяетъ на волю человѣка незрѣлаго. Воспитаніе поэтому мы опредѣляемъ такъ: намѣренное воздѣйствіе зрѣлаго человѣка на волю человѣка еще незрѣлаго...

Если такимъ образомъ область воспитанія обнимаетъ собою всѣ тѣ дѣйствія зрѣлаго человѣка, при помощи которыхъ онъ умышленно вліяетъ на волю питомца, то очевидно, что вопросъ о волѣ есть главный, центральный вопросъ въ теоріи воспитанія. Удовлетворительное разрѣшеніе этого вопроса и составляетъ собою то, что можно назвать научною теоріею средствъ воспитанія.

2.

Существеннѣйшая польза, получаемая ребенкомъ отъ воспитателя, заключается, безъ сомнѣнія въ томъ, что воспитатель направляетъ волю питомца на цѣли, болѣе отдаленныя, чѣмъ тѣ, къ которымъ способенъ стремиться самъ ребенокъ. Сначала это совершается такъ, что ребенокъ, подъ властію воспитателя, незамѣтно для себя пріучается сообразовать свое поведеніе съ этими назначенными для него цѣлями. Затѣмъ, по мѣрѣ своего развитія, питомецъ постепенно самъ проникается этими цѣлями, и наконецъ, когда онъ упрочится въ желаемомъ направленіи, ему предоставляется уже свобода дѣйствій, т.-е. воспитаніе его прекращается. Но подчиненіе дѣйствій цѣли, сравнительно отдаленной, предполагаетъ представленіе этихъ цѣлей, т.-е. дѣйствіе ума. Воспитаніе дѣтской воли состоитъ существеннѣйшимъ образомъ въ подчиненіи ея уму, т.-е. предвидѣнію отдаленнаго. Именно этою большою разумностью воли отличается существо болѣе воспитан-

лое отъ существа менѣе воспитаннаго — взрослый человѣкъ отъ ребенка, цивилизованный человѣкъ отъ дикаря. Основной вопросъ въ ученіи о средствахъ воспитанія состоитъ, стало быть, въ томъ, какъ подчинить волю уму.

Для подчиненія воли уму, умъ долженъ быть въ состояніи вліять на волю. Какъ же возможно такое вліяніе? Дѣйствіе ума состоитъ въ познаніи, въ пріобрѣтеніи новыхъ мыслей. Безъ такого пріобрѣтенія не можетъ быть сознательнаго стремленія къ цѣли; но и однѣхъ новыхъ мыслей еще не достаточно для того, чтобы человѣкъ стремился къ какой-нибудь цѣли. Чтобы захотѣть ѣхать въ Москву, я долженъ, конечно, сначала узнать о ея существованіи; но одно знаніе о томъ, что существуетъ Москва, еще не побуждаетъ меня ѣхать въ нее; чтобы мысль дѣйствовала, какъ возбудительница воли, необходимо, стало быть, чтобы къ мысли присоединилось нѣчто, сообщающее мыслимому нами предмету свойство привлекать или отталкивать насъ, возбуждать наше стремленіе къ этому предмету или отъ него. Словомъ, чтобы умъ дѣйствовалъ на волю, съ дѣйствіемъ ума должно соединяться нѣкоторое чувство.

3.

При здравой внѣшней и внутренней дисциплинѣ послѣдуетъ въ здравомъ ребенкѣ здоровое развитіе и всего его духовнаго склада, который, какъ самосознательный организмъ, совсѣмъ не требуетъ постояннаго вмѣшательства извнѣ во всѣ его скрытыя и во многомъ еще непонятныя функціи. При этомъ совершенно понятно, что духовный складъ каждаго питомца сложится именно въ то типическое своеобразіе, которое свойственно ему по его прирожденнымъ задаткамъ и по требованіямъ окружающей его жизни. Общія и обязательныя начала умственнаго и нравственнаго совершенства вовсе не требуютъ однообразія умственныхъ и нравственныхъ типовъ, но требуютъ только того, чтобы въ каждомъ типѣ высшее господствовало надъ низшимъ. Что прирожденные типы духовнаго склада людей разнообразны, это было признано уже давно. Уже въ древности старались даже классифицировать эти типы, создавъ для этого такъ называемое ученіе о четырехъ темпераментахъ. Но несомнѣнно, что число такихъ типовъ гораздо многочисленнѣе, и что

каждому напримѣръ различію человѣческой породы соотвѣтствуютъ и извѣстныя прирожденныя особенности воли, чувства и ума, что такія же особенности свойственны и различію пола, и что наконецъ есть чисто индивидуальныя прирожденныя различія. Важно однако не только признавать существованіе такихъ особенностей, но и уважать ихъ въ тѣхъ предѣлахъ, въ коихъ онѣ не переходятъ въ болѣзненныя уклоненія.

Типическія особенности духа каждаго отдѣльнаго человѣка, опирающіяся на его прирожденные задатки, соединенные съ тѣмъ, что дали ему условія его развитія, и развитыя подъ руководствомъ правильной воспитательной дисциплины, образуютъ собою его характеръ, его духовное своеобразіе, тотъ особый видъ, въ которомъ проявляется его дѣятельность. Мѣриломъ педагогическаго искусства служитъ умѣніе воспитателя внушить питомцу твердыя начала ума и нравственности, безъ нарушенія своеобразія его характера. То самомнѣніе, съ которымъ педагогика бываетъ нерѣдко склонна относиться къ явленіямъ душевной природы ребенка, обнаруживается между прочимъ въ придумываніи какого-то особеннаго нормальнаго плана, по которому долженъ быть развитъ всякій человѣкъ. За невозможностью придать этому нормальному плану какую-нибудь дѣйствительную опредѣленность, его въ учебникахъ педагогики прикрываютъ обыкновенно словомъ «гармоническое» развитіе. Поэтому предмету я позволю себѣ повторить слова, которыя уже были высказаны по другому поводу: «всякое цѣлесообразное сочетаніе частей гармонично, и у всякаго такого сочетанія своя гармонія. Иная гармонія въ организмѣ бабочки, иная въ организмѣ коровы. Придумывать и регламентировать эту гармонію нечего. Она дана въ природѣ каждаго типа и стоитъ предоставить этому типу свободный просторъ для развитія, чтобы въ немъ водворилась и такая гармонія».

4.

Для того, чтобы воля пріобрѣтала наиболѣе энергіи и силы, а самъ питомецъ пользовался наибольшею мѣрою счастія, порядокъ его жизни долженъ удовлетворять тремъ главнымъ требованіямъ.

Первое требованіе вытекаетъ изъ необходимости образовать въ питомцѣ прочныя привычки, которыя могли бы служить основаніями для дальнѣйшихъ наслоеній воли, а также, по возможности, избавить его отъ страданій. Упроченіе привычекъ достигается единообразнымъ повтореніемъ извѣстныхъ дѣйствій, стало быть частымъ совершеніемъ ихъ въ одинаковыхъ условіяхъ. Съ другой стороны, страданіе происходитъ, какъ намъ извѣстно, тогда, когда разстраивается или нарушается какое-либо приспособленіе, а это бываетъ при нарушеніи или разстройствѣ единообразія въ ходѣ приспособленія. Стало быть, и образованіе прочныхъ привычекъ въ питомцѣ и возможное уменьшеніе числа его страданій требуютъ строгаго единообразнаго порядка его жизни. Это такая общеизвѣстная педагогическая истина, которую едва ли есть надобность объяснять и доказывать. Но весьма важно выяснить тѣ предѣлы, въ какихъ она имѣетъ практическое приложеніе. Задача единообразнаго порядка жизни состоитъ въ томъ, чтобы всѣ тѣ дѣйствія питомца, которыя носятъ служебный характеръ, совершались съ наименьшею затратою сознательной работы и времени и съ наименьшими напоминаніями и усиліями со стороны воспитателя. Поэтому предметомъ такого пріученія только и могутъ служить извѣстныя внѣшнія дѣйствія, но никакъ не ихъ внутренній духовный смыслъ. Напримѣръ, если требуется, чтобы въ привычку ученика вошло прочитать молитву предъ ученіемъ, то эта привычка имѣетъ значеніе, такъ сказать, религіознаго приличія, значеніе весьма важное, такъ какъ если желательно, чтобы всему, что человѣкъ уважаетъ, онъ выражалъ это уваженіе и внѣшними дѣйствіями, то это тѣмъ болѣе желательно и относительно предмета его религіознаго почитанія. Но, поскольку такое чтеніе молитвы передъ ученіемъ есть лишь привычка религіознаго приличія, нельзя ожидать, чтобы упроченіе этой привычки само по себѣ способствовало развитію истиннаго благочестія. Напротивъ, чѣмъ болѣе это чтеніе молитвы становится привычнымъ, тѣмъ менѣе сознательно оно совершается, тѣмъ болѣе получаетъ оно характеръ механическаго навыка, исполняя который, человѣкъ не испытываетъ никакого соотвѣтственнаго внутренняго чувства. Поэтому, если воспитатель желаетъ способствовать развитію въ питомцѣ истиннаго благочестія, то онъ долженъ остерегаться всякую молитву ребенка обращать въ такой навыкъ или вообще давать этого

рода навыкамъ слишкомъ широкое распространеніе. Если бы напримѣръ, воспитатель пріучилъ ребенка каждыя 5 минутъ креститься, то можно сказать навѣрное, что ребенку никогда не вздумалось бы перекреститься по дѣйствительно-внутреннему религіозному побужденію, т. е. это дѣйствіе потеряло бы для него всякій внутренній интересъ и смыслъ. Поэтому вообще нежелательно и вредно для питомца вводить въ постоянный обиходъ его привычныхъ, механически упроченныхъ навыковъ все то, что должно сохранять глубокій, возвышенный истинно духовный смыслъ для нашего сознанія. Если питомецъ такъ же какъ онъ привыкаетъ регулярно вставать въ извѣстное время, мыться, убирать свои книги, готовить уроки, ходить на прогулку, привыкаетъ регулярно слышать или читать извѣстныя изреченія или совершать извѣстныя дѣйствія, долженствующія имѣть нравственный смыслъ, то и эти изреченія, и эти дѣйствія получаютъ для него характеръ пошлой обыденности и перестаютъ вліять на его душу. Всѣмъ извѣстно, напримѣръ, что книги, статьи или стихотворенія, которыя слишкомъ много употребляются, заучиваются и разбираются въ классѣ, получаютъ для человѣка на всю жизнь оттѣнокъ пошлости и скуки; такъ что, хотя они сами по себѣ имѣли бы высокія достоинства, людямъ, окончившимъ школу, весьма рѣдко вздумается отнестись къ нимъ иначе, какъ съ прозѣю. Поэтому, все то, что должно производить возвышающее и глубокое вліяніе: вѣра, искусство, наука, нравственное убѣжденіе, не должно постоянно и ежеминутно трепаться среди мелочей повседневной жизни, должно лишь въ малой мѣрѣ становиться предметомъ механическаго навыка и привычной дрессировки. Между тѣмъ это, кажется, простое педагогическое соображеніе сплошь и къ ряду упускается изъ вида и въ теоріи, и практикѣ воспитанія...

Я не остановился бы такъ долго на этомъ предметѣ, если бы и нынѣ не возобновлялись постоянно попытки включить въ сферу механическихъ навыковъ къ внѣшнему порядку то, вся цѣнность чего заключается именно въ его духовной высотѣ и глубинѣ. Нѣтъ предмета болѣе важнаго, какъ религіозное воспитаніе, и всевозможное искусство воспитанія, всевозможное умѣніе обогатить питомца свѣдѣніями и добрыми привычками, коль скоро они соединяются съ малѣйшимъ ущербомъ религіознаго сознанія человѣка, есть искусство и умѣніе, обращенное на его погибель. Но именно

потому педагогика должна всячески протестовать противъ, нерѣдко высказываемыхъ стремленій опошлить и механизировать религіозную часть воспитанія. Если, напримѣръ, намъ говорятъ, зачѣмъ въ книгахъ для упражненія въ чтеніи берется матеріалъ не божественный, а свѣтскій, то мы на это отвѣтимъ: именно изъ уваженія къ божественному, изъ нежеланія трепать его ежедневно и постоянно какъ старую тряпку, изъ нежеланія связывать его по ассоціаціи со всею механическою стороною упражненія въ чтеніи, съ нерѣдко сопровождающею его скукою, съ впечатлѣніемъ забавныхъ и глупыхъ ошибокъ, въ которыя иногда впадаетъ учащійся школьникъ. Если справедлива поговорка: «никто не герой для своего камердинера», то именно — потому, что общеніе съ геросмъ становится для камердинера предметомъ повседневнаго навыка, такъ что онъ перестаетъ различать героя отъ его халата или сапоговъ. По той же причинѣ для гимназиста «комментаріи» Юлія Цезаря вовсе не есть прекрасная и поучительная книга, содержащая въ себѣ множество интересныхъ историческихъ и бытовыхъ свѣдѣній; это крайне пошлый и скучный предметъ ежедневнаго занятія, который по окончаніи въ нужды сбывается на толкучку. Словомъ, я повторяю опять, что все то, что должно оставаться высокимъ, глубокимъ и интереснымъ для питомца, не должно обращаться въ спутника или въ задачу его механической повседневной дрессировки.

5.

Такъ какъ всякое воспитательное средство тѣмъ лучше, чѣмъ оно естественнѣе, т. е. чѣмъ тѣснѣе оно связано съ постоянными условіями и интересами жизни, то, конечно, всего нормальнѣе и лучше, если дѣловое воспитаніе питомца получаетъ такое направленіе, чтобы онъ получалъ склонность продолжать занятіе отца. Сказаннаго не нужно, безъ сомнѣнія, понимать въ смыслѣ требованія оказывать какое-нибудь принужденіе на питомца, стѣснять его свободу въ выборѣ профессіи, а въ томъ смыслѣ, что естественное вліяніе семейной обстановки и среды должно свободно и безъ принужденія склонять волю питомца продолжать знакомый ему и любимый имъ кругъ семейныхъ занятій. Если отецъ есть

естественный воспитатель своего сына и если одна изъ главныхъ задачъ воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы пріучить сына къ полезному дѣлу, то, само собою разумѣется, что отецъ всего успѣшнѣе можетъ пріучить сына къ тому дѣлу, которое ему, отцу, всего лучше знакомо, т. е. которымъ онъ самъ занимается. Поэтому, если только дѣло отца полезно и не безнравственно, то общество заинтересовано въ томъ, чтобы родители умѣли безъ всякихъ насильственныхъ средствъ такъ воспитывать своихъ дѣтей, чтобы тѣ стремились къ продолженію отцовскихъ занятій или, по крайней мѣрѣ, занятій однородныхъ съ ними по обстановкѣ и средѣ. Общество не можетъ считаться здоровымъ ни въ томъ случаѣ, когда сами родители, во что бы то ни стало, стараются направить дѣтей къ той дѣятельности, при которой они разорвутъ связь со своимъ общественнымъ кругомъ, ни въ томъ случаѣ, когда эта связь разрывается самими дѣтьми вопреки намѣреніямъ родителей. Тѣ счастливыя исключенія, которыя колеблютъ силу этого общаго правила, именно и безвредны или даже полезны, пока они исключенія, потому что на одинъ удачный случай этого рода можно считать 10 неудачныхъ. Поэтому и важнѣйшая задача народнаго образованія состоитъ не столько въ устройствѣ школъ, сколько въ томъ, чтобы эти школы готовили людей, которые будутъ образованными и полезными дѣятелями своей среды, а не такихъ людей, которые бы эту среду покидали. Если мы представимъ себѣ, что сынъ крестьянина учится только для того, чтобы сдѣлаться лавочникомъ, а сынъ лавочника только для того, чтобы сдѣлаться чиновникомъ, то польза отъ такого народнаго образованія весьма сомнительна.

Я уже указывалъ на то, что развитіе въ сынѣ склонности слѣдовать занятію отца особенно способствуетъ такой характеръ этого знанія, который выражается въ наглядной и доступной для дѣтскаго участія обстановкѣ. Но эта обстановка еще не достаточна для возбужденія въ сынѣ охоты продолжать отцовское дѣло, если къ ея вліянію не присоединяется надлежащее вліяніе среды. Съ другой стороны, вліяніе этой среды можетъ возбудить въ питомцѣ склонность продолжать отцовское занятіе и въ томъ случаѣ, когда это занятіе по своему характеру для ребенка и не наглядно и не доступно. Если среда, вліянію которой подчиняется питомецъ относится къ этому занятію, какъ къ почтенному, уважаемому и

пріятному, то питомецъ тѣмъ самымъ склоняется къ нему даже тогда, когда его особенности и нужная для него подготовка для ребенка еще и несовсѣмъ ясны; такъ, можетъ возникнуть въ ребенкѣ желаніе стать, подобно отцу, врачемъ, священникомъ, ученымъ, писателемъ — еще въ такомъ возрастѣ, когда сущность этихъ занятій превышаетъ его пониманіе. Наоборотъ, если какое-нибудь занятіе связано въ представленіи питомца съ непривлекательною для него средой или, если авторитетные въ глазахъ питомца люди поселяютъ въ умѣ питомца презрѣніе къ этому дѣлу, то самая доступная и интересная для ребенка обстановка не въ силахъ привязать его къ тому занятію, среди котораго проходятъ его дѣтскіе годы. Къ сожалѣнію, именно дѣти нашихъ интеллигентныхъ семействъ постоянно растутъ подъ вліяніемъ среды людей, недовольныхъ своимъ занятіемъ и положеніемъ: и отъ родителей, и отъ посѣщающихъ ихъ знакомыхъ они непрерывно слышатъ жалобы на положеніе чиновника, учителя, врача; весь кругъ интеллигентныхъ профессій уже въ юношескіе годы покрывается для нихъ непривлекательными красками, а между тѣмъ силы и способности для занятій другого рода въ нихъ не развиваются. Недовольство жизнью интеллигенціи соединяется у нихъ съ безсиліемъ жить жизнью рабочаго; сильное и здоровое развитіе воли подтачивается такимъ образомъ у подобныхъ юношей въ самомъ своемъ корнѣ [1]).

2.

Положительная цѣль женскаго образованія.

Нормальная профессія для женщины только одна жены, матери и первоначальной воспитательницы своихъ дѣтей. Поэтому, въ нормальномъ планѣ общаго женскаго образованія нѣтъ различія упомянутыхъ [1]) двухъ частей, но общеобразовательный минимумъ совпадаетъ съ подготовкою къ будущей спеціальности. Такимъ образомъ, вмѣсто трехъ частей, женскій общеобразовательный курсъ долженъ заключать въ себѣ только двѣ: 1) общеобразовательную часть, нужную для всякой женщины, и 2) необязательную часть, изучаемую для развлеченія.

[1]) Изъ журнала „Воспитаніе и обученіе“ за 1890 г.

Нормальная женская профессія—жены, матери и первоначальной воспитательницы своихъ дѣтей—существенно отличается требуемою для нея подготовкою отъ тѣхъ спеціальныхъ профессій, къ которымъ готовятъ себя мужчины. Всѣ послѣднія профессіи носятъ характеръ искусственный, т.-е. опираются на пріобрѣтенныя знанія и умѣнія; между тѣмъ какъ нормальная женская профессія опирается на прирожденные задатки и инстинкты. По отношенію къ этимъ задаткамъ и инстинктамъ, какъ таковымъ, образованію ставятся требованія скорѣе отрицательныя, чѣмъ положительныя, требованія — не разстроить здоровье будущей матери и не разрушить цѣлостности ея инстинктивной привязанности къ своему ребенку и къ семьѣ, которая его кормитъ и оберегаетъ. Положительною же цѣлью женскаго образованія служитъ лишь такое одухотвореніе и облагороженіе природныхъ женскихъ дѣятельностей и склонностей, благодаря которому онѣ теряютъ свою животность и матеріальность, проникаясь сознаніемъ обязанности, способностью здраваго размышленія, чистотою настроенія и изяществомъ привычекъ. Образованная жена и мать отличается отъ необразованной не тѣмъ, что первая умѣетъ, а вторая не умѣетъ производить и любить дѣтей, а тѣмъ, что вторая служитъ лишь физическимъ, первая же, вмѣстѣ съ тѣмъ, и духовнымъ средоточіемъ семейной жизни, сообщающимъ послѣдней въ глазахъ членовъ семьи внутреннюю или идеальную привлекательность своею широкою и теплою воспріимчивостью ко всему, что возвышаетъ и украшаетъ человѣческое существованіе. Для развитія въ женщинѣ такого свойства духовной воспріимчивости къ идеальнымъ сторонамъ жизни совсѣмъ не требуется устраивать, сверхъ общеобразовательнаго женскаго курса, еще спеціальный курсъ для изученія искусствъ и знаній, требуемыхъ нормальною женскою профессіею. Такихъ спеціальныхъ женскихъ знаній, для которыхъ нуженъ этотъ курсъ, собственно не существуетъ. Можетъ быть устроенъ такой курсъ для образованія учительницъ; но устройство учительскихъ курсовъ имѣетъ уже задачу, выходящую за предѣлы нормальнаго женскаго образованія и вытекающую изъ иныхъ соображеній и цѣлей, о которыхъ еще будетъ у насъ рѣчь впереди. Знанія-же и умѣнія, нужныя для жены и матери, по скольку они не укладываются въ рамки общеобразовательнаго учебнаго курса, какъ, напр., извѣстный размѣръ свѣдѣній въ швейномъ и кухонномъ дѣлѣ и навыкъ въ обращеніи съ дѣтьми, пріобрѣтаются прямо жизнію

сначала въ родительской, а потомъ въ собственной семьѣ или, даже путемъ особаго преподаванія, но во всякомъ случаѣ не такого, которое можно сравнить съ высшимъ спеціальнымъ образованіемъ врача, юриста или инженера. Такимъ образомъ, общеобразовательный женскій курсъ есть, вмѣстѣ, и курсъ, спеціально готовящій женщинъ къ ихъ нормальной профессіи, и въ никакомъ, сверхъ него, высшемъ спеціальномъ курсѣ не представляется нужды. Словомъ, въ образованіи женщинъ не только общеобязательный минимумъ совпадаетъ съ подготовкою къ будущей спеціальности, но и эта подготовка не дѣлится на двѣ части, какъ для мужчинъ, а представляетъ собою одно цѣлое [1]).

XXXII.

А. Н. Острогорскій.

Алексѣй Николаевичъ Острогорскій родился въ 1840 г. Воспитаніе получилъ во 2 кадетскомъ корпусѣ и Михайловской Артиллерійской академіи. По окончаніи курса послѣдней былъ назначенъ репетиторомъ физики во 2 кадетскомъ корпусѣ и такимъ образомъ съ самаго начала своей службы поступилъ на педагогическое поприще. При преобразованіи кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи въ 1863 г. поступилъ на вновь учрежденную тогда должность воспитателя во 2 воен. гимназію, съ которой и начались преобразованія. Съ 1877 по 1882 г. былъ директоромъ Учительской Семинаріи военнаго вѣдомства, а съ 1883 г. ему поручена была редакція журнала «Педагогическій Сборникъ» издаваемаго при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, въ которомъ съ тѣхъ поръ онъ и помѣщалъ свои статьи. Точно также свою общественную и литературную дѣятельность онъ посвятилъ почти исключительно педагогическому дѣлу. Онъ редактировалъ «Дѣтское Чтеніе» съ 1869 г. по іюнь 1877 г. и сотрудничалъ въ «Чтеніи для юношества». Вслѣдствіе его реферата, прочитаннаго въ учебномъ Отдѣлѣ Московскаго Политехническаго Музея, былъ основанъ «Библіографическій указатель» по дѣтской литературѣ. Имъ изданы: «На досугѣ, этюды по естествознанію» «Матеріалы по методикѣ геометріи» «Дѣтскій Альманахъ» и 4 сборника статей, перепечатанныхъ изъ Дѣтскаго Чтенія: «Среди при-

---

[1]) Изъ журнала „Русская Школа“ 1890 г. ст. „О женскомъ образованіи“.

роды», «Въ своемъ кругу» «У рабочихъ людей» и «По бѣлу свѣту», выдержавшіе по 3 изданія. Въ 1897 изданъ сборникъ его педагогическихъ статей, подъ заглавіемъ: «Педагогическія экскурсіи въ область литературы», вошедшій въ составъ Педагогической Библіотеки, издаваемой К. И. Тихомировымъ.

А. Н. Острогорскій выдающійся современный педагогическій писатель, горячо любящій свое дѣло. Такое впечатлѣніе выноситъ всякій, читавшій внимательно его педагогическія статьи. Большую часть статей своихъ А. Н. посвящаетъ воспитательнымъ задачамъ школы, понимая подъ воспитаніемъ образованіе міросозерцанія, обладающаго стремленіемъ къ выраженію себя въ практической жизни [1]). Осуществленіе воспитательныхъ задачъ зависитъ отъ обоюдной поддержки общества и школы. Дѣятели школы сами суть члены общества и раздѣляютъ съ нимъ его стремленія и идеалы [2]). Дѣти, съ другой стороны приносятъ съ собою въ школу, не только организмъ, надѣленный извѣстными силами и способностями, но привязанности, привычки, воззрѣнія. Воспитываетъ главнымъ образомъ жизнь, свойство сложившихся людскихъ отношеній, жизненныхъ запросовъ и т. п. и поэтому главная воспитательная сила-семья и общество [3]). Но это не освобождаетъ школы отъ воспитующаго вліянія, потому что въ ея средствахъ—знанія, товарищество, общественная организація, личная отвѣтственность, не смягчаемая семейными связями. Она разъясняетъ и укрѣпляетъ то, что есть истиннаго и добраго въ каждомъ обществѣ, и этимъ опредѣляется невозможность для школы ограничивать свою задачу обученіемъ, образованіемъ, а требуется, чтобы она пользовалась и воспитательными элементами, заключающимися въ такихъ напр. учебныхъ предметахъ, какъ Законъ Божій, исторія, словесность. Необходимо также принимать во вниманіе то, что формальною стороною образованіе содѣйствуетъ воспитанію [4]), потому что сужденіе, способность владѣть вниманіемъ и управлять волею, которыя пріобрѣтаются при обученіи, существенно необходимы человѣку, чтобъ быть нравственнымъ. Наконецъ, школа неизбѣжно дастъ окраску и характеру отношеній какъ товарищей между собою, такъ и къ старшимъ. Въ школѣ идетъ не одно ученье, а и жизнь. При заботахъ о подготовкѣ къ педагогической дѣятельности лицъ, желающихъ посвятить себя ей, необходимо, поэтому,

---

1) Къ вопросу о томъ, что такое среднее образованіе. П. Сб. 1892, № 2. Школьная дисциплина и воспитаніе. П. Сб. 1890, №№ 1 и 2.

2) На тему „о нашихъ педагогахъ“. П. Сб. 1890, № 10.

3) По поводу нашихъ предшественниковъ, добромъ поминаемыхъ, №№ 10 и 11. П. Сб. 1894 г. Объективъ воспитанія, говорится здѣсь это, людскія отношенія, назначеніе и смыслъ человѣческой жизни (№ 11, ст. 404).

4) О вліяніи умственнаго развитія на нравственное воспитаніе. П. Сб. 1869, № 1.

обратить вниманіе не только на профессіональную подготовку, но и на нравственный цензъ будущихъ наставниковъ накопленныхъ обществомъ этическихъ идей и требованій. Общеніе молодыхъ людей съ просвѣщенными представителями старшаго поколѣнія можетъ считаться крупною воспитательною силою. Крайне желательно привлеченіе въ школу лучшихъ людей и доставленіе имъ возможности стать ближе къ дѣтямъ и особенно юношамъ. Дисциплина, безъ которой школа не можетъ обойтись [1]), не въ силахъ дать то, что можетъ дать живая личность, если она внушаетъ къ себѣ довѣріе. Въ воспитаніи всѣ положительныя мѣры цѣннѣе отрицательныхъ.

Необходимо считаться съ индивидуальностью воспитываемыхъ и въ этомъ смыслѣ быть къ нимъ справедливымъ [2]).

Также желательно, чтобы курсъ средней школы, давая общее образованіе, представлялъ просторъ способностямъ [3]). Жалобы на переутомленіе учащихся могутъ вызываться какъ дѣйствительными излишествами курса, такъ и ослабленіемъ образовательныхъ силъ юношества вслѣдствіе дурной наслѣдственности и общественныхъ условій.

Пересматривая учебные планы, слѣдуетъ имѣть въ виду, что большинство общественныхъ дѣятелей пополняется людьми съ однимъ среднимъ образованіемъ и что сокращеніе и облегченіе курсовъ средней школы можетъ привести къ пониженію образовательнаго ценза общества. Правильнѣе было бы пересматривать учебные курсы не ради тягости ихъ, а вслѣдствіе неудовлетворенія ихъ образовательнымъ и воспитательнымъ задачамъ. Вопросъ же о переутомленіи выдвигаетъ необходимость заботъ о лучшихъ методахъ и пріемахъ преподаванія [4]).

Неустройство разныхъ сторонъ нашего школьнаго дѣла можетъ быть усмотрѣно и при изученіи самоубійствъ среди учащагося юношества [5]).

1.

Справедливость въ школьной жизни.

Умѣстно ли вносить какого бы то ни было рода личное чувство въ школу въ отношенія между воспитателемъ и воспитанникомъ?

---

[1]) Дисциплина и воспитаніе. П. С. Пб. 1 и 2.
[2]) Справедливость въ школьной жизни. П. Сб. 1888. №№ 7 и 8.
[3]) Учитель и даровитые ученики. Пед. 1889, №№ 3 и 4.
По вопросу о способныхъ и малоспособныхъ. Сб. 1885, № 7.
[4]) П. Сб. 1884, № 2.
[5]) Самоубійства по преимуществу въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастахъ. П. Сб. №№ 1, 2, 7, 8 и 10, 1893 г.

Педагоги давно уже высказываются, что нѣтъ. Но безусловное принятіе такого положенія кажется намъ не вполнѣ возможнымъ. Надо помнить, что и воспитатель тоже вѣдь человѣкъ. Нельзя запретить ему чувствовать обиду, когда оказываютъ къ нему неуваженіе, брезгливость къ неряхѣ, расположеніе къ симпатичному юношѣ, возмущеніе глупостью, оскорбленіе, раздраженіе и проч., и проч. Но ему слѣдуетъ бороться съ такими чувствами по отношенію къ питомцамъ, не допускать ихъ стать побужденіями къ тѣмъ или инымъ дѣйствіямъ, затемнивъ или отодвинувъ на задній планъ болѣе надежнаго руководителя—разумъ.

Прежде всего,—вѣдь ихъ силы неравны. Въ рукахъ воспитателя слишкомъ много средствъ для того, чтобъ выйти непремѣнно побѣдителемъ изъ личной борьбы, хотя бы онъ былъ и не правъ. Во-вторыхъ, и это главное—школа не жизнь. Цѣль школы и состоитъ въ томъ, чтобы воспитать, приготовить къ жизни. Роль воспитателя тѣмъ и опредѣляется, что мальчикъ или юноша не умѣетъ приспособляться къ условіямъ жизни въ обществѣ, что онъ еще не можетъ ориентироваться среди своихъ и чужихъ интересовъ, что онъ не дисциплинированъ. Его надо воспитывать. Его стѣсняетъ извѣстное распоряженіе, и онъ, какъ умѣетъ, протестуетъ; проявленіе его въ этомъ случаѣ есть объектъ наблюденія для воспитателя, никакъ не личная обида. Онъ можетъ заставить юношу подчиняться себѣ, подѣйствовавъ на него угрозою строгой кары, но вѣдь не въ этомъ только должна быть его цѣль. Онъ воспитываетъ только тогда, когда постепенно приводитъ своего питомца къ разумному подчиненію, къ необходимости повиноваться закону вообще, не только за страхъ, но и за совѣсть. Если воспитатель дѣлаетъ личнымъ вопросомъ то, что есть прежде всего общее дѣло (таковы напр. многія нарушенія школьной дисциплины), то такимъ образомъ онъ создастъ вовсе не нужныя, наоборотъ,—прямо вредныя осложненія своихъ отношеній. Здѣсь объективность воспитателя вещь очень желательная.

Но мы вовсе не проповѣдуемъ безстрастія въ воспитателѣ, хорошо понимая, что случаями указаннаго характера вовсе не исчерпываются сношенія воспитателей съ воспитанниками. Напротивъ, мысли и чувства его для насъ очень дороги. Нравственное чувство человѣка выражаетъ прежде всего свойство и степень его солидарности съ другими людьми и обусловливается, между

прочимъ, тѣмъ, насколько человѣкъ дорожитъ мнѣніемъ о себѣ окружающихъ лицъ, насколько цѣнитъ и желаетъ сохранить уваженіе себя тѣми, кого онъ самъ любитъ, уважаетъ, кто пользуется нравственнымъ авторитетомъ въ его глазахъ. Нравственное чувство воспитывается общеніемъ, и юноша долженъ знать, что его поведеніе возбуждаетъ въ честныхъ людяхъ или осужденіе, или одобреніе. Безстрастіе въ воспитателѣ лишило бы воспитателя его силы. Не только опредѣленность школьныхъ требованій и вящшая справедливость въ расчетахъ за нарушеніе этихъ требованій, но и самое умное назиданіе, самая краснорѣчивая и убѣдительная проповѣдь не произведутъ впечатлѣнія, если не затронутъ чувства. Но чувство возбуждается лишь чувствомъ же; надо только, чтобы оно было искренне. Мы не разъ видѣли, что натворившіе разныхъ бѣдъ юноши принимали, какъ должное, что воспитатель нашумѣлъ, накричалъ, сорвалъ сердце, употребилъ какое нибудь рѣзкое слово, разсердясь на своихъ питомцевъ. Это естественно. О болѣе мягкихъ формахъ «срыванія сердца» мы уже не говоримъ. Но если сердце это заставитъ наставника перейти съ проступка на личность, выразиться въ томъ, что воспитатель впадетъ въ язвительный или пренебрежительный тонъ или усилитъ наказаніе, засадитъ въ карцеръ на трое сутокъ за то, за что, спокойно судя, посадилъ бы на три часа, обнаружитъ злопамятность или мстительность, тогда другое дѣло. Юноша понимаетъ, что гнѣвъ иной разъ трудно сдержать, что естественно, когда онъ прорвется въ шумѣ и брани, но что его надо сдерживать, иначе онъ можетъ увлечь далеко. Норма—спокойное сужденіе; крикъ и брань—нездоровыя явленія, хотя они и естественны. Они оскорбляютъ, и ихъ приходится прощать; но давать имъ волю надъ собою не слѣдуетъ: это и опасно, и служитъ признакомъ безсилія.

Тотъ же элементъ страстнаго возбужденія, котораго возможность мы признали въ воспитателѣ, мы встрѣчаемъ и у юноши, который чувствуетъ себя оскорбленнымъ, и точно также онъ можетъ завести его дальше, чѣмъ слѣдовало бы, и думаемъ, что разумный воспитатель долженъ предвидѣть возможность такихъ послѣдствій и уберечь отъ нихъ своего питомца. Обязательства, вытекающія изъ свойства нашей натуры и ложащіяся на объ заинтересованныя стороны, должны быть раздѣлены между тою и другою сторопою неравномѣрно. Требованіе справедливости къ себѣ

вполнѣ законны, и всякія излишества, дозволенныя себѣ подъ вліяніемъ аффекта обиды, несправедливостью, извинительнѣе, можетъ быть, всякихъ другихъ аффектовъ. Но въ виду того, что они все же излишества, мы въ правѣ требовать, чтобъ человѣкъ не отдавался во власть ихъ, и конечно, отъ взрослаго мы болѣе въ правѣ требовать разумности, сдержанности, спокойнаго обсужденія, владѣнія собою и проч., чѣмъ отъ юноши. Наконецъ, надо помнить, что молодой, неопытный умъ такъ склоненъ къ обобщеніямъ, а съ этою стороною нельзя не считаться. Мысли, которыя родятся въ головѣ юноши, оскорбленнаго несправедливостью, могутъ быть очень пессимистическаго свойства, а возбужденіе мыслей въ этомъ направленіи надо признать прямо преступнымъ, ничѣмъ не извиняемымъ, если въ этомъ повиненъ, хотя бы и не намѣренно, воспитатель.

2.

О національномъ воспитаніи.

Въ послѣднее время и въ нашей литературѣ и въ нашемъ обществѣ также часто слышатся голоса за національность воспитанія. Въ прошломъ, говорятъ, мы много прегрѣшили противъ нея, перенося въ русскую жизнь учебные планы и программы чужихъ образцовъ (византійскихъ, французскихъ, прусскихъ, австрійскихъ и т. п.), и теперь намъ приходится расплачиваться за свои ошибки. Необходимо исправить эти ошибки и направить воспитаніе на вѣрную, національную дорогу. Намѣренія добрыя, но проекты, планы, пожеланія ревнителей національной школы порою невольно вызываютъ недоумѣнія.

Прежде всего ревнители обнаруживаютъ большое недовѣріе къ устойчивости русской натуры. Каждое наше обращеніе къ западу съ цѣлью поучиться у него, позаимствоваться у него опытомъ, представляется имъ опаснымъ. Намъ кажется, что такія заимствованія вовсе не такъ уже страшны и, прежде всего, что они имѣютъ историческія оправданія. У нашихъ сосѣдей опытъ продолжительнѣе и многосторонніе нашего, и, справляясь съ нимъ, мы избѣгаемъ возможности надѣлать массу ненужныхъ ошибокъ. Люди, которые совѣтовали и стояли за выборъ того или иного иностраннаго

образца, отнюдь не упускали изъ виду потребностей русскаго народа, и если что выходило неладно, то оттого, что либо они ошибались въ представленіи этихъ потребностей, либо не обладали достаточными свѣдѣніями о чужихъ школахъ. Русскими они все время оставались такими же, какъ и мы съ вами. Самый крупный насадитель западныхъ образцовъ, Петръ Великій, былъ безспорно вполнѣ русскій человѣкъ.

Но, говорятъ, пользы справокъ въ опытѣ иностранныхъ государствъ никто не отрицаетъ; борятся противъ пересадки, готовыхъ образцовъ безъ справки, пригодны ли они у насъ, безъ приспособленія ихъ къ національнымъ условіямъ. Едва ли, однако, и такой упрекъ справедливъ. Пересадители всегда вносили въ учебныя системы измѣненія, приспособляли ихъ, и вопросъ сводится опять-таки къ тому, были ли эти поправки достаточны, разумны или нѣтъ.

Намъ кажется, что возможность ошибокъ и въ выборѣ и въ поправкахъ къ системѣ вообще тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ больше игнорируемъ мы всесвѣтный опытъ. Чтобы судить о немъ, надо прежде всего знать его. При незнаніи возможно, что намъ покажется прекраснымъ то, отъ чего другіе уже отказываются, что мы, натолкнувшись на хорошее, просмотримъ лучшее. Все это неизбѣжно, когда мы десятки лѣтъ знать не хотимъ, какъ живутъ сосѣди, а на одиннадцатый начинаемъ торопливо наводить о томъ справки.

Желаніе, чтобы школа была національная, русская, само собою разумѣется, вполнѣ законно; къ нему горячо присоединится каждый, кому дороги успѣхи школы. Надо только разобраться, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать эти термины.

Возможны различныя точки зрѣнія на задачи школы, и школа можетъ быть признана русскою или нѣтъ въ зависимости отъ того, на какой точкѣ зрѣнія мы стоимъ.

Стоя на практической точкѣ зрѣнія, мы можемъ говорить: прошедшій школу долженъ принести въ жизнь запасъ знаній, пригодныхъ для общества и государства. Чтобы служить русской жизни, необходимо знать свою родную страну, ея средства, законы и проч. Въ русской школѣ русская географія должна проходиться подробнѣе, чѣмъ всякая другая; географія ближайшихъ сосѣдей подробнѣе, чѣмъ отдаленныхъ государствъ. Русскій языкъ, русская исторія, русская

флора и фауна и пр. должны занимать первенствующее мѣсто въ курсѣ русской школы.

При практической точкѣ зрѣнія, всѣ такого рода замѣчанія касаются содержанія курса, изучаемыхъ объектовъ и проч. Иное дѣло, если стать на точку зрѣнія формальнаго образованія и имѣть въ виду методы изученія и сторону формальную, а не матеріальную. Здѣсь едва ли можетъ быть рѣчь о національности, такъ какъ приходится имѣть въ виду главнымъ образомъ логичную сторону сферы чистаго ума. Мы можемъ себѣ представить, что иной иностранецъ въ состояніи съ большимъ успѣхомъ разработать вопросы нашей грамматики, — и примѣры этого бывали; что иностранецъ - математикъ, владѣющій русскимъ языкомъ, можетъ съ большимъ успѣхомъ обучать въ русской школѣ. Національность тутъ не при чемъ; важны знаніе предмета и методическое искусство.

Положеніе это можетъ вызвать много возраженій, въ которыхъ не лишне разобраться. Вамъ тотчасъ напомнятъ про наше всѣмъ памятное увлеченіе методомъ Груббе, проподевтикою и пр. хитростями нѣмецкой школы, укажутъ, что нельзя же отрицать разнообразія способностей учениковъ, необходимости для учителя примѣняться къ нимъ, а разъ такое различіе способностей и умовъ существуетъ среди учениковъ одного класса, его надо допускать и тогда, когда рѣчь идетъ о цѣлыхъ націяхъ. Все это такъ, но надо же различать методы отъ пріемовъ; мы считаемъ универсальными первыя, допуская широкую индивидуализацію вторыхъ. Методъ Груббе, прежде всего, не столько научный методъ, сколько школьный пріемъ. Онъ умѣстенъ при извѣстныхъ условіяхъ, а при другихъ онъ можетъ оказаться непригоденъ. Надо принять во вниманіе возрастъ учащагося, его развитіе, домашнюю подготовку. Русская школа, кажется, уже разобралась въ немъ, взявъ въ свою практику то, что оказалось для нее подходящимъ и отвергнувъ другое. Идея сохранилась, механизмъ измѣнился; сперва его примѣняли къ дѣтямъ 10-лѣтн. возраста, теперь его отодвинули дальше къ началу ученья.

Съ другой стороны, говоря о формальномъ образованіи, какое можетъ давать школа, надо точнѣе разграничивать элементы, входящіе въ нашу мысль. Мышленіе рѣдко обходится безъ чувственнаго элемента и, благодаря именно ему, складъ ума даннаго субъ-

екта можетъ пріобрѣтать особую складку. Анализъ и синтезъ для всѣхъ одинаковъ, логическій выводъ для всѣхъ равно обязателенъ. Но люди къ доводамъ чистаго ума прибавляютъ соображенія самолюбія, привязанностей, привычекъ, своихъ индивидуальныхъ потребностей и вкусовъ и приходятъ къ разнымъ сужденіямъ о предметахъ и явленіяхъ. Если школа преслѣдуетъ исключительно образовательныя задачи, то формальная сторона ученія въ ней должна имѣть дѣло съ тѣмъ, что вообще равно для всѣхъ, зная, что, оставаясь логичнымъ въ научной области, питомецъ ея самъ внесетъ субъективный элементъ въ свои сужденія о практикѣ жизни. Эта субъективная окраска сужденій настолько неизбѣжна и настолько часто вредитъ правильности выводовъ, что школѣ приходится хлопотать о пріученіи учащагося къ чистотѣ мышленія, къ объективности и безстрастію его. Въ этомъ смыслѣ мы и разумѣемъ формальное образованіе, утверждая, что національному элементу здѣсь нельзя найти мѣста. Общечеловѣческіе пріемы мышленія составляютъ объектъ школы; развитіе ихъ она преслѣдуетъ въ преподаваніи, главнымъ образомъ математики, естествознанія, научныхъ сторонъ въ языкахъ и исторіи и т. д.

Такимъ образомъ мы указали пока въ сферѣ школьнаго ученія теоретическія знанія, какъ матеріалъ для практическихъ приложеній въ жизни, и методъ, какъ орудіе формальнаго развитія учащихся. Естественъ вопросъ: если знанія, при ихъ усвоеніи, мыслятся, то каковъ долженъ быть результатъ мыслевой обработки знаній. Усвоеніе метода наблюденія и опыта, анализа и обобщеній и т. д., все такое входитъ въ область формальнаго развитія, и не о немъ теперь рѣчь. Конечно, нѣтъ нужды говорить, насколько оно важно и для нравственнаго воспитанія. Мы хотимъ обратить вниманіе на выводы изъ изучаемыхъ фактовъ, на освѣщеніе ихъ, какое возможно для школы.

Два рода выводовъ мы должны имѣть здѣсь въ виду, — одни представляютъ обобщенія научныя, другія, если хотите, метафизическія. Къ первымъ мы относимъ выводы о причинной связи явленій, о прочности, постоянствѣ законовъ, усматриваемыхъ какъ въ неорганическомъ, такъ и въ органическомъ мірѣ, въ частности — о сохраненіи энергіи и матеріи и т. п. Сюда поэтому мы относимъ то, что въ австрійской инструкціи по преподаванію исторіи названо историческимъ пониманіемъ вещей. Учителя исторіи

и литературы вносятъ въ свой курсъ идею постоянства закона, когда объясняютъ, что личность, дѣйствовавшая на историческомъ или литературномъ поприщѣ, была продуктомъ своего времени и являлась выразительницей идей и стремленій современной ему эпохи. Нѣтъ нужды распространяться, насколько можетъ служить тѣмъ же цѣлямъ преподаваніе математики, естествознанія, географіи. Связь животныхъ и самого человѣка въ первобытныхъ его состояніяхъ съ природою, опредѣляющею его пищу и образъ жизни, служатъ этой же цѣли. Проникнутое такими идеями преподаваніе вноситъ стройность, цѣльность въ міросозерцаніе юноши, указываетъ ему на вѣчные законы, передъ которыми стихаютъ бурлящія въ сердцѣ юноши силы, указывая ему на необходимость изученія природы, живой и мертвой, для того, кто хочетъ ею пользоваться.

Есть другой циклъ идей, которыя также могутъ проникать весь преподаваемый курсъ и сообщать ему воспитательный характеръ. это идеи метафизическаго характера, идеи нравственнаго порядка, красоты, добра и правды. Раскрытіе этихъ идей входитъ въ область философіи и не можетъ быть задачею средней школы; но можно желать, чтобы идеи эти были достояніемъ преподавателя и чтобы онъ, исходя изъ нихъ какъ изъ готоваго синтеза, освѣщалъ ими сообщаемыя учащимся знанія. Ученики будутъ воспринимать ихъ главнымъ образомъ чувствомъ, въ меньшей мѣрѣ умомъ. Мы разумѣемъ такія идеи, какъ та, что правда всегда восторжествуетъ надъ зломъ, что человѣкъ въ извѣстной мѣрѣ отвѣтственъ за свои дѣянія и не является только подчиненнымъ законамъ природы, но и проявляетъ творчество духа, что у всякаго человѣка есть не одни права, но и обязанности, что есть судъ исторіи и человѣкъ не можетъ отдаваться только заботамъ о себѣ и своемъ сегодняшнемъ дѣлѣ и несетъ отвѣтственность и передъ современниками и передъ потомствомъ, и т. д.

Идеи перваго рода одинъ и тѣ же для школъ всѣхъ націй, и. ч. наука и ея выводы общечеловѣчны. Въ идеяхъ второго рода можетъ сильно сказаться національная окраска. Жизнь различныхъ народовъ представляетъ неодинаковый опытъ: она выдвигаетъ временно на первое мѣсто либо тотъ, либо другой изъ коренныхъ вопросовъ этики и даже можетъ давать на нихъ разные отвѣты.

Область религіозныхъ и нравственныхъ отношеній есть та область, въ которой преимущественно сказываются національныя точки зрѣнія.

Вѣрно ли это? Нравственныя нормы, говорятъ, столь же универсальны, какъ и научные законы. Воровство вездѣ воровство, грубость вездѣ грубость, если не въ дѣйствительности, то въ идеалѣ.

Мы говоримъ здѣсь только о дѣйствительности, а не объ идеалѣ, а потому признаемъ различіе національностей въ сферѣ нравственныхъ и религіозныхъ воззрѣній.

Трудно, конечно, указать, чѣмъ отличается русская нравственное міросозерцаніе отъ другихъ, указать такія черты его, признаніе которыхъ не вызвало бы разногласій. Споры здѣсь всегда возможны, но въ основѣ споровъ лежитъ мысль, что различія дѣйствительно существуютъ и только одинъ считаетъ русскими такія черты, другой — иныя. Признаемъ русское міросозерцаніе и мы. Намъ кажется возможнымъ такой фактъ, что, проходя, напр., русскую исторію, русскій учитель остановится съ особенною любовью на героѣ великомъ своею скромностью, простотою, трудолюбіемъ, незлобіемъ и пр., тогда какъ французъ скорѣе остановится на эффектномъ моментѣ исторіи, съ декораціями, парадомъ и проч. Извѣстна также наклонность русскаго человѣка отыскивать человѣческія черты въ каждомъ, даже въ самомъ плохонькомъ субъектѣ и умиляться крохотнѣ добра, розысканной среди кучи мусора.

Но національное воспитаніе не можетъ быть исключительнымъ. Есть воспитательныя идеи, которыя составляютъ почву, на которой вырастаютъ національныя нравственныя отличія. Нельзя обойтись безъ этой почвы, если мы хотимъ имѣть національную школу. Рисуя доблесть героя Греціи, мы будимъ въ юношахъ доблестное чувство, которое неизбѣжно выльется у нихъ въ форму, отличную отъ греческой. Важно именно возбужденіе этого чувства, а не тѣ временныя и частныя формы, въ какихъ оно вылилось у историческаго героя. Русская натура, современныя условія жизни возьмутъ свое. Если бы мы знакомили учащихся исключительно съ греческою жизнью, то дали бы имъ очень ограниченный опытъ: непремѣнно надо знакомить съ русскою жизнью, съ русскою дѣйствительностью, но не слѣдуетъ забывать, что уроки и чужой исторіи

служатъ къ воспитанію основъ, на которыхъ вырастаетъ національное чувство.

Возможна, наконецъ, еще одна точка зрѣнія, стоя на которой можно желать, чтобы наша школа была русскою. Мало давать знаніе Россіи, ея природы, исторіи, языка, учрежденій и проч., русская школа должна воспитывать любовь къ своему родному, русскому міросозерцанію. Цѣль эта достижима, но она прежде всего предполагаетъ школу, не какъ образовательную только силу, а и какъ воспитательную. Она признаетъ въ учителѣ не одинъ объективный элементъ, а и субъективный. Для воспитательной школы степь не только представляется пространствомъ, поросшимъ извѣстною растительностью и занимающимъ опредѣленное географическое положеніе, но и рисуется со всею шириью и гладью, такъ много говорящими русскому сердцу. Владиміръ Мономахъ для нея живой величавый образъ древняго русскаго князя. Тысячи частностей въ географіи, исторіи, языкѣ и словесности будятъ въ юношѣ тѣ струны, которыя общи у него не только со сверстниками, но и съ предками и ближайшими и отдаленными, будятъ и воспитываютъ чувства, крѣпко связующія его съ родною землею, съ ея судьбами, преданіями, завѣтами.

Возможна ли при этомъ критика излюбленныхъ героевъ, нашихъ правовъ, обычаевъ? Вполнѣ возможна, и это можетъ быть, опять чисто русская черта. Прочтите народныя сказки наши, и вы убѣдитесь, что съ любовью уживается критика, не злая, а добродушная, хотя вовсе не поверхностная. Довѣрчивый простакъ въ сказкѣ всегда проводится хитрымъ цыганомъ, лисичкой-сестричкой, а симпатія разсказчика лежитъ на сторонѣ перваго. Онъ знаетъ, что его герою суждена незавидная роль на жизненномъ пиру, гдѣ царятъ ловкачи, но онъ все-таки любитъ его, любитъ потому, что видитъ въ немъ вѣру въ добро и въ людей. Эта черта глубоко знаменательна, объясняя, вмѣстѣ съ другими, ту терпимость русскаго къ иновѣрцамъ, инородцамъ, чужестранцамъ и проч. Онъ знаетъ, что у другихъ есть многое, что лучше чѣмъ у него; но то чужое, а это свое, родное, близкое.

Критика потому уже мыслима, что вѣдь и реформа правительства, и церковная проповѣдь, и попытка литературы начертать положительные идеалы общества, все это основано на критикѣ и призна-

ніи нашихъ недостатковъ. Надо только желать, чтобы критика была серьезна и доброжелательна.

Русскій человѣкъ на мѣстѣ учителя, помимо воли своей, воспитываетъ въ своихъ ученикахъ русское сердце. Не смотря на инструкцію, онъ не можетъ стать формалистомъ, какъ нѣмецъ, не жалуетъ театральности, выставки, парада, держится съ учениками просто и нѣтъ-нѣтъ да и проявится по-русски со своимъ русскимъ взглядомъ на историческаго героя, на дѣйствующее въ литературномъ произведеніи лицо, на Волгу многоводную, на степь перекатную, хотя это освѣщеніе можетъ быть и не входитъ въ программу школы, открещивающейся отъ воспитанія и задающейся только образованіемъ. Если реформаторъ школы не додѣлалъ чего-нибудь, русскій учитель додѣлаетъ за него: гдѣ смягчитъ требованіе, гдѣ внесетъ свое и нарушитъ гармонію и стройность системы. Русская жизнь вѣдь всегда вноситъ свои поправки въ слишкомъ стройныя системы.

О справедливости, доброжелательствѣ и любви.

Было бы очень желательно найти средство дѣлать людей доброжелательными, но это очень трудно. Всего чаще оно представляется свойствомъ натуры человѣка, результатомъ темперамента, а не плодомъ убѣжденій. Вырастая на почвѣ наслѣдственности, оно питается добрыми семейными и другими отношеніями. Справедливо говорятъ, что эта форма альтруизма, признаваемая высшею формою, есть, въ эволюціонномъ смыслѣ, самая молодая и менѣе всѣхъ устойчивая. Эгоистическія побужденія, матеріализація потребностей, — качества, которыя практиковались многими вѣками и крѣпко, какъ наслѣдіе предковъ, сидятъ въ каждомъ изъ насъ, ставъ почти инстинктами. Дружелюбное сожительство гораздо позже стало входить въ практику. Потому и инстинкты этого рода далеко еще не стали второю натурою, по крайней мѣрѣ для большинства. Потому, говорятъ моралисты, ихъ и надо воспитывать, ухаживать за ними, тщательно оберегая человѣка отъ мизантропіи и озлобленія, чтобы зерна его, лежащія въ душѣ человѣческой, не пропали, не были заглушены сорною тра-

вою. Воспитывать же въ другихъ любовь можетъ только тотъ, кто самъ много любитъ. Любовь согрѣваетъ сердце, располагаетъ вѣрить не тому только, кого любишь, а человѣку вообще, вѣрить въ натуру человѣка. Рѣдки добрые люди, а недобрымъ людямъ обыкновенно не дается роль проповѣдника доброжелательства, когда они почему нибудь берутъ ее на себя; не грѣютъ они и, проповѣдуя добро, скорѣе всего приводятъ своихъ слушателей къ совершенно противоположному результату, къ мысли о фальшивости и лживости людей, о томъ, что надѣяться на нихъ, довѣрять имъ, не слѣдуетъ, т. е. къ чувствамъ, совсѣмъ не альтруистическаго свойства.

Но если трудна и не всякому по плечу роль проповѣдника любви, то это еще не значитъ, что человѣку, стремящемуся къ нравственному просвѣтлѣнію другихъ, нечего уже и дѣлать. Другая форма альтруизма — справедливость, тѣснѣе примыкаетъ къ убѣжденіямъ и потому скорѣе можетъ быть внушена другому, чѣмъ первая. Справедливость къ другимъ такой мотивъ, законность котораго мы можемъ признавать вопреки тому, что натура тянетъ насъ къ себялюбію. Въ такомъ случаѣ, онъ является задерживающимъ наши эгоистическія побужденія, а потому морализующимъ человѣка.

Понятное дѣло, что и здѣсь дѣло не въ однихъ хорошихъ словахъ морализующаго проповѣдника; рядомъ со словомъ должно идти и дѣло, чтобы внушить мысль, что справедливость осуществима, что она, если и является ограничивающимъ нашу волю элементомъ, то такимъ, который требуетъ только неизбѣжныхъ при всякомъ общежитіи жертвъ; надо самому ставить для себя справедливость руководящимъ принципамъ при установленіи своихъ отношеній къ людямъ. Справедливость указываетъ, что нравственнаго удовлетворенія слѣдуетъ искать въ сознаніи, что я, по крайней мѣрѣ, никому не сдѣлалъ зла, не былъ виновникомъ ничьего горя или несчастія.

Въ дѣйствительности, трудно, однако, представить себѣ человѣка, мораль котораго вполнѣ исчерпывалась бы однимъ понятіемъ справедливости. Возможно ли ограничиться тѣмъ, чтобы дать другому только то, что ему слѣдуетъ, будетъ ли даваемое благомъ матеріальнымъ или духовнымъ. Въ натурѣ человѣка давать излишекъ, жертвовать своимъ въ пользу другого, и вопросъ можетъ

быть только въ томъ — кому и что именно давать. Жертвовать тому, кого любишь, до того естественно, что моралисты и не говорятъ о доброжелательствѣ въ сферѣ, напр., семьи, члены которой связаны узами любви и общности интересовъ. Самый закоренѣлый воръ или убійца часто тащитъ награбленное добро своей семьѣ, ласкаетъ жену, балуетъ своихъ ребятишекъ. Нравственность начинается за предѣлами семьи, и вору не ставится въ счетъ его добродѣтелей то, что онъ, въ нѣкоторомъ родѣ, хорошій семьянинъ. Дружныя семьи, говорятъ, стали теперь рѣдки. Но вѣдь, если, въ семьѣ нѣтъ лада, идетъ вражда, то можно ли считать ее семьею, не правильнѣе ли назвать ее простымъ сожительствомъ. Моралисты, вынося нравственность за предѣлы семьи, разумѣютъ идеальный семейный союзъ.

Но и за предѣлами семьи рѣдко у кого не найдется людей, къ которымъ бы онъ относился вполнѣ доброжелательно. Есть друзья, сотрудники, и пр. Вотъ почему мы и думаемъ, что справедливость, служа руководящимъ нравственнымъ принципомъ для многихъ лицъ, вовсе не выражаетъ собою полностію дѣйствительный характеръ ихъ отношеній къ другимъ людямъ. Только это доброжелательство опредѣляется здѣсь личными симпатіями, а не распространяется на «человѣка вообще».

Если же разсматривать рѣшимость человѣка лишь самому не творить зла, какъ руководящій принципъ, то не придется признать его достаточно высокимъ даже и въ обществѣ, вообще довольно хорошо настроенномъ. Можетъ казаться, что, если бы всѣ люди прониклись имъ, то жить было бы хорошо. Не было бы насилій, оскорбленій и проч. Это, конечно, справедливо; но вѣдь рядомъ съ несчастьемъ, которое люди причиняютъ другъ другу, есть несчастія, падающія на насъ помимо какой-либо людской воли. Бываютъ пожары, наводненія, неурожаи, болѣзни, есть дѣтство, старость, слѣпота и пр., и пр.

Въ виду несчастій подобнаго рода, несчастій которыя, всегда вызываютъ просьбу о помощи, принципъ: лишь бы самому не творить зла, не способенъ удовлетворить нравственное чувство сколько нибудь порядочнаго человѣка. Человѣкъ, прошедшій мимо просящаго помощи, не найдетъ себѣ утѣшенія въ томъ, что не онъ произвелъ поджогъ, что не онъ виноватъ въ безпомощности слѣпца, въ страданіяхъ больного, и т. п. Рѣдкій человѣкъ откажетъ въ помощи

просящему ся, и разница скорѣе всего обнаружится въ томъ, что одинъ окажетъ эту помощь съ радостью, охотно войдетъ въ положеніе, подумаетъ, какъ помочь лучше, радикальнѣе, другой отнесется формально, признаетъ помощь своимъ долгомъ, можетъ быть пожалѣетъ, что исполненіе этого долга выбило его изъ колеи, взяло много времени и, если откажетъ въ помощи, то мотивируетъ свой отказъ возможностью обмана, безполезностью помощи, другими обязательствами и пр., но никоимъ образомъ не ссылкою на принципъ справедливости.

Справедливость, какъ мы сказали уже, доступна разумѣнію, и о ней умѣстно говорить съ другимъ, такъ какъ есть возможность убѣдить человѣка въ ея необходимости. Но можно и слѣдуетъ желать установленія другой, болѣе высокой формы, альтруизма—доброжелательства, любви. Мы указали только исключительные случаи, когда человѣкъ, силою вещей, выталкивается за границы справедливости, но подобныхъ случаевъ, вовсе не исключительнаго характера, можно насчитать множество.

Немудрено поэтому, что, при всемъ разнорѣчіи этическихъ системъ, какъ завѣщанныхъ намъ вѣками минувшими, такъ и предложенныхъ въ ближайшее намъ время, конечный выводъ, къ которому всѣ онѣ, болѣе или менѣе, приходятъ, заключается все въ томъ же «люби ближняго», которое давно уже извѣстно міру. Разница заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что вѣрующій считаетъ эту истину завѣтомъ Бога, а философъ стремится найти всѣми одинаково признаваемое побужденіе, и затѣмъ изъ него вывести логически ту же истину, въ разсчетѣ, что, такимъ образомъ, онъ дастъ возможность каждому доказать, что любить ближняго и помогать ему надо. Если онъ считаетъ, что основное и каждому понятное побужденіе есть удовольствіе, то далѣе онъ доказываетъ, что удовольствія могутъ быть разныя по своему внутреннему достоинству, что высшее изъ нихъ должно предпочитать низшему и что самое высшее побужденіе — это любовь къ ближнему. Другой за основное побужденіе признаетъ разсчетъ личной пользы, но и онъ также установляетъ разныя градаціи пользы и признаетъ, что отъ счастья и блага ближнихъ зависитъ и наше личное благо. Вопросъ сводится, главнымъ образомъ, къ тому, какимъ путемъ преподается указанное положеніе этики.

Читатель изъ изложеннаго раньше, вѣроятно, уже усмотрѣлъ, что мы не разсчитываемъ много на «убѣжденіе» въ сферѣ нравственныхъ вопросовъ: разсудочной дѣятельности принадлежитъ сравнительно небольшой кругъ. Она разъясняетъ то, что есть, и не можетъ создать того, чего нѣтъ. Любовь можетъ быть слѣпа и неразумна, и ее можно и должно просвѣтить, давъ ей въ спутники разумъ. Но если любви нѣтъ, если жизнь расположила человѣка обособиться, если она озлобила его, то доводами разума не убѣдишь его любить ближняго. Быть доброжелательнымъ изъ разсчета, что въ этомъ моя выгода, нельзя. Любовь — чувство и можетъ быть возбуждено только чувствомъ же, созданіемъ той атмосферы, въ которой любится само собою. Это трудно, иной разъ и невозможно, но того, что нужно для успѣха, нельзя замѣнить никакимъ суррогатомъ. Другое дѣло справедливость, и можетъ быть, начавъ съ нея, легче дойти до тѣхъ сокровенныхъ уголковъ души человѣческой, гдѣ лежатъ чуть замѣтныя зернышки любви къ человѣку. Возможно, что за справедливость человѣкъ отвѣтитъ любовью...

XXXIII.

П. Ѳ. Каптеревъ.

Петръ Ѳеодоровичъ Каптеревъ, сынъ сельскаго священника, родился 7-го іюля 1849 года въ селѣ Клеповѣ, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи, и воспитывался въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Окончилъ курсъ въ Московской духовной академіи въ 1872 году со степенью кандидата, избравъ для спеціальныхъ занятій въ послѣдній годъ академическаго курса группу философскихъ предметовъ: исторію философіи, психологію, педагогику и основное богословіе. По окончаніи курса П. Ѳ. Каптеревъ поступилъ преподавателемъ философскихъ предметовъ въ С.-Петербургскую духовную семинарію, а потомъ преподавалъ на педагогическихъ женскихъ курсахъ при С.-Петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ (1879 — 1884 гг.) исторію педагогики, дидактику, психологію и логику, въ Александровскомъ лицеѣ (1882 — 1885 гг.) психологію и логику, на педагогическихъ фребелевскихъ курсахъ (съ 1884 г.) психологію и исторію педагогики, и въ женскихъ гимназіяхъ Александровской, Спѣшневой, Э. П. Шаффе и М. Н. Стоюниной

педагогику. Въ настоящее время состоитъ на службѣ въ канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, продолжая и преподавательскую дѣятельность.

Первый печатный трудъ г. Каптерева студенческая проповѣдь на день Свв. Кирилла и Меѳодія, произнесенная въ академической церкви 11 мая 1870 года и напечатанная въ томъ же году въ духовномъ журналѣ «Душеполезное чтеніе». Затѣмъ П. Ѳ. писалъ довольно много по вопросамъ психологическимъ и педагогическимъ въ слѣдующихъ изданіяхъ: Семьѣ и Школѣ, Педагогическомъ Сборникѣ, Народной Школѣ, Женскомъ Образованіи, Образованіи, Русской Школѣ, Воспитанія и Обученія, Педагогическомъ Листкѣ при Дѣтскомъ Чтеніи, На помощь матерямъ, Знаніи, Наблюдателѣ и газетѣ Современность. Почти всѣ написанныя статьи (ихъ не одинъ десятокъ) можно раздѣлить на три группы: а) психологическія въ широкомъ смыслѣ слова. Есть статьи по исторіи развитія душевныхъ процессовъ въ родѣ человѣческомъ, есть статьи по психологіи дитяти, женщины и по общимъ психологическимъ вопросамъ; б) историко-педагогическія, главнымъ образомъ по исторіи первоначальнаго воспитанія, и по исторіи русской педагогіи и в) собственно педагогическія на самыя различныя темы. Каптеревъ состоялъ членомъ: Спб. педагогическаго общества, Спб. Комитета грамотности, собраній педагоговъ въ Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній, (именно отдѣловъ: общепедагогическаго, Амоса Коменскаго, ученаго, для содѣйствія самообразованію, родительскаго кружка) Фребелевскаго общества, Спб. общества педагоговъ для взаимной помощи. Въ бывшемъ педагогическомъ обществѣ, въ собраніяхъ Педагогическаго музея и во Фребелевскомъ обществѣ г. Каптеревъ принималъ (а въ послѣднихъ двухъ и теперь принимаетъ) дѣятельное участіе. Отдѣльныя изданія сочиненій П. Ѳ. Каптерева слѣдующія: 1. Педагогическая психологія. 2. Дидактическіе очерки (это сочиненіе удостоено золотой медали Спб. Комитета Грамотности). 3. Изъ исторіи души. Очерки по исторіи ума. 4. Янъ Амосъ Коменскій. Законы благоустроенной школы. Переводъ съ латинскаго. 5. Прейеръ. Духовное развитіе въ первомъ дѣтствѣ съ указаніемъ для родителей о его наблюденіи. Перев. съ нѣмецкаго. 6. Душевныя свойства женщинъ. 7. Новая русская педагогія ея главнѣйшія идеи, направленія и дѣятели Спб. 1897. Задачи и основы семейнаго воспитанія Спб. 1898. О природѣ дѣтей 1899. О развитіи въ дѣтяхъ правдивости 1901. Педагогическій процессъ 1905. Исторія русской педагогіи Спб. 1909.

Изъ педагогическихъ статей укажемъ:

1. Современное воспитаніе въ отношеніи къ возрастамъ (Наблюд. № 5, 1887 г.).

2. Объ общественныхъ задачахъ образованія (Русская Школа №№ 1 и 2, 1892 г.).

3. Національность и наука въ организаціи народной школы (Народная Школа 1877).

4. О національномъ образованіи (Образованіе № 9, 1892 г.).

5. О неудобствахъ нынѣшняго дѣленія школъ на классы (Образованіе №№ 5—6, 1892 г.).

6. О значеніи учебника при обученіи (Педаг. Сбор. 1885—6 г.).

7. Что можетъ сдѣлать школа для развитія характера учащихся (Образованія № 1, 1893 г.).

8. О саморазвитіи и самовоспитаніи (Образованіе № 1, 1897 г.).

Изъ психолого-педагогическихъ статей:

1. О вниманіи (Пед. Сб. 1891 г.); 2. О подражательности въ психологическомъ и педагогическомъ отношеніяхъ (Образованіе, 1893, № 7, 8). 3. Развитіе и разновидности дѣтскаго ума (Русская Школа, 1894, №№ 1, 2). 4. О дѣтскомъ воображеніи (Женское образованіе, 1877). 5. О воспитаніи воли (Русская Школа, 1895, № 9, 10 и 11).

П. Ѳ. Каптеревъ — выдающійся современный педагогическій писатель, отзывчиво относящійся къ современнымъ педагогическимъ вопросамъ.

Самымъ капитальнымъ трудомъ г. Каптерева являются его «Дидактическіе Очерки», впервые напечатанные въ 1884 г. въ журналѣ «Женское Образованіе», а потомъ появившіеся отдѣльной книгой. Здѣсь онъ проводитъ ту мысль, что обученіе есть непосредственное воспитаніе ума и посредственное воспитаніе всего человѣка, словомъ, что обученіе есть воспитывающее обученіе, а воспитаніе есть обучающее воспитаніе. Цѣль воспитанія ума можетъ заключаться только въ возбужденіи разнообразныхъ умственныхъ интересовъ, умственной пытливости, въ заложеніи прочнаго фундамента широкаго и свѣтлаго міровоззрѣнія, въ сообщеніи средствъ и орудій для удовлетворенія пробудившейся любознательности, для продолженія и окончанія постройки міровоззрѣнія. Пробуждая и укрѣпляя умственную пытливость воспитываемой личности, педагогу одновременно нужно обратить вниманіе и на образованіе правильнаго міровоззрѣнія, по крайней мѣрѣ основа, фундаментъ его долженъ быть, непремѣнно, заложенъ школьнымъ обученіемъ. Изъ школы человѣкъ долженъ выносить болѣе или менѣе ясный взглядъ, что такое онъ самъ, что такое жизнь вокругъ него, какія задачи его дѣятельности. Мы учимся не для школы; а для жизни; школа не есть самостоятельный, независимый, замкнутый въ себѣ міръ, а только часть міра; школьная жизнь—часть жизни. Любимая мысль г. Каптерева, что необходимо индивидуализировать воспитаніе и образованіе. «Исходная точка при опредѣленіи состава общеобразовательнаго курса должна быть главнымъ образомъ субъективная, а не объективная, не то нужно вносить въ курсъ, что умно и прекрасно само по себѣ, а то, что можетъ хорошо развить и образовать умы учащихся, что соотвѣт-

ствуетъ естественнымъ особенностямъ ихъ умовъ». Отсюда можетъ быть не одно или два, или пять сочетаній общеобразовательныхъ средствъ, а безчисленное множество.

Воспитанію воли г. Каптеревъ, вмѣстѣ съ другими выдающимися педагогами, придастъ громадное значеніе. «Воля есть высшій синтезъ ума, чувствованій и движеній, воля представляетъ нѣчто оригинальное по сочетанію элементовъ».

Трудъ есть спасительное средство для всесторонняго развитія человѣка, и внѣ труда человѣкъ неизбѣжно осуждается на пониженіе всѣхъ своихъ качествъ, на паденіе всего своего существа. Воспитаніе, культура мотивовъ есть болѣе надежное и твердое для благопріятнаго направленія нашей дѣятельности, чѣмъ упованіе на способность произвольныхъ рѣшеній и дѣйствій».

1.

Что можетъ сдѣлать школа для развитія характера учащихся?

Не только съ точки зрѣнія общественной педагогики требуется обратить серьезное вниманіе на развитіе характера, къ тому же заключенію мы придемъ, разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія индивидуальной педагогики. Никогда развитіе личности не можетъ быть признано правильнымъ, если оно представляется преимущественно подъ формой сообщенія и накопленія знаній и умственнаго развитія. Въ личной жизни успѣхъ и счастье зависятъ не только отъ ума и знаній. Крѣпкій характеръ, энергичная воля, настойчивость и выдержка—такія силы, которыя сами по себѣ очень часто даютъ преобладаніе и первенство обладателю ихъ надъ представителями ума и теоретическихъ знаній.

Для развитія каждаго свойства нужны благопріятныя условія, соотвѣтствующая почва; для развитія сильнаго характера требуются также многія условія, такъ какъ характеръ образуется совокупнымъ дѣйствіемъ многихъ причинъ. Прошлая тысячелѣтняя исторія народа, ея особенности, строй современной государственной и общественной жизни, наслѣдственныя народныя свойства — физическія и психологическія, строй семьи и свойства первоначальнаго воспитанія — все это вліяетъ и очень сильно на развитіе характера. Это причины могучія, а онѣ то, можетъ быть, и создали неблагопріятную почву для развитія сильныхъ характеровъ. Разомъ

или скоро мы измѣнить дѣло не можемъ, мы поневолѣ должны начать медленную и трудную работу, должны содѣйствовать улучшенію положенія всѣми зависящими отъ насъ средствами, какъ бы мелки и слабы они, взятыя въ отдѣльности, ни казались намъ на первыхъ порахъ. Мы должны въ данномъ случаѣ поступать подобно скрягѣ, который, присоединяя грошъ къ грошу, рубль къ рублю, скапливаетъ богатство.

Одинъ изъ факторовъ образованія характера есть школа. Преувеличивать значеніе этого фактора не слѣдуетъ, потому что наряду съ нимъ дѣйствуютъ болѣе могущественные, которые оставляютъ на развитіи характера болѣе глубокій слѣдъ, чѣмъ школа. Но и умалять значеніе школы въ развитіи характера также не слѣдуетъ: школа захватываетъ человѣка въ періодъ роста и формировки, когда всѣ вліянія ложатся глубоко и дѣйствуютъ сильно, и держитъ его въ своихъ стѣнахъ лѣтъ 7 — 10, т. е. довольно продолжительный періодъ, когда всякое систематическое вліяніе имѣетъ полную возможность оказать свое дѣйствіе.

Школьное время можетъ быть раздѣлено на учебное и внѣучебное, сообразно съ чѣмъ и жизнь въ школѣ имѣетъ двѣ стороны. Съ развитіемъ характера школа можетъ соприкасаться учебной и внѣучебной сторонами. Въ учебной сторонѣ школы два пункта имѣютъ прямое отношеніе къ развитію характера: процессъ пріобрѣтенія знаній и система знаній.

Въ школахъ главное вниманіе обращается на обученіе, а въ обученіи на успѣхи, на результаты. Учатся хорошо, дурно или посредственно — вотъ главный преобладающій интересъ школы; имѣетъ хорошія способности, слабыя или среднія—это другой, уже дальнѣйшій интересъ школы. Но школа мало интересуется самымъ процессомъ пріобрѣтенія свѣдѣній учащимся, тою степенью напряженія, энергіи и настойчивости, которую обнаруживаетъ учащійся при занятіяхъ. Предположимъ что школа успѣхи пяти учениковъ отмѣчаетъ словомъ «отличные», а успѣхи другихъ пяти словомъ «хорошіе». Этой классификаціи она держится твердо, то учащійся изъ разряда отличныхъ, а то изъ хорошихъ. Различая отдѣльныхъ учениковъ той и другой категоріи, школа различаетъ ихъ опять по оттѣнкамъ ихъ знаній. Но между учащимся кроется другое, весьма значительное различіе, ускользающее отъ вниманія школы,

мало ее интересующее, то, что степень напряженія, настойчивости энергія для достиженія одинаковаго результата различными учащимися употреблена различная: одни обнаружили въ этомъ случаѣ большую настойчивость, твердость воли, умѣнье бороться съ препятствіями; они наслаждались своимъ успѣхомъ и страдали отъ своихъ неудачъ; другіе же обнаруживали лишь прекрасную память и быстрое усвоеніе, успѣхъ дался имъ легко, безъ внутренней энергичной работы, и потому не могъ ихъ особенно обрадовать, опъ тѣшитъ лишь ихъ тщеславіе. Ученики, равные по успѣхамъ и отмѣчаемые одинаковою отмѣткою, живутъ неодинаковою внутреннею жизнью: у однихъ это есть не только жизнь ума, но и разнообразнаго чувства, усилій воли, напряженій энергіи; у другихъ это почти исключительно умственная дѣятельность и притомъ довольно поверхностная. Поэтому тройка одного ученика можетъ стоитъ болѣе пятерки другого.

Школа, живо интересуясь успѣхами учащихся, весьма мало интересуется тѣмъ внутреннимъ процессомъ, которымъ учащіеся достигаютъ знанія. Изъ исторіи личнаго школьнаго образованія припоминается такой фактъ: былъ заданъ трудный урокъ, требовавшій для усвоенія усилій даже со стороны способныхъ учениковъ. Учитель спросилъ средняго ученика, и тотъ отвѣчалъ не совсѣмъ удовлетворительно. Учитель выразилъ ему свое неудовольствіе. Ученикъ замѣтилъ, что онъ старался, занимался урокомъ много времени, сидѣлъ ночью. Учитель отвѣтилъ: «Мнѣ до этого нѣтъ никакого дѣла, мнѣ нужно только убѣдиться, знаете вы урокъ или не знаете. Подите къ инспектору и заявите ему о своемъ стараніи; онъ, можетъ быть, прибавитъ вамъ баллъ за поведеніе. А меня все это не касается». Теперь, конечно, другія времена, другіе нравы, другіе порядки, будемъ надѣяться, что подобныхъ жестокихъ и антипедагогическихъ фактовъ нынѣ уже не бываетъ. Въ нынѣшнихъ школахъ оцѣнивается не только успѣхи учащихся и ихъ поведеніе, но и прилежаніе и даже вниманіе. Но все это понимается и оцѣнивается часто не надлежащимъ образомъ, не надлежащею мѣрою, успѣхи подавляютъ и закрываютъ все.

Между тѣмъ степень энергіи и настойчивости, обнаруживаемая при пріобрѣтеніи знаній, прямо соприкасается съ развитіемъ характера и есть дѣло чрезвычайной важности. Человѣкъ, все бы-

стро схватывающій, не дѣлающій напряженій и усилій для пріобрѣтенія знаній, отучается отъ напряженій и вмѣстѣ усиленной работы, и когда часъ такой усиленной работы настанетъ, онъ оказывается къ ней уже неспособнымъ. Попытавшись сдѣлать все разомъ, однимъ взмахомъ, и не достигнувъ цѣли, такой человѣкъ падаетъ духомъ и отказывается отъ работы. Въ подобномъ положеніи нерѣдко оказываются способные ученики, подававшіе въ школахъ блестящія надежды, выказывавшіе таланты. Школьный курсъ они проходили шутя,—все имъ было легко, ничто не требовало отъ нихъ усилій. Ихъ хвалили и не давали имъ такихъ работъ, надъ совершеніемъ которыхъ они должны бы дѣлать усилія. Они отвыкали отъ работы и въ жизни изъ нихъ часто выходили и выходятъ только остроумные собесѣдники, великіе люди на малыя дѣла, мастера составлять планы, которые они же первые и бросаютъ безъ исполненія, люди легкаго, несерьезнаго дѣла. Затѣмъ дальше изъ такого субъекта развивается или ловкій бонвиванъ и жуиръ, забулдыга, проходимецъ или же меланхоликъ, мнящій себя непризнаннымъ талантомъ. Между тѣмъ неблестящіе, но трудолюбивые школьники, привыкшіе къ напряженію, къ усиліямъ, къ энергичной работѣ, постоянно идутъ впередъ, усовершенствуютъ себя, вырабатываются въ твердыхъ серьезныхъ дѣятелей, которымъ смѣло можно поручить самое большое и отвѣтственное дѣло.

Обращеніе вниманія на степень энергіи и настойчивости, обнаруживаемую учащимися при пріобрѣтеніи знаній, чрезвычайно важно, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что пріучаетъ педагогическій персоналъ школы смотрѣть на учащихся не съ одной, а съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія ума и съ точки зрѣнія характера. Тотъ ученикъ, который признается тупицей въ ученіи, можетъ оказаться весьма талантливымъ по характеру, т. е. съ значительною предпріимчивостью и настойчивостью. Такой ученикъ—не пропащій субъектъ, ему нужно только найти соотвѣтственное поле для дѣятельности, и онъ пойдетъ далеко. Если онъ совсѣмъ неспособенъ къ теоретическимъ знаніямъ, онъ можетъ быть силенъ въ практикѣ.

Чтобы воздѣйствовать обученіемъ на характеръ, необходимо такъ поставить преподаваніе, чтобы каждый по возможности урокъ вызвалъ работу, посильное напряженіе каждаго учащагося, чтобы

всѣ учащіеся постоянно развивали энергію и настойчивость при пріобрѣтеніи знаній. Устроить это трудно, такъ какъ современная школа слишкомъ привыкла цѣнить только успѣхи и мало обращать вниманія на тотъ процессъ, которымъ достигаются успѣхи, а преподаватели привыкли только контролировать знанія учащихся, немного объяснять уроки и больше ничего; обыкновенно они спѣшатъ изъ заведенія въ заведеніе, и имъ нѣтъ времени войти въ душу и положеніе учащихся. Но существенную помощь въ данномъ случаѣ можетъ оказать воспитательскій персоналъ школы, обыкновенно крѣпче привязанный къ заведенію, болѣе сживающійся съ нимъ, чѣмъ учителя. Воспитатели и воспитательницы имѣютъ полную возможность обстоятельно узнать учащихся и ознакомиться со степенью усилій и энергіи, обнаруживаемыхъ ими при школьныхъ занятіяхъ. Подѣлившись своими знаніями съ преподавателями, воспитатели и воспитательницы дадутъ имъ возможность назначать учащимся уроки, требующіе для своего усвоенія напряженія и усилій.

Въ классахъ учащіеся бываютъ различныхъ способностей и подготовки, а программа выполняется всѣми одна, и урокъ задается одинъ всему классу. Понятно, что цѣлый классъ не можетъ дѣлать одинаковыхъ усилій и обнаруживать одинаковую настойчивость при усвоеніи одного и того же урока. Отсюда возникаетъ необходимость нѣсколько видоизмѣнять и разнообразить урокъ, оставляя его одинаковымъ по существу. Такое желаніе не представляетъ чего либо невозможнаго, недостижимаго. Теоретическіе уроки обыкновенно сопровождаются практическими упражненіями, а эти практическія упражненія, всякаго рода задачи и письменныя работы могутъ быть подбираемы, по степени трудности, весьма различныя, примѣнительно къ различнымъ способностямъ и подготовкѣ учащихся. При этомъ было-бы желательно принятый курсъ и программы сдѣлать болѣе подвижными и гибкими, чѣмъ каковы они въ настоящее время, опредѣливъ минимальный предѣлъ курса, а не максимальный какъ нынѣ. Минимальный размѣръ курса далъ бы возможность проходить его шире и основательнѣе съ болѣе способными и подготовленными учащимися и въ это время значительно облегчилъ бы менѣе способныхъ, въ настоящее время вынужденныхъ тянуться, во что бы то ни стало, за болѣе способными.

Другая сторона школы, соприкасающаяся съ образованіемъ характера, есть внѣучебная, которую можно назвать дисциплинарной. При постановкѣ дисциплины слѣдуетъ требовать того же, что мы выше требовали отъ обученія, т. е. чтобы вниманіе педагогическаго персонала школы направлялось не только на результатъ, но и на процессъ. Въ дисциплинѣ результатъ выражается поступками. Если за учащимся числятся проступки, записки въ штрафномъ журналѣ, то его поведеніе оцѣнивается сообразно числу и характеру записанныхъ проступковъ, причемъ мало обращается вниманія на то, что совершается въ душѣ учащагося, что онъ переживаетъ внутри себя, работаетъ онъ надъ своимъ усовершенствованіемъ или нѣтъ, развивается его способность самоуправленія и сдержки или не развивается. Школа судитъ такъ: проступки есть, слѣдовательно учащійся не хорошъ въ большей или меньшей степени. Если проступковъ въ штрафномъ журналѣ за учащимся не значится, то его поведеніе признается весьма хорошимъ, хотя остается неизвѣстнымъ, почему такихъ записей нѣтъ, почему учащійся не совершаетъ поступковъ. Можетъ быть, онъ признаетъ себя нравственно обязаннымъ поступать согласно съ требованіями школьной дисциплины, убѣжденъ въ справедливости и разумности ея требованій; можетъ быть, онъ не совершаетъ проступковъ изъ страха наказанія, въ душѣ считая дисциплинарныя требованія неразумными и лишними; а можетъ быть, онъ и совершаетъ проступки, но умѣетъ ловко скрывать ихъ отъ постороннихъ взоровъ, особенно воспитательскихъ. Если остаются неизвѣстными внутреннія мотивы дѣйствій, тѣ процессы, которые приводятъ къ такимъ или инымъ поступкамъ, то послѣднія съ педагогической точки зрѣнія имѣютъ мало цѣны. Задача дисциплины заключается не въ развитіи исполнительности и послушанія, а въ развитіи способности самоуправленія и разумной мотивировки своихъ дѣйствій. Исполнительность и послушаніе съ педагогической точки зрѣнія, безъ работы надъ самоисправленіемъ и самоусовершенствованіемъ, не имѣютъ цѣны, ибо педагогическія цѣли заключаются въ воспитаніи внутренняго, а не внѣшняго человѣка. Исполнительность и послушаніе, безъ руководства высшими принципами, могутъ направляться и въ хорошую, и въ дурную сторону. Только тогда поступки имѣютъ нравственную и педагогическую цѣнность, когда они выражаютъ соотвѣтствующіе внутреннія про-

цессы, когда они искренно и разумно мотивированы. Поэтому оцѣнка поведенія, взятаго, какъ сумма внѣшнихъ фактовъ, внѣ связи съ вызывающими ихъ внутренними процессами, очень мало характеризуетъ учащагося. Въ школу могутъ поступить два ученика изъ двухъ различныхъ по нравственному складу семействъ, хорошаго и не совсѣмъ хорошаго. Одинъ ученикъ принесетъ въ школу прекрасные задатки, а другой дурные. Въ школѣ они могутъ пойти различными путями: ученикъ съ хорошими задатками можетъ не работать надъ собою, не усовершенствоваться далѣе и даже портиться, понижаться въ своемъ нравственномъ уровнѣ; ученикъ съ дурными задатками можетъ работать надъ собой, становиться лучше, подниматься въ дѣлѣ самоусовершенствованія. И вотъ когда одинъ будетъ опускаться внутренне, а другой подниматься, оба могутъ встрѣтиться на одной точкѣ, и поведеніе обоихъ можетъ быть обозначено одною и тою же отмѣткою. Отмѣтка эта, вообще говоря, можетъ быть хороша, и школа, цѣнящая только поступки, можетъ быть спокойна и довольна. А между тѣмъ по поводу одного ученика школа должна бы бить тревогу, а по поводу другого приходить въ восторгъ, если она цѣнитъ въ учащихся внутреннюю работу, скрытый процессъ самоусовершенствованія. Въ этомъ процессѣ для педагога все дѣло. Внѣшніе проступки его смущать не могутъ, добродѣтель сразу никогда и нигдѣ не получается: она есть результатъ медленнаго и постепеннаго развитія человѣка. Если человѣкъ, хотя и спотыкается, но идетъ, если онъ, хотя и согрѣшаетъ, но старается исправиться и дѣйствительно понемногу исправляется, онъ заслуживаетъ всяческаго одобренія и поддержки. Подобно тому, какъ казавшіеся въ школѣ талантливыми учениками въ жизни очень часто оказываются самыми ординарными людьми, вслѣдствіе недостаточнаго упражненія въ школѣ настойчивости и вообще характера, такъ ученики, казавшіеся въ школѣ самыми дисциплинированными, неукоснительными послушаніемъ и исполнительностью, по выходѣ изъ школы, въ жизни часто оказываются людьми безъ всякой внутренней сдержки, неспособными къ самоуправленію, нуждающимися въ обузданіи силой закона и въ постороннемъ руководствѣ. Откуда такое превращеніе? Да превращенія и не было, они никогда не могли управлять собою. Въ школѣ они были только исполнительны и послушны, по внутрен-

ней работы надъ собою, процесса самоусовершенствованія они не переживали. Когда опека школы была съ нихъ снята, и они остались при своей волѣ, они и оказались людьми внутренне не дисциплинированными, не умѣющими управлять собой и опредѣлять къ другимъ своихъ отношеній.

2.

Объ общественныхъ задачахъ образованія.

Въ устройствѣ и постановкѣ образованія обыкновенно принимаютъ участіе два дѣятеля: государство и общество. Въ различныхъ странахъ и въ различное время положеніе этихъ дѣятелей въ дѣлѣ организаціи образованія было далеко неодинаковымъ,—то общество преобладало надъ государствомъ, то государство надъ обществомъ. На первыхъ порахъ государственной жизни, когда государство только-что складывается, когда оно не достигло широкаго и разнообразнаго развитія, когда его нужны и потребности сравнительно весьма ограничены, оно мало обращаетъ вниманія на воспитаніе и образованіе; въ это время главнымъ дѣятелемъ въ дѣлѣ просвѣщенія является общество—семья, церковь, отдѣльныя лица, частные союзы и ассоціаціи гражданъ, отдѣльныя сословія. Въ такомъ положеніи было нѣкогда народное образованіе даже въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ позднѣе оно сдѣлалось дѣломъ строго государственнымъ. По мѣрѣ развитія государственной дѣятельности, ея осложненія, увеличенія международныхъ сношеній, государство приходитъ къ убѣжденію, что оно не можетъ игнорировать народное образованіе, оставлять его на волю Божью, частныхъ лицъ и обществъ. Конечно, государство имѣетъ дѣло со взрослыми, а не съ дѣтьми, но изъ дѣтей позднѣе вырастаютъ государственные дѣятели, и государству не безразлично, въ какомъ духѣ и направленіи воспитываются будущіе граждане. Поэтому государство, не обращавшее прежде большого вниманія на образованіе, начинаетъ постепенно забирать его въ свои руки, предписывать его формы, характеръ и направленіе, вступать даже

въ борьбу съ обществомъ, которое часто не желаетъ воспитывать своихъ дѣтей въ духѣ и направленіи, признаваемыхъ нужными представителями государства, побѣждать сопротивленіе общества и устроятъ дѣло образованія по своему. Но бываетъ и такъ, что общество твердо держится мысли, что воспитаніе дѣтей и даже ихъ школьное образованіе есть дѣло семейное, родителей, что государство имѣетъ къ этому дѣлу болѣе отдаленное отношеніе, чѣмъ родители и общество, и потому удерживаетъ постановку и организацію воспитанія и образованія въ своихъ рукахъ.

Такимъ образомъ возникаютъ два типа государства въ дѣлѣ организаціи народнаго образованія, въ однихъ образованіе вѣдется преимущественно правительствомъ, въ другихъ обществомъ. Напримѣръ, въ древней Персіи, въ Спартѣ, народное образованіе вѣдалось главнымъ образомъ правительствомъ; въ Англіи, въ Америкѣ вѣдается преимущественно обществомъ. Но собственно не было и нѣтъ такой страны, въ устройствѣ образованія которой одинъ изъ факторовъ образованія—государство или общество—уничтожался бы, приводился къ нулю, и все образованіе исключительно вѣдалось бы либо правительствомъ, либо обществомъ. Общество и государство нераздѣльны, государственный дѣятель есть въ то-же время и членъ общества, семьянинъ, имѣющій связи и отношенія внѣ сферы государственныхъ интересовъ; каждый общественный дѣятель есть гражданинъ государства и исполняетъ государственныя обязанности. Жить только государственною или общественною жизнью нельзя, невозможно и строго раздѣлять общественную и государственную стороны дѣятельности человѣка—онѣ находятся въ неразрывной связи и постоянномъ взаимодѣйствіи.

Какова же въ общихъ чертахъ точка зрѣнія на образованіе государства и какова — общества? Въ чемъ эти точки зрѣнія дополняютъ одна другую, и какія частныя задачи возникаютъ для образованія, какъ скоро мы станемъ на точку зрѣнія общества? Каковы принципы государственной педагогики и каковы частной и общественной.

Государство, какъ своеобразная форма общественной жизни, имѣетъ свои собственные интересы и задачи, объ удовлетвореніи и достиженіи которыхъ оно должно заботиться. Въ государствѣ существуетъ политика внутренняя и политика внѣшняя или между-

народная. Этой двойной политикѣ и подчиняется все въ государствѣ, въ томъ числѣ и народное образованіе. Государство смотритъ на образованіе, какъ на одну изъ сторонъ государственной жизни, образованіе есть одно изъ средствъ удовлетворенія потребностей государства, оно играетъ служебную роль и самостоятельнаго значенія не имѣетъ. Государство заботится, чтобы система образованія и постановка школъ были въ гармоніи съ общегосударственными учрежденіями и порядками, оно подчиняетъ образованіе политикѣ и даже иногда стремится навязать школѣ борьбу съ какими-либо временными явленіями общественной жизни, которыя для государства, по мнѣнію его представителей, оказываются почему-либо неудобными. Такъ какъ непосредственный объектъ дѣятельности государства взрослые, а не дѣти, то понятно, что государство, устрояя дѣло образованія, имѣетъ въ виду будущее дѣтей, иначе сказать, свои государственные интересы, а не положеніе дѣтей въ настоящее время, ихъ дѣтскіе интересы и благо. Государству нужно, чтобы изъ настоящихъ дѣтей вышли современемъ люди, владѣющіе спеціальными знаніями, судьи, инженеры, военные, священники и т. д., и оно заботится, чтобы каждая спеціальность была представлена достаточнымъ числомъ соотвѣтствующихъ школъ, чтобы не было недостатка въ спеціалистахъ, а то государство пострадаетъ. Государство преслѣдуетъ прежде всего цѣли практическаго, прикладнаго образованія, такъ какъ ему нужны различные практики; что касается общаго теоретическаго образованія, то извѣстный минимумъ его государству также нуженъ, иначе и въ военномъ, и въ гражданскомъ дѣлѣ оно встрѣтитъ массу затрудненій. Поэтому, въ своихъ практическихъ интересахъ, государство заботится о распространеніи общаго элементарнаго образованія. Что же касается общаго образованія въ болѣе широкомъ и законченномъ видѣ, то государство признаетъ его въ двухъ видахъ: а) въ болѣе ограниченномъ видѣ для цѣлей прикладнаго, профессіональнаго образованія, такъ какъ серьезное прикладное образованіе невозможно безъ предварительнаго общаго, и б) въ болѣе широкомъ — для избранныхъ, для тѣхъ, изъ которыхъ позднѣе должны формироваться высшіе слои государственныхъ дѣятелей, спеціальное и техническое образованіе которыхъ повредило бы широтѣ ихъ воззрѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самому государству.

Имѣя постоянное дѣло съ большими массами личностей, стремясь къ достиженію общихъ цѣлей, государство естественно и въ дѣлѣ образованія является представителемъ и заступникомъ общихъ началъ, закона, системы, а не интересовъ отдѣльныхъ лицъ. Оно вырабатываетъ уставы школъ разныхъ категорій, опредѣляетъ ихъ программы и взаимныя отношенія; оно заботится, чтобы школьное дѣло шло стройно и гладко, чтобы все во время начиналось и кончалось, чтобы изъ классъ въ классъ переходило не менѣе извѣстнаго процента учащихся, не было бы много исключенныхъ изъ заведеній и т. п. Отдѣльныя лица и ихъ интересы предъ государствомъ стираются, учащіеся, какъ живыя самостоятельныя личности, исчезаютъ, вмѣсто нихъ оно имѣетъ дѣло съ числами, процентами и таблицами. Государство защищаетъ единообразіе и твердый порядокъ въ школьномъ дѣлѣ, разнообразіе учебныхъ системъ и курсовъ ему представляется излишней пестротой, ненужною вещью, оно легко поддается всякимъ новшествамъ и измѣненіямъ и скорѣе бываетъ склонно къ нѣкоторой рутинѣ и формализму. Собственно государство только управляетъ образованіемъ, но не изобрѣтаетъ педагогическихъ системъ и принциповъ. Твердое и послѣдовательное проведеніе признанной правильною образовательной системы, достиженіе общегосударственныхъ цѣлей, законъ, порядокъ—вотъ что важно государству въ дѣлѣ образованія, а не педагогія и успѣхъ отдѣльныхъ личностей, до всесторонняго и гармоническаго развитія которыхъ ему дѣло мало.

Общество (разумѣемъ родителей и ихъ различныя ассоціаціи) встрѣтится съ государствомъ во многихъ пунктахъ, оно также будетъ настаивать и на заботѣ о физическомъ здоровьѣ учащихся и на развитіи характера и національности и т. д., но постановка этихъ задачъ, ихъ мотивы будутъ совсѣмъ иные, чѣмъ у государства. Государство какъ-бы стоитъ на высотѣ и съ вершины горы смотритъ на образованіе, всѣ личности для него исчезаютъ, оно видитъ только общія задачи, государственныя цѣли, порядокъ и связь различныхъ категорій школъ; личности колышатся гдѣ-то далеко внизу, до нихъ не достигаетъ взоръ съ горы. Общество, наоборотъ, находится внизу, у него передъ глазами, на первомъ планѣ дѣти, ихъ оно постоянно видитъ, за ними слѣдитъ, о нихъ

думаетъ. Школа для общества есть нѣчто болѣе далекое, чѣмъ дѣти; государственныя задачи и цѣли образованія еще дальше. Родители имѣютъ дѣло не съ уставами и законоположеніями школъ, а съ своими дѣтьми, успѣхи и неуспѣхи которыхъ ихъ и интересуютъ. Школа, по мнѣнію родителей, есть служебное орудіе прежде всего для дѣтей, школьные порядки и уставы должны имѣть въ виду благо дѣтей. Какой смыслъ въ самыхъ прекрасныхъ уставахъ и въ самыхъ превосходныхъ порядкахъ, если при этихъ уставахъ и порядкахъ дѣти чувствуютъ себя плохо, если имъ тяжело, нерадостно? Школы не могутъ процвѣтать, если учащимся въ нихъ живется нехорошо, школы безъ дѣтей, одними программами и законоположеніями прогрессировать не могутъ; школа не есть зданіе, не есть собраніе школьныхъ законоположеній и уставовъ, школа прежде всего и больше всего есть собраніе дѣтей, учащихся. Не дѣти для школы, а школа для дѣтей. Школа должна отвѣчать потребностямъ дѣтей и жизни, не должна впадать въ рутину, должна итти въ уровень съ развитіемъ науки и общественной жизни. Руководителямъ школъ родители предъявляютъ требованіе, чтобы они входили въ положеніе дѣтей, не игнорировали ихъ личныхъ особенностей; общество требуетъ отъ всѣхъ представителей и дѣятелей школы сердечнаго и теплаго отношенія къ учащимся, а не формальныхъ мѣропріятій на почвѣ общихъ узаконеній; оно требуетъ, чтобы отдѣльныя воспитываемыя лица не тонули и не растворялись въ общей учащейся массѣ, чтобы живая дѣтская личность не признавалась только числомъ, процентомъ, дробью.

Такимъ образомъ государство и общество въ своихъ взглядахъ на образованіе исходятъ изъ различныхъ точекъ зрѣнія. Точка зрѣнія государства есть общая, внѣшняя, практическая, имѣющая въ виду благо не столько самого воспитываемаго индивидума, сколько блага государства; точка зрѣнія общества есть внутренняя, индивидуалистическая, гуманная, прежде всего и выше всего ставящая развитіе и благо личности. Для государства выше всего политика, государственный интересъ, все равняющій, все приводящій къ одному знаменателю законъ, для общества—живая своеобразная дѣтская личность, обыкновенно плохо укладывающаяся въ общія рамки и формы, имѣющая свои совершенно законные интересы.

Логически разсматривая точки зрѣнія государства и общества на образованіе и то, что вытекаетъ для образованія изъ этихъ точекъ зрѣнія, мы должны признать ихъ значительно различными. Но при различіи онѣ не противорѣчивы, не несоединимы. Каждая изъ нихъ, взятая сама по себѣ, совершенно правильна и законна, такъ какъ она обусловливается сущностью государства или общества; но въ то же время каждая изъ нихъ односторонняя, ставитъ только извѣстный рядъ задачъ. Общественная точка зрѣнія на образованіе есть индивидуалистическая и психологическая, сводящая задачи образованія къ удовлетворенію потребностей психофизіологическаго организма человѣка, расцѣнивающая всѣ воспитательные вопросы по отношенію къ природѣ дѣтей; государство видитъ въ дѣтяхъ только будущихъ гражданъ, дѣтскими потребностями интересуется настолько, насколько это необходимо, чтобы образовать полезныхъ, практичныхъ дѣятелей въ будущемъ. Поэтому государство не только требуетъ практичности отъ образованія, но готово бываетъ заставлять служить школу потребностямъ текущей политики. Общество имѣетъ въ виду прежде всего благо отдѣльныхъ лицъ, государство — общее благо; общество защищаетъ свободу образованія и необходимость примѣненія его къ воспитываемымъ; государство склонно бываетъ къ принудительности и единообразію образованія, къ провозглашенію одной какой-либо образовательной системы единственно правильной.

Очевидно, что эти двѣ точки зрѣнія дополняютъ одна другую, отъ соединенія ихъ и получается правильный и широкій взглядъ на задачи и постановку образованія: оно должно служить цѣлямъ развитія дѣтей, какъ психофизіологическихъ организмовъ, и не оставлять безъ вниманія потребности жизни, тѣ практическія задачи, которыя ставитъ и необходимо должно ставить образованію государство. Какъ именно соединить указанныя двѣ точки зрѣнія, въ какой пропорціи сочетать въ образованіи задачи общественныя и государственныя, какъ поставить такое образованіе — эти вопросы не могутъ быть обсуждаемы въ настоящей статьѣ. Изъ необходимости соединенія обѣихъ точекъ зрѣнія для правильной постановки образованія и ихъ непротиворѣчивости при различіи слѣдуетъ, что практически онѣ не всегда строго раздѣляются, государственный дѣятель въ сферѣ образованія нерѣдко преслѣдуетъ и общественныя

педагогическія задачи, а общественный дѣятель подчасъ становится на государственную точку зрѣнія и защищаетъ въ образованіи интересы государства.

3.

О саморазвитіи и воспитаніи.

Самовоспитаніе есть одно изъ важнѣйшихъ явленій въ культурѣ цѣлыхъ народовъ и отдѣльныхъ лицъ. Масса, большинство человѣчества не получаетъ никакого ни воспитанія, ни образованія, такъ называемыхъ, и ограничивается самообразованіемъ; изъ получающихъ образованіе большинство довольствуется элементарнымъ, нерѣдко довольно плохо поставленнымъ, а затѣмъ во всемъ прочемъ прибѣгаетъ къ тому же самообразованію; многіе, получающіе среднее и даже высшее образованіе, получаютъ его не соотвѣтствующе ихъ природнымъ способностямъ и расположеніямъ, такъ что быстро теряютъ пріобрѣтенное, дѣйствуя въ жизни по даннымъ самообразованія; наконецъ, образовательный періодъ оканчивается довольно рано, а жизнь сравнительно долга; въ школѣ всему нужному выучиться нельзя, а потому по пословицѣ: «вѣкъ живи, вѣкъ и учись», т. е. самообразуйся, не разсчитывай на, такъ называемыя, воспитаніе и образованіе...

Ничѣмъ неискоренимое стремленіе человѣка къ самообразованію лежитъ въ самой его природѣ, обусловливается самымъ существомъ его. Каждый организмъ есть самодѣятельное начало, носящее въ самомъ себѣ источникъ дѣятельности. Внѣшнія впечатлѣнія играютъ для него роль возбудителей, поводовъ для обнаруженія собственной дѣятельности, а не воспринимаются прямо и непосредственно. Уже физическій организмъ есть такое самодѣятельное начало, онъ ничего не воспринимаетъ прямо, а постоянно перерабатываетъ, развиваетъ собственную дѣятельность.

Въ духовномъ отношеніи мы встрѣчаемъ то же явленіе. Душа наша также есть своеобразный организмъ, все переработывающій, все измѣняющій, постоянно, по поводу внѣшнихъ впечатлѣній, развивающій собственную дѣятельность; въ душѣ нѣтъ оконъ и дверей. Мы не можемъ переложить свои знанія, свои идеи и чувства изъ своей головы въ чью бы то ни было чужую голову и

сердце; мы можемъ только пытаться возбуждать ихъ въ другомъ умѣ соотвѣтствующими впечатлѣніями, вызывать другого на такую собственную дѣятельность, въ результатѣ которой получились бы извѣстныя мысли и чувства. Поэтому и бываетъ, что сколько мы ни толкуемъ иному собесѣднику про занимающее насъ дѣло, никакъ не можемъ вызвать въ немъ той идеи, которая такъ ясна нашему уму; поэтому мы видимъ, что иной человѣкъ бываетъ не въ состояніи понять прелести извѣстнаго волненія — дружбы, великодушія, пощады врага и т. д., между тѣмъ какъ мы сами совершенно отчетливо переживаемъ это волненіе. Искусство умственнаго и нравственнаго воспитанія есть искусство возбужденія сердца и ума учащихся, а не простого сообщенія свѣдѣній и назиданія. Въ силу такой самодѣятельности организма дѣти и оказываются мало послушными указаніямъ родителей, охотно выполняющими свои желанія, дѣйствующими по собственному почину и упорно уклоняющимися отъ руководительства взрослыхъ; поэтому въ ихъ глазахъ и для ихъ ума часто повторяющаяся фраза: «я такъ хочу»— самое высшее доказательство, препобѣждающее самые разумные, логичные и даже очевидные доводы.

Къ основному свойству нашего организма — самодѣятельности, нужно еще прибавить спеціальную наслѣдственность каждаго. Нашъ организмъ весьма сложная машина, и разныя его части и отдѣльные органы весьма различнаго происхожденія. Въ нашемъ организмѣ заключены наши предки; нашъ организмъ создавался медленною работою множества поколѣній. Одинъ изъ нашихъ предковъ оставилъ намъ предрасположеніе къ какой либо болѣзни, другой усовершенствовалъ извѣстный органъ, третій ослабилъ такую-то часть тѣла, четвертый далъ въ наслѣдство своеобразную привычку и т. д. Наши предки продолжаютъ жить въ нашемъ организмѣ, въ свойствахъ его различныхъ органовъ; нашъ организмъ, его силы и слабость представляютъ нашу родословную, исторію нашихъ самыхъ отдаленныхъ родичей. Наслѣдственность каждаго отдѣльнаго человѣка различна, а потому и самодѣятельность его организма также будетъ неодинакова. Каждый организмъ непроизвольно стремится искать подходящій для себя матеріалъ, соотвѣтствующую его природѣ пищу, а потому мало способенъ подчиняться общему и шаблонному руководству родителей и школьныхъ учителей. Родители, воспитатели, учителя подступаютъ къ

каждому воспитываемому съ готовыми общими схемами, правилами, методами, а личная своеобразность организма не укладывается въ готовые шаблоны, не мирится съ общеустановленными мѣропріятіями и ищетъ себѣ своихъ собственныхъ путей и средствъ для развитія; другими словами, самодѣятельный организмъ невольно отшатывается отъ обыкновенныхъ образованія и воспитанія и прибѣгаетъ къ самообразованію и самовоспитанію. Это естественная необходимость, противъ которой спорить нельзя, ее нужно взять за основу при созданіи воспитательныхъ теорій и системъ и при организаціи различныхъ воспитательныхъ и учебныхъ заведеній, если только желательна полная разумность ихъ организаціи.

Важное, коренное значеніе самообразованія въ развитіи человѣка дастъ новую точку зрѣнія на отношеніе между самообразованіемъ и образованіемъ. Обыкновенно дѣло стоитъ такъ: всѣ самымъ усиленнымъ образомъ заботятся о распространеніи и организаціи учебныхъ заведеній, совсѣмъ не помышляя о самообразованіи. Если оно получится само собой, въ видѣ добавочнаго плюса къ образованію, то хорошо; если нѣтъ, то и безъ него можно обойтись. Сущность дѣла заключается въ сообщеніи извѣстнаго количества свѣдѣній по опредѣленной программѣ. На самомъ дѣлѣ отношеніе между самообразованіемъ и образованіемъ должно быть совершенно иное, главенствующимъ и господствующимъ явленіемъ должно быть самообразованіе, а вспомогательнымъ образованіе. Всѣ учебные курсы, всѣ учебныя заведенія должны быть такъ устроены, чтобы они содѣйствовали лучшему и удобнѣйшему совершенію процесса самообразованія...

Учебныя заведенія должны быть такъ организованы, чтобы у учащихся былъ постоянно досугъ для самостоятельныхъ занятій любимыми предметами, чтобы ихъ время не заполнялось сплошь общей съ другими работой. Наша старая школа, при всемъ несовершенствѣ своихъ методовъ, имѣла то существенное преимущество предъ новой, что всегда предоставляла учащимся достаточно свободнаго времени для ихъ собственныхъ личныхъ дѣлъ, не стремилась контролировать каждый ихъ шагъ, не вторгалась въ святая святыхъ учащихся, словомъ, давала возможность самообразованія. Новая школа, при сравнительномъ совершенствѣ своихъ методовъ, подавляя потребность самообразованія, не давая времени и средствъ для ея

удовлетворенія, часто оказывается менѣе благотворной для учащихся, чѣмъ старая.

Само собой разумѣется, что, выдвигая на первое мѣсто въ дѣлѣ развитія человѣка самовоспитаніе и подчиняя ему образованіе, мы далеки отъ того, чтобы уменьшать громадное значеніе послѣдняго. Образованіе и его органъ—школа—великія силы, но нужно правильно понимать сущность и отношенія этихъ великихъ образовательныхъ силъ къ другимъ. Не школа и не образованіе есть источникъ самовоспитанія и самообразованія, а, наоборотъ, самовоспитаніе есть основа школы. Школа есть не что иное, какъ примѣненіе къ дѣтямъ началъ воспитанія.

Такимъ образомъ основа школы и источникъ ея успѣха и усовершенствованія есть саморазвитіе человѣка, примѣненіе къ школьному обученію тѣхъ началъ, которыми совершаются самовоспитаніе и самообразованіе. Конечно, такое отношеніе школы къ саморазвитію не уменьшаетъ значенія и вліянія образованія, но тѣмъ не менѣе ставитъ его на надлежащее мѣсто, показывая его зависимость отъ другихъ, болѣе глубокихъ и могучихъ, факторовъ. Отсюда понятно, какъ вредно дѣйствуетъ такая система образованія, которая все разсчитываетъ лишь на усвоеніе, на обученіе, на учебники, не удѣляя ни вниманія, ни времени самовоспитанію.

Обязанность наша къ будущимъ поколѣніямъ заключается въ самовоспитаніи. Какъ въ нашемъ организмѣ живутъ наши предки, такъ въ организмѣ будущихъ поколѣній будемъ мы жить сами. Мы должны поэтому то, что получили отъ предковъ, передать потомкамъ не только въ сохранности, но по возможности, улучшеннымъ и увеличеннымъ. Такимъ образомъ работа надъ своимъ самоусовершенствованіемъ составляетъ самую существенную нашу обязанность по отношенію къ будущимъ поколѣніямъ [1]).

Конецъ.

---

[1]) Изъ статьи „О саморазвитіи и самовоспитаніи“ журн. Образованіе № 1, 1897 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе.

I. Поученіе Владиміра Мономаха (отрывокъ) 2
II. Древне-русская Пчела (отрывки). 7
III. Домострой. 9
1. Како дѣтей своихъ воспитати во всякомъ наказаніи и страсе Божіи 10
2. Како дѣтей учити и страхомъ спасти 11
IV. Уставъ Луцкой школы 12
V. Симеонъ Полоцкій. 17
Педагогическіе взгляды Симеона Полоцкаго 19
VI. Рукописный памятникъ XVIII в.. 30
VII. Св. Димитрій Ростовскій 34
1. Мудрые совѣты родителямъ. 35
2. О долгѣ матерей 37
VIII. И. И. Бецкой 38
1. Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества. 41
2. Краткое наставленіе, выбранное изъ лучшихъ Авторовъ съ нѣкоторыми физическими примѣчаніями о воспитаніи дѣтей отъ рожденія ихъ до юношества 46
IX. Императрица Екатерина II. 57
Инструкція князю Н. И. Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей. 59
X. Митрополитъ Платонъ 69
О воспитаніи 70
XI. Ѳ. И. Янковичъ-де Міріево 75
1. Изъ руководства учителямъ перваго и второго класса народныхъ училищъ Россійской Имперіи 77
2. О любви къ отечеству (изъ книги о должностяхъ человѣка и гражданина) 86
XII. Г. С. Сковорода. 88
1. О значеніи воспитанія. 90
2. О народномъ воспитаніи . . . . . —
3. Глава дѣла. 91
XIII. А. А. Прокоповичъ-Антонскій 92
О воспитаніи 93

Стр.

XIV. Н. И. Новиковъ 102
О воспитаніи и наставленіи дѣтей для распространенія общеполезныхъ знаній и всеобщаго благополучія 104
XV. Кн. П. Енгалычевъ 111
1. Воспитаніе физическое и нравственное. 112
2. Дары, таланты, дарованія. 115
3. Слово, даръ слова. 116
XVI. И. И. Давыдовъ. 118
О согласованіи воспит. съ развит. душевныхъ способностей. 119
XVII. Архіепископъ Евсевій 125
1. Какъ должно воспитывать. 127
2. Кто можетъ воспитывать?. 128
3. Польза и необходимость воспитанія. 131
4. Образованіе внутренняго воззрѣнія 133
5. Раскрытіе прекрасныхъ свойствъ невиннаго дѣтства. . . . 134
XVIII. Н. И. Пироговъ 136
1. Задачи воспитанія—приготовить людей 139
2. О высокомъ значеніи женщины. 140
3. Ищи быть и будь человѣкомъ. 142
4. Быть и казаться 143
5. О задачахъ университетскаго образованія. 146
6. Школа и жизнь. 149
7. О профессорскомъ институтѣ 151
XIX. П. Г. Рѣдкинъ. 152
1. Что такое воспитаніе 154
2. Объ университетскомъ и гимназическомъ преподаваніи . . 162
3. О научномъ творчествѣ и научныхъ идеалахъ. 167
XX. П. Д. Юркевичъ 169
1. Понятія о задачахъ педагогики. 171
2. Необходимость и обязанность воспитанія. 174
3. Идеи и силы 175
4. Нравственная личность воспитателя 177
5. Знаніе и умѣнье 179
6. Голова и сердце. 180
7. Любовь къ добру 181
XXI. К. Д. Ушинскій 183
1. О народности въ общественномъ воспитаніи. 186
2. Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи . 192
3. Къ вопросу о народныхъ школахъ. 195
4. Дѣтскіе сады. 197
5. Родное слово 198
XXII. С. С. Гогоцкій. 201
1. Значеніе педагогики 202
2. Нравственное воспитательное образованіе 203

Стр.

XXIII. Баронъ Н. А. Корфъ. 207
1. Что нужно для того чтобы состоялась толковая школа въ селѣ? 208
2. Міровѣдѣніе.. 212
3. Чтеніе сознательное и выразительное 214
XXIV. В. И. Водовозовъ. 216
Идеалъ народнаго учителя.. 217
XXV. В. Я. Стоюнинъ 226
1. Чего не досказали намъ нѣмецкіе педагоги 227
2. Идеальная школа 231
3. Задачи общаго образованія 236
XXVI. Л. Н. Модзалевскій. 238
1. Требованія прагматической исторіи педагогики. 239
2. Задачи для исторіи педагогики 240
3. Значеніе исторіи педагогики. 241
4. Источники для составленія исторіи педагогики. 242
XXVII. Графъ Л. Н. Толстой 243
1. О народномъ образованіи. 245
2. О педагогическомъ значеніи Библіи 247
3. О писаніи сочиненій ребятами въ школѣ. 250
4. Воспитаніе и образованіе. 252
5. Мысли о воспитаніи 257
XXVIII. С. И. Мпропольскій. 258
1. Въ какихъ формахъ и способахъ возможна подготовка народнаго учителя къ своему дѣлу? 259
2. Школа, какъ сила экономическая и моральная. 263
XXIX. Н. Ѳ. Бунаковъ. 266
1. Задачи народной школы. 267
2. Національное и нравственное воспитаніе 268
XXX. С. А. Рачинскій. 271
1. Объ особенностяхъ сельской школы 272
2. Объ ученикахъ сельской школы 277
3. Что даетъ сельская школа своимъ ученикамъ. 280
XXXI. Н. Г. Дебольскій 287
1. О средствахъ воспитанія. 289
2. Положительная цѣль женскаго образованія. 297
XXXII. А. Н. Острогорскій. 299
1. Справедливость въ школьной жизни 301
2. О національномъ воспитаніи 304
3. О справедливости, доброжелательствѣ и любви 311
XXXIII. П. Ѳ. Каптеревъ 315
1. Что можетъ сдѣлать школа для развитія характера учащихся? 318
2. Объ общественныхъ задачахъ образованія 325
3. О саморазвитіи и самовоспитаніи. 331

Алфавитный указатель

фамилій авторовъ, біографій и отрывкп статей которыхъ вошли въ „Русскую педагогику въ главнѣйшихъ ея представителяхъ".

Стр.

1. Бецкой И. И.. 38
2. Бунаковъ Н. Ѳ.. 266
3. Владимиръ Мономахъ. 1
4. Водовозовъ В. И. 216
5. Гогоцкій С. С. 201
6. Давыдовъ И. И. 118
7. Дебольскій Н. Г. 287
8. Димитрій (Св.) Ростовскій. 34
9. Евсевій архіепископъ 125
10. Екатерина II Великая. 57
11. Енгалычевъ кн. Парѳеній 111
12. Каптеревъ П. Ѳ. 315
13. Корфъ баронъ Н. А. 207
14. Миропольскій С. И. 258
15. Модзалевскій Л. Н. 238
16. Новиковъ Н. И.. 102
17. Острогорскій А. Н. 299
18. Пироговъ Н. И. 136
19. Платонъ митрополитъ. 69
20. Полоцкій Семеонъ 17
21. Прокоповичъ-Антонскій А. А. 92
22. Рачинскій С. А. 271
23. Рѣдкинъ П. Г. 152
24. Сковорода Г. С.. 88
25. Стоюнинъ В. Я.. 226
26. Толстой гр. Л. Н. 243
27. Ушинскій К. Д. 183
28. Юркевичъ П. Д. 169
29. Янковичъ-де-Мирієво Ѳ. И. 75

Московская Центральная
Публичная Библіотека.